

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ Г. МОСКВЫ
«МОСКОВСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР»**

**РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ
ИМ. ПАТРИСА ЛУМУМБЫ**

**СОВРЕМЕННЫЙ МЕДИАТЕКСТ
И СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА:
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ СВЯЗИ И
ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА**

**Сборник научных работ по итогам Международной научно-
практической конференции «Современный медиатекст и судебная
экспертиза: междисциплинарные связи и экспертная оценка»
(Москва, 12-13 октября 2023 г.)**

Москва 2023

УДК 81
ББК 81
Ф 94

Редакционная коллегия:

П. А. Катъшев, доктор филологических наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

И. В. Огорелков, кандидат филологических наук, ГБУ г. Москвы «Московский Исследовательский Центр»

Рецензенты:

А. Н. Баранов, доктор филологических наук, профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

В. В. Барабаш, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

Ф 94 Современный медиатекст и судебная экспертиза: междисциплинарные связи и экспертная оценка: сборник научных работ по итогам Международной научно-практической конференции «Современный медиатекст и судебная экспертиза: междисциплинарные связи и экспертная оценка» (Москва, 12-13 октября 2023 г.). – Москва: ООО «СОЮЗКНИГ», 2023. – 400 с.

ISBN 978-5-6049239-4-8

Статьи посвящены исследованию актуальных вопросов лингвистической теории и экспертной практики в отношении вербальных правонарушений, совершаемых в медиасреде. Представлены работы об исследовании вопросов лингвистической семантики и дискурс-анализа медиатекстов в приложении к задачам лингвистической экспертизы, разработки и применения методов лингвистической диагностики и идентификации языковой личности, а также внедрения достижений компьютерной, когнитивной лингвистики и психолингвистики в судебно-экспертную практику.

УДК 81
ББК 81

© ГБУ г. Москвы «Московский Исследовательский Центр», 2023

ISBN 978-5-6049239-4-8 ООО «София», ООО «Союзкниг»

Содержание

Акинина А. В.

*Комплексность как необходимый подход к экспертизе
товарных знаков в медиасреде* 8

Бабук А. В.

*Семиотика эмодзи и выявление вербальной угрозы
в текстах интернет-коммуникации при проведении
судебной лингвистической экспертизы в республике беларусь* 16

Баринова Ю. В.

*Трудности интерпретации высказываний в медиатекстах
в рамках дел о защите чести, достоинства и деловой репутации* 34

Батюшкина М. В.

*Законодательная терминология в сфере цифровизации:
номинативный и дефиниционный аспекты* 42

Белова П. Е., Сафарян А. К.

*Автоматизация процесса поиска побуждений
и извлечения их из текста* 46

Брусенская Л. А.

Прагматика грамматических форм в современном медиадискурсе 57

Венгранович М. А.

*«Такая разная ирония»: от стилистического приема –
к диффамации* 62

Голев Н. Д., Иркова А. В.

*Антикоррупционная экспертиза: лингвистические основы и
компьютерные технологии их реализации* 70

4	Грачев М. А. <i>Религиозные экстремистские секты в россии в прошлом и настоящем: на примере секты скопцов и «свидетелей иеговы».....</i>	78
	Громова А. В. <i>Новое в методическом обеспечении лингвистических и автороведческих экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях системы мвд россии</i>	86
	Доронина С. В. <i>Профессиональная языковая личность как предмет судебной экспертизы.....</i>	92
	Дударева Я. А. <i>Производность как показатель сходства и различия языковых знаков: лингвоюридический аспект рассмотрения</i>	97
	Зайцева О. В. <i>Педофильский дискурс: основные термины, культурные артефакты и особенности маркировки порнографической продукции</i>	103
	Захаров Р. И. <i>«Поздравительная открытка» как потенциальный объект судебно-лингвистической экспертизы.....</i>	108
	Зюбина И. А. <i>Психолингвистический эксперимент по выявлению конфликтогенности в медиадискурсе.....</i>	120
	Иваненко Г. С. <i>Передача чужого текста: интерпретации и искажения в аспекте юридизации</i>	127
	Казанцева И. Л. <i>Дисклеймер как существенная часть объекта лингвистической экспертизы.....</i>	133
	Кичева И. В. <i>К вопросу о лингвистической экспертизе материалов, содержащих признаки реабилитации нацизма.....</i>	139

Крадожён-Мазурова Е. М.

К вопросу об особенностях лингвистической экспертизы по защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию .. 146

Красса С. И.

Снятие неоднозначности ключевых слов в экспертизе медиатекста 153

Кривошапова Н. В.

Лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении представителей власти 161

Кужевская Е. Б.

Психологический и прагмалингвистический экспертный анализ медиадискурса 171

Куликова Э. Г.

Этика и эстетика обращения в медиадискурсе 177

Лаптева А. В., Раскина О. А., Свирава Т. Н.

Исследование материала с провокационным заголовком на предмет наличия специальных признаков пропаганды и побуждения к употреблению наркотических средств (экспертный случай) 182

Макашова В. В.

Дезинформация как оружие массового поражения: проблема диагностики 190

Малюка А. А.

Типичные недостатки и ошибки при назначении и производстве лингвистической экспертизы по делам об оскорблении 204

Маркелова Т. В.

Прагмема-конфликтотен и её свойства в медиадискурсе 210

Меркулова И. А.

Прозвище как оскорбительный антропоним 216

Моштылева Е. С.

Повествователь в интернет-коммуникации: особенности экспликации в рамках нарративного моделирования 224

Нефляшева И. А.

*Исламский дискурс в сетевой межличностной коммуникации:
вопросы экспертного описания* 229

Новикова Л. М.

*Лингвосемиотические особенности медиадискурса:
вербальные маркеры манипуляции* 238

Новичихина М. Е.

*Феномен описательности в лингвистической экспертизе
товарных знаков* 246

Новожилова Е. В.

*Конкретность, обособленность и дискретность
речевых объектов*..... 251

Палеха Е. С.

Чувства верующих: проблемы выявления маркеров оскорбления..... 257

Панова М. Н.

Административный лексикон: традиции и новации..... 264

Радбиль Т. Б.

*Выявление и экспертная квалификация негативно-оценочной
информации о лице в свете корпусного анализа интернет-медиа* 275

Распопова Т. А.

*Речевой акт обвинения в социальных сетях:
семантика и прагматика* 286

Ращибуурская Л. В.

Рискогенные зоны в современном медийном словотворчестве..... 294

Руденко В. А., Фащевская А. П.

*Медиатекст блогера как инструмент влияния на аудиторию: вербальная
и невербальная угрозы с точки зрения судебной экспертизы* 300

Сиддик А. М.

*Структурно-семантические особенности устойчивых сравнений,
характеризующих человека (на материале русского
и арабского языков)*..... 304

Третьякова Д. В.

Влияние макроструктуры текста на создание негативного образа организации в практике экспертного исследования..... 312

Фахим Ваиль Ибрагим

Функционирование прецедентных феноменов..... 329

**Хоменко А. Ю., Касимова Л. Н., Сычугов Е. М.,
Комратова А. Д., Галкин Н. В., Титова А. А.**

Диагностика ауто- и гетероагрессии методами психолингвистики... 337

Шарифзаде Кермани Лида

Роль перевода и произношения в качестве средства массовой информации (СМИ)..... 362

Шлемова Н. Н.

Коллизия правовой и коммуникативной эффективности в сетевых рекламных медиатекстах (из опыта лингвоэкспертной деятельности)..... 369

Щербак А. С.

Лингво-этимотиконная форма репрезентации знания в семантическом пространстве медиатекста..... 376

Яремчук А. В.

Неологизация как системный процесс русского языка..... 385

Gulafshan Salam Khan

A critical review of digital games for learning..... 392

*А. В. Акинина
akinina21@mail.ru
магистр филологии, независимый эксперт
Новоалександровск, Россия*

КОМПЛЕКСНОСТЬ КАК НЕОБХОДИМЫЙ ПОДХОД К ЭКСПЕРТИЗЕ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ В МЕДИАСРЕДЕ

Аннотация. В статье поднимается вопрос о необходимости рассматривать товарный знак в экспертной практике только комплексно, обязательно с применением специальных знаний из разных областей. Такой подход обусловлен современным состоянием общества, предполагающим неизбежное взаимопроникновение областей знаний для успешной деятельности.

Ключевые слова: товарный знак; экспертиза товарных знаков; междисциплинарность; комплексность; креолизованный текст.

Современные условия коммуникации предполагают расширение границ медиасреды и само понятие текста. В современной коммуникации, имеющий устойчивую тягу в визуализации, особую важность приобретает поликодовое сообщение (креолизованный текст) как особый объект исследования в экспертной практике.

«В поликодовых сообщениях обнаруживается взаимное сцепление нескольких знаковых систем, объединённых в семиотический комплекс» [6, с. 87]. Такой объект, как товарный знак (знак обслуживания) в полной мере отвечает параметру сцепления нескольких знаковых систем, соответственно, как тексты (креолизованные тексты) можно и нужно рассматривать такие объекты, как средства индивидуализации товаров и услуг (в частности, товарные знаки). Понятия «медиаминация», «коммерческая номинация» и вообще понятия «номинация» по отношению к ним в современных условиях экспансии интернет-среды в реальную жизнь и деловую практику недостаточно.

Очевидно, что для исследования подобных объектов необходим междисциплинарный подход. Как, кстати, и для их создания. Отметим, что в рабочую группу по разработке товарных знаков специалисты включают ни много ни мало: арт-директора, дизайнера, копирайтера (либо редактора), иллюстратора (либо фотографа), программиста и патентного поверенного [1, с. 24-27].

Говоря о междисциплинарном подходе, технически мы вторгаемся в сферу комплексной экспертизы. «На сегодняшний день междисциплинарные исследования являются наиболее актуальными, соответствуют духу времени и запросам практики, поскольку использование потенциала разных

наук существенно расширяет познавательные возможности исследователя и, соответственно, способствует полному и всестороннему исследованию объекта. В судебно-экспертной деятельности (СЭД) данные исследования проводят при производстве комплексных экспертиз. <...> Эффективность их производства зависит от решения нескольких проблем (1) организационно-правовой, включающей регулирование и регламентацию СЭД (2) методологической, что подразумевает четкое определение предмета исследования, конкретизацию задач, определение компетенции экспертов и понятийного аппарата каждого рода (вида) судебной экспертизы, и (3) информационно-методической: подготовку и повышение квалификации обладающих необходимым компетенциями экспертов, а также и информационного и методического обеспечения производства экспертиз» [8, с. 7].

Говоря о комплексной экспертизе, необходимо ограничивать ее от комплекса исследований, при котором каждое исследование совершенно автономно, эксперты не обсуждают друг с другом выводы (а порой и не знают, какие выводы сделал коллега), а результирующий вывод формулируется неким отдельным председателем рабочей группы. Комплексная экспертиза предполагает иной подход, который в российской экспертной практике в рамках судебной лингвистики успешно отработан Минюстом при производстве экспертиз по делам об экстремизме: «При исследовании экстремистских и террористических материалов лингвистическая и психологическая экспертизы не являются комплексом экспертиз, объединенных единым объектом исследования. Они не могут быть проведены последовательно, одна за другой (как, например, не составляет комплекса и может быть установлено дословное содержание звучащего текста), а должны проводиться только комплексно. В комплексной экспертизе лингвистические и психологические методы используют не суммарно, а интегративно, в результате чего получают не сложение (набор), а совокупность признаков.

Результаты комплексной экспертизы способствуют установлению объективной стороны преступления, в то время как результаты лингвистической (например, по «возбуждению вражды») не содержат информации о направленности материала, а сообщают только о негативном отношении автора к группе лиц и враждебным действиям против них, что недостаточно для доказательства факта возбуждения вражды и справедливо вызывает у правоприменителя вопрос о цели проявления такого негативного отношения. При комплексной экспертизе устанавливаются все компоненты значения, имеющиеся в сообщении: содержательный (предметно-тематический), оценочно-экспрессивный и целевой. Также ограничены возможности лингвистической экспертизы при оценке материала по значению «унижение достоинства человека» (ст. 282 УК РФ)» [8, с. 8].

Можно ли таковой подход распространить на исследование товарного знака в медиасреде? Можно ли говорить о необходимости его исследования не в рамках комплекса отдельных экспертиз, а при помощи комплексной экспертизы, предполагающей интегративный подход, суммирование методик? Да, поскольку даже словесный товарный знак заведомо сочетает гра-

10 | фические и семантические признаки, и, как мы убедились, уже в момент создания задействует целую команду специалистов.

В Минюсте еще 10 лет назад возникла идея пересмотра концепции комплексности, основанной на профессиональном подходе, то есть такой, которая предусматривает производство комплексной экспертизы экспертами **разных** специальностей. Особенно активно обсуждения велись в 2014-2015 годах, в журнале «Теория и практика судебной экспертизы» были опубликованы несколько коллективных статей» [5, 9, 11, 12] с предложением нового подхода, а в 2015 году было выпущено пособие ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России «Проблемы комплексности в теории и практике судебной экспертизы (теоретический анализ)».

На фоне существования целого ряда теорий вопрос о реальной практике производства комплексных экспертиз (а именно о возможности производства таких экспертиз единолично экспертом, в равной степени владеющим разными экспертными специальностями) по-прежнему не урегулирован ни в действующем законодательстве, ни в широко обсуждаемых поправках к проекту федерального закона № 306504-6 «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», внесенному Правительством Российской Федерации, принятому Государственной Думой в первом чтении 20 ноября 2013 г. В указанном проекте поправок на момент написания статьи (май 2023 года) понятие комплексной экспертизы отсутствует.

Между тем в научном поле (в том числе в научном поле, формируемом Российским федеральным центром судебной экспертизы Минюста РФ) существуют концепции, допускающие производство комплексной экспертизы экспертом единолично, если он обладает необходимыми специальными познаниями: «Комиссионный характер комплексной экспертизы – типичное и очень важное явление для определения правомочий членов комиссии, производящих комплексную экспертизу. Однако если к понятию комплексной экспертизы обратиться не с правовых, а с гносеологических позиций, отсутствие комиссионности не лишает её самостоятельности в ряду других видов экспертиз. С самого начала становления знаний о комплексной экспертизе предусматривалось, что “комплексная экспертиза может выполняться и единолично, если эксперт владеет знаниями в пограничных областях”. <...> Бесспорно, вопрос о комиссионности комплексной экспертизы имеет важный процессуальный аспект, он был предметом обсуждения в печати и поиска в нормативно-законодательной регламентации. Однако общепринятой является возможность производства комплексной экспертизы одним экспертом, компетентным в разных смежных специальностях. Об этом говорится и в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» (п. 12). Таким образом, комиссионность – типичное, но не обязательное свойство комплексной экспертизы.

Гносеологическая природа комплексности сохраняется и при производстве комплексной экспертизы одним экспертом, овладевшим несколькими экспертными специальностями. Естественно, в этом случае процессуально

важным моментом будет только назначение вида – комплексной экспертизы и соответствующая подготовка материалов для неё, соблюдение же процессуального порядка действий специалистов в пределах своей компетенции, согласование общего вывода и пр. не требуется» [5, с. 140-141].

Это положение тем более важно, что его подтверждает практика. Так, директор Московской областной лаборатории судебной экспертизы Минюста России Александр Рипомельников, выступая на посвящённом тактикам оспаривания судебной экспертизе вебинаре ФПА 13 апреля 2023 года, отметил, что в его лаборатории производство комплексной экспертизы одним экспертом, владеющим специальными познаниями в разных областях, является вполне естественным способом работы.

Обращаясь к такому сложному объекту исследования, как товарный знак, и тем более рассматривая его бытование в медиасреде, следует отметить, что в сложившейся практике не только не ставится вопрос о производстве комплексного исследования одним специалистом, но и вообще комплексный характер исследования знака заявляется далеко не всегда. Так, существуют успешно разрабатываемые рядом крупных представителей научного и экспертного сообщества (М. Е. Новичихина, Я. А. Дударева) области лингвистической экспертизы товарного знака или лингвистической экспертизы коммерческой номинации в целом, однако в таких исследованиях графическая сторона исследуемого словесного знака исследуется весьма условно и усечено.

М. Е. Новичихина предлагает рассматривать визуальную составляющую знака более конкретно (по сравнению с указанными параметрами):

«Графическое сходство определяется на основании следующих признаков:

- общее зрительное впечатление,
- вид шрифта,
- графическое написание с учётом характера букв (например, печатные или письменные, заглавные или строчные),
- расположение по отношению друг к другу,
- алфавит, буквами которого написано слово,
- цвет или цветовое сочетание» [3, с. 50].

Однако и этих признаков на практике оказывается недостаточно, чтобы описать исследуемый объект полноценно и исчерпывающе для нужд решения вопросов в рамках искусствоведческой экспертизы. Очевидно, что применительно к товарному знаку как объекту исследования перечисленных аспектов недостаточно ввиду его сложности и многомерности. Об этом уже говорилось в профессиональной среде: «Объектами лингвистической экспертизы являются материалы с обязательной словесной составляющей на русском языке. Таким образом лингвистическое исследование может быть проведено в отношении ограниченного числа объектов. Если же в материале преобладает невербальная (несловесная или изобразительная) составляющая либо без нее смысл многозначен, для решения поставленной задачи одних лингвистических методов недостаточно. Таких объектов очень много – материалы, в которых мало слов, но большая изобразительная часть

12 (плакаты, символика и атрибутика, музыкальные видеоклипы, речевые высказывания, сопровождающие какое-то поведение, и многое др.)» [8, с. 8].

Говоря об изобразительном товарном знаке, мы должны признать, что он аккумулирует признаки, свойственные как объекту изобразительно-го искусства (в частности, графике), так и объекту дизайна (айдентики). Кроме того, нужно учитывать совокупность смыслов, заложенная в объект (логотип) с точки зрения брендинга (например, метафору бренда и соответствие общих выразительных характеристик знака этой метафоре). Игнорирование всех этих компонентов приведет к упрощению исследования и, как следствие, искажению выводов эксперта, поскольку при поверхностном исследовании неизбежно будут пропущены значимые аспекты спорных изображений, различить которые под силу только профессионалу.

Мы считаем, что даже словесный товарный знак, традиционно понимаемый как объект сугубо лингвистического исследования, уже недостаточно рассматривать просто как номинацию, поскольку он изначально регистрируется в определённом шрифтовом и цветовом решении и на выходе представляет собой сложный объект, который можно расценивать как креолизованный текст. Даже если это цветное и графическое решение простейшее и стандартное, оно может и должно служить для определения потенциала различительной способности обозначения и признаков сходства сравниваемых объектов до степени смешения.

Особое место в системе составляющих товарного знака занимает шрифтовое оформление. С одной стороны, шрифт – это чисто практический (прикладной) инструмент, поскольку невозможно написать слово в рамках использования звуко-буквенной системы кодификации, не используя того или иного шрифтового оформления. С другой стороны, шрифт – это необходимый элемент типографики, особенно в сфере рекламной коммуникации (к которой принадлежит и товарный знак/знак обслуживания как её существенный элемент). В свою очередь, типографика служит не только практическим и «обезличенным» инструментом письменного донесения смысла слова или высказывания, но и действенным инструментом визуального воздействия: «Типографика – это использование шрифта для того, чтобы усилить смысл слова, донести этот смысл до читателя и убедить его, наконец, украсить страницу. Попутно слова и страницы становятся искусством, а типографика – способом создания книг, журналов, каталогов, газет, деловых бумаг и рекламных материалов» [10, с. 7]. Иными словами, шрифтовое оформление слова (особенно применительно к товарному знаку) выводит его в область визуальной коммуникации и в ряде случаев является инструментом создания произведения дизайнерской мысли.

Всё это приводит к выводу о том, что шрифт является значимым изобразительным элементом объектов дизайна исследуемой категории (товарных знаков и знаков обслуживания) и, соответственно, должен служить предметом профессионального внимания именно эксперта-искусствоведа при производстве экспертиз товарного знака/знака обслуживания. При этом, на наш взгляд, участие искусствоведа требуется даже в том случае,

если шрифтовое оформление является стандартным и не представляет собой отдельной области приложения дизайнерских идей.

Почему мы говорим, что при исследовании любых товарных знаков необходим комплексный, интегративный подход к исследованию, предусматривающий применение знаний из разных областей науки и творчества? Потому, что сам объект и сущностно, и юридически сложный, неоднородный, уже на стадии создания вбирает в себя знаний из разных областей. Соответственно, при экспертном исследовании знака необходимо понимать логику его автора и заказчика. Часто при решении вопросов сходства до степени смешения и вопросов оригинальности обозначения необходимо не только разбирать визуальное и семантическое «устройство» знака, но и учитывать, как вписывается знак в фирменный стиль в целом. Эту задачу невозможно выполнить без знаний, которые в существующей классификации родов и видов экспертиз относятся к искусствоведческим.

Важно помнить, что «при восприятии потребителем комбинированного обозначения, состоящего из изобразительного и словесного элементов, его внимание, как правило, акцентируется на словесном элементе. Словесный элемент, к тому же, легче запоминается, чем изобразительный» [2, с. 151]. Соответственно, если при сравнении комбинированных обозначений именно сходство словесных элементов установлено экспертом в первую очередь, то обозначения уже на этой стадии могут быть признаны сходными до степени смешения в целом. Однако нельзя игнорировать важность изобразительного элемента спорного знака. «Степень важности изобразительного элемента в комбинированном обозначении зависит от того, насколько этот элемент оригинален, каковы его размеры и пространственное положение относительно словесного элемента. Перечисленные факторы могут учитываться как каждый в отдельности, так и в совокупности» [2, с. 152].

Кроме того, эксперту, избравшему главной областью своей работы средства индивидуализации, необходимо иметь хотя бы минимальные юридические познания, чтобы понимать особенности регистрации товарных знаков и знаков обслуживания и те основания, на которых строится приём заявки к рассмотрению Роспатентом или отказ в регистрации.

В настоящее время на государственном уровне решён вопрос о введении новой экспертной специальности 29.1 «Исследование объектов интеллектуальной собственности» в систему учреждений Минюста, указанная специальность появилась в Приказе, вступившем в силу 6 мая 2023 года. Очевидно, что базовыми специальными знаниями для данного вида экспертизы станут юридические (объём работы патентных поверенных), хотя на момент написания настоящей статьи сведения о новой специальности и сведения о рабочей методике по ней в общественное поле не поступали.

В таком случае, базируя экспертную практику по новой специальности на юридических познаниях, нельзя упускать из виду словесную и изобразительную сторону знака, для исследования которой при решении вопро-

14 сов о наличии сходства до степени смешения или вопросов оригинальности знака весьма часто необходимо привлекать лингвистические и искусствоведческие специальные знания. На наш взгляд, крайне желательно, чтобы комплексный подход к исследованию товарного знака мог предложить один эксперт, работая единолично. Одновременно он сможет оценить степень сходства или различия сравниваемых обозначений единолично, так же как делает и потенциальный потребитель.

Если же специалистов такого профиля найти затруднительно, то необходимо методически закрепить только комплексный характер экспертизы объектов интеллектуальной собственности, и средств индивидуализации в том числе, чтобы исследование носило полноценный и всесторонний характер.

Таким образом, специалистам, занимающимся исследованием средств индивидуализации (функционирующих в том числе и в медиасреде), необходимо подходить к рассмотрению таких объектов комплексно, воспринимаемая знак целокупно, как это делает потенциальный потребитель маркированного знаком товара. Соответственно, развитие комплексного подхода к оценке товарных знаков (и с лингвистической, и с изобразительной, в том числе шрифтовой, и отчасти с юридической стороны) как базового навыка эксперта в современном мире является необходимостью, даже в условиях, когда законодательно вопрос о возможности проводить комплексные исследования одному специалисту пока не решен.

Литература

1. Васильев И. Практика создания товарных знаков. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 288 с.
2. Китайский В. Е. Судебная экспертиза объектов промышленной собственности. М.: ООО «РПД», 2019. 227 с.
3. Новичихина М. Е. Товарный знак: вопросы функционирования и лингвистической экспертизы. Воронеж: Кварта, 2019. 108 с.
4. Майлис Н. П. О совершенствовании профессиональной подготовки судебных экспертов / Н. П. Майлис // Теория и практика судебной экспертизы. 2018. № 13(2). С. 50-53.
5. Майлис Н. П., Орлова В. Ф. Ещё раз о комплексной экспертизе и путях её развития // Теория и практика судебной экспертизы. 2014. № 1(33). С. 138-147.
6. Плотнокова А. М. Конфликтная коммуникация в аспекте судебной лингвистики. Екатеринбург; М.: ТХТ, 2018. 197 с.
7. Приказ Минюста РФ от 20.04.2023 N 72 «Об утверждении перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста» // Министерство Юстиции Российской Феде-

рации. URL: <https://minjust.consultant.ru/documents/47374?items=1&page=1> (дата обращения: 25.05.2023).

8. Смирнова С. А., Секераж Т. Н., Кузнецов В. О. Междисциплинарные исследования в судебно-экспертных учреждениях Минюста России: актуальные направления лингвистической и психологической экспертизы / С. А. Смирнова, Т. Н. Секераж // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. № 12(4). С. 6-11.

9. Усов А. И., Микляева О. В., Карпухина Е. С., Эджубов Л. Г. О трёх версиях теории комплексной экспертизы / А. И. Усов, О. В. Микляева, Е. С. Карпухина, Л. Г. Эджубов // Теория и практика судебной экспертизы. 2015. № 1(37). С. 126-136.

10. Феличи Дж. Типографика: шрифт, вёрстка, дизайн. СПб.: БХВ-Петербург, 2020. 496 с.

11. Эджубов Л. Г., Усов А. И., Микляева О. В., Карпухина Е. С. О месте новой концепции в теории комплексной экспертизы / Л. Г. Эджубов, А. И. Усов, О. В. Микляева, Карпухина Е. С. // Теория и практика судебной экспертизы. 2014. № 2(34). С. 10-17.

12. Эджубов Л. Г., Усов А. И., Микляева О. В. Новая концепция и существующее представление о комплексной судебной экспертизе / Л. Г. Эджубов, А. И. Усов, О. В. Микляева // Теория и практика судебной экспертизы. 2014. № 2(34). С. 142-149.

A. V. Akinina

COMPLEXITY AS A NECESSARY APPROACH TO THE EXAMINATION OF TRADEMARKS IN THE MEDIA ENVIRONMENT

Abstract. The article raises the question of the need to consider a trademark in expert practice only comprehensively, necessarily with the use of special knowledge from different fields. This approach is due to the current state of society, which assumes the inevitable interpenetration of areas of knowledge for successful activities.

Keywords: trademark; trademark examination; interdisciplinarity; complexity; creolized text.

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории психолого-лингвистических исследований научного отдела гуманитарных исследований ГУ «Научно-практический центр Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь»
Минск, Беларусь

СЕМИОТИКА ЭМОДЗИ И ВЫЯВЛЕНИЕ ВЕРБАЛЬНОЙ УГРОЗЫ В ТЕКСТАХ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Аннотация. Статья посвящена семиотике эмодзи как невербальных компонентов, которые являются неотъемлемой частью текста современной интернет-коммуникации. Особое внимание уделяется эмодзи в текстах вербальной агрессии в форме угрозы, которые все чаще становятся объектами судебной лингвистической экспертизы.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза; вербальная угроза; семиотика; эмодзи; интернет-коммуникация.

Современное общество быстро и динамично развивается благодаря смене технологического уклада, ускорению ритмов жизни и видоизменениям коммуникации. Подключая различные цифровые устройства быстрого ввода и используя глобальную сеть интернет, коммуникация, совершаемая в современных условиях, постепенно трансформируется, становясь опосредованной и асинхронной. Опосредованность коммуникации является следствием использования «аппаратно-программного комплекса (стационарного компьютера, планшета, смартфона, мобильного телефона), передающего и принимающего сообщения» [10, с. 174]; асинхронность – неодновременности виртуального общения субъектов. Причем касается это, прежде всего, письменной формы общения, которая предоставляет человеку дополнительный запас времени для того, чтобы создать текст сообщения, отредактировать его или даже вовсе удалить, что в целом позволяет современной криминалистике рассматривать совершаемые человеком действия в пространстве интернет-дискурса как преднамеренные.

Письменная интернет-коммуникация имеет ряд характерных черт, которые сближают ее с устной формой разговорной речи: эллиптичность; редукция значимых метатекстовых компонентов (пренебрежение к речевым нормам); экспрессивность; тяготение к апологетическим и саркастическим приемам коммуникации; склонность к языковой игре, основанной на использовании каламбура, парадокса, аллогизма, оксюморона, паронимической абстракции и других лингвистических приемов [12, с. 185-186], что характерно, прежде всего, для разговорного стиля устной формы речи. В современных условиях использование клавиатуры в устройствах компьютерно-опосредованной коммуникации с целью создания текста задействует, прежде всего, письменную форму речевой деятельности, которая наделяется вышеназванными чертами и постепенно трансформируется из чисто письменной в синтетическую устно-письменную форму. Вот почему лингвистическая теория семиотики рассматривает язык в сопоставлении с двумя видами знаковых объектов – артикуляционно-фонетическими и графическими [3, с. 45], для интерпретации которых большое значение играют экстралингвистические и паралингвистические свойства текста.

Для создания экстралингвистических и паралингвистических свойств виртуальной компьютерно-опосредованной коммуникации в настоящее время все чаще используются эмодзи и эмотиконы – невербальные компоненты, выполненные в форме идеограмм, пиктограмм и смайликов. Они «предназначены для того, чтобы более богато и разнообразно дополнять смысл высказывания, уточнять его экспрессивно-интонационную окраску, используются вместе с кириллической графикой или латиницей, могут быть включены непосредственно в структуру высказывания, отделяются от единиц высказывания пробелами или запятыми» [5, с. 120]. Их создание стало возможным благодаря интерактивности гипертекста и креативности, которой в целом наделена компьютерно-опосредованная коммуникация, где все участники стремятся реализовать такие же возможности общения, какие они используют в условиях живого контакта «лицом к лицу».

Природа эмотиконов и эмодзи связана с лингвистической теорией знака. Знак в свою очередь есть «любое материально-идеальное образование, которое служит для передачи определенной информации» [6, с. 122]. Знаками как элементами, традиционно в лингвистике представляющими собой синтез формы (план выражения) и содержания (план содержания), могут выступать слова, образы, звуки, запахи, вкусы, действия, события, которые человек наделяет определенным значением, смыслом. Ничто из названных явлений не становится знаком до тех пор, пока не подлежит интерпретации [14, р. 12]. Интерпретацией знаков занимается наука семиотика (от греч. *σημείον* – знак, признак), предметом которой является изучение знака и знаковых систем «как средств хранения, передачи и переработки информации в человеческом обществе, в природе и в самом человеке» [8, с. 6]. Среди носителей информации семиотика рассматривается в широком смысле как моделирующая система, и «представляет собой некоторую модель (образ, аналог) соответствующего фрагмента мира» [8, с. 7] в

18 | сознании, посредством которой субъект коммуникации создает актуальную информацию об окружающей действительности. Задача семиотики как науки заключается в изучении контекста, «понимаемого как единство семантической информации и осознанного отношения к ней человека» [1, с. 98]. Контекст и коммуникативная ситуация в интернет-дискурсе, куда помещен текст, задается, в том числе, и с помощью невербальных компонентов коммуникации.

Автором первых в истории электронной коммуникации эмодзи стал американский ученый-математик Ск. Фалман, который с целью дифференциации юмористического текста от серьезного в 1982 г. в компьютерном сообщении предложил использовать простейший знак в форме синтеза двоеточия и закрытой скобки :-). В дальнейшем в простонародном общении этот невербальный знак получил название смайлика (от англ. *smile* – улыбаться) [10].

Как видно, изначально эмодзи как невербальные компоненты коммуникации создавались на основе пиктограмм – иконических знаков, выполненных посредством графических знаков формул, служащих средством выражения базовых универсальных эмоций положительного, отрицательного и нейтрального характера. Вот примеры некоторых из них:

- Улыбка, радость (😊), коварная улыбка (]:->);
- Грусть, печаль (☹);
- Задумчивость или нейтральность (😐);
- Смех (:-D), смех с зажмуренными глазами (XD), злорадный смех (>:-D), смех до слез (:’-’);
- Восхищение (*_*);
- Недовольство, озадаченность или обида (:-\);
- Удивление (oO), сильное удивление, в том числе, удивление с открытым ртом и расширенными глазами (8-O) и отвисшей челюстью (:-[]);
- Разочарование (:-e);
- Смущение (:-[]);
- Сильное огорчение (:C);
- Сильная злость, разгневанность (D-:);
- Сбитость с толку (%0) [12, с. 122-123].

Первоначально среди невербальных компонентов в интернет-коммуникации использовались только эмодзи. Они служили выражению, прежде всего, эмоционально-экспрессивных параметров текстового сообщения коммуникантов. Для интернет-коммуникации эмотивная функция является одной из важнейших, поскольку именно с ее помощью создается жанр любого гипертекста, который, как правило, соответствует схеме типичного текста, характерного для интернет-стиля в целом: «^aтекст ⇔ ^aэкспрессия ⇔ ^bтекст ⇔ ^bэкспрессия ⇔ ^cтекст ⇔ ^cэкспрессия ⇔ ^dтекст ⇔ ^dэкспрессия» [12, с. 83].

Использование эмодзи с момента их возникновения было обусловлено необходимостью выражения базовых эмоций и просодических

компонентов высказывания (например, интонации) в условиях отсутствия коммуникации «лицом к лицу», где средством передачи сообщения выступает только письменный текст. Однако для интернет-текста, созданного в современных условиях, характерна не только эмоционально-экспрессивная функция, но и иллюкутивная, предполагающая речевое воздействие говорящего на адресата с конкретной коммуникативной целеустановкой. Вот почему в последнее время в связи с развитием социальных сетей и мессенджеров мгновенной отправки сообщений в интернет-коммуникации все большую популярность приобретают эмодзи (в переводе с японского буквально означает «картинка эмоции») – «сложные семиотические знаки или иконки, созданные на основе международного стандарта шрифта Unicode, используемые как средство визуализации и скоростной передачи эмоций или идей» [2, с. 14]. В целом эмодзи формируют контекст, в основе которого лежит метафорический перенос слова, несущего в себе изображение эмоции, а также образ того или иного бытового предмета, идеи, артефакта:

«Эй, 🤔 Иди сюда! Сейчас как 🍷 тебе, улетишь за три ☆».

Именно такого рода тексты компьютерно-опосредованной коммуникации все чаще в настоящее время становятся объектами судебной лингвистической экспертизы (далее – СЛЭ) – процессуального действия, проводимого с целью получения фактических данных путем исследования криминалистически значимой информации в рамках различных категорий дел, типичным из которых является клевета, оскорбление, экстремизм и вербальная угроза.

Решение вопроса о наличии/отсутствии вербальной агрессии в форме угрозы в Республике Беларусь решается в рамках судебных разбирательств по следующим видам правонарушений: **угроза убийством, причинением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества** (ст. 186 УК Республики Беларусь); **угроза совершением акта терроризма** (ст. 290 УК Республики Беларусь); угроза опасным использованием радиоактивных материалов (ст. 324 УК Республики Беларусь); насилие либо угроза применения насилия в отношении сотрудника органов внутренних дел (ст. 364 УК Республики Беларусь); насилие либо угроза в отношении должностного лица, выполняющего служебные обязанности, или иного лица, выполняющего общественный долг (ст. 366 УК Республики Беларусь); угроза в отношении судьи или народного заседателя (ст. 389 УК Республики Беларусь); угроза начальнику (ст. 442 УК Республики Беларусь) и другие.

Принимая во внимания данные статьи действующего законодательства в Республике Беларусь, можно выделить следующие виды высказываний, включающих пропозициональное содержание, необходимое для решения вопроса об угрозе в рамках процедуры проведения СЛЭ (Рис. 1):

Рис 1. Пропозициональное содержание угрозы

В соответствии с представленной схемой можно составить примерный перечень вербализаторов смысловых блоков, характерных для высказываний угрозы.

1. Убийство/лишение жизни.

Данный смысл выражается в тексте глаголами, объединенными семантикой убийства/лишения жизни.

Литературные варианты таких глаголов:

- имеющие **обобщенное значение**: *убить, убрать, устранить, умертвить, уничтожить, замучить, растерзать, истребить, казнить, ликвидировать, линчевать, прикончить, извести, заморить* и др.;
- указывающие на **способ действия или орудие его осуществления**: *заколоть, закопать, рас-/затоптать, за-/удушить, утопить, удавить, усыпить, раснять, четвертовать, запороть, засечь, отравить, обезглавить, пере-/отравить, за-/передушить, за-/перобить, повесить, переехать, за-/раздавить, за-/перегрызть, распотрошить, вздернуть, задрать, при-/рас-/застрелить, за-/переколоть, при-/пере-/порезать, за-/изрубить* и др.;
- указывающие на **средство** (глаголы с общим значением в сочетании с существительными – названиями, например, отравляющих веществ): *применить мышьяк, использовать стрихнин* и др.;

Жаргонно-просторечные варианты (имеют размытую, диффузную семантику) глаголов, выражающих семантику смерти/лишения жизни: *грохнуть, завалить, загасить, кокнуть, прихлопнуть, пришлепнуть, пришить, порешить, укокошить, ухайдокать, угробить, уложить, ухлопать, чикнуть, шлепнуть* и др.

Глагольные словосочетания-идиомы: *пустить кровь / в расход / красного петуха – ‘сжечь’, повязать красный галстук – ‘зарезать’, вбить осиновый кол – и ‘убить’, вырыть могилу и др.*

Семантическая свертка ситуации: *тебе низ*ец/низ*a/смерть/хана/конец/могила, ты труп/не жилец/мертвец/покойник и др.*

2. Причинение тяжкого телесного повреждения.

Данный смысловой блок в тексте с угрозой выражается:

- глаголами по-/колотить, душить, давить, по-/над-/резать, по-/ранить, про-/по-/переломать/ломить, подстрелить, рас-/по-/царапать, подвешивать, пороть и др.;
- фразеологическими связанными выражениями: *расквасить нос, повесить фонарь, Дам в глаз! Порву глотку! Башку снесу! и др.*

3. Уничтожение имущества общепасным способом.

Смысл данного смыслового блока угрозы выражается глаголами, которые в зависимости от степени нанесенного вреда можно условно разделить на три разряда: глаголы с семантикой повреждения, разрушения и уничтожения.

Глаголы **повреждения** отображают нарушение целостности объекта путем воздействия на макроструктуру его поверхности: *рас-/по-/царапать, рас-/вы-/ковырять, со-/вы-/по-/драть* и иные.

Глаголы **разрушения** отображают воздействие на макроструктуру объекта (в целом) с целью нарушения его целостности: *вы-/по-/выломать, вы-/со-/разо-/рвать, раз-/рушить, с-/раз-/пере-/над-/резать, по-/пере-/раз-/вы-/бить, пере-/вы-/раз-/с-/рубить, рас-/с-/вы-/пилить* и иные.

Глаголы **уничтожения** отображают деструктивное воздействие на объект с целью прекращения его существования: *сжечь, снести, искрошить, раздавить* и иные.

Среди глаголов с семантикой нанесения вреда имуществу также можно выделить следующие разряды:

- имеющие **обобщенное значение**: *уничтожить, разрушить, губить, вредить, (ис)портить, ликвидировать, (из)уродовать, (раз)громить, губить, истреблять, крушить;*
- указывающие на **способ действия**: а) ударом: *у-/раз-/по-/за-/пере-/бить, пере-/за-/по-/колотить, раз-/пере-/рубить, раз-/дробить, про-/дырять;* б) рывком: *разо-/со-/вы-/драть, надо-/по-/пере-/изо-/со-/рвать, ис-/пере-/на-/кромсать;* в) сжатием, давлением: *раз-/пере-/давить, рас-/плющить;* иными способами: *рас-/вы-/по-/царапать, с-/вы-/над-/пере-/по-/вз-/ломать, про-/ломить, с-/под-/вы-/жечь, рас-/ис-/крошить, рас-/вы-/ковырять, рас-/вы-/сечь, топить, взрывать, про-/вы-/колоть, рас-/топтать, подры-вать;*
- указывающие на **орудие**: *рас-/от-/пилить, от-/пере-/раз-/над-/резать, раз-/пере-/рубить, из-/решетить, про-/прострелять.*

4. Совершение акта терроризма.

Под *терроризмом* (от лат. *terror* – страх, ужас) понимается «социально-политическое криминальное явление, представляющее собой идеологию и практику применения насилия или угрозы насилием в целях оказания воздействия на принятие решений органами власти, воспрепятствования политической или иной общественной деятельности, провокации международных осложнений или войны, устраниения населения, дестабилизации общественного порядка» [9]. Соответственно *актом терроризма* называется «совершение в целях терроризма взрыва, поджога, затопления, иных деяний общеопасным способом либо создающих опасность гибели людей, причинения им телесных повреждений или наступления иных тяжких последствий. Под иными деяниями понимаются насилие в отношении государственного или общественного деятеля, представителя иностранного государства или международной организации, захват и (или) удержание их в качестве заложника, похищение и (или) лишение их свободы, их убийство; захват и (или) удержание людей в качестве заложников, похищение и (или) лишение их свободы, их убийство; применение объектов использования атомной энергии, использование радиоактивных веществ или ядерных материалов, сильнодействующих, токсичных химических или биологических веществ; уничтожение, повреждение, захват, удержание, блокирование зданий, сооружений, путей или средств сообщения, в том числе средств железнодорожного, водного, воздушного, магистрального трубопроводного транспорта, средств связи, иных коммуникаций и объектов (оборудования); повреждение информационных систем, систем управления, создание условий для аварий и катастроф техногенного характера» [9]. Терроризм как правонарушение включает в себя и акт криминальной угрозы, который имеет соответствующее речевое выражение.

Приведем семантические группы глаголов, которые эксплицитно выражают смысл совершения акта терроризма в угрозе:

- глаголы, объединенные **обобщенным значением**: *уничтожить, ликвидировать, разносить, делать диверсии, стирать с лица земли, сравнять с землей, обрубать* и др.;
- глаголы, указывающие на **способ действия**: *взрывать/подрывать, с-/под-/жечь/-жигать, пере-/рас-/об-/стрелять, пере-/резать, пере-/рубить, раз-/бомбить, за-/минировать, из-/решетить, закладывать (бомбу, взрывчатку, пластид, тротил и др.)* и др.;
- глаголы, указывающие на **орудие**: *пере-/рас-/об-/стрелять, пере-/резать, раз-/бомбить, за-/минировать* и др.

Все эти смысловые блоки пропозиционального содержания угрозы должны быть выявлены в практике проведении СЛЭ в Республике Беларусь в рамках конкретных уголовных дел в соответствии с названными статьями действующего законодательства. При этом при проведении судебно-экспертного исследования важным является учет, в том числе и невербальных компонентов коммуникации, служащих инструментом

формирования менасивного компонента высказывания, необходимого для создания угрозы как конфликтного речевого акта. При живом общении, в первую очередь, это касается мультимодальных компонентов, служащих средством создания визуальной угрозы с помощью характерной для угрозы тональности, мимикой лица, жестикуляции (суровый угрожающий взгляд, соответствующий агрессивный тон, демонстрация оружия, проведение большим пальцем правой руки вдоль шеи из стороны в сторону и т. д.). В интернет-коммуникации, где тексты все чаще носят поликодовый (креолизованный) характер, средством создания угрозы являются, в том числе и эмодзи, описание которых требует от эксперта дополнительных усилий, связанных с обращением к логико-синтаксическому компоненту высказывания как при работе с имплицитным текстом.

Один из принципов, исходя из которых применяются невербальные компоненты коммуникации в пространстве интернет-дискурса, является стремление адресанта к экономии языковых средств в иллюкуции текста. На этом принципе основана функция работы человеческого мозга, на основании которой личность делает выбор в пользу наименее затратных усилий для решения поставленной языковой задачи. Вот почему при создании текстового сообщения человек в целом стремится к передаче максимально ярко выраженного смысла минимальными речевыми средствами. Этим вызвана стремительная тенденция к преобладанию невербальных компонентов в интернет-тексте над вербальными, чем и объясняется возрастающая популярность эмодзи. Причем в некоторых странах использование невербальных компонентов в компьютерно-опосредованной коммуникации становится настолько выраженной, что эмодзи полностью могут заменять вербальные компоненты, в том числе и при создании текста криминальной угрозы. Так, в мае 2015 г. в одном из штатов США двое парней, 29-летний Дэвид Фьюентес и 29-летний Мэтью Кован, отправили в личном чате одного человека аккаунта социальной сети «Фейсбук» сообщение следующего содержания: «👊👊👊». Адресат этого сообщения подал иск в суд, и судебная экспертиза, проводимая в рамках последующего разбирательства, установила, что данное сообщение является угрозой, и, соответственно, интерпретировать его нужно следующим образом: «*Мы намереваемся тебя покалечить*». Следствием было установлено, что названные лица несколько раз угрожали этому человеку физической расправой. Как утверждал на суде потерпевший, данное сообщение стало «последней каплей», вынудившей его обратиться в полицию. В Республике Беларусь подобные объекты при отсутствии вербальных компонентов в рамках судебной лингвистической экспертизы не рассматриваются, поскольку не соответствуют признакам текста и соответственно не являются пригодными для проведения лингвистического исследования. При этом приведенный случай показывает, что игнорировать эмодзи в ходе проведения СЛЭ нельзя, поскольку их семиотика может содержать важные смысловые элементы текста, имеющие значение для суда и следствия.

Описание эмодзи как невербальных компонентов текста при проведении СЛЭ может осуществляться путем применения семиотических методов анализа, сочетающих в себе исследование семантики, синтаксиса и прагматики невербальных компонентов коммуникации в представленном тексте. При этом в отечественной практике лингвистическое исследование проводится только в том случае, если подобные невербальные компоненты сочетаются вместе с вербальными, образуя креолизованный текст как единое смысловое целое.

Семантика эмодзи раскрывается в соотношении денотата знака с референцией высказывания по семантическому правилу, в свое время сформулированному Ч. Моррисом. Согласно этому правилу десигнации, «знаковое средство x означает (имеет своим десигнатом) условия a, b, c, \dots , при которых оно применимо. Констатация этих условий даёт семантическое правило для x . Когда какой-либо объект или ситуация отвечают требуемым условиям, они могут быть обозначены x . Само знаковое средство – это просто некий объект, и его способность обозначать, т. е. иметь в качестве своего десигната другие объекты, определяется исключительно тем, что существуют правила употребления, устанавливающие корреляцию между знаком и явлением» [11, с. 84]. В применении к эмодзи данное правило обозначает соответствие между денотатом и референтом, реализуемое за счет этого значение знака в специфическом контексте. Так, например, в опубликованном в Telegram-чате студенческой академической группы высказывании «Эй, 🇨🇳, мы ждем тебя сегодня после уроков!» референтом эмодзи будет единственный китайский студент, учащийся в данной группе, поскольку денотативное значение невербального знака 🇨🇳 обозначает человека, носящего китайский головной убор, т.е. жителя или выходца из Китая. Исходя из коммуникативной ситуации данного высказывания известно, что в академической группе учится единственный китайский студент, что и указывает на него как на обозначенного в высказывании референта посредством невербального знака 🇨🇳.

Синтаксис эмодзи зависит от отношений их с другими элементами текста в логике построения комбинированного высказывания. Он основан на выстраивании единого контекста изображений с вербальным компонентом таким образом, будто весь текст составлен обычным буквенным способом: *Мы придем к тебе завтра. Готовь себе 🍷 и копей 🇨🇳 – ‘Мы придем к тебе завтра. Готовь себе гроб и копей могилу’*. Синтаксические отношения в высказывании, содержащем эмодзи, могут быть раскрыты путем определения места последних и установления их значения в соответствии с семантико-синтаксическими функциями (далее – ССФ) обозначаемых ими компонентов синтаксической структуры, к которым относятся:

- 1) субъект (👂 тебе ухо отрежет – ‘Китаец тебе ухо отрежет’);
- 2) объект (Если позвонишь в полицию, я тебе 🍷 отрежу – ‘Если позвонишь в полицию, я тебе ухо отрежу’);
- 3) предикат (Мы тебя 🍷👂🇨🇳 – ‘Мы тебя покалечим’);

- 4) инструмент (*Если ты не принесешь деньги завтра к 15:00, я зарублю твоего сына* 🪓 – ‘Если ты не принесешь деньги завтра к 15:00, я зарублю твоего сына топором’);
- 5) адресацию, соответствующую дательному падежу (*Сейчас как дам тебе в нос* 👉 – ‘Сейчас как дам тебе в нос!’);
- 6) локатив (*Я закопаю тебя в могилу* 🪦 – ‘Я закопаю тебя в могилу’).

В предикатно-актантной структуре высказываний-угроз встречаются эмодзи, реализующие как ССФ инструмента (рудимент инструментального падежа в русском языке), указывающего на орудие совершения небенефактивного действия (см. пример (3)), так и ССФ предиката (*Если ты не принесешь деньги завтра к 15:00, я тебя зарублю* 🪓 – ‘Если ты не принесешь деньги завтра к 15:00, я тебя зарублю’). В последнем случае эмодзи вербализуется посредством конкретного глагола-каузатива, обозначающего способ лишения жизни (*зарубить, застрелить, заколоть, зарезать, взорвать, отравить* и т. д.). Таким образом, одни и те же эмодзи могут выступать в предикатно-актантной структуре высказывания в роли различных ССФ, что свидетельствует об их широком семантическом потенциале.

Прагматика эмодзи исходит из общей формулы речевой коммуникации, в свое время сформулированной Р. Якобсоном (Рис. 2):

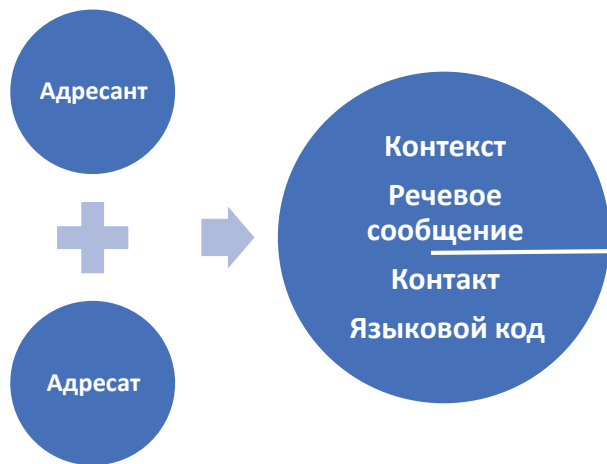

Рис. 2. Общая формула речевой коммуникации по Р. Якобсону

«Адресант посылает сообщение адресату. Чтобы сообщение могло выполнять свои функции, необходимы: контекст, о котором идет речь (в другой, не вполне однозначной терминологии, «референт»); контекст

26 | должен восприниматься адресатом, и либо быть вербальным, либо допускать вербализацию» [13, с. 198]. Сообщение зашифровывается в языковой код, который адресат должен распознать. В результате этого распознавания между коммуникантами устанавливается контакт, который позволяет адресанту поддерживать коммуникацию с адресатом.

Лингвопрагматика рассматривает коммуникацию в ее функциональном аспекте с точки зрения целеустановки и намерений говорящего. При проведении СЛЭ прагматический аспект является важным, поскольку он помогает исследовать соответствующий компонент (иллокутивный, перлокутивный) конфликтного речевого акта и смоделировать речевое поведение говорящего, что играет роль при анализе интернет-текстов, создаваемых и читаемых коммуникантами удаленно.

В высказываниях угрозы эмодзи, в первую очередь, создают определенную угрожающую тональность («модельную тональность»), обеспечивая, тем самым, соответствующий просодический компонент, характерный, как пишет В. В. Дементьев, ссылаясь на Т. О. Багдасаряна, для текстов подобных жанров [7, с. 121] ($\bar{\tau}$ = — Где деньги, гнида?!).

Помимо упомянутой уже экспрессивной и просодической функции в высказываниях угрозы эмодзи могут также выполнять и другие:

- функция указания на адресата угрозы (Эй, , ну, что, попался! Теперь ты точно костей не соберешь!   — Эй, чернокожий, ну, что попался! Теперь ты точно костей не соберешь. Мы тебя покалечим);
- функция замещения формально-смыслового компонента в структуре высказывания (Если не скажешь пароль от , я взорву твой — ‘Если не скажешь пароль от ноутбука, я взорву твой дом’);
- функция интенсификации сообщения (Твой офис завтра будет взорван   );
- функция семантической свертки (Ты   — ‘Ты — покойник’);
- провокационная функция (Ну, давай! Приезжай к нам на вечеринку! Повеселимся!   — ‘Ну, давай! Приезжай к нам на вечеринку! Повеселимся! Покалечим тебя, и ты умрешь!’);
- функция аннигиляции вербально выраженного значения (Ты мне очень нравишься   — ‘Ты мне очень нравишься. Я тебя убью’);
- функция выражения сарказма и иронии (Не переживай! Тебе только и все — ‘Не переживай! Тебе только ногу отрежут и все!’) и другие [4, с. 46].

Интерес для исследования представляют в первую очередь те эмодзи, которые выступают как средство передачи непосредственно менасивного компонента высказывания — обозначения насильственных действий по отношению к адресату, причинения смерти, выражения разрушения, повреждения и уничтожения имущества: «От нас не уйдёшь, крыса   фашистская». Так, результаты проведенной вербализации показывают,

что в данном высказывании эмодзи с изображением ножа используется в качестве инструмента выражения нанесения порезов, а молоток – колющих ударов. Окончательный смысл данного высказывания представляет собой небенефактивные действия, которые будут осуществлены адресантом по отношению к адресату посредством нанесения ударов холодным оружием – ножом и/или молотком, соответственно. В случаях, где эмодзи не несут в себе менасивной нагрузки, необходимой для выявления угрозы, вербализация этих невербальных компонентов не требуется: «... 🍷🍷🍷 ... Детский крем тики так имей при себе в кармане на всякий».

С целью лингвистического описания эмодзи, способных выразить вербальную агрессию в форме угрозы в интернет-коммуникации, можно выделить некоторые из невербальных компонентов, учитывая опции специфики ее пропозиционального содержания. Расшифровка всех значений эмодзи осуществлялась на базе электронной англоязычной энциклопедии «Эмодзипедия», созданной на основе операционной системы Apple и расположенной в открытом доступе [16] (Табл. 1).

П/п	Пропозициональное содержание угрозы	Расшифровка эмодзи	Обобщенное значение эмодзи и примеры комбинаций	Примеры высказываний
1	2	3	4	5
1	УОИРЭУСТ, УЖЗ	☸ (радиоактивное вещество, ядерный реактор)	Радиоактивность	<i>Дайте нам самолет, иначе мы взорвем ☸ и отравим все вокруг!</i> – ‘Дайте нам самолет, иначе мы взорвем реактор и отравим все вокруг!’
2	УЖЗ	🔫 (пистолет), 🔫 (винтовка)	Огнестрельное оружие (☹️🔫, 🔫☹️)	<i>Замочим тебя и всю твою семью 🔫☹️ – Застрелим тебя и твою семью’.</i>

1	2	3	4	5
3	УЖЗ	 (нож), (меч), (шпага), (ножницы), (мечи, расположенные крестнакрест), (топор), (молоток).	<p>Холодное оружие </p>	<p><i>Мы еще вернемся к тебе и кусок твоего уха.</i></p> – ‘Мы еще вернемся к тебе иотрежем кусок твоего уха.’
4	УЖЗ	 (гроб) (урна с прахом), (череп с костями), (череп), (мертвец), (зомби, живой групп), (могила).	<p>Смерть, причинение смерти ; ; </p>	<p><i>Мы идем к тебе!</i> <i>Готовь и для себя и своей семьи</i> – ‘Мы идем к тебе и убьем тебя. Готовь урну и гроб для себя и своей семьи’.</p>
5	УЖЗ	 (кулак), (забинтованное лицо), (скорая помощь), (лечебное учреждение), (инвалидная коляска), (кровь), (части тела)	<p>Причинение тяжких телесных повреждений ; </p>	<p><i>Я тебе выбью, отрежу и выколю!</i></p> – ‘Я тебе зубы выбью, язык отрежу и глаза выколо!’ <i>Мы придем к тебе завтра. Жди!</i> – ‘Мы придем к тебе завтра и сделаем тебя калекой. Жди!’.

1	2	3	4	5
6	 (взрывчатые вещества, бомба) (дом, квартира), (деньги)	Личное имущество ()	Если не отдашь , твой будет – ‘Если не отдашь деньги, твой дом будет взорван’.	 (взрывчатые вещества, бомба) (дом, квартира), (деньги)
7	УСТ, УЖЗ	 (взрывчатые вещества, бомба) (образовательное учреждение) (лечебное учреждение), (производственное предприятие), (офисное здание), (банк)	Здание, какое-либо учреждение, т. е. общественно или корпоративное имущество ()	В находится . Если вы попытаетесь эвакуировать учеников, то – ‘В школе находится бомба. Если вы попытаетесь эвакуировать учеников, то произойдет взрыв’.

1	2	3	4	5
8	УСТ, УЖЗ	<p> (взрывчатые вещества, бомба) (самолет, аэропорт), (ж/д транспорт, метро), (ж/д вокзал), (наземный общественный транспорт) (водный транспорт), (остановка общественного транспорта). </p>	<p>Какой-либо общественный транспорт, место остановки/стоянки транспорта ( )</p>	<p> <i>В заложена . Если автобус едет со скоростью 50 км/ч, заряжается. Если сбрасывает скорость ниже 50 км/ч, то . Если кто-то из пассажиров попытается сойти с , то – ‘В автобусе заложена бомба. Если автобус едет со скоростью 50 км/ч, бомба заряжается. Если сбрасывает скорость ниже 50 км/ч, то бомба взрывается. Если кто-то из пассажиров пытается сойти с автобуса, то произойдет взрыв.’</i> </p>

1	2	3	4	5
9	УЖЗ	 (семья), (дочь, по отношению к отцу), (дочь, по отношению к матери), (сын, по отношению к отцу), (сын, по отношению к матери).	Угроза в отношении близких родственников адресата	Привози завтра, иначе живым ты не увидишь! – ‘Привози завтра, иначе сына живым ты не увидишь’.

Табл. 1. Менасивные эмодзи и их описание

Условные обозначения

УЖЗ – угроза жизни и здоровью

УПИ – угроза повреждения имущества

УОИРЭ – угроза опасным использованием радиоактивных элементов

УСТ – угроза совершением террористического акта

Считаем, что с целью оказания содействия сообществу экспертов-лингвистов в решении вопроса по различным делам с проявлениями речевой агрессии (в том числе и угрозы) в современных текстах компьютерно-опосредованной коммуникации необходимо разработать онлайн-платформу или электронную энциклопедию с толкованиями и описаниями подобных невербальных компонентов коммуникации, снабженных конкретными примерами различных высказываний с различными проявлениями речевой агрессии, в том числе и в форме угрозы.

Таким образом, эмодзи и эмодзи как невербальные компоненты являются важнейшей составляющей современного гипертекста компьютерно-опосредованной коммуникации. Будучи первоначальным средством передачи эмоционально-экспрессивного компонента текста эмодзи трансформировались в метафорические эмодзи, помимо эмоций также выражающие идеи, предметы, артефакты, которые играют важную роль при анализе текста вербальной агрессии в форме угрозы. Выявление угрозы осуществляется в рамках процедуры судебной лингвистической экспертизы, проводимой в Республике Беларусь в соответствии с действующим законодательством. Семиотика эмодзи как языкового знака в угрозе предполагает анализ их семантической, синтаксической и лингвопрагматической составляющей в соответствии с

32 | пропозициональным содержанием менасива. Поскольку анализ, дешифрование и вербализация эмодзи представляет существенную трудность для эксперта, то необходимо создать электронную энциклопедию с описанием невербальных компонентов коммуникации и примерами высказываний различного проявления вербальной агрессии, в том числе и угрозы, что в дальнейшем окажет содействие в решении различных вопросов в рамках проведения СЛЭ, связанных с проявлениями речевой агрессии в интернет-коммуникации в целом.

Литература

1. Агеев В. Н. Семиотика. М.: Изд-во «Весь Мир», 2002. 256 с.
2. Бабук А. В. Эмотиконы и эмодзи в интернет-коммуникации / А. В. Бабук // Журналистика – медиалогия – наставничество: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти проф. Б. В. Стрельцова, Минск, 1 марта 2023 г. Минск: БГУ, 2023. 1 электрон. опт. диск. С. 13-17.
3. Волков А. Г. Язык как система знаков. М.: Изд-во Московского университета, 1966. 88 с.
4. Галяшина Е. И. Семиотика эмотиконов и анимационных картинок в аспекте судебной лингвистической экспертизы / Е. И. Галяшина // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 2(90). С. 41-48.
5. Галяшина Е. И. Судебная лингвистическая экспертиза: учебник. М.: Проспект, 2021. 424 с.
6. Гируцкий А. А. Общее языкознание. Минск: Высшая школа, 2017. 237 с.
7. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 600 с.
8. Мечковская Н. Б. Семиотика. Язык. Природа. Культура. М.: Академия, 2008. 426 с.
9. О борьбе с терроризмом: Закон Респ. Беларусь от 03.01.2002 № 77: в ред. от 09.01.2006 г. № 97-3 : в ред. от 24.12.2007 № 299-3: в ред. от 21.07.2008 № 417-3: в ред. от 28.12.2009 № 78-3: в ред. от 03.06.2011 № 275-3: в ред. от 26.10.2012 № 435-3: в ред. от 30.06.2014 № 165-3: в ред. от 30.06.2016 № 388-3: в ред. от 09.01.2018: 90-3 от 18.05.2022 № 170-3 // Онлайн-сервис правовых решений, Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. Минск, 2023.
10. Сонин А. Г. Эмодзи: некультурный код виртуальной коммуникации / А. Г. Сонин // Методология современного языкознания; отв. редактор А. Г. Сонин. М.: URSS: Ленанд, 2016. Вып. 2. С. 169-192.
11. Токарев Г. В. Введение в семиотику: учеб. Пособие. М.: ФЛИНТА, 2013. 2-е изд., стер. 160 с.
12. Тошович Б. Структура интернет-стилистики: монография. М.: ФЛИНТА, 2018. 492 с.
13. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон // Структурализм: «за» и «против»; пер. с англ., франц., нем., чеш., польск. и болг. яз. / Под ред. Е. Я. Басина и М. Я. Полякова. М.: Прогресс, 1975. С. 193-230.

14. Chandler D. Semiotics. The basics. New York, NY: Routledge, 2018. 332 p.

15. Danesi M. The semiotics of emoji. The rise of visual language in the age of internet. New York: Bloomsbury Academic, 2016. P. 77-94.

16. Emojipedia [Electronic resource]. URL: <https://emojipedia.org/pistol/> (date of access: 09.01.2023).

A. V. Babuk

THE SEMIOTICS OF EMOJI AND DETECTION OF VERBAL THREAT IN THE TEXTS OF INTERNET COMMUNICATION DURING THE FORENSIC LINGUISTIC EXAMINATION IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Abstract. The article is dedicated to the semiotics of emoji as non-verbal components that are a gradual part of modern Internet communication texts. Particular attention is paid to emoji in the texts of verbal aggression in the form of a threat, which are frequently becoming the objects of forensic linguistic examination nowadays.

Keywords: forensic linguistic examination; verbal threat; semiotics; emoticons; emoji; Internet-communication.

*кандидат филологических наук, эксперт Учебно-консультативного центра по русскому языку и литературе Национального исследовательского Томского государственного университета
Томск, Россия*

ТРУДНОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В МЕДИАТЕКСТАХ В РАМКАХ ДЕЛ О ЗАЩИТЕ ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ

Аннотация. В статье продемонстрирован анализ отдельных высказываний из медиатекстов, содержащих в себе конструкции с размытым денотатом, субъективные суждения, неочевидно негативную информацию.

Ключевые слова: защита чести, достоинства и деловой репутации; верифицируемая и неверифицируемая информация; негативная информация; утверждения о фактах; субъективные суждения; конструкции с размытым денотатом.

Практическая деятельность эксперта-лингвиста основывается на теории производства экспертизы, лингвист при проведении анализа действует по определенной методике, однако порой сталкивается со сложными случаями – с текстами, «выбивающимися» из привычной теоритической схемы, что заставляет лингвиста пересматривать и дополнять используемые методики анализа. В статье представлены конкретные случаи из экспертной практики по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации – продемонстрирован анализ отдельных высказываний, которые при проведении лингвистических исследований потребовали к себе более пристального внимания. Материалом для анализа являлись различные медиатексты – посты в социальных сетях, статьи интернет-сайтов, ролики на видеохостингах.

1. Анализируя **формально-содержательные типы высказываний** (т. е. отвечая на вопрос, в какой форме выражена негативная информация), лингвист имеет цель разделить высказывания на те, которые являются утверждениями о фактах, и те, которые таковыми не являются. На данном этапе возможны следующие трудности при интерпретации.

1.1. Наличие в тексте единиц/конструкций с **размытым денотатом** – с широким значением, способным включать в себя обширный круг ситуаций. Трактовка подобных единиц является субъективной, т. е. зависящей от личного восприятия конкретного человека. Это

обусловлено размытостью границ явлений, которые могут быть данными единицами описаны (*способствовать развалу, обеспечивать полноценную работу, подействовать преступлению*).

Традиционно конструкции с размытым денотатом рассматриваются как непроверяемая информация. Однако перед лингвистом должна стоять задача не только оценить степень конкретности высказывания (т. е. выявить конструкции с размытым денотатом), но и проверить, не конкретизируется ли смысл такого высказывания контекстом.

Пример 1. На личной странице пользователя социальной сети «Instagram»* была опубликована серия постов, посвященных негативному описанию работы одного из городских зверинцев, неподобающего содержания в нем животных. Один из постов, ставших предметом судебных разбирательств по ст. 152 ГК РФ, содержал следующее высказывание: *«За 15 лет существования зверинца «Айболит» было много инцидентов»* (здесь и далее упоминаемые названия организаций и фамилии изменены). Данное высказывание по форме представляет собой утверждение (повествовательное предложение, глагол прошедшего времени изъявительного наклонения), по содержанию имеет событийное значение. При этом денотат единицы «инцидент» является размытым («Случай, происшествие неприятного характера; недоразумение» [1, с. 397]), слово способно обозначать неопределенный спектр ситуаций, информации о конкретных событиях в значении данной единицы не заложено. Смысл высказывания зависит от того, что именно под «инцидентами» подразумевает сам говорящий.

Однако же далее в тексте поста содержится следующая информация: *«Было много громких трагических смертей животных»*. Представляется, что данное высказывание, а именно фразу *«смерти животных»*, следует рассматривать как конкретизацию единицы *«инциденты»*. А это позволяет лингвисту сделать вывод о том, что оспариваемое высказывание, несмотря на наличие единицы с размытым денотатом *«инциденты»*, является утверждением о фактах – как минимум об имевших место смертях зверей.

Пример 2. На видеохостинге «YouTube» была опубликована видеозапись собрания собственников квартир жилого дома, часть собравшихся высказывали претензии к одному из присутствующих, обвиняя его в порче общего имущества:

М. Петрова: *«Это Ивановой сын, который ящики ломал да цветы везде выковыривал»*.

В. Сидоров: *«Мы сейчас с него и спросим, зачем он гадил. Он же нам гадил, собственникам? Вот он и пришел, наверное, рассказать, почему он гадил»*.

На разрешение лингвистического исследования были поставлены вопросы, касающиеся речи В. Сидорова. В ходе анализа было установлено, что ни одно из высказываний данного лица не является собственно утверж-

* Здесь и далее: по состоянию на сентябрь 2023 года Facebook, Instagram, Twitter и LinkedIn внесены в реестр запрещенных сайтов на территории РФ. (Прим. ред.)

36 | дением о фактах. В первом высказывании содержится информация о планах говорящего получить информацию («*Мы сейчас с него и спросим*») о целях действий сына Ивановой («*зачем он гадил*»). Второе высказывание представляет собой вопрос-уточнение о том, в отношении кого именно сын Ивановой совершал действия («*нам гадил, собственникам?*»). Третье высказывание является ироническим предположением («*наверное*») о целях визита сына Ивановой (озвученная цель «*рассказать, почему он гадил*» представляется неправдоподобной).

При этом в составе всех трех субъективных суждений В. Сидорова вычленяется фактическая составляющая: «*он гадил*». Глагол использован в форме изъявительного наклонения прошедшего времени, значение глагола – событийное («2. Делать пакости, скрытно вредить» [1, с. 191]), но неконкретное, т. е. денотат предиката размытый (единицей «*гадить*» могут быть обозначены многие негативно оцениваемые деяния). Однако в данном тексте значение глагола конкретизируется предшествующими высказываниями, позволяющими утверждать, что единицей «*гадил*» обозначены уже названные действия: «*ящики ломал*» и «*цветы выковыривал*». Итогом исследования становится вывод о том, что размытый денотат конкретизирован контекстом, следовательно, в речи В. Сидорова содержится фактическая информация: сын Ивановой гадил собственникам, а именно ломал ящики и выковыривал цветы.

1.2. Наличие в тексте **субъективных суждений**, которые, несмотря на свою интерпретационность и оценочность, поясняются контекстом.

В соответствии с законодательными нормами, оценочные суждения не могут быть проверены на предмет соответствия их действительности. Однако оценочные суждения, подобно конструкциям с размытым денотатом, могут конкретизироваться в контексте.

Пример 3. В онлайн-справочнике городских организаций был опубликован отзыв клиента о работе IT-компании с заголовком «*Айти-компания «Байт» – МОШЕННИКИ и ШАРЛАТАНЫ!*». Далее в тексте дано подробное негативное описание взаимоотношений компании и заказчиков по конкретному договору, имеется целый ряд прямых утверждений о фактах. Перед лингвистом поставлен вопрос о форме выражения негативной информации в заголовке.

Однозначных признаков, по которым то или иное лицо следует характеризовать как «*мошенника*» («1. Нечестный человек; плут» [1, с. 560]) или «*шарлатана*» («Невежда, выдающий себя за знатока, грубый обманщик» [1, с. 1491]), в значениях единиц не заложено. Данные характеристики являются оценочными и зависящими от морально-нравственных установок говорящего, т. е. демонстрирует субъективную оценку автором описываемых объектов. Информации о каких-либо действиях, поступках, событиях, связанных с компанией «*Байт*», в данном высказывании не содержится. Следовательно, негативная информация об IT-компании представляет собой оценочное суждение.

Однако, как было сказано, после данной фразы идет объемный отзыв с подробным разъяснением того, чем именно заказчики недовольны, например: *«Делали сайт всей командой долго-долго – с апреля по июнь», «На создание сайта договорились на 35000, они составили нам предварительную смету, а в договоре вообще почасовая оплата на всё про всё», «При этом 90 % услуг рассчитывались из максимальной по договору ставки – 1200 рублей/час», «Оплатили им 33726 р., потом оказалось что ещё 40500 должны».*

С учетом наличия фактуальной конкретизации субъективного суждения при производстве экспертизы были даны следующие пояснения. Сами по себе оценочные суждения не могут быть проверены на предмет соответствия их действительности, следовательно, не могут быть подтверждены или опровергнуты в силу их субъективности и неоднозначности. Однако в некоторых случаях оценочные суждения конкретизируются контекстом – как ближайшими высказываниями, так и содержанием всего текста (например, в значении оценочной характеристики *«долго-долго»* не заложено информации, о каком именно сроке идет речь – он может быть любым в зависимости от субъективного восприятия автора; однако при наличии в ближайшем контексте пояснения *«долго-долго – с апреля по июнь»* обозначаемый срок конкретизируется). Представляется, что в подобных случаях оценочная информация должна рассматриваться в совокупности с фактической и в случае недостоверности фактов также должна подлежать опровержению (т. е. в случае недостоверности фактической информации *«с апреля по июнь»* опровержению должна подлежать конструкция целиком *«долго-долго – с апреля по июнь»*, а не только вторая ее часть).

Применительно к оспариваемому высказыванию *«Айти-компания «Байт» – МОШЕННИКИ и ШАРЛАТАНЫ!»* были даны следующие пояснения. Значение субъективных оценочных суждений *«МОШЕННИКИ и ШАРЛАТАНЫ»* конкретизируется содержанием отзыва в целом: в тексте представлено описание действий и событий, которые и были оценены авторами как деятельность *«мошенников»* и *«шарлатанов»*. Это, например, несоблюдение договоренностей, долгое время выполнения заказа, игнорирование пожеланий заказчика, высокая стоимость работ, отсутствие необходимого технического оснащения, некорректные заявления и пр. Данная информация, послужившая основой для субъективных оценок, выражена в том числе в форме проверяемых утверждений о фактах (в том числе четыре приведенных выше утверждения). Любой из описанных в отзыве фактов может являться основанием для выраженных оценок.

Представляется, что, если ни одно из имеющихся в тексте утверждений о фактах не будет подтверждено, опровержению в совокупности должны подлежать и указанные оценочные суждения ввиду недостоверности фактов, которые послужили основой для таких оценок. Если же все или некоторые утверждения о фактах, изложенные в тексте, будут признаны соответствующими действительности, их оценка, как и считается традиционно, оспариванию подлежать не может.

2. Анализируя значения высказываний, характер информации, ее отнесенность к конкретным лицам (т.е. отвечая на вопрос, имеется ли в тексте негативная информация о каком-либо конкретном объекте), лингвист тоже сталкивается со сложными случаями.

2.1. Наличие в тексте **«неочевидно негативной» информации**. Негативность сведений может выражаться единицами и конструкциями не только с отрицательной, но и с нейтральной семантикой, в этих случаях требуется обоснование негативности данных сведений с помощью анализа общего содержания и идейно-тематической направленности текста или же учета экстралингвистических факторов.

Пример 4. На официальном сайте некоммерческой организации был опубликован протокол исследования качеств продукта питания (в оригинале продукт, марка, производитель указаны):

№ п/п	Наименование показателя	Ед. изм.	Результат испытаний	Погрешность (неопределенность)	Норматив
В1. Хинолоны					
1	Хинолоны	мгкг/кг	2,0		не допускается

Один из вопросов, поставленных перед лингвистом, касался наличия в документе негативной информации о производителе или его продукте. «Неочевидность» характера информации в данном случае определяется отсутствием высказываний, конструкций или отдельных единиц, имеющих негативные компоненты значения.

В ходе исследования лингвистом даны следующие пояснения. Материал является специальным документом, для адекватного его понимания и интерпретации необходимо быть специалистом в данной сфере. Не вся информация из протокола доступна для понимания человека, не обладающего соответствующими специальными знаниями. Однако лингвист может описать материал с позиции бытового восприятия, а именно сопоставить значение колонки *«Результат испытаний»* со значением колонки *«Норматив»*. При сопоставлении лингвист наблюдает следующее: в первой строке, в которой зафиксированы результаты испытаний показателя *«Хинолоны»*, в колонке *«Результат испытаний»* указан показатель *«2,0»*, в то время как в колонке *«Норматив»* указана фраза *«Не допускается»*. Лингвист интерпретирует данную информацию следующим образом: в продукте обнаружены хинолоны в количестве 2,0 мгкг/кг, при этом по нормативу наличие хинолонов не допускается. Несмотря на отсутствие в исследуемом материале единиц с негативными компонентами значения, лингвист делает вывод о том, что распространенные сведения являются негативной информацией о продукте и его производителе.

2.2. Невозможность установить однозначную **отнесенность негативной информации к конкретному объекту**. Речь идет о материалах, в которых объект негативного описания прямо не назван.

Пример 5. На видеохостинге «YouTube» на канале СМИ был размещен видеосюжет о наблюдающихся в городе конфликтах между собственниками квартир жилых домов и их управляющими компаниями. В частности, в видеосюжете освещалась ситуация с поджогами машин жильцов дома по ул. Ленина, 24, которые инициировали отказ от услуг своей УК. В сюжете заявлено, что собственники видят связь между попытками отказаться от УК и поджогами:

Журналист: *«Машиной, уверен председатель совета дома, он поплатился за инициативу поделить власть с управляющей компанией на Ленина, 24».*

Председатель совета дома: *«Данный поджог – он связан с другими поджогами, которые происходили у нас в городе несколько лет назад, и они были связаны как бы с уходом от управляющей компании».*

Журналист: *«Узнать, как относится к громкому обвинению начальство управляющей компании «Управдом», нашей съемочной группе не удастся. Директора нет на месте, на звонки он не отвечает и по оставленному номеру телефона не перезванивает».*

Перед лингвистом поставлен вопрос, имеется ли в видеозаписи негативная информация об УК «Управдом». Основным проблемным моментом при анализе материала стало то, что наименование управляющей компании, обслуживающей дом по ул. Ленина, 24, не названо. В видеосюжете есть негативная информация об УК, которая обслуживает указанный дом: председатель считает, что она связана с поджогом, но название не озвучивает. Есть также информация конкретно об УК «Управдом» – от ее руководства не удалось получить комментарий, однако таковые сведения негативными не являются.

Лингвистом были даны следующие пояснения. Информация о попытках журналиста получить комментарии у руководства УК «Управдом» озвучивается непосредственно после рассказа о сгоревшем автомобиле председателя совета дома. Ориентируясь на такой порядок изложения информации, а также на сам факт того, что журналист пытался получить комментарии по поводу *«громкого обвинения»* именно от этой УК, потенциальный зритель видеосюжета может сделать вывод об отнесенности фразы *«управляющая компания на Ленина, 24»* к УК «Управдом», однако такой вывод является факультативным. Прямые сообщения о том, что председатель винит именно управляющую компанию «Управдом», или о том, что именно данная УК обслуживает дом по ул. Ленина, 24 и именно с ней председатель пытался *«поделить власть»*, в видеосюжете отсутствуют.

Будут ли восприняты эти сведения как информация именно об УК «Управдом», зависит от индивидуального восприятия каждого конкретного зрителя.

40 | Пример 6. На официальном сайте СМИ была размещена видеозапись заседания чиновников, в которой зафиксированы высказывания начальника об уволенном подчиненном:

«Вы знаете, что я недавно отстранил от должности Петрова Петра Петровича, значит, вот. Ну, вроде, опытнейший человек. Ну зарылся, заелся. Какие-то махинации, жульничества, какие-то схемы, и все не в пользу дела, все в пользу своей семьи».

Перед лингвистом поставлен вопрос, содержится ли негативная информация о Петрове П. П. в последнем высказывании.

В ходе исследования установлено следующее. Высказывание не имеет прямых формальных примет утверждения о совершении каких-либо действий именно Петровым П. П. (типа «Петров П. П. осуществил махинацию / совершил жульничество» и пр.). Потенциально высказывание может быть истолковано разными способами: махинации и жульничества совершались именно Петровым П. П. / махинации и жульничества совершались какими-либо иными должностными лицами / махинации и жульничества имели место, но субъекты их совершения неизвестны. Однако в высказывании имеется конструкция *«в пользу своей семьи»*, которая указывает на конкретное известное описываемое лицо. А единственным описываемым лицом в исследуемом фрагменте является Петров П. П., в связи с чем махинации и жульничества истолкованы как совершаемые именно им: Петров Петр Петрович зарылся, заелся, совершил/совершал какие-то махинации, жульничества, какие-то схемы, и все не в пользу дела, все в пользу своей семьи.

Итогом осмысления различных трудностей, нестандартных случаев, не уместяющихся в шаблонные схемы анализа материала, становится следующая мысль: проводить исследования одинаково, по абсолютно невариативной схеме даже в рамках одной категории дел невозможно. Каждый материал – и медиатекст, и другие разновидности текстов – хотя и исследуется по типовой методике, требует индивидуального подхода и «дотошности» эксперта.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
2. Иваненко Г. С. Объективная и субъективная информация в контексте лингвистического исследования по процессам о защите чести и достоинства / Г. С. Иваненко // Юрислингвистика-10: Лингво-конфликтология и юриспруденция: межвуз. сб. науч. трудов / под ред. Н. Д. Голева и Т. В. Чернышовой. Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010. С. 214-221.
3. О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц / Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 24.02.2005 № 3 // Справочно-

Y. V. Barinova

DIFFICULT CASES OF STATEMENTS INTERPRITATION IN MEDIA TEXTS WITHIN HONOR, DIGNITY AND BUSINESS REPUTATION PROTECTION CASES

Abstract. The article is devoted to the analysis of particular statements from media texts with indistinct denotation, subjective judgments, not obvious negative information.

Keywords: protection of honor, dignity and business reputation; verifiable and unverifiable information; negative information; facts' statements; subjective judgments; constructions with indistinct denotation.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В СФЕРЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ: НОМИНАТИВНЫЙ И ДЕФИНИЦИОННЫЙ АСПЕКТЫ

Аннотация. В статье представлены результаты анализа законодательной терминологии в сфере цифровизации (развития и применения информационных технологий). Рассматриваются типовые особенности отраслевых терминов и определений, направления их исследования с лингво-юридических позиций.

Ключевые слова: текст закона, термин, дефиниция, корпус, цифровизация.

Термины и дефиниции, применяемые в законах, регулирующих сферу цифровизации, в том числе информационную деятельность, отражают специфику информационного (цифрового) права, традиции и правила терминотворчества, тенденции стандартизации и специализации терминологии.

С лингво-юридической и иных междисциплинарных точек зрения, номинативно-дефиниционная база законов в сфере цифровизации может быть рассмотрена в аспектах: формальной структуры и транслируемого значения; предметно-тематических групп и деривационных гнезд; семантических процессов (внутри- и межотраслевой синонимии, антонимии, полисемии, омонимии); утраты экспрессивности при межстилистическом заимствовании; информационного воздействия и информационной безопасности [2, 3, 5, 6, 8].

Особое значение для правотворческой, судебной, экспертной и иных практик имеют вопросы поиска семантического ядра текстовой информации, создания и интерпретации норм закона [3, с. 26-80; 4; 7]. Для правильного понимания законодательного термина и определения необходимы не только общеправовые знания, развитые коммуникативные компетенции, но также специальные (частноотраслевые) знания в сфере цифровизации и новых технологий.

При регулировании цифровой сферы применяются как технические термины, являющиеся переводной калькой (блокчейн, веб-сайт, интер-фейс, онлайн, провайдер), так и абстрактные, обобщенные, неоднозначно толкуемые понятия (*высокие технологии, интеллектуальный выбор*),

понятия, образованные на основе функционального, метафорического, метонимического переноса (*информационный продукт, умный город, электронный дневник*), понятия, выраженные составными словесными комплексами (*биометрические данные владельца паспортно-визового, иного идентификационного документа нового поколения*).

Термины рассматриваемой сферы характеризуются семантической целостностью и устойчивостью, функциональной воспроизводимостью, принадлежностью к отраслевой терминологии, включенностью в систему юридических понятий. Данные признаки отражены в отсутствии замен при воспроизводстве составных терминов (за исключением специально введенных сокращений, напр.: *страница сайта в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»* (далее – *интернет-страница*), а также в возникновении плеонастичных и тавтологических конструкций (*содержательный контент, цифровые электронные ресурсы, критический элемент критически важного объекта информационно-коммуникационной инфраструктуры*).

При формулировании дефиниции термина наиболее распространено использование классифицирующего описания, содержащего определение видового понятия через родовое понятие и видовой признак, свойственный определяемому понятию, а также указание идентификационных характеристик. Примеры: *информационная система – совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств* (ст. 2 Фед. закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»), *информационные технологии – процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов* (там же).

Одно и то же понятие может быть определено с помощью вариативных дефиниций (низкочастотно), то есть формулирования в одном законе или разных законах различных либо сходных определений одного термина. Сравните на примере дефиниций из разных законов:

информационная продукция – полученная в результате обработки сведений (данных) обобщенная информация, предназначенная для распространения или реализации (ст. 1 Фед. закона «О гидрометеорологической службе»);

информационная продукция – предназначенные для оборота на территории РФ продукция средств массовой информации, печатная продукция, аудиовизуальная продукция на любых видах носителей, программы для ЭВМ и базы данных, а также информация, распространяемая посредством зрелищных мероприятий, посредством информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», и сетей подвижной радиотелефонной связи (ст. 2 Фед. закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»).

От вариативности отличается совпадение дефиниций терминов (низкочастотно) – определение в одном или разных законах различных или синонимичных терминов с помощью сходных дефиниций либо одной дефиниции. Например: *телеканал, радиоканал – сформированная в соответствии с сеткой вещания и выходящая в свет (эфир) под постоянным наименованием и с установленной периодичностью совокупность теле-, радиопрограмм и (или) соответственно иных аудиовизуальных, звуковых сообщений и материалов* (ст. 2 Фед. закона «О связи»).

Развитие законодательной терминологии в сфере цифровизации: появление и трансформация понятия, исключение понятия либо взаимосвязанных понятий, равно как и разное наименование и понимание того или иного предмета (процесса, явления), – можно исследовать:

во-первых, на примерах вариантов применения законодательного термина (без определения и после введенной легальной дефиниции);

во-вторых, на базе контекстуальных отличий хронологически сменяющих друг друга редакций одного закона;

в-третьих, на основе отраслевых и межотраслевых законов, имеющих соотносимые предметы регулирования, а также законов, регулирующих различные сферы.

Перспективным направлением является рассмотрение номинативно-дефиниционной базы законов в теоретическом и прикладном лексикографическом аспекте, с учетом современных коммуникативных практик и новых форматов текста, а также ресурсов Национального корпуса русского языка и методологии корпусной лингвистики.

Литература

1. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. М.: МГУ, 2003. 358 с.
2. Бачило И. Л. Понятийный аппарат информационного права и система обеспечения информационной безопасности / И. Л. Бачило // Труды Института государства и права РАН. 2016. № 3. С. 5-16.
3. Вус М. А. Регулирование в сфере ИКТ на постсоветском пространстве / предисловие чл.-кор. РАН Р. М. Юсупова. Спб.: Юридическая литература, 2018. 200 с.
4. Голев Н. Д. Компьютерное измерение сложности юридического текста / Н. Д. Голев // Проблемы и перспективы современной научной мысли в России и за рубежом. Кемерово: КГУ, 2020. С. 8-13.
5. Горбаневский М. В., Трофимова Г. Н. ГЛЭДИС в цифровом пространстве. М.: МАСКА, 2021. 176 с.
6. Иркова А. В. Изучение степени юридизированности лексики текста закона цифровыми методами / А. В. Иркова // Филология, иностранные языки и медиакоммуникации. Кемерово: КГУ, 2022. С. 545-549.
7. Терещенко Л. К. Трансформация понятийного аппарата информационного права в условиях цифровизации / Л. К. Терещенко // Журнал российского права. 2022. № 12. С. 98-110.

8. Юсупов Р. М., Жигadlo В. Э. О проблемах защиты от разрушительного воздействия информации / Р. М. Юсупов, В. Э. Жигadlo // Перспективные направления развития отечественных информационных технологий. Севастополь: СГУ, 2020. С. 35-36.

M. V. Batyushkina

LEGISLATIVE TERMINOLOGY IN THE FIELD OF DIGITALIZATION: A STUDY OF TERMS AND DEFINITIONS

Abstract. The results of the analysis of legislative terminology in the field of digitalization (in the field of development and application of information technologies) are presented. Typical features of industry terms and definitions are considered. The directions of the study of terms and definitions from linguistic and legal positions are indicated.

Keywords: text of the law, term, definition, corpus, digitalization.

П. Е. Белова

belova-polina@mail.ru

*эксперт-лингвист, эксперт-фоноскопист ООО «Центр экспертизы и оценки «ЕСИН», аспирант НИУ «Высшая школа экономики»
Нижний Новгород, Россия*

А. К. Сафарян

anna.safaryan-813@yandex.ru

*преподаватель НИУ «Высшая школа экономики»
Нижний Новгород, Россия*

АВТОМАТИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА ПОИСКА ПОБУЖДЕНИЙ И ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИХ ИЗ ТЕКСТА

Аннотация. В статье представлено описание системы автоматического поиска и извлечения побуждений из текстов на русском языке FindImper, основанной на поиске глагольных форм, выражающих значение побуждения, и реализованной на языке Python с использованием библиотек для морфологического и синтаксического анализа и набора правил.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза; автоматический анализ текста; синтаксический анализ; морфологический анализ; побуждение.

1. ВВЕДЕНИЕ

В рамках судебной лингвистической экспертизы на разрешение эксперта нередко ставится вопрос, касающийся выявления в текстах побуждений, в том числе выраженных в форме призыва, к совершению каких-либо действий. Побуждение является формой речевого воздействия, при котором «говорящий изъявляет свою волю адресату, склоняя его к преобразованию нереального положения дел в реальное» [7, с. 76]. Побуждение рассчитано на то, чтобы стимулировать осуществление какого-либо действия или, наоборот, предотвратить или изменить его. Особую роль побуждения играют в медиатекстах: печатных, теле- или радиотекстах, текстах интернет-СМИ, рекламных или PR-текстах, где используются с целью привлечения внимания аудитории и склонения её к определённым действиям.

В последние годы в связи со стремительным увеличением количества медиатекстов особое внимание стало уделяться контролю публикуемой в сети информации и ограничению доступа к ней или к самому ресурсу, если размещённая на нём информация является противозаконной (призывы к осуществлению экстремистской деятельности, массовым беспорядкам, иным публичным мероприятиям, направленным на нарушение установленного порядка, и т. д.). Актуальным стал вопрос разработки язы-

ковых алгоритмов информационного поиска, направленных на обнаружение потенциально опасного контента, распространяемого на электронных ресурсах, который впоследствии может стать объектом лингвистического исследования.

Как показывает экспертная практика, способы реализации побуждений различны. В современном русском языке они могут выражаться как языковыми (морфологическими, синтаксическими, лексическими), так и неязыковыми (невербальными) средствами (регулятивными жестами, мимикой). В тексте они могут быть как эксплицитными, так и имплицитными (скрытыми). Если в первом случае все компоненты побуждения в тексте выражены явно, то во втором «маскировке могут быть подвергнуты не только объект передачи и его характеристики, но и коммуникативные цели говорящих» [8, с. 262].

Кроме того, побуждение к действию может иметь различные оттенки значения: выделяются побуждения, предполагающие выполнение действий в интересах говорящего (например, просьба, требование), а также в интересах слушающего (рекомендация, предостережение, предложение, разрешение) [4, с. 130], при этом каждый из видов побуждения имеет свои средства выражения, с помощью которых можно передать всё многообразие эмоционально-побудительных значений, начиная от резких, категоричных и заканчивая вежливыми, мягкими.

Средства выражения побуждений в тексте подразделяются на ядерные и периферийные. Ядром побудительной семантики выступают императивные конструкции, они «являются центром функционально-семантического поля побудительности, вокруг которого в периферии группируются выражения побудительной модальности» [1, с. 203], при этом ряд грамматических средств передаёт побудительный смысл опосредованно. Среди таких средств можно назвать «изъявительное наклонение в настоящем и будущем времени, сослагательное наклонение глаголов, инфинитив» [3, с. 193]. В связи с этим отметим, что выявление в текстах способов передачи побуждений и установление средств их выражения представляет собой сложный процесс. Нередко средства побуждения, которые являются ядерными, в процессе коммуникации могут приобретать статус периферийных или говорящими могут быть использованы особые формы выражения побуждения, что потребует более детального анализа, включающего рассмотрение контекста и общей семантики текста.

2. ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП РАЗРАБОТКИ ИНСТРУМЕНТА

Разрабатываемая нами система *FindImper* направлена на автоматический поиск побуждений, содержащихся в текстах на русском языке, и предназначена для упрощения работы экспертов-лингвистов по извлечению из текстов побуждений с целью их дальнейшего исследования. В её основе лежит поиск глагольных форм, наиболее чётко и однозначно выражающих

48 значение побуждения, то есть явных побуждений. Это в первую очередь глаголы в форме повелительного наклонения, содержащиеся в побудительных (императивных) предложениях.

На подготовительном этапе разработки основная задача состояла в том, чтобы выявить способы образования императивных форм глагола в зависимости от лица и числа, а также значения (утвердительного и отрицательного) и тем самым оценить перспективы создания системы, очертить границы её применимости и сделать предположения о правилах, на которых она будет выстроена. Обобщив данные «Русской грамматики» [5, 19], вузовских учебников по русскому языку [2, 6] и диссертаций [9], выделим следующие способы образования побуждений.

Утвердительный императив в форме 2 лица единственного числа образуется от основы настоящего времени (у глаголов несовершенного вида) и от основы простого будущего времени (у глаголов совершенного вида):

— с помощью ударного суффикса -и: *иди, смотри, неси*;

— с помощью нулевого суффикса у глаголов с основой на -j или согласный, чередующийся по мягкости/твёрдости и шипящий: *думай-ø, читай-ø, мечтай-ø, придвинь-ø, сядь-ø, отрежь-ø*.

При этом необходимо учитывать особенности некоторых глаголов, например, имеющих основу на -р / -й + шумный, -ст или -ш в исходе основы, у которых в повелительном наклонении наблюдается вариативность: *чисти // чисть, порти // порть*; имеющих в основе инфинитива суффикс -ва-, который сохраняется в форме повелительного наклонения: *создавать – создавай; вставить – вставай*; имеющих беглый гласный (это касается односложных глаголов с гласным -и- в корне инфинитива, с основой настоящего времени на -j (*бьют, вьют*) и производных от них): *бей, вей, пришей*; образующих особую форму повелительного наклонения: *поезжай, ешь*.

Несколько императивных форм в специальном языке военных команд имеют особые варианты с редуцированным возвратным постфиксом: *равняйся – равняйсь, стройся – стройсь, рассчитайся – рассчитайсь*. Кроме того, глагол в форме 2 лица ед. числа повелительного наклонения употребляется также с постфиксом -ка (смягчённое волеизъявление): *иди-ка, скажи-ка*.

Аналитическая форма образуется при помощи частицы «давай», сочетающейся с глаголом в форме 2 лица ед. числа повелительного наклонения: *давай читай; давай пиши*.

Отрицательный императив в форме 2 лица единственного числа образуется преимущественно от глаголов несовершенного вида (НСВ) путём добавления частицы «не» к глаголам НСВ в форме повелительного наклонения: *не покупай, не пиши*; к глаголам НСВ в форме повелительного наклонения и инфинитивам: *не пытайся убежать*. Встречаются также случаи сочетания глагола совершенного вида (СВ) в форме повелительного наклонения с частицей «не»: *Не упади! Не забудь!* – и сочетания глагола

СВ в форме повелительного наклонения и инфинитива с частицей «не»: *Не забудь выключить свет!* Это специфическое значение превентива, то есть побуждения не совершать какие-то действия с целью избежать некоторого опасного или просто нежелательного события.

Утвердительный императив в форме 2 лица множественного числа образуется от форм ед. числа с помощью постфикса -те, присоединяемого к форме 2 лица ед. числа: *Пойдите, возьмите кошелёк. Выйдите все.* Важно также учитывать случаи употребления в побудительном предложении составного глагольного сказуемого, выраженного глаголом в форме 2 лица мн. числа повелительного наклонения и инфинитивом: *Попробуйте только лишить меня свободы!* Глаголы в форме 2 лица мн. числа повелительного наклонения также могут употребляться с частицей -ка: *идите-ка, скажите-ка.*

Отрицательный императив в форме 2 лица множественного числа образуется преимущественно от глаголов несовершенного вида в форме 2 лица мн. числа повелительного наклонения путём добавления частицы «не»: *не покупайте, не торопитесь.* Встречаются также случаи сочетания глагола совершенного вида в форме 2 лица мн. числа повелительного наклонения с частицей «не» (значение превентива): *Не упадите! Не забудьте!* В отрицательных побудительных предложениях также может быть использовано составное глагольное сказуемое, выраженное глаголом в форме 2 лица мн. числа повелительного наклонения с частицей «не» и инфинитивом: *Даже не думайте это купить!*

Императив в форме 3 лица единственного числа образуется путём сочетания частицы «да» с глаголом в форме 3 лица ед. числа будущего времени: *Да сохранит тебя твой добрый гений...* – и частицы «пусть» или «пускай» с глаголом в форме 3 лица ед. числа простого будущего или настоящего времени: *Пусть он спойт и спляшет. Пусть катится к чёрту!* В разговорной речи встречаются случаи использования частицы «чтобы» с глаголом в форме 3 лица ед. числа прошедшего времени или составным глагольным/именным сказуемым: *Чтоб он работал! Чтобы он начал заниматься! Чтобы он был готов!*

Императив в форме 3 лица множественного числа образуется путём сочетания частицы «пусть» или «пускай» с глаголом в форме 3 лица мн. числа будущего или настоящего времени: *Пусть они споют! Пускай прозябают!*

Для выражения совместного действия единственного числа используются 1) глаголы в форме 1 лица мн. числа будущего времени с окончаниями на -ем/-им: *пойдём-ка, сядем-ка*; 2) глаголы в форме 1 лица мн. числа прошедшего времени с добавлением частицы -ка: *пошли-ка, поехали-ка*; 3) сочетание частицы «давай» с глаголом в форме 1 лица мн. числа будущего времени с окончанием на -ем/-им: *давай пойдём*; 4) сочетание частицы «давай», глагола-связки «будем» и инфинитива: *давай будем петь*,

50 *давай будем танцевать*; 5) сочетание частицы «давай» и инфинитива: *давай ходить*.

Для выражения совместного действия множественного числа используются 1) глаголы в форме 1 лица мн. числа будущего времени с окончаниями на -ем/-им с постфиксом -те: *пойдёмте, сядемте*; к которым возможно добавление частицы -ка: *пойдёмте-ка, сядемте-ка*, или постфикса -сь: *пойдёмтесь*; 2) глаголы в форме 1 лица мн. числа настоящего и будущего времени: *Подыдем стаканы, содвинем их разом!*; 3) сочетание частицы «давайте» с глаголом в форме 1 лица мн. числа будущего времени: *давайте пойдём, давайте сделаем*; 4) сочетание частицы «давайте», глагола-связки «будем» и инфинитива: *давайте будем петь, давайте будем танцевать*; 5) сочетание частицы «давайте» и инфинитива: *давайте спать*.

В результате были описаны синтетические и аналитические способы образования положительного и отрицательного императива в русском языке для форм 2 и 3 лица ед. и мн. числа и форм совместного действия 1 лица ед. и мн. числа, которые в дальнейшем использовались при составлении правил поиска. Кроме того, при написании правил был принят во внимание тот факт, что в значении повелительного наклонения могут выступать формы изъявительного наклонения прошедшего (*Пошёл! Поехали!*), настоящего (*Я спрашиваю – Вы отвечаете! Все остаются на своих местах!*) и будущего (*Ты пойдёшь и позовёшь мне Ваню!*) времени.

3. Описание FINDIMPER

Система автоматического извлечения побуждений из текстов реализована на языке программирования *Python* с использованием библиотек для морфологического и синтаксического анализа и набора правил.

Автоматическое извлечение представляет собой операцию, которая по заранее заданному алгоритму из текста на естественном языке вычленяет структурированные данные заданного характера и выводит на экран или записывает их в файл в заранее определённом формате. **Морфологическим анализом** в компьютерной лингвистике называется определение части речи слова и присущих ему грамматических категорий. Под **синтаксическим анализом** подразумевается представление предложения в виде дерева зависимостей с определением характера связи между узлами.

Приведём краткое описание этих библиотек, предлагающих различные способы анализа предложения:

1. *Rymorphy2* анализирует текст пословно, прибегая к данным корпуса *OpenCorpora* [13] и предлагая гипотетические морфологические разборы слов;

2. *PyMystem3* – адаптация консольного инструмента *Mystem* от компании Яндекс, также строящего гипотетические морфологические разборы слов, однако, в отличие от *Rymorphy2*, ещё и разрешающего омонимию на основе статистических данных из НКРЯ [17];

3. *SpaCy* – современный инструмент для автоматической обработки естественного языка, обладающий большими возможностями

лемматизации, морфологического разбора, синтаксического парсинга, извлечения именованных сущностей и т. д. [12]. Для русского языка использовалась предобученная модель, созданная на основе корпуса новостных и медийных текстов *Nerus* [20]. Это синтетический корпус, размеченный обученной на небольшом корпусе вручную размеченных текстов нейронной сетью на основе архитектуры *BERT* [11]. Набор граммем в этой модели соответствует универсальному формату *CoNLL-U* [21].

4. *spacy_udpipe* – обёртка, позволяющая использовать модели *UDPipe* в интерфейсе *SpaCy*. В этом случае анализ проводился моделью *UDPipe* [18], предобученной на корпусе *SynTagRus 2.5* [10, с. 367-381]. Набор граммем также соответствует формату *CoNLL-U*.

5. *Stanza* – созданный *Stanford NLP Group* инструмент [16], также предлагающий широкие возможности для автоматического анализа естественного языка, в том числе на русском языке. Использованная модель была предобучена на русскоязычной части датасета *Universal Dependencies v2.8*, что означает, что её граммемы также соответствуют формату *CoNLL-U*.

Для поиска побуждений в текстах был разработан следующий алгоритм:

- 1) чтение исходного файла;
- 2) сегментация и токенизация предложений;
- 3) морфологический (с выбором гипотез, предлагающих повелительное наклонение глагола) и, в зависимости от используемого способа анализа, синтаксический разбор предложения;
- 4) поиск побуждений по установленным для алгоритма правилам (будут описаны ниже);
- 5) запись результата в файл;
- 6) оценка точности и полноты распознавания при наличии соответствующей разметки в исходном файле.

На вход системе подаётся файл в любой кодировке в формате *txt*, *csv* или *tsv*, каждая строка которого содержит реплики говорящих и их идентификаторы в случае диалогического текста или линейную цепочку предложений в случае монологического текста. После обработки возвращается исходная таблица, к которой добавляется столбец, где каждая строка содержит найденные побудительные конструкции или остаётся пустой в случае, когда предложение не содержит императива.

Теперь опишем более подробные алгоритмы для каждого из методов распознавания побуждений.

1. Метод на основе морфологического анализа:

- 1.1 Сегментация сложного предложения на простые, в том числе осложнённые.
- 1.2 Распознавание побудительных конструкций в каждой части предложения:
 - 1.2.1 Выделение глаголов, которым модель присвоила метку повелительного наклонения: среди них могут быть как глаголы в повелительном наклонении (в т. ч. в разговорных

- формах: «заедь», «ложи»), так и глаголы в изъявительном наклонении в прошедшем, настоящем и будущем времени, т. к. эти формы часто омонимичны;
- 1.2.2 Выделение слов-маркеров (частицы «давай», «пусть», «пускай», «да» и др.). При этом слова «давай», после которых следовали знаки препинания, пропускаются, т.к. чаще всего они употребляются в ситуации прощания: *М1 «Давай!» // М2 «Хорошо. Давай!»*;
 - 1.2.3 Выделение форм настоящего и будущего времени изъявительного наклонения, т.к. в них модель часто пропускает омонимичные формы;
 - 1.2.4 Принудительное выделение как побудительных всех токенов, оканчивающихся на частицу -ка;
 - 1.2.5 Выделение отрицательной частицы «не» перед глаголом при её наличии.
- 1.3 Объединение найденных побуждений.
- 2. Метод на основе синтаксического парсинга зависимостей:**
- 1.4 Выбор синтаксических деревьев, в корне которого находится:
 - 1.4.1 Глагол, помеченный моделью как имеющий форму повелительного наклонения, или слово-маркер («давай», «пусть», «пускай» и т.п.);
 - 1.4.2 Глагол, имеющий в качестве прямых зависимых глагол в повелительном наклонении или слово-маркер.
 - 1.5 Рекурсивное выделение от «побудительной» вершины всех зависимых от неё глаголов, отрицательных частиц и побудительных маркеров.

4. Тестирование и ошибки, допущенные системой

Для оценки работы системы *FindImper* использовался корпус диалогических текстов, представляющих собой телефонные разговоры дикторов-мужчин и женщин, дословное содержание которых ранее было установлено экспертами ООО «Центр экспертизы и оценки «ЕСИН». Общение между собеседниками неофициальное, преобладающий стиль речи – разговорный. Общий объём корпуса – 4698 предложений, из которых 513 содержали побудительные конструкции.

В роли метрик для оценки качества работы системы использовались **точность**, показывающая количество верно определённых вхождений и штрафующая за ошибки, и **полнота**, показывающая количество выделенных вхождений и штрафующая за пропуски соответствующих слов. Так как при оценке сопоставлялись последовательности слов, точность оценивалась при помощи метрики BLEU [15], а полнота – при помощи метрики ROUGE [14]. В таблице приведены полученные значения (жирным шрифтом выделен предпочтительный вариант каждого из алгоритмов):

Метод	Анализатор	ROUGE-1 (полнота)	BLEU-1 (точность)
Морфологический	PyMorphy2	0,96	0,72
	Mystem3	0,95	0,73
Синтаксический	SpaCy	0,67	0,56
	Stanza	0,83	0,66
	UDPipe	0,72	0,62

Так, из отражённых в таблице данных полноты и точности видно, что метод, основанный на правилах поверх морфологической разметки, в обоих случаях даёт большую полноту и большую точность. Однако это может быть связано с более подробной проработкой самих правил, а не с перспективностью подхода.

В настоящее время для использования рекомендован алгоритм на основе морфологического разбора через *pymorphy2* и правил, но, несмотря на достаточно высокие показатели полноты и точности, в процессе работы системы обнаруживаются ошибки при поиске и извлечении побуждений из корпуса текстов на русском языке. С точки зрения полноты для него характерны следующие ошибки:

- пропуск частицы «*давай*» с последующим знаком препинания, т. к. это сочетание фильтруется алгоритмом во избежание ложных срабатываний: «*Ну всё, давай, значит, **позвоним, напишем** ему, если чё*» вместо «*давай позвоним, напишем*» (здесь и далее жирным шрифтом выделены результаты работы *FindImper* – прим. авторов);
- пропуск отдельных глаголов в форме изъявительного наклонения прошедшего времени в значении повелительного: в предложении «*И далее вы спокойно отъехали, в сторону встали*» система не выделила ничего;
- пропуск побуждений, выраженных сочетанием неспециализированной структуры с побудительной интонацией: «*Прямо!*», «*Побыстрее!*»;
- пропуск части побуждающей конструкции: извлечение «*имей*» вместо «*имей в виду*», «*давай*» вместо «*давай быстрее*» и др.
- С точки зрения точности наиболее распространены ошибки:
- вычленение лишних глаголов: «*Вы **будьте** там аккуратнее, там потому что на карманах эти **палят**, машины **ездиют***» вместо «*будьте аккуратнее*»;
- вычленение глаголов в форме изъявительного наклонения настоящего и будущего времени, не омонимичной форме повелительного: «*Ну мы с этой стороны **поедем***», «*Пусть*

посмотрит в интернете, чё про него *пишут* и вообще *характеристики*» вместо «*пусть посмотрит*».

Алгоритму на основе синтаксического анализа также присущи и пропуски, и добавления лишних слов:

- пропуск глаголов из-за нераспознавания глагола-вершины как маркера побудительности: вершина предложения «*Он по купле-продаже может сделать также куплю-продажу*» – глагол «*может*» был определён как форма настоящего времени;
- пропуск глаголов из-за неверного распознавания их формы: в примере «*Пусть они поедут и-и на то место, там скинут эту фигну*» слова «*пусть поедут скинут*» не выделились из-за того, что глагол «*поедут*» был распознан как форма будущего времени;
- пропуск глаголов из-за неправильного определения их части речи: в примере «*Да лучше второй едь*» глагол «*едь*» не был выделен из-за того, что модель определила его как существительное;
- вычленение лишних глаголов: в примере «*Тэшку пусть там скинут на дороге где-нибудь, чтобы её можно было сразу найти, короче*» были выделены все глаголы, зависящие от слов «*скинут*» и «*найти*», хотя первый не был выделен, т. к. определился как форма будущего времени.

5. Заключение и перспективы работы

На данном этапе система *FindImper* осуществляет поиск и извлечение из текстов на русском языке синтетических и аналитических форм повелительного наклонения глагола. Это в первую очередь явные побуждения, выраженные при помощи специальных форм повелительного наклонения глагола, форм совместного действия, соединения спрягаемого глагола с частицами «да», «*пусть*», «*пускай*». При тестировании особое внимание уделялось полноте, а не точности, т. к. предполагается, что ложные распознавания будут впоследствии отсеяны экспертом-лингвистом вручную.

Таким образом, лучшим алгоритмом был признан правилковый, основанный на морфологической разметке от *rumorphy2*, хотя у пользователя остаётся возможность выбора как анализатора, так и самого алгоритма. В случае *rumorphy2* полнота распознанных побуждений составляет 96 %, в то время как точность – 75 %, т. е. в качестве побудительных конструкций выявляется довольно много тех, которые таковыми не являются. Однако разработанная система не видится как автономное решение и может служить только вспомогательным инструментом при работе эксперта-лингвиста. Несмотря на то, что оценка проводилась на корпусе диалогических текстов, те же алгоритмы могут применяться и к монологическим текстам.

В дальнейшем планируется развитие системы: повышение точности и полноты анализа; улучшение алгоритма, основанного на синтаксическом разборе предложения; расширение множества распознаваемых форм выражения побуждения; появление удобного веб-интерфейса; исполь-

зование нейронных сетей для выявления побудительных предложений, благодаря чему можно будет распознавать формы инфинитива, сослагательного и изъявительного наклонений, выступающие в значении повелительного.

Авторы статьи выражают признательность Малафееву Алексею Юрьевичу за консультацию и ценные советы.

Литература

1. Абросимова Г. А. Побуждение как объект лингвистического исследования / Г. А. Абросимова // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. № 29. 2014. С. 201-208.

2. Валгина Н. С., Розенталь Д. Э., Фомина М. И. Современный русский язык: учебник / Под редакцией Н. С. Валгиной. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Логос, 2002. 528 с.

3. Гочева И. В. Побуждение и способы его передачи в языке: традиционный и когнитивный аспекты изучения (на материале русского и английского языков) / И. В. Гочева // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2020. Том 13. Вып. 12. С. 191-196.

4. Петрова Е. Б. Каталогизация побудительных речевых актов в лингвистической прагматике / Е. Б. Петрова // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2008. № 3. С. 124-133.

5. Русская грамматика: [в 2 т.] / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; [редкол.: д. филол. н. Н. Ю. Шведова и др.]. М.: Наука, 1980-1982. Т. 2: Синтаксис / Е. А. Брызгунова, К. В. Габучан, В. А. Ицкович и др. 1980. 709 с.

6. Русский язык. Учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. № 2121 «Педагогика и методика нач. обучения». В 2 ч. Ч. 2. Состав слова и словообразование. Морфология. Синтаксис. Пунктуация / Н. В. Костромина, К. А. Николаева, Г. М. Ставка, Е. Н. Ширяев; под ред. Л. Ю. Максимова. М.: Просвещение, 1989. 288 с.

7. Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе: Методическое пособие / А. М. Плотникова, В. О. Кузнецов, И. И. Саженин и др.; под ред. профессора С. А. Смирновой; М-во юстиции Рос. Федерации. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2018. 136 с.

8. Судебная лингвистика: монография / Под ред. О. Н. Матвеевой. Барнаул: Концепт, 2015. 310 с.

9. Фатеме Н. Способы выражения побуждения в современном русском языке: дисс. ... кандидата филологических наук: 10.02.01. М., 2012. 156 с.

10. Boguslavsky I. SynTagRus – a Deeply Annotated Corpus of Russian // Les émotions dans le discours. Emotions in Discourse / eds. Peter Blumenthal, Iva Novakova, Dirk Siepmann. Peter Lang Edition, 2014. P. 367-381.

11. Devlin J., Chang M.-W., Lee K., Toutanova K. BERT: Pre-training of Deep Bidirectional Transformers for Language Understanding, 2018. URL: <https://arxiv.org/abs/1810.04805v2> (дата обращения: 26.02.2023).

12. Honnibal M., Montani I. spaCy 2: Natural language understanding with Bloom embeddings, convolutional neural networks and incremental

56 parsing, 2017. URL: <https://sentometrics-research.com/publication/72/> (дата обращения: 26.02.2023).

13. Korobov M. Morphological Analyzer and Generator for Russian and Ukrainian Languages / M. Korobov // *Analysis of Images, Social Networks and Texts*, 2015. P. 320-332.

14. Lin Chin-Yew. ROUGE: A Package for Automatic Evaluation of summaries / Chin-Yew Lin // *Proceedings of the ACL Workshop: Text Summarization Braches Out 2004*, 2004. P. 74-81.

15. Papineni K., Roukos S., Ward T., Zhu W. J. BLEU: a method for automatic evaluation of machine translation / K. Papineni, S. Roukos, T. Ward, W. J. Zhu // *ACL-2002: 40th Annual meeting of the Association for Computational Linguistics*, 2002. P. 311-318.

16. Qi P., Zhang Yu., Bolton J., Manning Ch. D. Stanza: A Python Natural Language Processing Toolkit for Many Human Languages / P. Qi, Yu. Zhang, J. Bolton, Ch. D. Manning // *Proceedings of the 58th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics: System Demonstrations*, 2020. P. 101-108.

17. Segalovich I. A Fast Morphological Algorithm with Unknown Word Guessing Induced by a Dictionary for a Web Search Engine / I. Segalovich // *Proceedings of the International Conference on Machine Learning; Models, Technologies and Applications*, 2003. P. 273-280.

18. Straka M., Hajic J., Straková J. UDPipe: Trainable Pipeline for Processing CoNLL-U Files Performing Tokenization, Morphological Analysis, POS Tagging and Parsing / M. Straka, J. Hajic, J. Straková // *International Conference on Language Resources and Evaluation*, 2016. P. 4290-4297.

19. Императив // Русская корпусная грамматика [Электронный ресурс]. URL: <http://rusgram.ru/Императив> (дата обращения: 15.02.2023).

20. Nerus // Github [Электронный ресурс]. URL: <https://github.com/natasha/nerus> (дата обращения: 24.02.2023).

21. Universal dependencies [Electronic resource]. URL: <https://universaldependencies.org/format.html> (дата обращения: 25.02.2023).

*P. E. Belova
A. K. Safaryan*

AUTOMATION OF IMPERATIVES SEARCH AND THEIR EXTRACTION FROM TEXT

Abstract. The article describes a system of automatic search and extraction of imperatives from texts in Russian *FindImper*, based on the search for verb forms that most clearly and unambiguously express the meaning of the motive. This system is implemented in *Python* using libraries for morphological and syntactic analysis and a set of rules.

Keywords: linguistic expertise; automatic text analysis; syntactic analysis; morphological analysis; imperative.

ПРАГМАТИКА ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Аннотация. Формирование медиаграмматики как направления медиалингвистики базируется на тщательном исследовании особенностей использования в медиа грамматических форм и категорий. В статье показано, какие прагматические приращения появляются у морфологических и словообразовательных форм вообще и элиминированных грамматических лакун в частности.

Ключевые слова: словоизменяемые и словообразовательные категории, морфологические формы, семантика и прагматика грамматических форм, медиадискурс.

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОНРЮО в рамках научного проекта № 21-512-07002.

Стало общим местом утверждение о том, что современный медиадискурс по многим параметрам доминирует над иными дискурсивными формами [3], и потому все активные процессы в языке медиа имеют особую значимость и влияние на лингвокультуру в целом. Особый интерес представляют процессы в сфере грамматики, прежде всего – словообразования и морфологии. Грамматические формы, консервативные по своей природе, традиционно расценивались как зависимые и второстепенные для текстопорождения и формирования прагматических смыслов. Между тем, новый эмпирический материал медиадискурса, отражающий период кардинальных изменений в социуме, дает основания для пересмотра такого подхода. Изменения, как будет показано в дальнейшем изложении, затрагивают не только лексико-семантический, но и грамматический уровень.

Прежде всего, на медийном материале отчетливо видны наметившиеся сдвиги в системе грамматической нормы. Это, касается, например, синтактики морфологической категории рода. Ср.:

А вот Татьяне Тарасовой и так уже все понятно.

— *Да сколько можно, нет там никакого дела! – заявила в сердцах легендарный тренер «Собеседнику» (Е. Мильчановска «Под грифом «Секретно» // Собеседник, 2022, № 41. С. 20)*

— *Власть не хочет отказываться от русского языка, ей самой привычно говорить по-русски, – считает Ирина, филолог и преподавательница одного из киевских университетов. – Соответственно, чтобы сохранить русский язык, но при этом сепарироваться от Москвы, нужно придумать свой русский. Как сказала бывшая пресс-секретарь Зеленского Мендель – «украинский русский язык», – объясняет филолог (М. Берк «Язык Киев до Москвы доведет» // Комсомольская правда, 10 сентября 2021 г.).*

Как видим, в этих двух примерах фиксируется наметившееся изменение в норме: в первом случае отражена традиционная норма – согласование антропонима по мужскому роду с прилагательным и координация с глаголом по женскому; во втором случае фиксируется распространение согласования по смыслу и на атрибут. Если учесть, что и «традиционной» норме не более 50–60 лет (как известно, еще А. А. Ахматова и Л. К. Чуковская активно и эмоционально протестовали против смысловой координации типа *поэт писала*), то более чем вероятно дальнейшее движение в эту сторону, которое и фиксируют медиа.

Медийная грамматика, как и медиадискурс в целом, нацелена на перлюкативный эффект, который достигается в том числе формами с отрицательной прагматикой. Нередко это элиминированные лакуны, которые формируются в случае, если нужные смыслы невозможно выразить узуальными средствами. Это не аномалии и тем более не языковые деструкции; это именно элиминированные лакуны, восполняющие (по продуктивной модели) пустующие ячейки [1]. Такие формы способны передавать все оттенки пейоративности: неодобрение, критическое отношение, порицание, негодование и даже презрение. Так, в телепередаче «60 минут» на первом канале 12 декабря 2022 года прозвучало слово «сговорняк». Как известно, после начала СВО популярным стал пейоратив «договорняк»:

Я понимаю, что мосты через Днепр сейчас наверняка особенно сильно охраняются. Но ведь на маршруте движения существует еще куча рек и речушек, через которые тоже есть мосты. Можно их вывести из строя. Они будут их восстанавливать неделями и месяцами. Но мы и этого не делаем. Поэтому у многих и возникает подозрение, что здесь имеется какой-то «договорняк». Не у военных, конечно. Скорее у коммерсантов... (О. Божьева «Прищемить хвост «Леопарду» // Московский комсомолец, 26 января 2023 г. С. 3).

В паре договор-сговор второй элемент сам по себе пейоратив (мы, конечно, не имеем в виду устаревшее значение ‘помолвка, свадебный обряд’), это договор, отрицательно оцениваемый отправителем речи, это «обманное соглашение или тайное сотрудничество между двумя или более сторонами с целью ограничения открытой конкуренции путем обмана, введения в заблуждение или обмана других лиц в отношении их законных прав» [4]. Толковые словари дают при слове *сговор* помету «обычно неодобр.» Но поскольку пейоративность тоже имеет градации, отправителю речи показалось мало неодобрительного *договорняк* и он использовал «двойной пейоратив» – *сговорняк*.

Итак, манифестация пейоративности нередко осуществляется за счёт окказионального словообразования. Ср.:

...но, на мой скромный взгляд, Голливуд за последние лет двадцать полностью **«исснимался»**, занявшись производством визуально-спецеф-фектной жвачки или политагиток из текущей повестки (П. Власов «Эффект Чебурашки» // Культура, 2023. № 1. С. 2); Заголовок **Поухали тут!** (Московский комсомолец, 10 ноября 2022 г. С. 3) Речь идет о массовом отъезде на родину после начала СВО мигрантов из Таджикистана, Киргизии и Армении. **Различные бизнес-тренеры и прочие инфоцыгане уже применяют метод прусских переговоров** (В. Воробьев «Оба хуже» // Завтра, 2022. № 50. С. 2)

На разные оттенки прагматики пейоративности нацелены и многие другие грамматические формы, например – феминитивы.

Помню, когда играли в «Одеоне» «Гамлета», из газеты «Ле Монд» пришла седая злая **критикесса**... (Интервью с режиссером Николаем Колядой «Гений из удобрений» // Московский комсомолец, 1 февраля 2023, С. 12); ... никто из топ-чиновников его администрации, включая **вице-президентишу Харрис**, не представляет собой самостоятельную силу (К. Зайцев «Гараж-гейт» // Завтра, 2023. № 2. С. 2); У **Болотовой героини** разные, но обе – ампуа **гранд-коклет**, холодные столичные красотки. В «Журналисте» главный герой бежит от неё на Север к Шуре (Галина Польских). В «Любить человека» светская **архитекторшиа** Таня в исполнении Болотовой призвана контрастировать с **Машей** (О. Пухнавцев «Кино об исчезнувшей Родине» // Литературная газета, 2023. № 3. С. 8); ...22 января главная **дипломатка** Германии **Анналена Бербок** заявила, что Германия не станет возражать против поставок танков через третьи страны, да и вообще – «всякое может быть» (И. Титов «Скрежет танков» // Завтра, 2023. № 3. С. 2).

Конечно, феминитив может быть использован с нулевой прагматикой – исключительно для формирования понятийной точности: *Сейчас я снимаюсь в Сочи, играю **кикбоксёршу**. У меня в принципе есть зеленый пояс по карате, я в жизни занимаюсь боксом, кикбоксингом* (Интервью с актрисой А. Дубровиной «Все «моё» должен видеть только близкий человек» // Аргументы недели, 2022. № 49. С. 17) – феминитив подчёркивает, что актриса играет женщину, и это было бы неочевидно, если использовать немаркированный мужской род.

Медиадискурс отчетливо демонстрирует, что числовая парадигма имен неконкретной семантики становится все более регулярной. Есть абстрактные имена, плюративы от которых настолько регулярны, что можно говорить о движении в сторону *pluralia tantum*, как в случае с существительным *риск*: *Наступило время – такое периодически случается в истории, – когда волей-неволей приходится выбирать сторону. И вместе с тем все сопутствующие выбору **риски*** (П. Власов «Эффект Чебурашки» // Культура, 2023. № 1. С. 2).

В иных случаях элиминированные числовые лакуны берут на себя функцию передачи дополнительных семантических (прежде всего – значения гетерогенности) или прагматических оттенков (чаще всего – пейоративности): А вообще наши страны действительно многое роднит. Может быть, *наше противостояние обусловлено некими сходными чертами? Например, стремление к энергичному воплощению в жизнь собственной воли. Только воли эти – разной природы* (Р. Амелин «Ответ Госдепу» // Литературная газета, 2023. № 5. С. 2); *Поэтому российской прессу наполнили плачи, истерики и заламывания рук, несмотря на то, что факт подлости и беспринципности французских властей не должен никого удивлять* (С. Соколов «Пора домой» // Завтра, 2023. № 2. С. 2).

Материал медиадискурса позволяет судить о процессах анализации русской грамматики, которая ярко проявляется в одних звеньях (аналит-прилагательные типа *бизнес-проект*) и не распространяется на другие (заимствованные существительные с морфонематическими ограничениями на склоняемость). По-прежнему склоняемые *метро* или *пальто* используются только с игровыми функциями, ср.:

— *Сначала скажу, что я впервые в «Московском комсомольце», знать не знал, где вы находитесь, ехал на метро, потом шел пешком.*

— *Ехал на метро в пальте?*

(Интервью с режиссером Николаем Колядой «Гений из удобрений» // Московский комсомолец, 1 февраля 2023. С. 12). Как видим, Николай Коляда использовал игровую девятиивную форму, и журналист подхватывает игру.

Новое явление – попытка склонять существительное *нон-фикшен*:

2022 год вошел в историю литературы и книжности как триумф нон-фикшена (Вл. Новиков «Современные писатели – о лучших книгах 2022 года» // Литературная газета, 2023. № 3. С. 3).

Как известно, несклоняемые заимствования с основой на согласный единичны (*нонсенс, праймериз, маринз, чиканос*). Несклоняемость существительного *нонсенс* обусловлена наиболее частотной синтаксической позицией, предполагающей исходную форму (роль сказуемого), другие имена тяготеют по семантике к *pluralia tantum*, что не оставляет возможности включиться в одну из существующих парадигм склонения.

То есть, можно утверждать, что при отчетливых аналитических тенденциях, которые ярче всего проявляются в количественном росте аналит-прилагательных (фактически любое имя в современных текстах может выступать в такой роли), сохраняются и традиционные зоны синтетизма.

С одной стороны, Б. Ю. Норман совершенно прав, когда утверждает, что грамматическая специфика медиаречи образуется не какими-то отдельными чертами, а статистическим накоплением целого комплекса языковых характеристик [2, с. 60]. И с другой стороны, медиа, в силу своей особой роли в современной лингвокультуре, дают полный спектр динамики не только собственно грамматических форм, но также семантики и

прагматики грамматических категорий. То есть, медиа дают представление о содержательной стороне граммем, что способствует объемному и сущностному пониманию грамматического строя языка.

Литература

1. Куликова Э. Г., Акай О. М., Беляева И. В. Элиминированные лакуны vs потенциальные грамматические формы: корреляция понятий / Э. Г. Куликова, О. М. Акай, И. В. Беляева // Вестник Российского нового университета. Серия «Человек в современном мире», 2020. Вып. 4. С. 98-104.

2. Норман Б. Ю. Есть ли у медиатекстов своя грамматика? / Ю. Б. Норман // Медиалингвистика. Вып. 8. Язык в координатах массмедиа: мат-лы V Междунар. научн. конференции (Санкт-Петербург, 30 июня – 2 июля 2021 г.) / Науч. ред. Л. Р. Дускаева, отв. ред. А. А. Малышев. СПб.: Медиа-папир, 2021. С. 59-61.

3. Полонский А. В. Медиалект: язык в формате медиа / А. В. Полонский // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки, 2018. Т. 37, № 2. С. 230-240.

4. Сговор // Википедия. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Collusion> (дата обращения: 28.05.2023).

L. A. Brusenskaya

PRAGMATICS OF GRAMMATICAL FORMS IN MODERN MEDIA DISCOURSE

Abstract. The formation of media grammar as a direction of media linguistics is based on a scrupulous study of the features of the use of grammatical forms and categories in media. The article presents what pragmatic meanings appear in morphological and word-formation forms in general and eliminated grammatical lacunae in particular.

Keywords: inflectional and word-forming categories, morphological forms, semantics and pragmatics of grammatical forms, media discourse.

Acknowledgements: the reported study was funded by RFBR and MESRSO, project number № 21-512-07002.

«ТАКАЯ РАЗНАЯ ИРОНИЯ»: ОТ СТИЛИСТИЧЕСКОГО ПРИЕМА – К ДИФФАМАЦИИ

Аннотация. В статье затрагивается проблема неоднозначной экспертной квалификации иронии как стилистического феномена и потенциально инвективного средства, позволяющего адресанту, оставаясь в рамках юридической нормы, реализовывать речевую стратегию «игры на понижение».

Ключевые слова: ирония, стилистический прием, непрямая коммуникация, дискредитация, инвектива.

Современная медиасреда, являясь по своей языковой природе гетерогенной, при экспертной квалификации ее речевых продуктов требует учета не только собственно лингвистических, контекстуальных и экстралингвистических характеристик единиц текста, но и употребления их в конкретной коммуникативной ситуации.

Семиотическая усложненность медийной коммуникации обусловлена многими факторами: это и наличие наряду с вербальной коммуникацией элементов невербалики, присутствие значительной доли косвенных речевых актов в общем пространстве речевых актов, в отдельных случаях – преобладание «дискурсов» над собственно текстами и текстоидами в пространстве речевого общения [10]. Кроме того, необходимо учитывать разнообразное множество смыслов, передаваемых имплицитно через разноуровневые речевые единицы – косвенные компоненты содержания, косвенные высказывания, имплицатуры языковых единиц и т. д., которые в традиции, идущей от Э. Бенвениста, понимаются как отражение общесемиотического начала в языке, а В. В. Дементьевым объединяются в особую коммуникативную категорию – категорию непрямой коммуникации [3, с. 13]. Принципиально важным при анализе непрямой коммуникации (несемиотической коммуникации – по Э. Бенвенисту), для которой не характерна конвенциональность, четкая взаимная закреплённость и соотносённость плана выражения и плана содержания, является «представление об осложненной интерпретативной деятельности адресата речи, необходимой при коммуникативном использовании неконвенциональных единиц, поскольку итоговый смысл высказывания выводится именно адре-

сатом» [3, с. 13]. И поскольку в интерпретативную деятельность включается человеческий фактор, это делает непредсказуемым результирующий смысл высказывания и, соответственно, осложняет экспертную квалификацию неконвенциональных знаков.

К явлениям «семантического» (несемиотического) типа в коммуникативной деятельности следует отнести и иронию. Являясь в классическом понимании стилистическим приемом (иногда иронии характеризуют и как троп), ирония в современных медиатекстах становится доминирующим способом выражения не прямой оценки, позволяя адресанту, оставаясь в рамках юридической нормы, реализовывать речевую стратегию «игры на понижение» [5], балансируя на грани различных правонарушений (умаления чести и достоинства, оскорбления и др.). Рассмотрение же различных коммуникативных условий реализации речевых актов оскорбления с участием иронии позволяет выявить различные уровни инвективного потенциала иронии и расширить параметризацию данного стилистико-речевого феномена как инвективного средства.

Нельзя не согласиться с И. А. Соболевой, что «современный иронический тип медиаповествования – многогранный, неоднозначный процесс» [11, с. 45]. Решение вопроса о том, что представляет собой, ирония (троп или стилистический прием) оставим методологам, наша задача как исследователей-практиков попытаться прояснить лингвоюридическую коллизию – можно ли рассматривать иронию как инвективное средство и в целом – как средство, реализующее стратегию дискредитации. И если да, то какую иронию?

Сложность интерпретации иронии обусловлена, прежде всего, двойственностью ее филологического осмысления: в лингвостилистике ирония понимается как «... выражающее насмешку или лукавство иносказание, когда слово или высказывание обретают в контексте значение, противоположное буквальному смыслу или отрицающее его, ставящее под сомнение», а в литературоведении и эстетике ирония понимается как вид комического, в котором «критическое отношение к объекту осмеяния носит осуждающий характер и выражается в несколько завуалированном виде» [14, с. 143-144]. Фундаментального противоречия здесь нет, поскольку в интересующем нас лингвоюридическом аспекте актуализируется способность иронии в иносказательном виде выражать критическое отношение к предмету осмеяния, что и обеспечивает данному приему отнесенность к непрямым способам коммуникации со всеми вытекающими отсюда семантическими, прагматическими и коммуникативными нюансами, а также осложненностью интерпретативной деятельности адресата (и всех вовлеченных в конфликтную ситуацию, связанную с различной осмыслением иронического дискурса). Эти факторы и обуславливают широчайшую востребованность иронии в современной медиасреде.

Э. Р. Лассан связывает востребованность иронии в современном медиaprостранстве с преобладанием „игровой“ дискурсной формации, доминирующей интонацией которой и является как раз ирония: «Метафора ВЕСЬ

64 | МИР – ТЕАТР, лежащая в основе этой формации, ставила говорящего в позицию наблюдателя, зрителя спектакля, устраиваемого миром, и „зритель“ превосходил „безумный мир“ по признаку рациональности» [6, с. 73]. Слово в этой формации пародируется, трансформируется содержательно или формально, работает на аллюзиях, интертекстуальных отсылках (без опознавательных знаков или с ними), формируя косвенные компоненты содержания, имплицатуры, а в целом – общую непрямую тональность коммуникации и связанные с ней разнообразные по стилистической тональности комические эффекты (вспомним недавнее ироническое высказывание В. Путина в адрес президента Украины «Нравится, не нравится – терпи, моя красавица», ставшее своеобразным «хайпом», вызвавшее медийную волну в западных СМИ и последующее за ней вынужденное пояснение, что «эта фраза не имела никакого «личного измерения»).

Доминирующее положение иронии в современных медиа обусловлено и глубокой системной перестройкой средств оценочности, связанной не только с «мучительными поисками новой идеологии» и наблюдаемым «ослаблением или нейтрализацией прежних резко положительных или резко отрицательных оценок» в условиях отсутствия четких идеологических и политических ориентиров у авторов (о чем писал Г. Я. Солганик [12]), но и развитием манипулятивных речевых технологий, позволяющих автору снизить градус конфликтности с целью уйти из зоны юридической ответственности за речевое правонарушение. В этой ситуации, когда «степень выраженности социальной оценочности снижается» [13, с. 667], ирония выходит на передний план (как способ не прямой оценки). Комический эффект, достигаемый использованием иронии в различном контекстном окружении и с различными целеустановками, может обладать разнообразными семантическими тональностями: от добродушной насмешки, легкого иронического осмеяния и сатирического изображения объекта до резкого саркастического разоблачения, отягощенного инвективными потенциалом.

Так, автор (журналист одного из региональных изданий) в иронически-саркастическом ключе описывает городской конкурс молодых предпринимателей. При этом журналист не подвергает сомнению актуальность и серьезность намерений организаторов мероприятия (городскую администрацию). Однако ироническому осмеянию и саркастическому разоблачению подвергаются те участники из бизнес-сообщества, которые под видом «благих» целей используют финансовые возможности городского бюджета для решения проблем собственного бизнеса (через завышение расходов на конкурсные нужды). В этом случае автор пускает в ход целую палитру средств иронического повествования: антифразис («львиная доля средств, которые тратятся на кадры – это «святое»), литоту и логическое несоответствие (Видимо, наша торгово-промышленная палата так обнищала, что не может позволить себе даже точилок для карандашей!), литературные аллюзии (глава ТПП – О. Бендер), цель которых – снижение образа видного предпринимателя (главы ТПП) через ироническое осмеяние и создание желательных для говорящего ассоциаций и сравнений с образом мошен-

ника. В этом случае ирония помогает смягчить однозначность, категоричность авторской негативной оценки и представить суждение в форме некоей саркастической насмешки над действительностью, косвенно выражая свои эмоции и презентуя себя как яркую дискурсивную личность, и тем самым воздействовать на адресата, формируя у него определенную негативную окрашенную картину события (о комичности как «маркере действительности, суггестивности в языке СМИ» писала и М. Р. Желтухина [4, с. 266]). Налицо реализация коммуникативной оценочно-аксиологической речевой стратегии [7, с. 93], позволяющей автору балансировать между объективно-субъективным представлением действительности в тексте (в этом случае в отдельных высказываниях можно вычленить фактологический компонент, в целом же создается авторская интерпретация события с элементами сниженного стиливого регистра).

Однако не всегда авторам удается сохранить баланс и не перейти с пути иронического повествования на путь инвективной атрибуции персонажа, что может сигнализировать о наличии признаков коммуникативной тактики оскорбления в рамках общей стратегии дискредитации. К особо сложным случаям можно отнести сопряжение грубой иронии с передачей фактологической информации, когда автор в свойственной ему иронически грубоватой, стебовой манере передает известные ему факты, сопровождая ссылками на весьма авторитетные источники, что существенно осложняет экспертную квалификацию речевого деликта. Так, известный региональный журналист Б., по «совместительству» ведущий свой блог, довольно длительное время разрабатывал тему, связанную с волонтерской и благотворительной деятельностью в регионе. Надо сказать, что блогер системно работает в сниженном стиливом регистре, и в коммуникативной среде интернета имеет имидж блогера-ирониста. В одном из постов он попытался в грубой, стебовой манере «вывести на чистую воду» одну из значимых персон – жену высокопоставленного чиновника из администрации региона, которая организовала фонд поддержки военнослужащих и мобилизованных граждан. При этом, на взгляд блогера-ирониста, она не гнушается в своей деятельности использовать не совсем этичные (а в отдельных случаях – и криминальные!) с точки зрения добропорядочных сограждан способы пополнения денежных средств фонда: «ошкуривание» кандидата, по мнению блогера, происходит по отработанной схеме («схема работы у нее прикольная!»), когда «не выходит напрямую на толстосума» («опасается быть посланной куда подальше»), а «цепляют богатея через любовницу или любовника, жену или телок-тусовщиц» и начинают «тянуть с бедолаги на помощь, иначе блогерши что-то не то напишут». Причем для номинации «рьяных» сотрудниц фонда блогер использует не только грубо-уничтожительное «баба», но и инвективу «подельницы», намекая таким образом на криминальный характер благородной миссии сотрудниц фонда.

Здесь можно увидеть особый тип иронического повествования, который направлен на снижение градуса значимости ситуации: через грубую иронию, сопровождающуюся стилистическим диспаритетом и снижением

66 | стилевого регистра коммуникации – к инвективной атрибуции персонажа, корректирующей его образ с худшую сторону за счет статусного понижения и созданию образов с признаками гендерной ущербности. В этом видится и авторское глумление, и отчасти мужской шовинизм, позволяющий блогеру-журналисту через грубое ироническое осмеяние выразить авторское отношение (Политика – не женское дело!). Как правило, ирония медиадискурса (и в большей степени – цифрового формата) предполагает слегка завуалированные авторское превосходство, скептицизм, снисхождение по отношению к описываемым реалиям, выражая ценностные ориентиры иронической дискурсивной личности.

Это и признак речевой тактики самопрезентации, формирующей через повторение выбранной стратегии определенную авторскую манеру – стеб, «в котором прослеживаются элементы карнавального мировоззрения, трансформация ироничного в циничное, обусловленная установкой на провокацию, скандал и эксцентрику» [9, с. 117]. Стебовая манера автора искажает картину события, превращая его в грубый фарс и трансформируя картину события у читателя (см. о медиакартине мира у И. В. Анненковой [1]). В этой коммуникативной ситуации сложно вычленить дескриптивную составляющую, поскольку объективная ситуация подается в тексте преломленной через призму авторской интенции – грубо, хлестко высмеять объект осмеяния в глазах читателя, подвергнуть его критической оценке, обличению, тем самым осуществить ценностное снижение его в глазах окружающих. Это позволяет говорить о стебе как разновидности деструктивной деятельности говорящего. Вполне справедливо отмечают исследователи, что в современных медиа «за прошедшее десятилетие «иронический цинизм» трансформировался (эволюционировал) в циничный сарказм: уничтожение любых идеалов и ценностей» [2, с. 128].

Как пример последнего можно рассмотреть использование в коллаже изображение В. И. Ленина в последний (болезненный) период его жизни с очевидными признаками старческой немощности и с нелепым клоунским носом. На клоунуadu указывает и соответствующая надпись «Красный цирк». Так представители политических оппонентов особо грубым и циничным способом «разоблачают» идеологический фундамент современной коммунистической партии. Общая стратегия дискредитации политического оппонента реализуется в данном примере как явная циничная издевка над политической «немощностью» коммунистов с десакрализацией мировоззренческой идеи, долгое время составляющей идеологический фундамент партийной платформы и ведущий поведенческий и жизненный ориентир для всего социума. В данной коммуникативной ситуации автор коллажа добивается запланированного перлокутивного эффекта: политический оппонент унижен и уязвлен, дискредитирован в глазах читателя (в том числе и через развернутую метафору «политика-цирк», обладающую явным инвективным потенциалом через аллюзию, отсылающую к фоновым знаниям о цирковом иллюзионе как пространстве тотального «обмана» зрителя, в котором политическая жизнь предстает как мир циркового закулисья:

«иллюзионист Т. [видный представитель регионального отделения коммунистической партии] проведет сеанс развешивания лапши»).

Экспертная квалификация данного речевого деликта как инвективного (оскорбительного) должна учитывать двойственный характер ненормативности высказывания (и в этом мы солидарны с М. А. Осадчим) – с точки зрения собственно лингвистической и коммуникативной. Если в отношении лексически ненормативного высказывания не возникает сомнения в его экспертной квалификации как неприличного, априори соответствующего правовой квалификации как оскорбительного, вытекающего из юридической дефиниции оскорбления, то в отношении высказываний, нарушающих коммуникативные табу, такой однозначности нет, поскольку «состав коммуникативных табу не является предписанным... Табуированная семантика может содержаться в высказывании, полностью соответствующем нормам литературного языка» [8, с. 86]. В последнем случае требуется поправка не только на коммуникативную ситуацию (является ли высказывание, имеющее табуированную семантику, ситуативно приличным?), но и на современную лингвокультуру, учитывающую традиционные этические ценности. В этой связи необходимо дифференцировать иронические высказывания и определить ряд коммуникативных ситуаций с нарушением коммуникативных табу, которые могут сигнализировать о наличии инвективного потенциала у иронии. В соответствии со сказанным предыдущее высказывание в структуре политического коллажа может быть квалифицировано как нарушающее коммуникативные табу (т. е. ситуативно неприличное), поскольку реализует коммуникативную тактику оскорбления и издевки на основе инвективной атрибуции политического оппонента и десакрализации идеологической платформы.

Другой пример (и тоже с использованием фотоколлажа) затрагивает еще один из аспектов коммуникативных нарушений – это использование в инвективной атрибуции политического оппонента номинации «старая дева».

Данные из толковых словарей показывают, что дефиниция данной номинации содержат негативно оценочные семы с оттенками пренебрежения/презрения) и отмечены стилистической пометой «просторечное». С точки зрения лингвистической формы данное выражение не относится к словам-инвективам. Однако в русской лингвокультуре атрибуция (характеристика) объекта номинации (женщины) через характеристики, которые делают женщину объектом насмешек и пренебрежительного/презрительного отношения членов социума, наносит ей глубокую психологическую травму, тем более если это происходит в условиях публичной коммуникации. Эта негативно оценочная семантика с оттенками пренебрежения/презрения подтверждается и многочисленными медийными контекстами в Национальном корпусе русского языка: ужасно противная старая дева, Старая дева – *это диагноз* и др. Эти обстоятельства позволяют отнести факт такой атрибуции к нарушениям этических и коммуникативных норм, принятых в обществе. Кроме того, усугубляющими обстоятельствами употребления выражения

68 «старая дева» в описываемой в вопросе ситуации служит тот факт, что объектом негативно оценочной характеристики является публичное лицо, занимающееся общественно-политической деятельностью и являющееся официальным представителем и помощником депутата Губернской Думы, что существенно понижает статус данного лица в обществе и увеличивает инвективный потенциал данного выражения. Как видим, номинация «старая дева» особо циничным способом корректирует образ объекта вербальной характеристики, являющегося публичным лицом, в худшую сторону (понижает статус в обществе), делая политика объектом насмешки в социуме, что позволяет квалифицировать данную номинацию применительно к политике-женщине как ситуативно и коммуникативно неприличную и имеющую инвективный характер.

Резюмируем. Являясь в классическом понимании стилистическим приёмом, ирония в современных медиатекстах становится доминирующим способом выражения не прямой оценки, позволяя адресанту, оставаясь в рамках юридической нормы, реализовывать речевую стратегию «игры на понижение», балансируя на грани различных правонарушений (умаления чести и достоинства, оскорбления и др.). Рассмотрение различных коммуникативных условий реализации речевых актов оскорбления с участием иронии позволяет выявить различную семантическую тональность ее текстового воплощения (от насмешки, иронического осмеяния и сатирического изображения объекта до резкого саркастического разоблачения, отягощенного инвективным потенциалом) и расширить параметризацию данного стилистико-речевого феномена как инвективного средства.

Литература

1. Анненкова И. В. Медиадискурс XXI века: лингвофилософский аспект языка СМИ. М.: Фак. журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова: Изд-во Московского ун-та, 2011. 390 с.
2. Выровцева Е. В. Стилистические особенности текстов печатных СМИ как формы медиавируса / Е. В. Выровцева // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. Вып. 80. Филология. Искусствоведение. № 21(312). С. 125-130.
3. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. М.: Гнозис, 2006. 376 с.
4. Желтухина М. Р. Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ. М.: Ин-т языко-знания РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003. 656 с.
5. Иссерс И. С. Свобода слова: две стороны медали (оскорбление в зеркале юриспруденции и лингвистики) / И. С. Иссерс // Юрислингвистика I. Барнаул, 1999. С. 11-127.
6. Лассан Э. Р. Изображение речи власти как средство ее десакрализации / Э. Р. Лассан // КиберЛенинка – научная электронная библиотека [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izobrazhenie-rechi-vlasti-kak-sredstvo-ee-desakralizatsii/viewer> (дата обращения: 10.07.2023).

7. Олешков М. Ю. Моделирование коммуникативного процесса. Нижний Тагил: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2006. 336 с.

8. Осадчий М. А. Русский язык в судебном процессе: книга для судебных лингвистов-экспертов, журналистов, политиков, специалистов по рекламе и PR. Изд.2-е, стереотип. М.: ЛЕНАНД, 2020. 256 с.

9. Панченко Н. Н. Жанровое своеобразие стеба в интернет-коммуникации / Н. Н. Панченко // Жанры речи. 2016. № 2. С. 116-122

10. Сиротинина О. Б. Тексты, текстоиды, дискурсы в зоне разговорной речи / О. Б. Сиротинина // Человек – текст – культура. Екатеринбург, 1994. С. 105-124.

11. Соболева И. А. Функциональный потенциал иронии в современном медиадискурсе / И. А. Соболева // Дискурс-Пи. 2018. № 3-4(32-33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionalnyy-potentsial-ironii-v-sovremennom-mediadiskurse> (дата обращения: 14.07.2023).

12. Солганик Г. Я. Газетные тексты как отражение важнейших языковых процессов в современном обществе (1990-1994 гг.) / Г. Я. Солганик // Журналистика и культура русской речи. Вып. 1. М., 1996. С.13-25.

13. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. 696 с.

14. Энциклопедический словарь-справочник: выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / Под ред. А. П. Сковородникова. М.: Флинта: Наука, 2005. 480 с.

M. A. Vengranovich

“SUCH DIFFERENT IRONY”: FROM STYLISTIC DEVICE TO DEFAMATION

Abstract. The article touches upon the problem of the ambiguous expert qualification of irony as a stylistic phenomenon and a potentially invective means that allows the addressee, while remaining within the legal norm, to implement the speech strategy of “playing for a fall”.

Key words: irony, stylistic device, indirect communication, discredit, invective.

Н. Д. Голев

ngolevd@mail.ru

доктор филологических наук, профессор

Кемеровского государственного университета

Кемерово, Россия

А. В. Иркова

a.irkova@mail.ru

кандидат филологических наук, старший преподаватель

Кемеровского государственного университета

Кемерово, Россия

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ

Аннотация. В настоящее время растёт интерес к разработкам технологий во всех сферах науки и социальной практики, в том числе в юрислингвистике. В данной работе изучена смысловая неопределённость лексики текстов закона в рамках антикоррупционной экспертизы. Проведён дискурсивный анализ с попыткой дифференциации двух дискурсов, а именно: официального (природоохранного) и рекламного. Использован обратный машинный перевод (ОМП) с привлечением двух программ сравнения текстов на схожесть. Представлена методика, которая даёт возможность обрабатывать сигналы конфликтности (напряженности). В этом плане исследованы различающиеся фрагменты с точки зрения того, в какой мере они способны помешать однозначному (или способствовать неоднозначному) пониманию текста потребителем (потенциальными туристами, турфирмами и тому подобное) и быть использованными потенциальными истцами, ответчиками, коррупционерами.

Ключевые слова: антикоррупционная экспертиза, дискурсивный анализ текста, обратный машинный перевод, смысловая неопределённость.

1. Введение

Предметом настоящего исследования являются точки напряженности между планом содержания и планом выражения текста, которые могут при знакомстве с ним адресата привести к неоднозначности его понимания, стать источником конфликта интерпретаций, а в дальнейшем – социального конфликта. Материалом для исследования выступили природоохранные и рекламные тексты, содержащие в себе потенциал

интерпретационной конфликтности. В настоящее время растёт интерес к разработкам технологий и программ на основе искусственного интеллекта во всех сферах науки и социальной практики, в том числе в юрислингвистике [5, 6]. В данной работе анализируется смысловая неопределённость лексики текстов закона в рамках антикоррупционной экспертизы [8, 9, 12] и потенциальная неоднозначность рекламных текстов. Ключевая целевая установка доклада – показать результаты методологии обратного машинного перевода [2, 3] и сравнения текстов на схожесть в аспекте оценки «зон напряженности» в интерпретационном процессе рекламного и природоохранного дискурсов рядовыми гражданами [1]. Исследовательская реализация названных установок имеет практическую значимость. Она заключается в возможности пропедевтического анализа текста законопроектов и рекламных текстов на предмет выявления в них потенциальных конфликтогенов. Такое выявление может стать подспорьем для лингвистической экспертизы законопроектов и рекламных текстов.

2. Материал и методы исследования

В рамках данной работы основным материалом исследования стали следующие тексты рекламного и природоохранного дискурсов: статья 1. «Основные понятия...» (Закон Кемеровской области – Кузбасса № 5-ОЗ «О туристской деятельности» от 06 февраля 2009 года) [9]; статья «Экологический центр...» Государственного природного заповедника «Кузнецкий Алатау» [4]. Выбор рекламной статьи по туризму и статьи законодательства региона в области ООПТ РФ привлекают их смысловой корреляцией, поскольку рекламный дискурс не должен противоречить природоохранному. Применён метод обратного машинного перевода [13] с привлечением английского языка, а также использован метод сравнения текстов на схожесть (онлайн). Первая программа определяет степень схожести в процентах [10]. При использовании второй [11] программы выделяются фрагменты, маркирующие схожесть и несхожесть сравниваемых текстов.

3. Результаты и их обсуждение

Для рассмотрения степени переводимости юридические тексты были проведены через переводчик Google. Полученный результат (ОМП русск. яз.) пропущен через 2 программы сравнения текстов на схожесть (рис. 1, рис. 2).

1 текст. Природоохранный дискурс

«ЗАКОН КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ – КУЗБАССА от 06 февраля 2009 года N 5-ОЗ О туристской деятельности

Статья 1. Основные понятия, используемые в настоящем Законе

В настоящем Законе используются основные понятия, установленные Федеральным законом «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации», а также следующие понятия: туристская инфраструктура – объекты туристской индустрии, системы

и службы, необходимые для экономического развития Кемеровской области и обеспечения безопасных условий жизнедеятельности населения области;

внутренний туризм Кемеровской области (далее – внутренний туризм) – путешествия в пределах Кемеровской области лиц, постоянно проживающих на территории Кемеровской области;

въездной туризм Кемеровской области (далее – въездной туризм) – путешествия в пределах Кемеровской области лиц, не проживающих постоянно на территории Кемеровской области;

экологический туризм – путешествия, ориентированные на углубленное ознакомление с природными ценностями территории Кемеровской области и создающие экономическую заинтересованность туристов и населения, проживающего на туристских территориях Кемеровской области, в сохранении природы;

культурно-познавательный туризм – путешествия, осуществляемые в целях посещения, ознакомления с объектами культурно-исторического наследия и углубленного изучения традиционной культуры и искусства, художественного творчества, создания основ для развития современного искусства (культурологический аспект), в целях ознакомления с материальной и духовной культурой, особенностями быта, обрядов и обычаев этносов, проживающих на территории Кемеровской области (этнографический аспект), в том числе с участием в мероприятиях культурологического и этнографического характера, культурных и событийных проектах» [9]

2 текст. Рекламный дискурс

«Экологический центр»

Одним из приоритетных направлений эколого-просветительской работы Государственного природного заповедника «Кузнецкий Алатау» является экскурсионно-туристическая деятельность на базе Экологического

центра заповедника – информационно-образовательного центра по охране дикой природы Кузбасса.

Приглашаем жителей и гостей города посетить живописный уголок природы! Вас ждет увлекательная экскурсия по музею, где Вы сможете полюбоваться фотографиями заповедных мест и их обитателей.

Познакомьтесь с деятельностью заповедника, уникальными природными объектами и музейными экспонатами, а также приобрести на память сувениры.

Впечатление от Экологического центра будет не полным, если не побывать в вольерном комплексе, где можно увидеть и сфотографировать диких животных.

У всех желающих есть возможность покататься верхом, а зимой

еще и на лошади, запряженной в сани. Катание на лошадях доставит удовольствие не только опытным наездникам, но и неподготовленным новичкам. Те, кто не решится сесть на лошадь, смогут угостить ее хлебом, и просто полюбоваться этими благородными животными. Посетив экологический центр, гости смогут не только отдохнуть, но и приобрести необходимые знания о дикой природе Кузбасса» [10].

3.1. ОМП 1 текста, природоохранный дискурс (английский язык и обратно на русский)

ЗАКОН КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ – КУЗБАССА

от 06 февраля 2009 г. № 5-ОЗ О туристической деятельности

Статья 1. Основные понятия, используемые в настоящем Законе

В настоящем Законе используются основные понятия, установленные Федеральным законом «Об основах туризма в Российской Федерации», а также следующие понятия:

инфраструктура туризма – объекты индустрии туризма, системы и услуги, необходимые для экономического развития Кемеровской области и обеспечения безопасных условий проживания населения региона;

внутренний туризм Кемеровской области (далее – внутренний туризм) – путешествие в пределах Кемеровской области лиц, постоянно проживающих на территории Кемеровской области;

въездной туризм Кемеровской области (далее – въездной туризм) – путешествие в пределах Кемеровской области лиц, не проживающих постоянно на территории Кемеровской области;

экологический туризм - поездки, направленные на углубленное ознакомление с природными ценностями территории Кемеровской области и создание экономической заинтересованности туристов и населения, проживающего на туристских территориях Кемеровской области, в охране природы;

культурно-познавательный туризм – поездки, осуществляемые с целью посещения, ознакомления с объектами культурно-исторического наследия и углубленного изучения традиционной культуры и искусства, художественного творчества, создания основ развития современного искусства (культурологический аспект), в целях ознакомления с материальной и духовной культурой, особенностями быта, обрядами и обычаями этносов, проживающих на территории Кемеровской области (этнографический аспект), в том числе участие в культурно-этнографических мероприятиях, культурно-событийных проектах

Вывод программ: тексты схожи на 69,35 %. В текстах присутствуют различающиеся фрагменты. Их всего: 84.

закон кемеровской области кузбасса от 06 февраля 2009 года n 5-оз

о туристической деятельности

статья 1. основные понятия, используемые в настоящем законе

в настоящем законе используются основные понятия, установленные федеральным законом об основах туристической деятельности в российской федерации, а также следующие понятия:

туристская инфраструктура туризм - объекты туристской индустрии, туризм, системы и службы, необходимые для экономического развития кемеровской области и обеспечения безопасных условий жизнедеятельности населения территории

внутренний туризм кемеровской области (далее - внутренний туризм) - путешествия в пределах кемеровской области лиц, постоянно проживающих на территории кемеровской области;

вездный туризм кемеровской области (далее - вездный туризм) - путешествия в пределах кемеровской области лиц, не проживающих постоянно на территории кемеровской области;

экологический туризм - путешествия, ориентированные на углубленное ознакомление с природными ценностями территории кемеровской области и создание экономической заинтересованности туристов и населения, проживающего на туристских территориях кемеровской области, в сохранении природы;

культурно-познавательный туризм - путешествия, осуществляемые в целях посещения, ознакомления с объектами культурно-исторического наследия и углубленного изучения традиционной культуры и искусства, художественного творчества, создания основ развития современного искусства (культурологический аспект), в целях ознакомления с материальной и духовной культурой, особенностями быта, образцами и обычаями этносов, проживающих на территории кемеровской области (этнографический аспект), в том числе с участием в мероприятиях культурно-этнографического и этнографического характера в парках, культурных и событийных проектах

Рис. 1. Сравнение текстов по схожести

3.2. ОМП 2 текста, рекламного дискурса (английский язык и обратно на русский)

Экологический центр

Одним из приоритетных направлений эколого-просветительской работы Кузнецкого Алатауского государственного природного заповедника является экскурсионно-туристическая деятельность на базе Экологического центра заповедника - информационно-образовательного центра охраны животного мира Кузбасса.

Приглашаем жителей и гостей города посетить живописный уголок природы! Вас ждет увлекательная экскурсия по музею, где вы сможете полюбоваться фотографиями заповедных мест и их обитателей. Познакомьтесь с деятельностью заповедника, уникальными природными объектами и музейными экспонатами, а также купите сувениры. Впечатление от Экологического центра будет неполным, если вы не посетите вольерный комплекс, где сможете увидеть и сфотографировать диких животных.

У каждого есть возможность покататься верхом, а зимой еще и на лошади, запряженной в сани. Верховая езда доставит удовольствие не только опытным наездникам, но и неподготовленным новичкам. Те, кто не осмелится сесть на лошадь, смогут угостить ее хлебом, да и просто полюбоваться этими благородными животными.

Посетив экологический центр, гости смогут не только отдохнуть, но и получить необходимые знания о дикой природе Кузбасса.

Результат
сравнения:

Экспортировать в Word

Экологический центр¶

Одним из приоритетных направлений эколого-просветительской работы Кузнецкого Алашского государственного природного заповедника Кузнецкий Алаш является экскурсионно-туристическая деятельность на базе Экологического центра заповедника – информационно-образовательного центра по охране диикотного природного Кузбасса.¶

Приглашаем жителей и гостей города посетить живописный уголок природы! Вас ждет увлекательная экскурсия по музею, где Вы сможете полюбоваться фотографиями заповедных мест и их обитателей. Познакомьтесь с деятельностью заповедника, уникальными природными объектами и музейными экспонатами, а также приобрести на память сувениры.¶

Впечатление от Экологического центра будет неполным, если вы не побываете в вольерном комплексе, где можете увидеть и сфотографировать диких животных.¶

У всех желающих есть возможность покататься верхом, а зимой еще и на лошади, запряженной в сани. Когда вы прокатываете доставит удовольствие не только опытным наездникам, но и неподготовленным новичкам. Те, кто не решится сесть на лошадь, смогут угостить ее хлебом, да и просто полюбоваться этими благородными животными.¶

Посетив экологический центр, гости смогут не только отдохнуть, но и приобрести необходимые знания о дикой природе Кузбасса.¶

Рис. 2. Сравнение текстов по схожести

Вывод программ: тексты схожи на 70,69 %. В текстах присутствуют различающиеся фрагменты. Их всего: 65.

3.3. Лингвистический анализ различающихся фрагментов

Представлены различающиеся фрагменты с точки зрения наличия и (или) отсутствия в них неоднозначных речевых единиц (табл. 1.). Так, в некоторой степени смысловая неопределенность может помешать однозначному пониманию текста потребителями (потенциальными туристами, турфирмами и так далее), некоторые фрагменты могут быть использованы потенциальным истцом, ответчиком, коррупционером. Разное понимание является сигналом напряженности.

Табл. 1. Смысловая неопределенность лексем

Лексемы, которые обладают конфликтогенным потенциалом	Лексемы, которые не обладают конфликтогенным потенциалом
Дикая природа, окружающий мир	Необходимые
Вы (вы)	В пределах
Приобрести (купить) и так далее	Экологический центр и так далее

Как видно из данных, представленных в таблице 1, слова с широкой семантикой, которые имеют сильное концептуальное содержание, включаются в область потенциальной интерпретационной конфликтности.

Выводы

Проведенное исследование позволило раскрыть методику, которая даёт возможность увидеть, зафиксировать и обработать сигналы конфликтности (напряженности) в разного рода дискурсивных практиках. В этом плане рассмотрены различающиеся фрагменты двух дискурсов (рекламного и природоохранного) с точки зрения того, в какой мере они

76 способны помешать однозначному (или способствовать неоднозначному) пониманию текста потребителем (потенциальными туристами, турфирмами и тому подобное) и быть использованными потенциальными истцами, ответчиками, коррупционерами.

Литература

1. Голев Н. Д., Ким Л. Г. Обыденные политические интернет-комментарии как проявление вариативности интерпретации (оппозиции «эксплицитное – имплицитное», «проявленное – ожидаемое») / Н. Д. Голев, Л. Г. Ким // Имплицитные и эксплицитные стратегии в восточноевропейском политическом дискурсе: материалы российской секции международной конференции «Ain's misbehavin'? Implicit and explicit strategies in Eastern European political discourse» (Екатеринбург – Цюрих, 19–22 октября 2013 г); под ред. А. П. Чудинова, Э. В. Будаева. Екатеринбург – Цюрих: Уральский государственный педагогический университет, 2014. С. 47-71.

2. Голев Н. Д. Об использовании обратного машинного перевода в юрлингвистической практике (постановка проблемы) / Н. Д. Голев // Современные тенденции развития науки: сборник тезисов национальной конференции (Кемерово, 25 декабря 2018 г). Под ред. С. О. Гаврилова, Д. М. Бородулина. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2018. С. 3-5.

3. Голев Н. Д. Транслятивная лингвистика (аспектуализированный обзор исходных положений. Часть 1. Гносеология перевода / Н. Д. Голев // Вестник Кемеровского государственного университета, 2022. Т. 24. № 6 (94). С. 717-734.

4. Государственный природный заповедник «Кузнецкий Алатау». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kuz-alatau.ru/ecocenter.html> (дата обращения: 08.08.2022).

5. Джикия М. Д., Шкаленко А. В., Джикия А. А. Роль «LegalTech» в модернизации профессиональной юридической деятельности / М. Д. Джикия, А. В. Шкаленко, А. А. Джикия // Вестник Московского университета МВД России, 2021. № 6. С. 114-119.

6. Лабашева Н. А., Трубочанинова И. И. Теоретико-методологические аспекты цифровизации юрлингвистики / Н. А. Лабашева, И. И. Трубочанинова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки, 2022. № 6. С. 99-102.

7. О туристской деятельности: закон Кемеровской области-Кузбасса [принят Советом народных депутатов Кемеровской области 28 января 2009 года] // Законодательный вестник Совета народных депутатов Кемеровской области №83, 16.01.2009 (подписано в печать 02.03.2009), приложение «Официально» к газете «Кузбасс», №22, 10.02.2009. URL: <https://docs.cntd.ru/document/990308729> (дата обращения: 08.08.2022).

8. Постановление Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (с изменениями и дополнениями) //

Информационно-правовое обеспечение «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/197633/> (дата обращения: 08.08.2022).

9. Родионова О. Н. Антикоррупционная экспертиза / О. Н. Родионова // Российский юридический журнал, 2010. № 1 (70). С. 158-162.

10. Сравнение схожести текстов // Сioх. Онлайн калькуляторы, конвертеры, генераторы, справочники, веб инструменты. [Электронный ресурс]. URL: https://ciox.ru/comparing_the_similarity_of_texts (дата обращения: 08.08.2022).

11. Сравнение текстов онлайн [Электронный ресурс]. URL: <http://text.num2word.ru/> (дата обращения: 08.08.2022).

12. Тухватуллин Т. А. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов: вопросы теории и практики / Т. А. Тухватуллин // Российская юстиция, 2019. № 2. С. 9-11.

13. Google Translate. URL: <https://translate.google.ru> (дата обращения: 08.08.2022).

N. D. Golev

A. V. Irkova

ANTI-CORRUPTION EXPERTISE: LINGUISTIC BASES AND COMPUTER TECHNOLOGIES FOR THEIR IMPLEMENTATION

Abstract. Currently, there is a growing interest in the development of technologies in all areas of science and social practice, including jurislinguistics. In this paper, the semantic uncertainty of the vocabulary of the texts of the law has been studied in the framework of anti-corruption expertise. A discursive analysis has been carried out with an attempt to differentiate two discourses, namely: official (environmental) and advertising. Reverse machine translation (ROM) was used with the involvement of two programs for comparing texts for similarity. A technique is presented that makes it possible to process signals of conflict (tension). In this regard, different fragments are studied from the point of view of the extent to which they can interfere with the unambiguous (or contribute to ambiguous) understanding of the text by the consumer (potential tourists, travel agencies, etc.) and be used by potential plaintiffs, defendants, corrupt officials.

Keywords: anti-corruption expertise; discursive text analysis; reverse machine translation; semantic uncertainty.

М. А. Грачев

ma-grasnev@mail.ru

*доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры преподавания русского языка как родного и иностранного Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова (НГЛУ им. Н. А. Добролюбова)
Нижний Новгород, Россия*

РЕЛИГИОЗНЫЕ ЭКСТРЕМИСТСКИЕ СЕКТЫ В РОССИИ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ: НА ПРИМЕРЕ СЕКТЫ СКОПЦОВ И «СВИДЕТЕЛЕЙ ИЕГОВЫ»*

Аннотация. В статье анализируется работа В. И. Даля «Исследование о скопческой ереси» в свете запрета современных религиозных экстремистских организаций в РФ, в частности, подробно проводится сравнение с запрещённой сектой «Свидетелей Иеговы». Сравнение проводится по следующим линиям; секты – государство, секты – вредительство, секты – отрицательное влияние на российских граждан.

Ключевые слова: скопцы; православие; государство; секта; сравнение; жаргон; влияние.

Цель статьи: на примере анализа секты скопцов и «Свидетелей Иеговы» показать деструктивный характер религиозных ответвлений христианства для Российского государства, направленный исключительно на уничтожение Православия.

Экскурс в историю. Автор на материале работы В. И. Даля «Исследование о скопческой ереси» (1844) [2] проводит аналогию с функционированием секты «Свидетели Иеговы», по пропагандистским брошюрам которой была написана судебная лингвистическая экспертиза. [К экспертам Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова, М. А. Грачеву и Т. Д. Марковой, поступило обращение от правоохранительных органов с просьбой провести лингвистическую экспертизу брошюр «Правительство, которое принесет рай», ««Радуйся жизни на земле» и «Кто они – свидетели Иеговы» (позднее её деятельность запрещена решением Верховного суда России от

* Здесь и далее: деятельность религиозной организации «Свидетели Иеговы» запрещена на территории Российской Федерации [см.: Перечень общественных объединений и религиозных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». (Прим. ред.)

20.04.2017). Данная литература в последние годы нелегально распространяется на улицах. Эти и аналогичные брошюры распространяют через почтовые ящики нижегородцев.]

Перед экспертами были поставлены два вопроса: 1) используются ли в данных брошюрах манипулятивные приемы; и 2) используются ли высказывания, направленные на возбуждение религиозной розни. На эти вопросы были получены утвердительные ответы. (По материалам судебной экспертизы была написана научная работа [1]).

Теперь об аналитической статье В. И. Даля «Исследование о скопческой ереси» [2]. Министр МВД Л. А. Перовский первым обратил внимание на использование В. Далем филологии в прикладных целях. И не случайно поручил ему написать расследование о скопцах

По сути, «Исследование о скопческой ереси» В. И. Даля является экспертизой, в которой автор даёт всеобъемлющую характеристику секты скопцов в историко-диахроническом, конфессиональном, юридическом, этническом и лингвистическом аспектах. Он приводит неопровержимые доказательства огромного вреда скопцов Российской империи.

Уже в самом названии – «Исследование о скопческой ереси» – видно отношение автора к этой секте. Из текста статьи понятно, что он критически относился к политике Екатерины II и Александра I из-за их отношения к скопческому движению. Указанные правители если не поощряли, то, во всяком случае, не запрещали тех безобразий, творящихся в этой секте. В. Даль приветствовал позицию по отношению к скопцам со стороны правительства Николая I. Как врач, В. И. Даль был против уродования мужчин и женщин в скопческих сектах.

В то же время он указал на возросшее влияние скопцов. Прежде всего, из-за их богатства, а также вредной для государства идеологической направленности секты. Суть их учения: уничтожить вместе с детородными органами якобы половой грех. А для этого скопцы искажали Святое Писание: вымарывали в нём места о сожительстве мужчины и женщины, о праведной жизни между супругами. В. И. Даль подчёркивал в своих записках, насколько вредна скопческая ересь для Православия, а значит, для России.

В. И. Даль предупреждал о том, что российское общество в конфессиональном отношении не монолитно. Он анализировал крайности, но эти крайности потом и привели к настоящему и уже не к конфессиональному, а политическому расколу. Заметим, что скопцы входили в группу раскольников, являясь при этом наиболее радикальной сектой.

Похожим объединением явилась в России и секта «Свидетели Иеговы», появившаяся в 1877 г. После революции 1917 г. была запрещена НКВД и возобновила свою деятельность в 1991 г. А 20 апреля 2017 года Верховный суд Российской Федерации признал экстремистской деятельность «Управленческого центра Свидетелей Иеговы в России». Этому предшествовал ряд законов и экспертиз (в том числе и лингвистических), направленных против деятельности «Свидетелей Иеговы».

В. И. Даль, совершая экскурс в историю, подчёркивал, что старообрядцев больше всего было в царствование Петра I, причём их действия в то время явились откровенно враждебными против правительства [2, с. 14]. «Замечательно, – пишет В. И. Даль, – что и свойства нынешних скопцов совершенно те же: *корысть*, а потом *честолюбие* и *властолюбие* в своем круге, составляют единственные их страсти» [2, с. 16].

«Укоренившаяся и развившаяся под влиянием таких обстоятельств ересь, – пишет В. Даль, – в настоящее время разлила яд своего учения на большое пространство, и число последователей ее растет с каждым годом <...>. Огромные капиталы, находящиеся в руках некоторых старшин скопческого общества, дают им возможность с легкостью приобретать новых собратьев, действуя на легковверных обещанием обильной жизни и довольства, богатства и почестей, и привлекая неопытные умы прелестью таинственности сумасбродного учения» [2, с. 21-22].

При доказательствах своей правоты скопцы использовали так называемые жетолкования Священного Писания.

Религиозным основанием скопчества в Христианстве был, как уже сказано выше, неправильно понимаемый раскольниками смысл изречения Спасителя о скопцах, *иже исказиша сами себе царствия ради небесного* (Матф. гл. XIX, ст. 12). К сему присоединяется изверами другое, также ложно толкуемое изречение Спасителя (Матф. гл. V, ст. 23-30): *«Аще око твое десное соблазняет тя, изми е, и верзи от себе; и аще десная рука твоя соблазняет тя, усецы ю, и верзи от себе: унебо ти есть, да погибнет един от уд твоих, а не всё тело твое ввержено будет в геенну огненную»*. Есть еще неправильный перевод, сделанный самими скопцами, одного из мест Апокалипсиса: *«Когда одно лоно возбудится, то и другое воспалится; нет другого врачевания, как взять меч, да и отсечь»* [2, с. 23].

Молитв, кроме собственных, никаких не читают. Вообще скопцы только лицемерно именуют себя православными и наружно исполняют обряды Церкви, но между собою называют ее фарисейскою и языческою, утверждая, что истинная христианская вера есть их скопческая [2, с. 34-55]. Кронштадтские скопцы отвергают божественность Иисуса Христа, признавая его только за человека, исполненного благодатию, и утверждая, что благодать эта перешла в Императора Петра III [2, с. 46]. Точно так же «Свидетели Иеговы» позиционируют себя христианами, хотя и не верят в то, Христос – Сын Божий и он распят не на кресте, а прибит гвоздями к вкопанному бревну [1, с. 23].

Для скопцов характерна игра словами в свою пользу. Так, слово *«оскопление»* они произносят как *«искупление»*.

У скопцов есть свой язык, свои особые выражения и слова. Общества свои они называют *кругами* или *кораблями*; Учителей и пророков – *кормчими*; оскопление, как объяснено выше, – *огненным крещением* и *царскою печатью*; детородные части – *грехом*, *суетою*, *лепостью*; богомоление свое – *радением* [2, с. 43].

«Скопцы сами себя не называют этим именем, а придают себе названия: *чистых, белых голубей, праведных, истинных сынов Божиих, обеленных, выбеленных* и т. п. Наложение на себя *царской печати* или отнятие самого ствола у мужчин, вошло у них в употребление не прежде 1816 года, и доселе *старыми*, или так называемыми *чистыми* скопцами в Петербурге отвергается: они приписывают способ этот скопцам иногородным, или, как они выражаются, *замосковским*, коих, по этому случаю, называют *псами*, не постигающими истинного разума Св. Писания» [2, с. 28]. Вообще скопцы весь мир называют *проклятым*, а Церковь Божию – *мурашиным гнездом* [2, с. 38-39]. Стать скопцом означало *выбелиться* [2, с. 46]: Они ненавидят Русскую Православную церковь, что видно по их жаргонным словам: «открыто осмеивали православные обряды и таинства; храм называли *«конюшней»*, священников – *«жеребцами»*, богослужения – *«ржанием жеребцов...»*. Их жаргон направлен и против семьи, см. слова брак – *«случкой»*, женатых людей – *«жеребцами»* и *«кобылами»*, детей – *«щенятами, волами и коровами»* – так называют скопцы всех неоскопленных.

Такое радение называется простым или *одиночным*. Второй способ радения, называемый *корабельным*. Скопцы почитают их вообще делом самым богоугодным, и называют *израильскою работою* [2, с. 34-35].

Вот их фраза, направленная в адрес не принадлежащих к секте людей: *«Нам жаль оставлять волов и коров»* (так называют скопцы всех неоскопленных) [2, с. 42].

Как видим, всё связанное с их верованиями они красиво и высоко именуют, а настоящую веру и всё мирское – грязными словами.

В их жаргоне явно доминирует мировоззренческая функция, которая сродни с функцией в криминальном аргю. И даже намного жёстче.

Скопцы мяса вообще не едят; но не содержат постов, установленных Церковью, а постятся, когда им вздумается. В особенности 15 сентября, в память наказания в этот день лжехриста их Селиванова кнутом в Сосновке, все они держат пост самый строгий, не принимая никакой пищи. Постятся также и в большие Церковные Праздники, ибо считают несовместным праздновать и веселиться с Христианами в то время, когда их Искупитель распинается на кресте.

В. Даль в «Заключении» разработки писал, что скопцы не признают Николая I за царя [2, с. 52-53].

«Если присовокупить к этому изложенные выше верования и мечты скопцов, то можно составить себе понятие, в каком ужасном заблуждении погрязли эти фанатики, и как опасны и вредны заблуждения их для самого спокойствия государства. Это последнее подтверждает уже и опыт. В одном уголовном деле производившемся о ссыльном скопце Александре Шокгофе, уроженце Лифляндской губернии, есть показание скопца Андреяна Жагалкина, что он не признает верховной власти ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, потому-что скопец должен отвечать только своему царю Петру Феодоровичу, которому принадлежит по вере. По следствию,

82 | произведенному в 1830 году в Тамбовской губернии по делу Будылина, открыто также, что скопцы, по крайней мере тамошние, ныне царствующаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА не признают [2, с. 39].

При умеренной жизни своей и тесном братстве они быстро богатеют, делаются людьми могущественными в гражданском быту, и всегда имеют большое влияние на народ, на бедняков, которые не могут не завидовать им и не искать даже их покровительства [2, с. 47].

Все, что сказано было здесь о противостоительном толке скопцов, убеждает, что эта ересь есть тяжкая нравственная болезнь, неизлечимая никакими средствами. Скопцам в С.-Петербурге было дозволено, чрез Милорадовича, собираться в моленных своих и молиться по своему обряду.

Московский купец *Масон*, или *Масонов*, существовал действительно. Прозвание *Масонова* только символическое, принятое этим человеком произвольно; назывался же он действительно *Федор Колесников*. Скопцы говорят, будто сама императрица Екатерина II прозвала его может быть в шутку «Масоном». Есть одна печатная песня, сочиненная в конце прошлаго века, в которой упоминается о Лже-Христе под именем *Андрея*, в следующих стихах: Стенька Разин, и Сенной Гаврюшка (?), Ванька Каин, и Лже-Христ *Андрюшка*.

Известно притом, что в царствование Императрицы Екатерины II в Москве являлся Лже-Христ по имени *Андрей*, о чем была переписка между тогдашними Духовным и Светским Начальствами Столицы: это, конечно, был *Андрей*, клевет *Кондратья*, принявшего на себя роль Лже-Христа и с тем вместе имя Петра III, уже в Сибири.

Экстремизм сегодня является одной из наиболее актуальных и динамично развивающихся угроз государственной, национальной и экономической безопасности России. Такие преступления, как насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, терроризм, вооруженный мятеж, массовые беспорядки и т. п., всегда имеют идеологических вдохновителей. Именно идеологи вражды, ненависти и насилия прямо или косвенно провоцируют радикальные проявления экстремизма, используя изощренные языковые методы и способы воздействия на умы и настроения масс, целенаправленно культивируя образ врага.

«Только «малое стадо», состоящее из 144 000, идет на небо, чтобы править с Христом. 144 000 рождены снова как духовные сыны Бога». Здесь еще более четко, чем в брошюре «Правительство, которое принесет Рай», утверждается **исключительность** неких 144 тысяч человек (конечно, это **иерархическая верхушка сетевой организации «Свидетели Иеговы»**), их **превосходство** над другими, их особая связь с Богом, их **приоритетное право править всеми остальными** (в обход всех национальных правительств!) и неполноценность всех остальных граждан (не иеговистов) в сравнении с названными 144 тысячами. Ранее также отмечалось абсолютное несоответствие подобного утверждения

смыслу приведённых в качестве ссылок фрагментов Священного Писания. В книгах «Свидетелей Иеговы» приводится следующее утверждение:

«Христос отдал свою человеческую жизнь для искупления послушных людей».

Во-первых, не может не возникнуть вопрос, ответ на который позволяет увидеть за религиозной маской «Свидетелей Иеговы» совсем не религиозное, а политическое, причем глобалистское, антигосударственное лицо: за людей, послушных кому, отдал свою жизнь Христос? Ответ очевиден: за людей, *послушных иеговистским манипуляторам*, иеговистской правящей элите, скрытой от всех, но обосновывающей своё право на власть принадлежностью к 144 000 избранных [1, с. 23].

Во-вторых, установка иеговистов опровергается теми фрагментами Библии, которые приведены авторами брошюры в качестве ссылок. Итак, «Евангелие от Матфея» (20:28): *«Так как Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу свою для искупления многих»* – *«многих» (!)*, а не «послушных» «Свидетелям Иеговы» [1, с. 29].

Но различные ответвления скопов пошли в открытую по политическому пути, направленному против России. Так, кронштадтские скопцы, – по утверждению В. И. Даля, – отвергали божественность Иисуса Христа, признавая его только за человека, исполненного благодатию, и утверждая, что благодать эта перешла в Императора Петра III» [2, с. 34]. Точно так же и современные приверженцы секты «Свидетелей Иеговы» не называют Христа Сыном Божиим, а именуют его только Царём Небесным [1, 45].

Удивительные совпадения в цифрах: и скопцы, и свидетели Иеговы считают, что избранных должно быть 144 000 человек, правда, число свидетели Иеговы может, по их утверждениям, возрасти до пяти миллионов.

Всё это до удивления связано с верованиями сектантов «Свидетелей Иеговы», которые радикально противопоставляли себя другим конфессиям.

У скопов светские и житейские отношения до того спутаны с духовными, что самая основа учения их, как увидим ниже, вовсе утратила духовное начало, а обращается преимущественно на политические предметы.

Вот и наиболее известные фамилии. «Замечательно, что вообще раскольники, а в особенности скопцы, – пишет В. И. Даль, – охотно принимают подобныя прозвания: *Царский, Царев, Царенко*, безпрестанно между ними встречаются. Кроме того, принимают они также иносказательныя, по большей части страдальческие, смиренныя прозвания, выражаемыя по их обычаю уменьшительными, как, например: *Голубчиков, Душечкин* и т. п. [См. 2, Заключение, пункт № 14].

В конце работы В. И. Даль делает категорический, радикальный вывод о скопцах: «Но скопцы – не люди, и никогда не могут быть превращены снова в людей: в них нет уже человеческих чувств; они оторваны от общества навсегда: а между тем представляют живой пример и соблазн для людей слабоумных, изуверных, легковерных, корыстных, или

84 | вообще склонных, по недостатку самостоятельности, к принятию чужих мнений и мыслей. Это язва, которую можно искоренить, но излечить нельзя» [2, с. 84].

В целом, нельзя с ним не согласиться, но отречься от скопца как от человека нельзя, так как они являлись социальными личностями, гражданами Российской Империи, защищёнными её законами. Другое дело, В. И. Даль чётко (хотя опять-таки радикально, как великий патриот и профессиональный врач, оценил вредность скопцов для России. Точно так же можно говорить и про иеговистов (или, как они себя называли, члены ООО «Свидетели Иеговы»).

ВЫВОДЫ

1. Материалы двух экспертиз, несмотря на историко-временное различие, содержат положения, направленные на возбуждение религиозной розни: люди иных религиозных взглядов, не являющиеся сторонниками секты иеговистов, названы врагами люди иных религиозных взглядов, не являющиеся сторонниками секты иеговистов, названы злыми, плохими людьми, которые будут уничтожены, а их религиозные традиции приравнены к преступлениям и порокам в анализируемых материалах обнаружены призывы к отказу от исторических и культурных традиций; высказывания, оскорбляющие религиозные чувства христиан и провоцирующие возникновение религиозной неприязни, нетерпимости, а также антигражданских и антигосударственных настроений [1, 2].

2. Представленные материалы (в статье В. И. Даля и брошюрах «Свидетелей Иеговы» текст и сопутствующие иллюстрации) содержат положения и высказывания, направленные на пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии. Скопцы и Иеговисты – это люди, пострадавшие и страдающие за истину более, чем кто-либо в мире, они проповедуют истинное христианство, наиболее точно и правильно толкуют Библию.

3. В представленных материалах (тексте и сопутствующих иллюстрациях) используются приёмы и методы лингвистического воздействия на сознание человека. К таким приёмам и методам относятся: *воздействие на эмоциональную составляющую личности; фальсификация цитат и ссылок на авторитетный источник; алогизмы; использование больших чисел, использование различных графических средств, эксплуатация этнокультурных концептуально значимых наименований, с учётом их ассоциативных связей и коннотативной семантики.*

4. Опасность использования таких методов состоит в том, что они позволяют манипулировать людьми с целью не только вовлечения граждан в секту скопцов и «Свидетелей Иеговы», но и подрыва доверия к государству и национальному правительству, забвения своей истории, патриотического и гражданского долга, разрушения традиционно сложившейся в культуре и государстве системы ценностей.

Литература

1. Грачев М. А., Маркова Т. Д. Языковой экстремизм: из опыта лингвистических экспертиз. Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, 2009. 98 с.
2. Даль В. И. Исследование о скопческой ереси. СПб.: МВД, 1844. 53 с.
3. Полное собрание Российской империи. Собрание третье. XXVI. Отделение I. СПб., 1909. № 27560.

M. A. Grachev

RELIGIOUS EXTREMIST SECTS IN RUSSIA IN THE PAST AND PRESENT: ON THE EXAMPLE OF THE SECT OF THE SCOPTSY AND THE «JEHOVAH'S WITNESSES»

Abstract: The article analyzes the work of V. I. Dahl "Research on Catholic heresy" in the light of the prohibition of modern religious extremist organizations in the Russian Federation, in particular, a detailed comparison is made with the banned sect of "Jehovah's Witnesses". The comparison is carried out along the following lines: sects – the state, sects – sabotage, sects – negative influence on Russian citizens.

Keywords: skoptsy; Orthodoxy; state; sect; comparison; jargon; influence.

А. В. Громова
gromova_85@mail.ru
кандидат филологических наук, начальник Управления экспертиз
цифровой и речевой информации ЭКЦ МВД России
Москва, Россия

НОВОЕ В МЕТОДИЧЕСКОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И АВТОРОВЕДЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ, ПРОИЗВОДИМЫХ В ЭКСПЕРТНО- КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯХ СИСТЕМЫ МВД РОССИИ

Аннотация. В данной статье освещаются современные возможности лингвистических и автороведческих экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях системы МВД России, обозревается методический инструментарий и актуальные направления развития научно-методической обеспечения в условиях динамично меняющейся нормативно-правовой базы, а также появления новых объектов исследования.

Ключевые слова: «речевые» преступления, деструктивная информация, интернет-коммуникация; лингвистическая экспертиза, переписка в мессенджере, автороведческая экспертиза.

В условиях развития дистанционной коммуникации, возможностей сети Интернет и ведения посредством нее информационной войны все большую востребованность приобретают экспертизы, в рамках которых исследуются продукты речевой деятельности. В частности, по так называемым «речевым» преступлениям практически всегда назначается лингвистическая экспертиза (одна или в комплексе с другими).

В экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации (далее также – «ЭКП») организовано производство таких экспертиз с 2005 года. За более чем пятнадцатилетнюю историю развития лингвистической экспертизы сформирована фундаментальная научно-методическая база: в 2007 году ЭКЦ МВД России при участии Института Криминалистики ЦСТ ФСБ России разработана Типовая методика судебной лингвистической экспертизы [6], в 2019 году в ее развитие под-

готовлены методические рекомендации, расширяющие перечень объектов исследования, учитывая их сферу функционирования в сети Интернет [4]. Они позволяют решать широкий спектр вопросов, связанных, например, с определением ролей и функций участников коммуникации на основе анализа их переписок или устных переговоров, установлением предмета речи (что актуально при наличии признаков маскировки), побуждением к передаче денежных средств, угрозами жизни и здоровью, распространением заведомо ложной информации о ком-либо. Также используется Типовая межведомственная методика лингвистического исследования материалов экстремистской направленности, подготовленная в 2019 году совместно экспертными учреждениями МВД, ФСБ, СК России и Минюста России по поручению Национального антитеррористического комитета. Помимо методик, в 2022 году Росстандартом утвержден ГОСТ Р 70003-2022 «Судебная лингвистическая экспертиза. Термины и определения», в подготовке которого в том числе принимали участие специалисты ЭКЦ МВД России.

Востребованность в лингвистических экспертизах обусловлена тем, что специальные филологические знания могут быть эффективно применены в целях доказывании признаков объективной стороны преступления при наличии в материалах дела вещественных доказательств в виде криминалистически значимых текстов – устных, письменных, комбинированных (мультимедийных).

В экспертно-криминалистических подразделениях системы МВД России лингвистические экспертизы выполняются экспертами, имеющими высшее филологическое / лингвистическое образование и получившими соответствующее дополнительное профессиональное образование по экспертной специальности. Комплекс дисциплин, изучаемых филологами в рамках освоения базовых дисциплин образовательных программ высших учебных заведений, позволяет им эффективно и научно обоснованно работать как с уровнями языка, так и с коммуникацией в целом. Анализировать не только тексты, но и контекст, коммуникативную ситуацию реализации высказываний, их целеустановку, средства и способы выражения смысла, речевые тактики и стратегии. Производство лингвистических экспертиз организовано в большинстве ЭКП системы МВД России. ЭКЦ МВД России ежегодно проводит обучение экспертов по данному направлению, а также выступает организатором крупных межведомственных мероприятий, посвященных актуальным вопросам лингвистической экспертизы. (Так, в июне 2023 года в ЭКЦ МВД России состоялся межведомственный круглый стол на тему «Особенности производства лингвистических экспертиз по делам, связанным с экстремизмом, мошенничеством, коррупцией и иной незаконной деятельностью», в котором приняли участие представители Роскомнадзора, РФСЦЭ при Минюсте России, СЭЦ СК России, сотрудники ЭКП системы МВД России.)

В условиях широкого распространения деструктивного контента в сети Интернет, ведения информационных войн, массового распространения недостоверной информации государство принимает активные меры в части

88 | введения ограничений на публичное речевое поведение. Так, Федеральным законом от 5 декабря 2022 г. № 479-ФЗ году внесены изменения в КоАП РФ в части введения запрета на пропаганду педофилии, распространение среди несовершеннолетних информации, демонстрирующей нетрадиционные сексуальные отношения и (или) предпочтения либо способной вызвать у несовершеннолетних желание сменить пол.

В связи с вступлением в силу указанных изменений, для выработки консолидированной позиции по вопросам выявления таких правонарушений, а также обсуждения особенностей применения специальных знаний при анализе размещенной в сети Интернет информации, в феврале 2023 г. ЭКЦ МВД России организовано совещание с заинтересованными подразделениями МВД России, а также представителями Роскомнадзора и РФЦСЭ при Минюсте России. С учетом состоявшегося обсуждения подготовлено информационное письмо, разъясняющее *возможности применения специальных лингвистических (и иных) знаний при выявлении правонарушений*, предусмотренных статьями 6.21, 6.21¹, 6.21² КоАП РФ. Письмо предназначено для сотрудников правоохранительных органов, занимающихся выявлением, расследованием и профилактикой совершения таких правонарушений [3].

Как показывает многолетняя практика, результативное применение выводов экспертных исследований обеспечивается, в первую очередь, постановкой перед специалистом вопросов, решение которых входит в его компетенцию и соотносится с признаками правонарушения, усматриваемого правоприменителем. В связи с этим методические рекомендации, подготавливаемые экспертными подразделениями и учреждениями разных ведомств, всегда включают типовые вопросы.

При разработке типовых вопросов специалисты в области лингвистической экспертизы, как правило, опираются на толкование понятий, приводимое к статьям законодателем, комментарии к ним, на разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, обзоры судебной практики, а также анализ лексического значения слов, используемых в диспозиции статьи. Задача же соотнесения выводов, полученных в результате экспертных исследований, с признаками объективной и субъективной стороны правонарушения относится исключительно к компетенции правоприменителя.

Составы большинства преступлений, связанные с публичным размещением в сети Интернет информационных материалов, относятся к формальным, то есть для оконченого преступления требуется лишь совершение деяния, указанного в законе, вне зависимости от наступления последствий, которые им могут быть вызваны. Важно отметить, что ранее Генеральной прокуратурой Российской Федерации изучена практика назначения и проведения лингвистических и психолого-лингвистических экспертиз и исследований по материалам экстремистской и террористической направленности. Даны необходимые рекомендации по тактике назначения таких экспертиз, а также обозначено, что в большинстве случаев достаточно проведения лингвистических исследований, назначение же комплексных

экспертиз с привлечением других специалистов избыточно. Указанный документ представляется особенно значимым для корректирования сложившейся практики повсеместного назначения комплексных экспертиз, в том числе по материалам, не требующим этого.

Помимо активного развития лингвистической экспертизы, последние десять лет ЭКЦ МВД России проводились научные исследования, направленные на совершенствование методической базы автороведческой экспертизы, включая формирование подходов к идентификации авторов по текстам переписок в мессенджере.

Переписка в мессенджерах все чаще рассматривается в качестве доказательств при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, вовлечением в экстремистскую, террористическую деятельность, осуществлением развратных действий в отношении малолетних, мошенническими действиями. Такие тексты имеют характерные особенности, обусловленные спецификой разговорной речи и используемыми при дистанционной коммуникации устройствами.

Однако идентификационно значимые признаки, предлагаемые существующими методиками производства автороведческих экспертиз, выделены на материале монологических текстов, и не включают те признаки, которые появляются в связи с диалогической коммуникацией в мессенджере. В связи с этим ЭКЦ МВД России с 2014 года на основе анализа собранного корпуса переписок и накопленной практики формировались подходы к исследованию диалогических печатных текстов в целях идентификации автора.

Сложность выявления индивидуализирующих признаков автора обусловлена увеличением количества групповых признаков, характерных в целом для языка интернет-коммуникации (например, использование разговорной лексики, сленга, сокращений, принципа «фонетизации письма» и др.). Вместе с тем в условиях цифровизации наблюдается появление и новых признаков, обусловленных авторским выбором как языковых, так и неязыковых средств при ведении диалогов в режиме реального времени и предлагаемые функционалом приложений (см. подробнее [2]).

В прошедшем году ЭКЦ МВД России завершена подготовка методических рекомендаций [1], предназначенных для идентификации лиц по материалам переписок в мессенджере, в которых:

- впервые предложены научные основы криминалистической идентификации автора по диалогическим печатным текстам, реализованным с использованием программ для мгновенного обмена сообщениями;
- сформулировано определение диалогической печатной (письменной) речи, расширяющее понятийный аппарат криминалистического автороведческого инструментария для исследования текстов переписок;
- впервые предложена классификация признаков диалогической печатной речи, включающая признаки коммуникативного и графического уровней (выделено более 250 признаков);

90 | – доказана целесообразность применения количественных (численно-статистических) параметров текста в качестве дополняющих признаки, выявленные при лингвистическом анализе, и позволяющие визуализировать и объективизировать полученные данные (возможность использования данных методов при исследовании авторских характеристик убедительно продемонстрирована в [5]).

В новых методических рекомендациях изложены подходы к экспертному анализу диалогической печатной речи, обеспечивающие возможность полного, всестороннего, научно-обоснованного исследования в целях идентификации лиц по переписке в мессенджерах. Разработан алгоритм действий эксперта при решении идентификационных автороведческих задач с использованием сформированной системы признаков диалогической печатной речи. Алгоритм также включает оценку пригодности объектов исследования, проведение раздельного и сравнительного анализа, а также рекомендации по оценке полученных результатов при формировании экспертом итогового решения.

Особое внимание уделено блоку рекомендаций по взаимодействию с инициаторами назначения экспертиз, предложен порядок документирования криминалистически значимых текстов переписок и отбора образцов диалогической печатной речи автора.

В заключение отметим, что лингвистические и автороведческие экспертизы относятся к трудоемким и наукоемким направлениям экспертной деятельности, требующим высокой квалификации эксперта. В условиях роста преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, применение результатов таких экспертиз для выявления и расследования преступлений представляется особенно значимым. Развитие данных направлений относится к приоритетным задачам экспертно-криминалистического обеспечения выявления и расследования преступлений.

Литература

1. Громова А. В., Манянин П. А., Бердникова М. А. О современных возможностях производства автороведческих экспертиз по материалам переписок в мессенджерах // А. В. Громова, П. А. Манянин, М. А. Бердникова // Вестник МВД России: журнал. М.: ОАД МВД России, 2022. № 4(176). С. 30-34.

2. Громова А. В. Переписка в мессенджере: идентификация автора по тексту в условиях трансформации индивидуализирующих признаков / А. В. Громова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языковедение. 2021. Т. 20. № 2. С. 87-98.

3. Информационное письмо «О возможностях применения специальных лингвистических (и иных) знаний при выявлении правонарушений, предусмотренных статьями 6.21, 6.21¹, 6.21² Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», исх. № 1/2311 МВД России от 06.03.2023.

4. Лингвистическая экспертиза текстов, ограничено пригодных для исследования: методические рекомендации / Т. В. Назарова, Е. А. Гримайло, А. В. Громова, П. А. Манянин, А. В. Ростовская. М.: ЭКЦ МВД России, 2021. 80 с.

5. Литвинова Т. А. Проблемы стилеметрической идентификации субъекта идиолектной деятельности: а-т дис. ... д-ра филол. наук / Т. А. Литвинова, Санкт-Петербург, 2021. 47 с.

6. Типовая методика судебной лингвистической экспертизы: Методические рекомендации / Е. А. Гримайло, Т. В. Назарова, Н. Ю. Мамаев, А. П. Коршиков и др. // Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. I / под ред. канд. техн. наук Ю. М. Дильдина. М.: ЭКЦ МВД России, 2010. 568 с.

A. V. Gromova

NEW IN THE METHODOLOGICAL SUPPORT OF LINGUISTIC AND AUTOMATIC EXAMINATIONS CARRIED OUT IN THE FORENSIC DEPARTMENTS OF THE SYSTEM OF THE MVD OF RUSSIA

Abstract. This article highlights the modern possibilities of linguistic and author's examinations carried out in the forensic divisions of the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia, surveys methodological tools and current directions in the development of scientific and methodological support in a dynamically changing regulatory framework, as well as the emergence of new research objects.

Keywords: "speech" crimes, destructive information, Internet communication; linguistic expertise, correspondence in a messenger, author's expertise.

С. В. Доронина
doroninasv73@mail.ru
кандидат филологических наук, доцент,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы, алтайский филиал
Барнаул, Россия

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ КАК ПРЕДМЕТ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Аннотация. Профессиональная деятельность накладывает отпечаток на речевое поведение субъекта. С повышением уровня образования, влияющего на выбор профессии, повышается и уровень языковых навыков. Профессиональная деятельность также может быть связана с дискурсами определенного типа, определенными группами лексико-фразеологических средств. Данные свойства речевой деятельности субъектов могут лечь в основу криминалистического исследования письменной речи – дать возможность установить черты речевого портрета личности.

Ключевые слова: языковая личность; идиолект; профессиональный дискурс; судебное автороведение.

ВВЕДЕНИЕ

Предметом судебной автороведческой экспертизы является установление фактических данных, подтверждающих или опровергающих соответствие характеристик исследуемых текстов индивидуальным письменноречевым навыкам конкретного автора. Известно, что в тексте содержится два вида информации: основная – об объекте речи, дополнительная – о говорящем субъекте [1, с. 11]. Появление последней обусловлено тем, что говорящий осуществляет отбор языковых средств для передачи информации. Характер этого выбора является информативным. Важно то, что говорящий субъект не сосредоточен на дополнительной информации, поэтому не контролирует ее выражение. Таким образом, эксперт-авторовед может решать классификационно-диагностические задачи, устанавливая речевые навыки и социальные характеристики автора какого-либо текста.

Идиолект говорящего определяется следующими индивидуальными характеристикам:

– образовательный уровень, наличие навыков определённого стиля письменной речи;

– родной язык, знание иностранных языков;

– происхождение, место постоянного проживания;

– пол, возраст, социальное положение;

– область деятельности, профессия, хобби.

Таким образом, текст является источником информации о профессиональной принадлежности (роде занятий) автора документа. Получение этой информации – актуальная задача теоретической и прикладной лингвистики.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом работы послужили анонимные документы, поступившие на экспертное исследование по постановлению судебно-следственных органов. Экспертные методики, отраженные в специальной литературе, базируются на традиционных методах структурной лингвистики, направленной на выявление культуры речи автора, стилистики, обнаруживающей специальное познание о жанрах профессиональной речи, а также лексической семантики, направленной на выявления тезауруса субъекта и эмоционально-оценочной составляющей его картины мира.

ОБСУЖДЕНИЕ

Профессия как основной вид социальной деятельности обуславливает появление у личности определенных речевых навыков. В речи субъект воспроизводит речевые формы, освоенные им в ходе профессиональной деятельности. Таким образом, текст является источником информации о профессиональной принадлежности автора документа. Считается, что признаки письменной речи, свидетельствующие о профессии автора, можно разделить на частные и общие. К общим относится уровень владения средствами книжно-письменной речи: грамматическая сложность/простота документа, употребление длинных/коротких знаменательных слов, использование/отсутствие причастных оборотов, уточняющих конструкций, распространенных и сложных предложений и пр. Общий низкий уровень владения письменной речью, неразвитые дискурсивные навыки свидетельствуют о том, что профессия автора не предполагает публичной письменной речевой деятельности. Высокий уровень выработанности навыков письменной речи может быть основанием для предположения о профессии, связанной с письменной речью. Кроме того, повышение уровня языковых навыков происходит при получении образования. Поэтому грамматически правильная речь может свидетельствовать и об образовательном уровне пишущего субъекта [2, с. 20]. Частные признаки письменной речи намного более точно характеризуют род занятий автора. На это указывают употребляемые лексико-фразеологические средства: профессионализмы и термины, устойчивые речевые обороты (коллокации), принадлежащие определенному типу дискурса – юридическому, медицинскому, бухгалтерскому, военного дела, шитья и рукоделия и пр. Ярким проявлением профессиональной языковой личности являются и отраженные в тексте способы концептуализации мира: отбор, восприятие и оценка объектов действительности, упомянутых в речи, ссылки на авторитеты определенного профессионального круга.

К сожалению, далеко не каждый письменный текст содержит информативные признаки профессиональной принадлежности его автора. Чаще других удается обнаружить индивидуальные черты языковой личности в текстах, содержащих авторское эмоциональное отношение. Эти тексты не относятся к группе строгих жанров, описывают события, имеющие непосредственное отношение к жизни автора. Наиболее яркими носителями идиолекта, по мнению экспертного сообщества, являются анонимные письма. Докажем это на примерах.

На исследование эксперта был предоставлен текст, исполненный в жанре делового письма. По содержанию текст представляет собой жалобу, излагающую суть проблемной ситуации с побуждением адресата к действиям, направленным на ее решение. Данный текст имеет анонимного автора, направлен коллективному адресату – членам Ученого совета вуза, другим работникам университета, а также министру образования и науки Российской Федерации. Коммуникация не носит институциональный характер, имеет целью воздействие на коллективного адресата, поэтому текст составлен с использованием публицистического стиля речи.

Тип речевой культуры автора данного текста определяется общим уровнем владения нормами русского языка и умением выбрать стилистические средства для эффективного решения коммуникативной задачи. В научной литературе выделяются элитарный, среднелитературный, литературно-разговорный, фамильярно-разговорный, маргинальный типы речевой культуры [4]. Данная классификация соотносима с криминалистическим делением степеней развития навыков письменной речи на высокую, среднюю, низкую и нулевую [2, с. 11]. Для характеристики типа речевой культуры необходим анализ как общих признаков письменной речи, характеризующих ее правильность, так и частных признаков, оценивающих ее эффективность.

Исследуемый текст характеризуется следующими общими признаками:

- на логико-смысловом уровне – последовательностью, детальностью изложения, делением текста на абзацы;

- на лексико-фразеологическом уровне – правильностью словоупотребления;

- на грамматическом уровне – соответствием синтаксических конструкций нормам книжно-письменной речи. В тексте отмечается одна грамматическая ошибка в употреблении союза «кроме как», нормативно употребляемого с однородными членами предложения и тяготеющего к негативным конструкциям.

- текст содержит 438 словоупотреблений, при этом допущено 3 пунктуационных, 2 орфографических ошибки.

Перечисленный набор признаков соответствует высокому уровню развития речевых навыков. Наблюдаемые частные признаки подтверждают данный вывод:

- характер пунктуационных ошибок типа «лишняя запятая» и орфографических ошибок, связанных с выбором слитно-раздельно-дефисного

написания сложных слов, при отсутствии других видов ошибок характерен для лиц с развитыми орфографическими и пунктуационными навыками;

– на лексико-фразеологическом уровне текст характеризуется богатством словоупотребления: включает общеупотребительную, книжную лексику, устойчивые выражения и фразеологические обороты, выражающие экспрессивное оценочное значение оригинальными средствами литературного языка;

– на стилистическом уровне наблюдается использование риторических фигур, усиливающих выразительность речи: повторы-градации, парцелляции, риторические вопросы и др.

Таким образом, автор исследуемого документа обладает высоким уровнем культуры письменной речи.

О профессиональной принадлежности автора может свидетельствовать употребление лексических и грамматических профессионализмов, а также тематически ориентированные лексико-фразеологические средства, демонстрирующие хорошее владение автора профессиональным дискурсом [3, с. 67]. В исследуемом тексте встречается лексика, характерная для институционального дискурса высших учебных заведений:

– названия должностей учреждения *«члены Ученого совета», «ректорат», «ректор», «проректор», «начальник хозяйственного управления», «заместитель первого проректора»;*

– названия структурных подразделений учреждения *«факультетов, институтов, кафедр»;*

– устойчивые выражения, встречающиеся в официально-деловой документации вуза *«оптимизация», «классический университет», «материальная и научно-техническая база»;*

– распространенная в среде вузовских преподавателей оценка результатов реформирования системы высшего образования *«(вуз) стал сравним с профтехучилищем».*

Кроме того, указываемый круг адресатов анонимного письма – члены Ученого совета университета и *«иные достойные мужчины»* – свидетельствует о том, что автор знаком с системой выборов главы университета, в которых участвует Ученый совет вуза и делегаты от кафедр и факультетов.

Все перечисленные признаки являются основанием для вывода о том, что автор текста, вероятно, является сотрудником данного вуза, либо хорошо знаком с его работой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вопрос отражения профессиональной принадлежности языковой личности в тексте имеет два аспекта. Рассматривая типы языковых личностей, следует указать, что наиболее ярким идиолектом обладают не представители речевых профессий (преподаватели, адвокаты, журналисты), а лица, использующие в своей профессиональной речевой деятельности однообразный набор речевых средств (медики, сотрудники полиции, инженеры). Отражение языковой личности в тексте зависит от его жанра. В текстах строгих жанров возможно установить лишь степень владения правилами

96 | построения данного типа дискурса. Информативность текстов «мягких» жанров гораздо выше. Источником информации о личности служат те композиционные отрывки, в которых проявляется авторское отношение к содержанию высказывания.

Литература

1. Вул С. М. Установление авторства анонимных машинописных текстов / С. М. Вул // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1979. Вып 18. С. 82-87.
2. Вул С. М. Судебно-автороведческая идентификационная экспертиза: методические основы: методическое пособие. Харьков, 2007. 64 с.
3. Закарецкий В. И. К вопросу о диагностике профессиональной принадлежности автора документа / В. И. Закарецкий // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1987. Вып. 34. С. 66-73.
4. Хорошая речь // О. Б. Сиротина и др. Саратов, 2001. 278 с.

S. V. Doronina

PROFESSIONAL LANGUAGE PERSONALITY AS A SUBJECT OF FORENSIC EXAMINATION

Abstract. The professional activities affect the speech behavior of the subject. Improving the level of education influences the profession choice and increases the level of the language skills. Professional activities can also be associated with a certain type of discourses, certain groups of lexical and phraseological means. These qualities of the subject's speech activity can form the basis of a criminalistic study of written speech – make it possible to establish the features of a person's speech portrait.

Keywords: language personality; idiolect; professional discourse; forensic examination.

ПРОИЗВОДНОСТЬ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЗНАКОВ: ЛИНГВОЮРИДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАССМОТРЕНИЯ

Аннотация. В статье обосновывается необходимость введения критерия производности знаков в методики написания нейминговых экспертиз по сопоставлению обозначений (товарных знаков, фирменных наименований и др.) и автороведческих экспертиз.

Ключевые слова: товарный знак; фирменное наименование; сходство знаков; производность знака; сходство текстов; производность текста.

Понятия «тождество» – «сходство» – «различие» являются ключевыми в методике производства как автороведческих, так и нейминговых экспертиз. В методике производства названных экспертиз есть нечто общее: обнаружение языковых элементов, совпадающих в разной степени (тождественных или близких).

При проведении сравнительного автороведческого исследования устанавливаются «высокоинформативные совпадения по тематическим, логико-структурным, лексическим, стилистическим, синтаксическим особенностям» [2, с. 149].

При проведении нейминговых экспертиз устанавливается сходство до степени смешения через совпадение, близость или подобие языковых элементов. Так, согласно «Руководству по экспертизе товарных знаков в Федеральной службе по интеллектуальной собственности» сходство товарных знаков до степени смешения устанавливается с точки зрения фонетического, графического и смыслового критериев. Фонетическое сходство определяется на основании «наличия близких и совпадающих звуков в сравниваемых обозначениях; близости состава гласных; близости состава согласных» [8] и др. признаков, демонстрирующих близость и совпадение языковых знаков. Графическое сходство определяется на основании совпадения (или сходства) вида шрифта, цвета, алфавита и т. д. Показателями смыслового сходства являются: «подобие заложенных в обозначениях понятий, идей; в частности, совпадение значения обозначений в разных языках; совпадение одного из элементов обозначений, на который

98 падает логическое ударение и который имеет самостоятельное значение; противоположность заложенных в обозначениях понятий, идей» [8].

Таким образом, в применяемых в настоящее время методиках сходство между разнообразными языковыми знаками (текстами, товарными знаками, фирменными наименованиями и т. д.) устанавливается на основе значимых совпадений.

Нам важно обратить внимание на то, что совпадения могут являться показателем производности, вторичности одного языкового знака по отношению к первичному знаку, а наличие производных отношений, в свою очередь, может быть показателем как сходства, так и различия знаков.

РАССМОТРИМ НЕСКОЛЬКО ПРИМЕРОВ

Ситуация № 1. «Алёнка» и «Алина»

Итогом судебного процесса, в котором ОАО «Московская кондитерская фабрика “Красный Октябрь”» обратилась с исковым заявлением к ЗАО «Кондитерская фабрика “Славянка”» как производителю шоколада в плитках «Алина» о пресечении нарушения исключительных прав истца на товарный знак «Алёнка» по свидетельству № 184515 и общеизвестный товарный знак по свидетельству № 80, стало решение о наличии между ними сходства до степени смешения.

Названный случай показал, что результаты ассоциативного эксперимента являются важным доказательством сходства между обозначениями: «... судебная коллегия считает, что центральным является открытый вопрос, без предварительных вариантов ответа, что по сути и выражает свободно сформулированное мнение рядового потребителя без необходимости выбирать предложенный социологом ответ. Такой вопрос в Отчете ВЦИОМ один, а именно: Ассоциации, связанные с упаковкой шоколада «Алина». С каким продуктом вызывает ассоциации упаковка шоколада «Алина?»» [4].

Рассматриваемый случай не теряет своей актуальности для современной лингвоэкспертологии, поскольку позволяет развивать методику определения наличия / отсутствия сходства между обозначениями до степени смешения. Трудность для экспертов в установлении наличия / отсутствия сходства до степени смешения между рассматриваемыми знаками состоит в том, что прописанные в методике фонетический, графический и семантический критерий не позволяют полностью отразить характер отношений между ними. Именно социологический опрос, в ходе которого были собраны ассоциации на стимул – упаковка шоколада «Алина» – позволил установить, что между рассматриваемыми знаками имеется ассоциативное сходство и существует опасность сходства до степени смешения.

Развивая идею применения ассоциативного эксперимента с целью сопоставления указанных знаков, нами было проведено два ассоциативных эксперимента, в котором были собраны реакции и на упаковку шоколада «Алёнка», и на упаковку шоколада «Алина». В проведении эксперимента участвовали две разные группы испытуемых, чтобы

исключить взаимовлияние стимулов на даваемые ответы. Из результатов проведенного нами ассоциативного эксперимента следует, что ассоциативная связь «Алина» => «Алёлка» является однонаправленной, в обратном направлении «Алёлка» => «Алина» реакции отсутствуют. Таким образом, знаки «Алёлка» и «Алина» связаны отношениями ассоциативной производности, первичным знаком (знаком-прототипом) является «Алёлка», а вторичным знаком – «Алина».

Приведенный случай ярко демонстрирует, что сходство между знаками основывается не только на фонетическом, графическом и смысловом совпадении, сходство может основываться и на отношениях производности, которыми эти обозначения связаны. В связи с этим существует необходимость прописать в методиках, руководствах признаки производности одного знака от другого.

Ситуация № 2. «Росса-Кемерово»

Межрайонная инспекция ФНС подала исковое заявление на ООО «Росса-Кемерово» об изменении фирменного наименования Общества путем «исключения из фирменного наименования сокращения РОС» [3, с. 1].

В ст. 1473 ГК РФ содержится требование к фирменным наименованиям: «В фирменное наименование юридического лица не могут включаться полные или сокращенные официальные наименования иностранных государств, а также слова, производные от таких наименований» [1, электронный ресурс]. Но при этом отсутствуют методические рекомендации, в которых критерий производности фирменных наименований получил бы необходимое разъяснение.

С позиции истца фирменное наименование «Росса-Кемерово» является производным от слов «Россия» или «Российская Федерация». В действительности же данное фирменное наименование имеет совсем иные мотивационные связи: основным видом деятельности организации является сбор отходов, для которого Общество использует контейнеры красного цвета. Наименование цвета (ROSSO, ROSSA – красный, красная), записанное с помощью транслитерации, стало производящим словом для рассматриваемого обозначения.

Сложившаяся ситуация (имеющийся в ГК РФ запрет на существование фирменных наименований, являющихся производными от наименования каких-либо государств, и отсутствие методик, в которых были рассмотрены признаки такой производности и случаи омонимии, транслитерации и др.) приводит к многочисленным ошибкам, когда налоговая инспекция требует изменения наименования организации в связи с тем, что оно является якобы производным от слов «Россия», «Российская Федерация», «российский». Для налоговой инспекции показателем отношений производности является формальное наличие букв (даже не морфем!) рос / росс в наименовании организации, в то время как отношения производности обязательно проявляются семантически: производное слово основано на строении и значении производящего слова. Ситуации, подобные описанной,

100 | демонстрируют необходимость включения критерия производности в методику по сопоставлению различных наименований.

Ситуация № 3. Договор на миллион

В исследовании сходства текстов категория производности является ключевой, лингвистически выявляемой и юридически значимой.

Согласно Постановлению Суда по интеллектуальным правам «институт авторского права не оперирует категорией сходства до степени смешения» [5, с. 12]. Согласно п. 95 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» суд, рассматривая спорные ситуации, устанавливает, создано ли одно произведение на основе другого [6], иными словами, сходство текстов устанавливается через наличие между ними отношений производности, т. е. через проявление вторичности существенных признаков первичного объекта.

Несмотря на то, что суд не оперирует понятием «сходство текстов до степени смешения», судебная практика демонстрирует, что смешение текстов – это не гипотетическая опасность, а реально существующая.

В суде г. Гусь-Хрустальный в 2015 г. была рассмотрена спорная ситуация, связанная с кредитным договором. Местный житель оформил в банке кредит. Перед подписанием документов заемщик взял договор с собой, пояснив менеджеру, что хочет проконсультироваться с юристом. На следующий день заемщик принес два подписанных экземпляра договора, которые «визуально практически не отличались от типовой формы Банка» [7, электронный ресурс], но, как оказалось в дальнейшем, содержали новый абзац: «Согласно п.п.2 п.4.1. договора если заемщик оплату первого платежа по кредиту производит во время, а это с ДД.ММ.ГГГГ до ДД.ММ.ГГГГ банк обязуется списать с заемщика целиком и полностью всю сумму основного долга и все проценты за пользование кредитом, а также банк обязуется в трехмесячный срок, начиная с ДД.ММ.ГГГГ выплатить заемщику <данные изъяты> рублей» [Там же].

Как указывается в описании дела, заемщик рассчитывал на то, «что сотрудники Банка не будут внимательно читать договор, и подмену не заметят, что и произошло на самом деле» [Там же]. Первый платеж заемщик произвел вовремя, и в дальнейшем он обратился в банк для исполнения приведенного выше пункта договора. Поскольку банк отказался выполнять данное условие, заемщик обратился в суд.

Во время судебного разбирательства была проведена техническая экспертиза, выводы которой показали, что договор был напечатан на другом техническом устройстве и с использованием другой бумаги, нежели банковские документы, которые оформлялись для получения кредита (график платежей, анкета и др.). Также по делу была произведена автороведческая экспертиза, в которой текст спорного договора сравнивался с текстом типового договора, утвержденного распоряжением банка. Выводы автороведческой экспертизы показали, что текст спорного договора

«принадлежит разным лицам». В итоге спорная ситуация завершилась в пользу банка.

Лингвистический аспект представленной ситуации связан с функционированием в системе документооборота спорного договора как текста, сходного до степени смешения с типовым договором. Выводы автороведческого исследования по своему смыслу показывают, что тексты типового и спорного договоров находятся между собой в отношениях производности: типовой договор первичен, спорный - вторичен, текст спорного договора произведен от текста типового договора, поскольку имеет текстообразующую базу в виде сохранения всего содержания первичного текста и в добавление содержит «текстообразующий формант» [9, с. 7] – добавленный пункт договора, уникальность которого при беглом взгляде не воспринимается в связи с общей визуальной схожестью текстов договоров.

Подобно тому как в области товарных знаков прописано об опасности их сходства до степени смешения с коммерческими обозначениями в силу невнимательности и неосмотрительности рядовых граждан, требуются методические рекомендации, в которых были бы описаны ситуации сходства текстов и критерии выявления производности между текстами.

В данной статье на материале товарных знаков, фирменных наименований и текстов мы рассмотрели важность критерия производности языковых знаков и обосновали необходимость разработки методических рекомендаций по установлению первичного и вторичного знака.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 05.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.05.2023) // «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения: 31.07.2023).
2. Комплексная методика производства автороведческих экспертиз: Методические рекомендации / И. И. Рубцова, Е. И. Ермолова, А. И. Безрукова и др. М.: ЭКЦ МВД России, 2007. 192 с.
3. Определение Арбитражного суда Кемеровской области о назначении экспертизы по делу, об отложении судебного разбирательства по делу № А27-2916/2022 от 02.06.2022.
4. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 17.01.2011 № 09 АП 29250/2010-ГК по делу № А40-7875/10-19-662.
5. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 14.05.2015 № С01-332/2015 по делу № А19-2243/2014.
6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации».
7. Решение Гусь-Хрустального городского суда Владимирской области по делу № 2-68/2015 от 04.06.2015.

8. Руководство по экспертизе товарных знаков в Федеральной службе по интеллектуальной собственности, 2016. [Электронный ресурс]. URL: https://rospatent.gov.ru/activities/inter/bicoop/modern/project/Ruk_tz_gospatent.pdf (дата обращения: 31.07.2023).

9. Трубникова Ю. В. Лексико-деривационная концепция текста (на материале современного русского языка): Дис. ... д-р филол. наук. Барнаул, 2012. 354 с.

Ya. A. Dudareva

DERIVATIVE AS AN INDICATOR SIMILARITIES AND DIFFERENCES OF LANGUAGE SIGNS: LINGUISTIC AND LEGAL ASPECT OF CONSIDERATION

Abstract. The article substantiates the need to introduce the criterion of derivative marks in the methods of writing naming examinations for the comparison of designations (trademarks, brand names, etc.) and author expertise.

Keywords: trademark; brand name; similarity of signs; derivative of the sign; similarity of texts; derivative of the text.

ПЕДОФИЛЬСКИЙ ДИСКУРС: ОСНОВНЫЕ ТЕРМИНЫ, КУЛЬТУРНЫЕ АРТЕФАКТЫ И ОСОБЕННОСТИ МАРКИРОВКИ ПОРНОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОДУКЦИИ

Аннотация. Педофильское сообщество представляет собой сложно организованный организм, обладающий собственными терминосистемой, символикой, информационными ресурсами и печатными изданиями и производящий идеологический и развлекательный контент. Исследование терминосистемы, символики педофильского сообщества и способов маркировки его членами порнографического контента имеет практическую значимость при производстве психолого-лингвистических экспертиз.

Ключевые слова: педофилия, табуированные речесмыслы, криптолалия, маркировка детской порнографии.

В последние годы наблюдается тенденция к ужесточению законодательства в сфере преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Эти изменения являются ответом правительства на запрос общества, возникшим в результате ряда прецедентов (дело Лизы Киселёвой, дело Вероники Николаевой), и предполагают превенцию роста числа подобных случаев в дальнейшем. В то же время политические деятели, юристы и учёные далеки от понимания того, что из себя представляет педофильское сообщество, какой риторике придерживаются его члены и как оно функционирует в виртуальном пространстве. Для сотрудников правоохранительных органов, криминалистов и юристов изучение педофильской риторики имеет первостепенную важность – оно направлено как на расширение фоновых знаний о лицах, относящих себя к этому сообществу, и их мировоззрении, так и на знакомство с метаязыком и символикой данного сообщества. Последний аспект имеет практическую значимость и должен учитываться при производстве лингвистических экспертиз – например, при анализе маркировки и/или названий видеофайлов, содержащих признаки информации порнографического характера с участием лиц, выглядящих как несовершеннолетние.

Для исследования риторики педофильского сообщества нами была проанализирована коммуникация русскоязычных и англоязычных пользователей педофильских форумов. В целях информационной безопасности мы не публикуем в открытом доступе название изученных нами форумов. Их перечень предоставлен организаторам конференции.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕДОФИЛЬСКОГО СООБЩЕСТВА И ЕГО ОРГАНИЗАЦИЯ

Педофильское сообщество сложно организовано и неоднородно. Представители данной субкультуры действуют на закрытых или ограниченно открытых интернет-площадках со строгой политикой безопасности – доступ на закрытые уровни форума возможен после прохождения модераторской проверки.

В настоящее время сложно говорить о степени инкорпорированности русскоязычного педофильского сообщества в международные объединения, однако нельзя отрицать, что в основе его организации лежит англоязычная модель. Так, для англоязычных и русскоязычных представителей педофильского сообщества характерно разделение в зависимости от сексуальных предпочтений: выделяются так называемые «бойлаверы» (от англ. «boylover») – лица, испытывающих романтическое и/или сексуальное влечение к несовершеннолетним мужского пола, «гёрллаверы» (от англ. «girllover») – лица, испытывающих романтическое и/или сексуальное влечение к несовершеннолетним женского пола, «чайлдлаверы» (от англ. «childlover») – лица, испытывающих романтическое и/или сексуальное влечение к несовершеннолетним вне зависимости от их пола. Каждая из названных групп имеет свою эмблему, свой флаг, свой «праздничный» день и свои аналоги «Википедии» (данные предоставлены организатором конференции). Последние информационные ресурсы располагают сведениями:

- (1) об истории и представителях педофильского движения;
- (2) о способах сокрытия информации, представляющей интерес для правоохранительных органов;
- (3) о предоставлении контактов юристов лицам, обвиняемых в преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетних или в распространении детской порнографии;
- (4) о материалах развлекательного характера с участием несовершеннолетних (журнальная продукция, фото- и видеопродукция, эротические и порнографические тексты);
- (5) о материалах идеологического характера, направленных на легитимизацию дискурсивных практик педофильского сообщества, романтического/ сексуального взаимодействия с несовершеннолетними;
- (6) о терминах и символике педофильского движения.

ТЕРМИНОСИСТЕМА РУССКОЯЗЫЧНОГО И АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПЕДОФИЛЬСКОГО СООБЩЕСТВА

Педофильское сообщество имеет разработанную терминологию, направленную как на обозначение лиц, относящих себя к педофильскому сообществу, так и на обозначение несовершеннолетних и иных аспектов романтического и/или сексуального взаимодействия с несовершеннолетними, отражающих его характер. Ряд терминов (*педосексуал*, *МАР*, *МАА*, *НОМАР*, *pedosexual*, *puersexual*, *pro-c*, *anti-c*, *ААМ*, *АоА*, *responsible boylove*) указывает на процесс формирования у педофильского сообщества групповой идентичности и представляет собой инструмент, направленный на легитимизацию своей дискурсивной практики за счет подражания дискурсивным практикам, относящихся к феминистскому сообществу и сообществам ЛГБТ+. На это, в частности, указывают термины «педосексуал», «pedosexual», «puersexual», образованные по аналогии с терминами «гомосексуал», «бисексуал» и т. д. Использование вышеперечисленных лексем направлено на вытеснение термина «педофил», имеющего в официальном дискурсе отрицательную коннотацию, и замену его на условно приемлемые термины, не ассоциирующиеся с противоправной деятельностью. Также стоит отметить, что представители феминистского сообщества и сообществ ЛГБТ+ выражают негативные отношения к педофильскому сообществу. Другие термины (например, *медведь*, *педобир*, *волшебник*, *белковод*, *белка*, *белочка*, *Лолита*, *Лоли*, *Алиса*, *зайчик*, *Kiddy Fiddler*, *Amaros*, *Amarso*, *Amarsi*) направлены на эвфемизацию табуированных речесмыслов. Ряд вышеперечисленных терминов эксплуатируются они из литературных произведений «Волшебник» и «Лолита» В. В. Набокова и «Приключения Алисы в Стране чудес» Л. Кэрролла (*волшебник*, *Лолита*, *Лоли*, *Loli*, *Lolita*, *Алиса*, *Alice*), а также номинации и их производные, относящиеся к Интернет-культуре (*медведь*, *педобир*). Некоторые номинации (*YF* («*Young Friend*»), *GM* («*Girl Moment*»), *BM* («*Boy Moment*»), *Responsible Boylove*, *ААМ* («*Adult Attracted Minor*»), *Amaros*, *Amarso*, *Amarsi*) направлены на представление романтического и/или сексуального взаимодействия с несовершеннолетними безопасным и реализуемым по обоюдному согласию.

О СПОСОБАХ МАРКИРОВКИ ДЕТСКОЙ ПОРНОГРАФИИ

Названия файлов, содержащих признаки информации порнографического характера с участием несовершеннолетних, могут отражать информацию об их содержании: о количестве участников, их половозрастных, сексуальных, социально-экономических, этнических характеристиках и пр. Тем самым наименования файлов выступают в роли с тегов и ключевых слов [1]. В основном они представлены на английском языке, но также встречаются на других иностранных языках: испанском, португальском, немецком, голландском, датском, русском, на языке хинди. Отмечается, что при написании названий файлов или тегов

106 | отсутствует единая система правил: в названиях файлов могут содержаться орфографические ошибки, использоваться аббревиатуры, буквенно-цифровые комбинации, замена букв на цифры, со схожим графическим написанием (например, *b0y*), просодическое написание (комбинирование букв прописного и строчного регистра), комбинирование основ/слов, относящихся к разным языкам [2-5]. Очевидно, что распространители детской порнографии (в том числе – представители педофильского сообщества) прибегают к вышеперечисленным ухищрениям при маскировке именования файлов. Были выделены эксплицитные и имплицитные способы маркировки. К эксплицитным способам были отнесены лексемы, содержащие табуированные речесмыслы, напрямую отсылающие к явлению педофилии (*childporn, pedo, pedofilia, pedofilo, pedoland, pedophile, ПЕДО*) или указывающие на несовершеннолетний возраст участника/ участников сексуального взаимодействия (*16teen, 5year-old, 9yo, 7yr*). К имплицитным способам отнесены (1) аббревиатуры (*OPVA, pthc, ptsc, bibcam*), (2) кодовые слова (*hussyfan, kidzilla, babyshivid, yamad, childlover, boylover, girllover, qwerty, pjk, kingpass*), (3) лексемы, отсылающие к персоналиям, осужденным за растление или за распространение порнографии (*r@ygold, qqaazz*) или являвшихся жертвами растления (*babyj*), (4) лексемы, отсылающие к студиям по производству детской порнографии, веб-сайтам (*lolita, youngvideomodels, uvm, lsm*), содержащим детский порно контент (*bibigon, siberian mouse, кубирские мышки*) [1].

В заключении доклада следует отметить, что англоязычный сегмент педофильского сообщества по всей видимости представляет собой сложно организованный организм с установленным набором терминов и символов, обслуживающих интересы каждой сложившейся внутри сообщества группы и легитимизирующих табуированные речесмыслы, направленные на создание концепта приемлемости романтического и/или сексуального взаимодействия с несовершеннолетними. Русскоязычный сегмент педофильского сообщества только находится в стадии формирования групповой идентичности, что все же не может вызывать опасения. Наличие у педофильского сообщества своих интернет-форумов и информационных порталов, с одной стороны, позволяет лучше исследовать и, как следствие, составить более точное представление об организации данного сообщества, с другой стороны, в виду организованного и скрытого характера представляет опасность для общественного благополучия. Риторический и идеологический аспект информации, размещенной на данных порталах, носит патогенный характер, направленный не только на легитимизацию и нормализацию табуированных речесмыслов, но и на вовлечение в противоправную деятельность неофитов.

Литература

1. Енгальчев В. Ф., Зайцева О. В. Выявление объектов детской порнографии в виртуальном пространстве посредством дешифровки

наименований и тегов / В. Ф. Енгальчев, О. В. Зайцева // Вестн. Том. гос. ун-та, 2021. № 471. С. 235–241. 107

2. Al-Nabki M. W., Fidalgo E., Alegre E., Alaiz-Rodriguez R. File Name Classification Approach to Identify Child Sexual Abuse / M. W. Al-Nabki, E. Fidalgo, Alegre E., R. Alaiz-Rodriguez // Proceedings of the 9th International Conference on Pattern Recognition Applications and Methods – ICPRAM. Valletta, Malta, 2020. P. 228-234.

3. Fournier R., Cholez T., Latapy M., Magnien C., Chrisment I., Daniloff I., Festor O. Comparing paedophile activity in different P2P systems / R. Fournier, T. Cholez, M. Latapy, C. Magnien, I. Chrisment, I. Daniloff, O. Festor // Social Sciences, 2014. № 3 (3). P. 314-325.

4. Hughes D., Walkerdine J., Coulson G., Gibson S. Is deviant behavior the norm on P2P file-sharing networks? / D. Hughes, J. Walkerdine, G. Coulson, S. Gibson // IEEE Distributed Systems Online, 2006. № 7 (2). P. 1-11.

5. Westlake B., Bouchard M., Frank R. Comparing Methods for Detecting Child Exploitation Content Online / B. Westlake, M. Bouchard, R. Frank R // SJSU ScholarWork. San Jose State University, Jan. 2012. P. 1-9.

O. V. Zaytseva

PEDOPHILE DISCOURSE: KEY TERMS, CULTURAL ARTIFACTS, AND PECULIARITIES OF PORNOGRAPHIC LABELING

Abstract. The pedophile community is a complexly organized organism that has its own terminological system, symbols, information resources and printed publications and produces ideological and entertaining content. The study of the terminological system, the symbols of the pedophile community and the methods of labeling pornographic content by its members is of practical importance in the production of psychological and linguistic forensic analyses.

Keywords: pedophilia, taboo speeches, cryptolalia, labeling of child pornography.

«ПОЗДРАВИТЕЛЬНАЯ ОТКРЫТКА» КАК ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ СУДЕБНО- ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению текстов «поздравительных открыток», размещённых в сети Интернет; на примере анализа таких поликодовых текстов ставится на рассмотрение вопрос об их квалификации как потенциального объекта судебно-лингвистической экспертизы.

Ключевые слова: поликодовый текст; «поздравительная открытка»; экстремистский материал; судебно-лингвистическая экспертиза; фоновые знания.

В последнее время представители научного сообщества активно занимаются изучением различных, ранее мало исследуемых объектов, таких как поликодовые тексты (тексты, составленные с использованием средств различных знаковых систем), интернет-тексты и тексты «низших сфер» речевой деятельности (например, частные записки), что обусловлено толерантным подходом к различным объектам и общим вниманием гуманитаристики к изучению повседневности. К подобным объектам относятся и поздравительные жанры, в частности поздравительная открытка. Эти тексты имеют «бумажный» и «небумажный» носитель информации (субстрат), распространены в интернет-среде, характеризуются различной степенью креолизации. Актуальность исследования различных аспектов поздравительных жанров подтверждается ростом количества научных работ по данной теме, например [11, 12]. Кроме того, о значимости направления свидетельствует расширение перечня объектов судебной лингвистической экспертизы, среди которых замечено увеличение числа поликодовых текстов, в частности материалов, которые могут быть отнесены к экстремистским по характеру передаваемой ими информации, а значит, необходимо использование специальных знаний эксперта-лингвиста, формой применения которых является судебная экспертиза, для определения направленности исследуемого материала, выявления факта наличия или отсутствия в них признаков лингвистического экстремизма. Интерес к рассматриваемой теме определён как областью научным интересом автора [3], так и преподавательской деятельностью: на практи-

ческих занятиях по дисциплине «Судебная лингвистическая экспертиза» (далее – СЛЭ) обучающиеся учатся определять пригодность различных спорных текстов (принятое в экспертном сообществе обозначение поступивших на экспертизу текстов, далее – СТ) для проведения исследований и анализируют представленную в них информацию, значимую для расследования дел определённой категории.

К объектам судебного речеведения относят следы (продукты) речевой деятельности человека, в качестве которых выступают речевые произведения, зафиксированные на материальном носителе, вовлекаемые в сферу судопроизводства, где они приобретают статус доказательств [10, с. 89]. Объект СЛЭ экстремистских материалов – это речевые произведения, а также статические и динамические изображения, исследуемые на предмет наличия/отсутствия в них признаков экстремизма [10, с. 112]. Текст как продукт речевой и коммуникативной деятельности и поведения человека (его автора) понимается широко – это «объединенная смыслом последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность. Как осмысленная последовательность знаков текст представляет собой некое сообщение, имеющее свои содержание, цель и адресата. Эти свойства присущи объектам самых разных форматов». На экспертизу предоставляются тексты разных жанров и в разном виде, то есть любые материалы, которые фиксируют результаты коммуникации [6, с. 14-15].

Целью экспертизы является установление наличия/отсутствия таких характеристик (особенностей) содержания материала, которые важны для принятия решения по делу. Основной такой особенностью, подлежащей установлению, является соответствие/несоответствие смысла, значения, выраженного в материале, тем смыслам, значениям, которые описаны законодательно как запрещенные для публичного выражения [6, с. 15], то есть установление наличия/отсутствия в исследуемом объекте лингвистических признаков экстремизма.

Общая задача судебного речеведения – исследование речевого поведения и продуктов его речевой деятельности с формальной и содержательной стороны с целью установления фактов, имеющих значение доказательств [10, с. 88]. Экспертная задача состоит в исследовании текста в целях решения вопросов смыслового понимания [8, с. 247]. Типичными задачами СЛЭ экстремистских материалов является диагностика высказываний на предмет наличия / отсутствия определённых признаков экстремистских значений. Так, выделяются семь основных типов значения, условно названных «экстремистскими», всестороннее исследование которых предполагает проведение анализа трёх типов – предметно-тематического (о ком/чём и что именно говорится); оценочно-экспрессивного (как оценивается то, о чём говорится, и какие эмоции у автора вызывает); целевого (зачем говорится), – которые отражены в диагностических комплексах соответственно как тематика, отношение, цель [6, с. 20, 22-23]; решаются вопросы о наличии волеизъявлений и оценки, то есть исследуются иллюкативный и оценоч-

110 | ный компоненты текста [8, с. 259, 275]. На этих основаниях составляются перечни вопросов, которые ставятся на разрешение эксперту-лингвисту по делам о словесном экстремизме. Например, могут быть заданы вопросы о том, имеются ли в тексте: высказывания побудительного характера, призывающие к дискриминационным / враждебным / насильственным действиям одной группы лиц по отношению к другой группе лиц, объединенных по каким-либо признакам; высказывания, содержащие положительную оценку <...> действий одной группы лиц по отношению к другой группе лиц, объединенных по каким-либо признакам; высказывания, обосновывающие, оправдывающие совершение <...> действий. Перечни задач, типов экстремистских значений и формулируемых вопросов можно найти в специальной литературе [6, с. 22-27; 8, с. 259, 275; 10, с. 113]. С точки зрения доказательственной информации интерес представляют содержательная сторона (сведения, содержащиеся в тексте), имеющая значение для правильного разрешения дела, и формальная сторона, отражающая языковую, функционально-стилистическую, индивидуально-речевую характеристику текста [10, с. 87].

Цель нашей работы – определение направленности исследуемого материала. Проблематика может быть сформулирована следующим образом: неоднозначность содержания материала, вариативность его интерпретации; определение наличия/отсутствия конфликтогенности; признаки маскировки содержательных элементов, то есть не скрываются ли за игровой формой представления информации деструктивные идеи. Следует помнить, что игра (игровое начало) не исключает серьезного к ней отношения, это одна из основных идей Й. Хейзинги [14].

Материалом для исследования послужили поликодовые тексты, собранные автором в сети Интернет по сформулированному в поисковой строке браузера запросу методом выборки текстов с функционально-семантическим содержанием поздравления и признаками конфликтогенности, связью с лингвистическим экстремизмом. Как показывает мониторинг интернет-среды подобные произведения в ней достаточно распространены. Для иллюстрации были выбраны тексты конкретного поздравления. Пригодность объектов для исследования определялась согласно требованиям одной из методик: сначала решается задача выявления и вербализации всех имплицитно выраженных в сообщении смыслов, в том числе смыслов, однозначно вытекающих из сказанного; если часть смысла передается визуально, например с помощью изображения действий, ситуации, внешних признаков предмета речи, а не их вербального описания эксперт-лингвист «переводит» визуальное невербальное сообщение в текстовый вид; если вербализация изобразительного компонента невозможна, то лингвистический анализ не проводится, так как материал текстом не является [6, с. 15, 46].

Исследуемые СТ состоят из двух структурных компонентов: невербального, который представлен изображением (основа создаваемых текстов), шрифтовыми и цветовыми средствами, а также вербального – вариативно-

го, наложенного на изображение. СТ имеют сходство с лицевой стороной бланка поздравительной открытки. Для культуры характерна традиция поздравления, поводы для которого могут быть различными. Так, в число основных праздников, с которыми принято поздравлять окружающих, входят общегосударственные, что обусловлено осознанием их значимости носителями языка (акцентирование общечеловеческих ценностей), цикличностью и устойчивостью этих событий в культуре народа. Таковым является, например, Международный женский день; указание на событие имеется в вербальных компонентах СТ, представлено определённой формулой.

Рассмотрим, что из себя представляет поздравительная открытка как жанр; выбраны только значимые в контексте нашего исследования характеристики.

Т. П. Сухотерина выделяет в русской национальной письменной культуре особый гипержанр «поздравление», объединяющий тексты с функционально-семантическим содержанием «поздравление», которое определяется как приветствие по поводу приятного радостного события в жизни адресата, включающее приятные пожелания в его адрес. В состав гипержанра входит несколько жанровых разновидностей, обладающих вариативными содержательными, формальными и коммуникативно-семиотическими признаками, ведущим является интенциональный аспект «поздравить». Ядро представляют релевантные признаки (структурные, содержательные компоненты в разной степени, праздничность, хорошее отношение); доминантными являются: функционально-целевой параметр (фагическая функция «поздравить» с разновидностями, например, прагматической – функцией воздействия, изменения состояния адресата в позитивную сторону); модус праздничности и модус положительной, теплой, душевной эмоциональности; содержательный параметр (этикетные формулы «поздравление» и вариативно «пожелание»). Функциональные свойства – стандартизованность и вариативность. Стандартизованность речевого оформления связана с соблюдением этикетных норм, ритуальностью отношений к праздничной дате. Согласно классической композиции «поздравления» основная часть включает в себя поздравление, наименование события, с которым поздравляют, выражение теплых, радостных чувств. «Поздравление» имеет знаковый характер, план выражения составляет система вербальных и паравербальных знаков, план содержания – система их значений. Его коммуникативно-семиотическая модель позволяет выделить такие признаки, как функционирование в обстановке праздничной коммуникации, полисемиотичность, креолизованность, репрезентация отношения к адресату и др. Исследователь отмечает, что, функционируя в обстановке праздника, «поздравление» несет на себе большую семиотическую нагрузку, поскольку все, что связано с праздником, максимально семиотично, символично [12, с. 3-4, 7-8, 12-14].

Разновидностью гипержанра является поздравительная открытка – один из самых распространенных видов поздравления как явления

112 | праздничной коммуникации. Как жанр она социально обусловлена и принята обществом – осуществление особого события в социальной сфере, предусмотренного этикетом социума. Играет большую роль в коммуникации, входит в группу этикетных речевых жанров. Легкость фатической коммуникации позволяет сокращать дистанцию между людьми. Нацелена на другое «я», воздействует на духовный, внутренний мир, чувства людей, в жизни которых происходит торжественное радостное событие. Коммуникативная цель (определяющая черта речевого жанра) состоит в усилении положительного эмоционального состояния адресата. Для создания положительного эмоционального настроения адресата необходима общность иллокутивной (выразить эмоцию) и перлокутивной (добиться ответной реакции) целей. Поздравительная открытка функционирует в привычных формах общения, выработанных культурой, в них много традиционной символики, красочности [11, с. 109-112].

Для определения направленности СТ следует провести их всесторонний анализ: атрибуты, композиция и содержание структурных компонентов, их соотношение, тематическая связь. При интерпретации следует помнить, что конвенциональный жанр, на который ориентируется адресант (для удобства изложения не разделяем адресантов СТ1 и СТ2), соотносим с типическими интенциями (интенциональным состоянием) и диктует адресату чёткую интерпретацию коммуникативных намерений адресанта [9, с. 69].

Вербальный компонент СТ1 (рис. 1) состоит из двух блоков (субжанров).

Левая часть – *С 8 марта* – это клишированная предложная конструкция, являющаяся, согласно Г. А. Золотовой, связанной синтаксемой, которая в словосочетаниях с глаголом *поздравлять* эллиптически выражает делиберативно-каузативное значение, то есть содержание речемыслительного и социального действия (этот компонент в эллиптической конструкции опущен, синтаксическая позиция сказуемого с глаголом-перформативом *поздравлять* не замещена) и обозначение причины действия в причинно-следственной конструкции [4, с. 295, 430, 431] приглагольным косвенным дополнением, которое поясняет семантику господствующего слова и является облигаторным компонентом модели поздравления. Поводом обращения адресанта выступает Международный женский день, представленный в текстовой части не названием события, а датой его празднования. В полном виде этот блок выглядит следующим образом: *Поздравляю с Международным женским днём. С точки зрения стилистики мы имеем дело с использованием такого выразительного средства как метонимия (перенос названия на основании пространственных, временных или каузальных связей), которая определяется как сжатое описание, используется как приём языковой экономии. Здесь – синтаксически связанная метонимия, то есть метонимия, используемая для сокращения фразы. Метонимическая формула является типовым метонимическим переносом, действующим в определённой тематической группе [7, с. 169, 170, 302]. Подобные свёртки используются и при других поводах, например, День защитника Отечества обозначается *С 23 февраля*.*

Рис. 1. СТ1

В правой части текстового компонента имеется указание на адресата (информация здесь представлена уже в эксплицитной форме – синтаксическая функция обращения) и интенциональную направленность: адресное пожелание адресантом счастья, то есть наступления состояния абсолютной удовлетворенности жизнью, чувства наивысшего удовольствия, радости.

Таким образом, вербальный компонент представляет ситуацию поздравления; для поздравительного текста характерны релевантные признаки жанра поздравительной открытки; прагматический аспект – привычность и однозначность интерпретации.

Изобразительный компонент СТ1 интерпретируется в аспекте перцептивной организации фон-фигура [5, с. 185-186]. При вербальном представлении соблюдается условие достаточности – указываются лишь значимые для исследования характеристики, которые определяются с опорой на фоновые знания. Значимость в интерпретирующей семантике этого источника информации, внешнего по отношению к тексту, подчёркивается А. Е. Бочкарёвым: «Без фоновых знаний не обходится ни одна интерпретация: всякое более или менее последовательное толкование направляется производными от тех или иных систем знания моделями понимания» [1, с. 14]. В интерпретации эти модели представляют инструкции по истолкованию. В семантическом анализе такие знания учитываются в качестве прагматических пресуппозиций, а обусловленные ими компоненты значения можно включать в семантическое описание в виде актуализированных в контексте семантических признаков. Функционируют они в качестве «выводной схемы», которая обеспечивает выбор адекватной стратегии интерпретации, а заодно и обработку анализируемой последовательности [1, с. 15].

Части изображения связаны, благодаря фоновым знаниям среднестатистического реципиента легко узнаваемы и репрезентативны. В качестве фона используется изображение мегаполиса в тёмное время суток, а фигура представлена двумя персонажами. Их выбор и расположение важны для характеристики субъектно-объектных отношений.

Персонажи хорошо известны благодаря широкому спектру произведений: комиксам, книгам, фильмам, сериалам и мультипликационным фильмам, – это Бэтмен и старуха Шапокляк. Бэтмен повержен на землю, целостность его костюма в нескольких местах нарушена, а сам он имеет телесные повреждения. Над ним возвышается поставившая на него ногу и направившая в его сторону автомат Шапокляк. Перед нами изображение победителя и побеждённого (проигравшего), то есть двух сторон конфликта, который разрешён вооружённым путём (информация о насильственных действиях представлена в имплицитной форме – изображением инструмента и результата).

Для понимания значимы роли, которые играют эти персонажи. Хотя они представляют разные культуры и действуют в разных произведениях, но их функции сопоставимы. Так, Бэтмен – протагонист, то есть центральное действующее лицо, главный положительный герой. Он противопоставит преступному сообществу, выходя в костюме летучей мыши на ночные улицы вымышленного американского города Готэма; этим обусловлен выбор фона. Как культурная икона Бэтмен адаптирован для кино, телевидения, книг, входит в тройку величайших героев [2]. Старуха Шапокляк – главный антагонист положительных героев книг и мультфильмов Чебурашки и крокодила Гены, противодействующий им на пути к достижению целей. Её основное занятие – «собирать злы», а девиз выражают слова песни: «Кто людям помогает – тот тратит время зря. Хорошими делами прославиться нельзя» [2]. Действуя иногда ночью, она совершает различные действия, которые квалифицируются как хулиганство. Является знаковым героем русской культуры, с которым носители языка знакомы с детства. Выбор Бэтмена, возможно обусловлен отсутствием сегодня в нашей культуре актуализованного положительного героя мужчины. Противостояние протагониста и антагониста – одна из движущих сил центрального конфликта произведения. Таким образом, в СТ1 содержится информация о наличии конфликта между двумя противоборствующими сторонами и торжестве правонарушителя/преступника над борцом с преступностью.

Кроме того, если обратить внимание на гендерную принадлежность сторон (этот семантический компонент актуализован вербальным блоком), то получается, что проигравшая сторона – женщина, а победившая – женщина. В этой части информация, переданная изображением, соотносится с содержанием текста. Здесь можно указать на косплей Шапокляк, образ этого гиперактивного персонажа имеет определённую привлекательность и широко представлен в Интернете.

Таким образом, в СТ1 представлена следующая информация: насильственные действия женщин в отношении мужчин ведут к их победе, этот

результат является условием их счастья, то есть состояния абсолютной удовлетворенности жизнью, чувства наивысшего удовольствия, радости; даже негативно оцениваемая женщина (Шапокляк) лучше позитивно оцениваемого мужчины (Бэтмен). В итоге, женщина выступает как субъект действия насильственного характера и бенефициант (выгодополучатель), а мужчина – как объект действия. СТ1 может быть рассмотрен на предмет наличия в тексте признаков определённых экстремистских значений (о них было сказано выше) – совершение действий насильственного характера группой лиц в отношении другой группы лиц, объединённых по определённым признакам, побуждение к совершению такого рода действий, что усиливается двойным восклицательным знаком в формуле пожелания, для которого характерна императивная семантика. Информация представлена в СТ1 в имплицитной форме; интерес представляет тот факт, что адресат способен её выводить (об этом далее в тексте).

В плане толкования интерес представляет другой СТ (рис. 2), отличающийся от первого вариативностью вербального компонента и однозначностью интерпретации. Степень имплицитности в нём меньше благодаря комментарию – дополнительному текстовому элементу, расположенному в верхней части СТ2 и выделенному посредством шрифтового и цветового оформления. Анализ показывает, что в тексте эксплицированы побуждение к действию (словоформы *делай, прессуй*), характер самого действия (*прессовать* – бить, избивать), субъект и объект действия (*девчонки, мужиков* – это группы лиц, объединённых по признаку половой принадлежности). Используемый сравнительный оборот (*делай как я*) представляет вербальную формулу модели поведения адресанта (реализуемая) и адресата (желаемая), которая иллюстрируется изображением и актуализируется в плане содержания и формы лексически (использование в качестве обращения разговорной лексемы оттенком ласковой фамильярности *девчонки* как средства выражения доверительного отношения и включённости адресанта в группу адресата), синтаксически (отдельное предложение) и пунктуационно (восклицательный знак). Благодаря вербализации компонентов значения и их оформлению проявляется связь содержания вербального и невербального компонентов СТ2.

Перлокутивный эффект от СТ1 и СТ2 позволяет зафиксировать содержательно связанное с изобразительным компонентом стихотворение А. Улитина «ШАПОКЛЯК V.S. БЭТМЕН», описывающее развитие ситуации, финал которой представлен изображением. Последние строки произведения таковы: *Наделать можно дел немало Подушкой пальца на курке* [13]. Фабула позволяет предположить вторичность этого текста – реакцию осмысления, оценки. Сходное понимание свойственно и работам, выполненным обучающимися на практических занятиях. Эти реакции адресата значимы для понимания текстов.

Таким образом, исследование показывает, что в рассматриваемых текстах представлена модель поведения одной группы лиц по отношению к другой группе лиц, объединённых по гендерному признаку, с указанием

116 бенефицианта и нацеленностью на благожелательную эмоциональную реакцию адресата речи к социально неприемлемым деструктивным действиям.

Если жанр понимать как вербальное оформление типичных ситуаций социального взаимодействия людей, то поздравительную открытку следует отнести к жанрам, тексты которых с точки зрения степени свободы в развертывании содержательно-смысловой стороны сообщения, выборе и использовании языковых средств строятся в соответствии с более или менее жёсткой, но всегда обязательной информационной моделью [9, с. 353]. Сопоставление релевантных признаков поздравительной открытки, характерных для гипержанра «поздравление» в целом, со структурными, содержательными и коммуникативно-семантическими признаками объектов исследования показало неоднозначность трактовки их жанровых характеристик. С одной стороны, в них используются традиционные блоки вербальной части поздравительных текстов: поздравление адресата с радостным значимым событием и пожелание достижения положительно оцениваемого состояния (модус праздничности); с другой стороны, отмечают нарушение жанровых и коммуникативных норм. Мы видим несоответствие (противоречие): содержания общей части вербальных компонентов – приветствие по случаю приятного, радостного события, – переданного стандартными формулами текста, функционирующего в условиях праздничной коммуникации, и содержания изобразительного компонента, которое, если способно передавать положительную тональность, то исключительно с точки зрения адресанта, но не социума; дополнительной части вербального компонента СТ2 – модусу праздничности, сближению людей.

В исследуемых материалах не соблюдается такое коммуникативное качество речи как уместность, в данном случае – использование определённых изобразительных, а в СТ2 и вербальных средств в таком жанре, как поздравительная открытка, для которого доминантным модусом является положительная, тёплая, душевная эмоциональность, то есть иная целевая направленность текстов. Исходя из сказанного, название разновидности исследуемых текстов приведено в кавычках. На основании результатов исследования нужно признать потенциальную конфликтогенность подобных текстов, а следовательно, и возможность передачи ими информации с признаками лингвистического экстремизма, их переход в статус объектов СЛЭ.

Всё вышесказанное свидетельствует о том, что в трансформированных поздравительных жанрах, например, «поздравительных открытках», первоначально функционировавших как явления праздничной коммуникации, ориентированных на усиление положительного эмоционального состояния адресата (модус праздничности) и сокращение дистанции между людьми, имеет место переосмысление результатов противостояния добра и зла. Это может, несмотря на игровую форму представления, иметь негативные социальные последствия, которые

Рис. 2. СТ2

усугубляются распространённостью таких текстов в Интернете, а также большой семиотической нагрузкой жанров поздравления. Потенциальная конфликтогенность переводит материал в категорию вероятных объектов судебной лингвистической экспертизы; для решения вопроса, являются ли они таковыми, имеет смысл обратить на подобные тексты более пристальное внимание. Известно, что общая теория движется частными исследованиями, по этой причине необходимо продолжать изучение разных жанровых репрезентаций. Следует помнить, что поликодовость может быть фактором маскировки содержательных элементов текста и влиять на высокую степень имплицитности содержания, например, установка на имплицитное побуждение, поэтому при интерпретации эксперту-лингвисту необходимо учитывать особенности взаимодействия различных структурных компонентов, важную смыслообразующую функцию невербального компонента, способного корректировать содержание вербальной части [3], вариативности форм существования, активно использовать фоновые знания, в том числе знание прецедентных текстов.

Литература

1. Бочкарёв А. Е. Эпистемологические аспекты значения. Н. Новгород: Деком, 2007. 224 с.
2. Википедия [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 20.04.2023).

3. Захаров Р. И. Оппозитивно-интегративные отношения вербального и изобразительного компонентов в меме: на примере текстов студенческого дискурса // Русский язык в поликультурном мире. Сборник научных статей VII Международного симпозиума «Русский язык в поликультурном мире» 8-12 июня 2023 г. Симферополь: Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 2023 (сдано в печать).

4. Золотова Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. Изд. 2-е, исправленное. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 440 с.

5. Краткий словарь когнитивных терминов / Сост. Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. 245 с.

6. Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму / Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014. 98 с.

7. Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи: Тропы и фигуры. Общая и частная квалификации. Терминологический словарь. Изд. 2-е, существ. перераб. и доп. М.: ЛЕАНД, 2006. 376 с.

8. Назарова Т. В. и др. Лингвистическое исследование устных и письменных текстов / Т. В. Назарова // Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. I / Под ред. Ю. М. Дильдина. Общ. ред. В. В. Мартынова. М.: ЭКЦ МВД России. С. 243-292.

9. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. 696 с.

10. Судебная экспертиология: история и современность (научная школа, экспериментальная практика, компетентностный подход) / Под ред. Е. Р. Россинской, Е. И. Галашиной. М.: Проспект, 2023. 272 с.

11. Сухотерина Т. П. Поздравительная открытка как жанр естественной письменной речи аспекты рассмотрения / Т. П. Сухотерина // Языковая картина мира лингвистический и культурологический аспекты. Материалы II Международной научно-практической конференции (22-24 сентября 2004 г.) В 2 т. Бийск: НИЦБПУ им. В. М. Шукшина, 2004. Т. 2. С. 109-113.

12. Сухотерина Т. П. Поздравление как гипержанр естественной письменной речи: автореф. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2007. 50 с.

13. Улитин А. Шапокляк v.s. Бэтмен // Издательская платформа «Поэмбук» [Электронный ресурс]. URL: <https://poembook.ru/poem/1839030-shapoklyak-vs-betmen?ysclid=lgxof319vt82539618> (дата обращения: 20.04.2023).

14. Хэйзинга Й. Homo ludens. Человек играющий / Сост., предисл. и пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова; коммент., указатель Д. Э. Харитоновича. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 416 с.

“GREETING CARD” AS A POTENTIAL OBJECT OF FORENSIC-LINGUISTIC EXPERTISE

Abstract. The article is devoted to the consideration of the texts of “greeting cards” posted on the Internet; on the example of the analysis of such polycode texts, the question of their qualification as a potential object of forensic linguistic expertise is raised.

Keywords: polycode text; “greeting card”; extremist material; forensic linguistic expertise; background knowledge.

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ ПО ВЫЯВЛЕНИЮ КОНФЛИКТОГЕННОСТИ В МЕДИАДИСКУРСЕ

Аннотация. Представлены результаты психолингвистического эксперимента, направленного на анализ конфликтного текстопорождения косвенной конфронтации в медиадискурсе. Выявленный перлокутивный эффект показал, что большая часть респондентов реагирует на представленные стимулы потенциального конфликтогена входением в конфликт.

Ключевые слова: психолингвистический эксперимент; конфликтность; доминирование; коммуникативные стратегии и тактики.

На современном этапе развития общества конфликтность или конфликтный потенциал являются объектом научного интереса целого ряда ученых [1, 2, 3, 8, 9, 11, 15]. Но сразу следует уточнить, что нельзя ставить знак равенства между конфликтным потенциалом и конфликтом, так как он не всегда вызывает эскалацию противостояния, поскольку немаловажное значение отведено субъективному восприятию адресата [5, с. 119], зависящему от целого ряда параметров, например, наличия того или иного уровня образования [16], национальности [7] или партийной принадлежности [14].

Цель данного исследования – выявление конфликтного потенциала косвенной конфронтации в выступлениях российских политиков на основе результатов психолингвистического эксперимента. Анализу подверглись фрагменты выступлений парламентариев с актуализацией косвенной конфронтации, которая в отличие от прямой конфронтации, являющейся «результатом коммуникативного акта, в котором в составе иллокуции содержится открытая, очевидная враждебность» [6, с. 1], проявляется в непрямой речевой агрессии, в негативной иллокуции, которая не выводится из суммы всех значений компонентов высказывания [10]. В данных речевых актах «на первое место выдвигается проблема их интерпретации адресатом и наблюдателем, основывающейся на ряде пресуппозиций, постулатов и презумпций» [4, с. 120]. Интерпретация проводится

на основе выявления перлокутивного эффекта в реакциях на стимул у респондентов.

В психолингвистическом эксперименте респондентами стали студенты университета (60 человек) и молодые люди, не имеющие высшего образования (40 человек). Данной целевой аудитории были предоставлены фрагменты высказываний политиков, находящиеся в свободном медиадоступе и с позиции лингвиста характеризующиеся определенным конфликтогенным потенциалом. К адресатам обратились с просьбой записать первую реакцию на прочитанное. Повторимся, целью исследования было подтверждение или опровержение наличия конфликтогенного потенциала в предоставленных фрагментах. Приведем некоторые примеры.

В первом фрагменте выступления руководителя фракции КПрФ Геннадия Андреевича Зюганова конфликтогенный потенциал проявляется в непрямой форме речевой агрессии, главным объектом рефлексии в данном случае является критика действий оппонента и его обвинение:

Хочу обратиться к Володину. Я вам всем написал накануне парада Победы открытое письмо, 31 члену Совбеза, и просил от имени патриотических сил не загораживать забором Мавзолей. Вы там сами рядом сидите, на третьей трибуне, вы половину Красной площади не видите, вы не видите, как сдаёт рапорт министр обороны и принимает его президент, — это абсолютно ненормально! Этот забор отгораживает от великой советской эпохи, от победителей и раскалывает страну [13].

Наличие косвенной конфронтации выявило большинство респондентов: 86 % студентов и 78 % молодых людей без высшего образования. Приведем некоторые ответные реакции студентов: «Что за фамильярность? Как можно обращаться к человеку по фамилии?», «Выступающий противопоставляет себя всем остальным: вы, вы, вы...», «Жесткая критика!». Аналогичная реакция у большей части молодежи без высшего образования: «Зюганов вечно на всех наезжает», «Прям как Жириновский!», «Во всем виноват забор») И все кто за ним». Молодые люди отмечают не только определенные особенности речи адресанта, но и общий конфронтационный настрой, отражающий негативное пренебрежительное отношение к собеседнику.

Меньшая часть участников эксперимента не ощутила признаков конфликтогенности в высказывании Г. А. Зюганова: 14 % представителей молодежи с высшим образованием и 22 % респондента без высшего образования. Вот некоторые реакции студентов: «Значит, это сделали по соображениям безопасности», «Не забор, а Берлинская стена!», «К сожалению, я не видела, но, наверное, правильно критикует». Характерные примеры второй части респондентов: «Молодец! Никого не боится», «Да кому сейчас нужна эта советская эпоха», «Чувствуется, что человек реально переживает за страну».

Акцентирование внимания на своей роли, подчеркивание принадлежности к патриотическим силам в противопоставлении к остальным парламентариям Г. А. Зюгановым (*Я вам всем написал ... от имени*

122 | *патриотических сил*) сочетаются с высказыванием негативной оценки (*это абсолютно ненормально!*), направленной на непосредственного адресата (повтор эксклюзивного местоимения **вы**: *Вы там сами рядом сидите, на третьей трибуне, вы половину Красной площади не видите, вы не видите, как сдаёт рапорт министр обороны и принимает его президент*). Эмоциональный накал критики действий оппонента в купе с метафорой забор и экзажерацией (*отгораживает от великой советской эпохи, от победителей и раскалывает страну*) приводит к имплицитному обвинению членов Совбеза и представителей других партий. Такая речевая агрессия, как видно, вызывает раздражение среди обеих групп участников эксперимента. К тому же она с еще большей вероятностью может привести к конфликту с коллегами-парламентариями, так как с позиции психологии излишняя самоуверенность, акцентирование внимания исключительно на своих достижениях и критика остальных, равных по статусу, воспринимается ими негативно.

Приведем второй пример интерпретации на основе выявления перлокутивного эффекта в реакциях на стимул у респондентов. Фрагмент выступления Владимира Владимировича Бурматова, представителя фракции «Единая Россия»:

По поводу тезисов о том, что действующий закон, ну, якобы является неработающим. Анатолий Николаевич, ну, вы знаете моё к вам уважительное и доброе отношение. Ну как можно называть неработающим закон, который позволил в целом по стране, по официальным данным Роспотребнадзора, на 16 процентов снизить количество покусов всего за четыре года (это большая цифра, притом что приютов-то построено максимум треть от необходимого количества)?! А в отдельных субъектах Российской Федерации, где просто его применяли... вопрос же в том, что нужно просто применять его. Если вы не пытались, то, конечно, он не будет работать, а там, где его применяют, он показывает очень высокую эффективность [13].

Цитата из обсуждения законопроекта по противодействию инцидентам с собаками вызывает у участников эксперимента неоднозначную реакцию, так как, по их мнению, с одной стороны, не стоит защищать бездомных животных, приносящих вред обществу, но с другой – обращаться с ними негуманно тоже нельзя, потому что это живые существа. Однако большинство адресатов отметили реализацию конфронтационного коммуникативного поведения Бурматова Владимира Владимировича. Среди студентов выявлено 84 % таких реакций, к примеру: «Нельзя так отчитывать взрослых людей, да еще и при всех», «Политик оправдывается, обвиняя других», «Лучшая защита – нападение». У молодых людей без высшего образования этот показатель составляет 75 %. Приведем примеры: «Не понятно, кто такой Анатолий Николаевич, но он здесь как провинившийся школьник», «Политик возмущен, что критикуют важный для него закон», «Бурматов обвиняет своих коллег и вряд ли им это понравится».

Остальные участники эксперимента не обнаружили конфликтогенный потенциал. 16 % студентов проявили нейтральные реакции: «Считаю, в данной проблеме нужно прийти к компромиссу», «Не разделяю ни одно из представленных мнений, каждое из них кажется мне слишком категоричным», «Правильно говорит. Чтобы закон работал, его нужно применять». И соответственно 25 % респондентов без высшего образования никак не отреагировали на конфликтогенность высказывания. Приведем примеры: «Видно, что человек хорошо разбирается в вопросе», «Да все правильно он говорит, все только умничают и ничего не делают», «Сложная проблема, я даже не знаю, как лучше поступить».

Косвенная конфронтация в данном фрагменте проявляется в актуализации политиком тактики поучения адресата адресантом наряду с тактикой обвинения в несправедливости. Бурматов В. В. в своем выступлении трижды подряд использует междометие **ну**, способствующее выражению нетерпения, удивления, досады или иронии (*закон, ну, якобы является неработающим / ну, вы знаете / Ну как можно называть неработающим закон*), и частицу **якобы**, указывающую на сомнение в достоверности высказывания. С помощью риторического вопроса-увещания имплицитно актуализируется тактика поучения адресата адресантом: *Ну как можно называть неработающим закон, который позволил в целом по стране, по официальным данным Роспотребнадзора, на 16 процентов снизить количество покусов всего за четыре года (это большая цифра, притом что приютов-то построено максимум треть от необходимого количества)?!* Вряд ли такое поучение с позиции сверху-вниз будет воспринято равными по статусу политиками благосклонно. Бурматов В.В. обвиняет своих оппонентов в несправедливости: *Если вы не пытались, то, конечно, он не будет работать, а там, где его применяют, он показывает очень высокую эффективность.* На такую голословную критику политик в свою очередь реагирует собственным обвинением несогласных в их бездействии, что свидетельствует о конфликтогенном характере высказывания.

Третий фрагмент для анализа перлокутивного эффекта взят из выступления руководителя фракции КПРФ Г. А. Зюганова:

Ну и хотел бы обратить ваше внимание на пятую колонну. Втаскивают новую приватизацию. «Ельцин-центр» как чудил, так и чудит. Что касается Хакасии, как грязной работой занимались на выборах, так и продолжают. Я хочу, чтобы вы все посмотрели фильм, программу Бортко на канале «Россия 24». Он там показал, что такое наполеоновская война и как это сегодня проецируется. Пока не поставили Кутузова как единого главнокомандующего всеми войсками, всё проседало и проваливалось. Мы сегодня должны попросить верховного главнокомандующего возглавить всё это, восстановить всё, что помогало нам в войне 41-го. Тогда мы победим [13].

Данное высказывание формирует у участников эксперимента неоднозначное мнение о происходящих событиях, но следует отметить, что конфликтогенный потенциал признается почти всеми респондентами. Среди

124 | студентов это 95 %, например: «Что за лексика у лидера партии? Втаскивают; как чудил, так и чудит; грязная работа», «Смелое заявление. То есть сейчас не верховный главнокомандующий возглавляет всё это?», «Одни обвинения!». Чуть меньше с подобной реакцией молодых людей без образования (89 %): «А он не боится ответочки из Хакасии?», ««Ельцин-центр» представлен как сборище недалеких людей», «Обвинения по всем фронтам!»).

И соответственно лишь 5 % студентов и 11 % представителей второй группы нивелировали конфликтный посыл. Примеры из реакции первой группы: «Пятая колонна рулит», «Хоть кто-то правду говорит», «Посмотрю этот фильм». Некоторые ответы молодежи без высшего образования: «Правильно, говорит, что думает», «Опытный политик», «Молодец! Никого не боится! Даже пятую колонну».

Такая единодушная реакция отражает использование политиком нескольких конфронтационных коммуникативных тактик, обладающих конфликтогенным потенциалом. Во-первых, политик актуализирует свое отрицательное оценивание интеллектуальных качеств объекта высказывания («Ельцин-центр» как *чудил, так и чудит*), разговорная лексема «чудить» означает «совершать нелепые, странные поступки» [12]. Во-вторых, руководитель фракции КПРФ использует конфронтационную тактику упрека в нечестности, критикуя работу властных структур при проведении выборов в одном из субъектов Российской Федерации: *Что касается Хакасии, как грязной работой занимались на выборах, так и продолжают*. В-третьих, используя отсылку к прошлому, политик имплицитно критикует нынешнего верховного главнокомандующего, сравнивая две ситуации, когда *всё проседало и проваливалось*, перенося это на нынешнее положение дел и упрекая в том, что сейчас верховный главнокомандующий не возглавляет *всё это: Пока не поставили Кутузова как единого главнокомандующего всеми войсками, всё проседало и проваливалось. Мы сегодня должны попросить верховного главнокомандующего возглавить всё это, восстановить всё, что помогло нам в войне 41-го. Тогда мы победим*.

Таким образом, эксперимент, направленный на анализ конфликтогенного текстопорождения в медиадискурсе, проведенный для иллюстрации восприятия респондентами косвенной конфронтации, свидетельствует об асоциальном доминировании политиков. Данный эксперимент по выявлению перлокутивного эффекта показал, что большая часть респондентов (в среднем 88 % студентов и 80 % молодых людей без высшего образования) отреагировали на предоставленные стимулы потенциальных конфликтогенов вхождением в конфликт, и лишь в среднем 12 % представителей молодежи с высшим образованием и 20 % респондентов без высшего образования нивелировали конфликт, что, тем не менее, выявляет конфликтогенный потенциал конфронтационных коммуникативных тактик, даже представленных имплицитно. При этом существует определенная закономерность: у студенческой молодежи реакция на конфликтоген наблюдается чаще, чем у участников эксперимента, не имеющих высшего образования, и такая

реакция возникает, как правило, в ответ на использование определенных языковых средств. 125

Литература

1. Баясникова О. В. Опыт психолингвистического исследования значения одного из ключевых слов конфликтного текста / О. В. Баясникова // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2015. № 13(4), С. 22-27.
2. Голев Н. Д. Правовое регулирование речевых конфликтов и юрислингвистическая экспертиза конфликтных текстов / Н. Д. Голев // Правовая реформа в Российской Федерации: общетеоретические и исторические аспекты. Барнаул, 2002. С. 125-134.
3. Голев Н. Д. Юрислингвистика и лингвоконфликтология (к типологии языковых конфликтов) / Н. Д. Голев // Современная филология: актуальные проблемы, теория и практика. Красноярск, 2007. С. 20-30.
4. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. М.: Гнозис, 2006. 376 с.
5. Зюбина И. А. Актуализация конфронтации в политическом дискурсе / И. А. Зюбина // Юрислингвистика, 2023. № 27. С. 118-123.
6. Зюбина И. А. Конфликтотенный потенциал феномена доминирования в юрислингвистическом аспекте / И. А. Зюбина // Юрислингвистика, 2022. № 26. С. 76-80.
7. Зюбина И. А. Национальная специфика доминирования в речевом поведении политиков / И. А. Зюбина // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики, 2021. № 4. С. 51-61.
8. Ким Г. В. Признаки отдельных видов конфликтного текста (на примере материалов региональной судебной практики) / Г. В. Ким // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе, 2017. № 27. С. 100-103.
9. Макаренко Г. С. Эксплицитные и имплицитные маркеры конфликтности публицистического текста / Г. С. Макаренко // Вестник Башкирского университета, 2016. № 1(21). С. 192-195.
10. Матвеева Г. Г., Зюбина И. А. Скрытое значение, скрытый смысл и нюансы смысла в коммуникации / Г. Г. Матвеева, И. А. Зюбина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета, 2019. № 2(135). С. 85-92.
11. Махина Л. А. Высказывания с негативной оценочностью как элементы структуры и смысла конфликтных текстов / Л. А. Махина // *Lit-era*, 2016. № 4. С. 1-10.
12. Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/24/ma469102.htm?cm-d=0&istext=1> (дата обращения: 28.05.2023).
13. Стенограмма заседания 16 мая 2023 г. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/6086/> (дата обращения: 22.05.2023).

14. Anduiza E., Gallego A., Muñoz J. Turning a blind eye: Experimental evidence of partisan bias in attitudes toward corruption / E. Anduiza, A. Gallego, J. Muñoz // *Comparative Political Studies*, 2013. № 46(12). С. 1664-1692.

15. Burton J. W. *Conflict: Resolution and Prevention*. New York: St. Martins Press., 1990. 295 p.

16. de Sousa L., Moriconi M. Why voters do not throw the rascals out? A conceptual framework for analysing electoral punishment of corruption / L. de Sousa, M. Moriconi // *Crime, Law and Social Change*, 2013. № 60(5). С. 471-502.

PSYCHOLINGUISTIC EXPERIMENT TO IDENTIFY CONFLICTOGENICITY IN MEDIA DISCOURSE

Abstract. The results of a psycholinguistic experiment aimed at analyzing conflictogenic text generation of indirect confrontation in media discourse are presented. The revealed perlocutionary effect showed that most of the respondents react to the provided stimuli of a potential conflict generator by entering into a conflict.

Keywords: psycholinguistic experiment; conflict potential; dominance; communicative strategies and tactics.

ПЕРЕДАЧА ЧУЖОГО ТЕКСТА: ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ИСКАЖЕНИЯ В АСПЕКТЕ ЮРИДИЗАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются различные способы передачи чужого текста как предмет правового спора, в котором лингвисту предстоит определить наличие, характер и степень его искажения. Предлагается типология способов представления чужих высказываний: объективный тип противопоставлен субъективному, реализованному в качестве интерпретации или искажения.

Ключевые слова: текст; лингвистическая экспертиза; чужая речь; интерпретация текста, искажение текста.

Ученый на интервью:

*«Все мои суждения бессмысленны,
если они вырваны из контекста».*

Заголовок в газете на следующий день:

*«Знаменитый ученый признался,
что все его суждения бессмысленны!»*

Анекдот

В СМИ, в публичных выступлениях, в художественных, публицистических и мемуарных произведениях активно используются ссылки на чужие слова. Возникают ситуации, когда такая передача чужого текста становится предметом судебного разбирательства по статьям о защите авторских прав и защите чести, достоинства, деловой репутации: истец считает, что его слова переданы неправильно, чем ему нанесен урон [2]. Хотя способы передачи чужих слов в современной лингвистике описаны, в том числе применительно к переводным текстам [6], с учетом этнокультурных и социально-исторических влияний на интерпретацию [3], они рассмотрены либо в методическом аспекте, либо в научном как поиск коммуникативно-прагматических закономерностей, но в любом случае в расчете на добросовестное стремление передающего лица адекватно транслировать информацию [1]. Но даже при отсутствии злого умысла передача чужого текста может быть сделана таким образом, что повлечет судебное разбирательство, тем более это возможно при реализации стратегии дискредитации. Методики дифференциации способов передачи текста, при-

128 | ведших и не приведших к их искажению, нарушающих и не нарушающих авторское право либо право на честь и достоинство, в лингвоэкспертном аспекте на настоящий момент отсутствуют. Попытаемся внести вклад в создание такой типологии.

Объективные и субъективные высказывания. Казалось бы, объективность должна проявляться в точности цитирования. А.И.Фефилов «маркером объективности является совпадение, а маркером субъективности – несовпадение форм исходного и интерпретирующего высказываний» [4, с. 65]. Действительно, только дословное цитирование передает мысль автора точно, без искажений. Сделать это можно при помощи прямой речи или косвенной, вводимой нейтральными указателями на речевую деятельность: сказал, написал, высказался, заявил. Но даже точное цитирование может вызвать недовольство цитируемого. Так, например, высказывание «X» может быть сопровождено или предварено таким комментарием:

Петров сказал, что якобы: «X». – Петров ощущает что частица «якобы» выражает сомнение в достоверности сказанного им и воспринимает их как упрек во лжи.

Петров якобы сказал: «X». – Если петров говорил «X» и содержание текста комплиментарно его характеризует, недовольство вызывает сомнение в его авторстве. Если Петров не говорил «X» и высказывание негативно его характеризует, естественно, он не согласен принять на себя отрицательные последствия не произносимых им слов.

Об исторической динамике семантики частицы «якобы» и приходу к современному показателю дистанцирования рассказано в статье В. А. Плуногьяна «О показателях чужой речи и недостоверности в русском языке: мол, якобы и другие» [4]. Однако и нестабильность функционирования в текстах, и роль контекста, который способен нейтрализовать компонент мнения в структуре семантического аспекта «отстранение» и актуализировать компонент утверждения в структуре семантического аспекта «недостоверность», заставляют оставить открытой дискуссию о возможной роли подобных показателей в формировании смысла текста.

Передача содержания чужих слов при помощи синонимичных языковых средств хотя бы в малой степени, но уже субъективна, поскольку синонимы не тождественны в денотативном, сигнификативном и стилистическом аспектах. Например, человек сказал: «Я чего бы то ни стоило буду добиваться этого». Фразеологизм чего бы то ни стоило может быть замен синонимами обязательно, непременно, хотя любая замена хотя бы немного меняет текст. Но если эти слова передадут так: «Я буду добиваться этого любой ценой», – согласитесь, образ говорящего существенно меняется.

Интерпретации, которые содержат хоть какие-то показатели модальной прагматизации, уже являются субъективными. Однако в правовом аспекте, конечно, не любое изменение при помощи пересказа должно иметь правовые последствия. Субъективизм передачи не тождественен искажению.

Передача текста означает трансляцию следующих его компонентов: 1) фактуального, 2) концептуального, 3) оценочного 4) стилистического. Объективным является высказывание, в котором сохранены фактические данные первичного текста, общая концепция, смысл текста, оценочные категории и общая стилистика. Нарушение любого из параметров объективности приводит к трансформации текста, в зависимости от характера и степени искажения проявляющейся в качестве интерпретации или деформации.

Искажения на фактуальном уровне могут проявляться как неточные количественные данные (даты, суммы, количества любых объектов). В интервью представлена информация от лица артиста, что растит четверых детей (в действительности двоих). Кандидат на выборную государственную должность в своей биографии сообщает о получении трёх высших образований (в действительности одно). При ссылке на высказывание ученого изменены количественные данные его экспериментов. В каждом из этих случаев причиной необъективных фактических данных в цитате могла быть ошибка, а мог быть и умысел на диффамацию. В каждой ситуации есть те векторы негатива, которые раскрываются при определенных условиях. До введения п. 10 в ст. 152 ГК РФ у авторов искаженных высказываний не было шансов на защиту чести, достоинства, деловой репутации в описанных обстоятельствах, поскольку искажения текста не имеют очевидно негативный характер. Сейчас заявитель может признать сведения недостоверными, если докажет это (соответствие действительности порочащих сведений доказывает распространитель). Несоответствия на фактуальном уровне могут, конечно, в каких-то случаях и несущественно повлиять на концепцию, но поскольку это самый очевидный и формально легко верифицируемый уровень передачи чужого текста, добросовестное цитирование предполагает тождество фактуальных показателей, а их изменение может повлечь законное требование об исправлении ошибки.

К фактуальному уровню передачи чужих слов относится точность любого цитирования. В искаженном при цитировании виде высказывание может представлять своего автора как более грубого, или менее умного, или более жестокого, или менее ответственного, и т. п., чем он сам себя считает. Так, название статьи ученого, написанное с ошибкой, которую не он сделал, вызывает к нему недоверие коллег, что, конечно, негативно сказывается на репутации. Однако под определение порочащих сведений такой текст не подходит, поскольку не содержит собственно сведений о реальных действительности, сообщающих о незтичном, незаконном поведении лица. А вот под нарушение авторских прав такое искаженное цитирование может подойти, если существуют доказательства реально сказанных или написанных слов автора.

Концептуальный уровень искажения чужих слов проявляется в изменении общего смысла произведения речи. Нарушение концепции текста проявляется при передаче текстов различных стилей: художественного, публицистического, научного, официально-делового.

Трансформация при передаче художественного текста может проявляться, например, так: при напечатании рассказа редакторы изменили финал произведения и, не согласовав с автором, опубликовали. Автор, выразивший жизнеутверждающую идею, в произведении под своей фамилией увидел диаметрально противоположные планируемым пессимистические, апокалиптические смыслы, ставшие результатом устранения из текста последних предложений. Автор не намерен был транслировать миру то, что получилось, и законно требует защиты своих авторских прав, нарушенных искажением его произведения.

В описанном аспекте разрушение идейно-художественных смыслов произведения происходит при его пересказе. Многочисленные аннотации, анонсы, отзывы, краткие пересказы художественных произведений нередко убивают их идейно-художественную сущность. Однако в лингвоэкспертном смысле важно, понятно ли читателям, что они имеют дело не с собственно авторским текстом, а с его передачей другим лицом. В противном случае преобладающая часть школьников по итогам сочинений будет являться группой нарушителей авторских прав. Существенно наличие маркеров дистанцирования автора вторичного текста от автора первичного. Выражается ли интерпретатор достаточно отчетливо, чтобы читатель не принял его версию прочтения произведения от собственно самого произведения, что происходит, если под фамилией автора № 1 (истинного автора полного произведения) без всяких объяснений и помет следует текст автора № 2. В таком случае имеет место искажение текста и есть основания для иска о защите авторских прав. В отношении же аннотаций, анонсов и отзывов у автора настоящей статьи нет однозначного ответа на вопрос о границе допустимых интерпретаций. Формально каждый гражданин имеет право на свое видение произведения искусства. В то же время характер интерпретации может настолько исказить смысл произведения, что его автор предстанет в неприглядном образе. Возможно, если вторичный текст содержит информацию, которая представляет автора как носителя явно аморальной или незаконной идеологии, например идеологии фашизма, а автор этим позиционированием не согласен, возможен иск о защите чести и достоинства, а также, и лингвистическое исследование может быть поставлен вопрос о наличии в тексте тех или иных смыслов.

В публицистическом дискурсе концептуальное искажение авторского текста является обычным способом формирования фейковой реальности. С целью дискредитации или, напротив, рекламы лица, компании, явления, идеологии слова, высказанные или написанные человеком, представляют вне контекста, из-за чего их смысл принципиально меняется.

К сожалению, сказанное применительно к публицистическому тексту, к законам которого значительная часть социума адаптировалась, проявляется и в отношении научного, и даже официально-делового стиля. Так, описывая концепцию другого ученого, автор нередко настолько серьезно искажает его позицию, что по сути дискредитирует его. При стенографировании показаний свидетелей и эксперта секретарь

суда в официальном, юридически значимом документе отражает часть сообщенной информации, а часть опускает, в то время как без этой опущенной части общий смысл сказанного принципиально меняется. Пересказ содержания договорных отношений может содержать неверное прочтение документа и, как следствие, выражение порочащих смыслов. Например, одна сторона договора заявляет о другой: «Сидоров обязался по договору доставить товар к 1 октября, но не выполнил условия договора». В действительности в договоре процитированные обязательства сторона берет на себя при условии предоплаты, каковая не имела места. Причиной неверных интерпретаций, имеющих правовые последствия, могут быть как несформированные навыки читательской культуры, так и намеренное манипулирование текстовыми фрагментами. Так, например, при рецензировании чужой экспертизы рецензент для критики берет половину высказывания и намеренно, по-видимому, игнорирует ту часть, которая является необходимым разъясняющим компонентом, снимающим выдвигаемые претензии.

Искажения текста на оценочном уровне проявляется в изменении авторских оценок лиц, событий, явлений. Оценка – одна из базовых концептуальных категорий, выражающая нравственно-этические установки человека. Не изменяя самого текста высказывания, можно придать ему выражение иных, не авторских оценок, сопроводив комментарием: «Х», -- усмехнулся Сидоров. Такие интонационные и мимические характеристики, как подмигнул, скорчился, состроил мину, меняют смысл сказанного, представляют содержание фразы как ироничное. Подобную функцию выполняют слова: пошутил, съязвил, тактично умолчал. Даже если автор первоначально высказывания не язвил и не корчил рож, вряд ли возможно в подобных случаях увидеть нарушение авторских прав или наличие порочащей информации. По-видимому, такого типа искажения попадают в категорию интерпретаций.

Искажения текста на стилистическом уровне также могут проявляться как интерпретация и как деформация. Если при пересказе чужих слов говорящий немного меняет стилистику, при этом слушателям (читателям) понятно, что содержание передано в обработке пересказчика, то такую передачу чужих слов можно считать интерпретацией.

Если же стилистика текста искажена до уровня трансляции другой языковой личности, притом маркеры трансформации отсутствуют, имеет место деформация, имеющая диффамационный потенциал. Например, чужой текст представлен в жаргонном варианте как аутентичный. Автор произведения под определенным названием или автор высказывания, оформленного в виде цитаты, предстает перед читателями человеком с низкой культурой, нарушающим языковые и коммуникативные нормы.

Итак, искажение чужого текста может попадать под действие статей о защите чести и достоинства или о защите авторских прав. Передача чужого текста предполагает трансляцию информации на четырех уровнях: фактов, концепции, оценочности и стилистики. Только аутентичность первоначальному

132 | тексту по всем названным параметрам характеризует передачу текста как объективную. Субъективная передача чужого текста может проявлять себя как интерпретация, при сохранении фактуального и концептуального уровней, и как деформация, если эти параметры переданы неадекватно. Трансформация оценок и стилистики может иметь различные последствия, определение их характера и меры проявления, которые еще предстоит формализовать лингвоэкспертному сообществу, приведет к пониманию границы между интерпретацией как проявлением творчества личности и деформацией, попадающей под правовую квалификацию.

Литература

1. Глазкова М. Ю. Чужая речь как средство реализации доминантных функций публицистического текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 4(15). С. 51-53.
2. Иваненко Г. С. Вторичный текст как источник правового конфликта // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 6(17). С. 54-58.
3. Кирюшкина В. В. Проблема интерпретации текста и метод анализа искажений в системе культурологии / В. В. Кирюшкина // Вопросы культурологии. 2009. № 6. С. 26-29.
4. Плунгян В. А. О показателях чужой речи и недостоверности в русском языке: мол, якобы и другие // В. Wiemer, V. A. Plungjan (Hrsg.). Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in slavischen Sprachen / Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 72. Munchen: Sagner, 2008. P. 285-311.
5. Фефилов А. И. Модально-прагматическая интерпретация чужого высказывания // Филологические науки. 1991. № 1. С. 64-73.
6. Ширяева Н. В. Причины искажения исходного текста в процессе его интерпретации в иноязычной языковой среде // Лингводидактические особенности обучения иностранным языкам в неязыковых вузах: сборник статей. М.: Канцлер, 2018. С. 354-358.

G. S. Ivanenko

TRANSFER OF ANOTHER TEXT: INTERPRETATIONS AND DISTORTIONS IN THE ASPECT OF LEGALIZATION

Abstract: The article discusses various ways of transmitting someone else's text as a subject of a legal dispute in which the linguist will have to determine the presence, nature and degree of its distortion. A typology of ways to represent other people's statements is proposed: the objective type is opposed to the subjective type, realized as an interpretation or distortion.

Keywords: text; linguistic expertise; someone else's speech; text interpretation, text distortion.

эксперт отдела фоноскопических, лингвистических и
видеофонографических экспертиз
ООО «Центр экспертизы и оценки «ЕСИИ»
Нижний Новгород, Россия

ДИСКЛЕЙМЕР КАК СУЩЕСТВЕННАЯ ЧАСТЬ ОБЪЕКТА ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Аннотация. Статья посвящена особенностям лингвистического анализа электронных материалов, содержащих речевые формулы дискламационного жанра. Особое внимание уделяется таким аспектам анализа, как установление согласованности текста дисклеймера и основного текста, а также влияния дисклеймера на восприятие текста в связи с его структурно-композиционной позицией.

Ключевые слова: дисклеймер; лингвистическая экспертиза текста; интенционально-смысловой аспект; дискурс-анализ.

С появлением и распространением сети Интернет типологию объектов лингвистической экспертизы дополнили электронные тексты. Ещё в 2018 году авторы методического пособия по вопросам семантических исследований в судебной лингвистической экспертизе [3, с. 8] отмечали рост количества электронных текстов, поступающих на лингвистическую экспертизу.

Указанный тип объектов лингвистической экспертизы отличается тем, что вбирает в себя черты других известных ранее типов: устного, письменного и поликодового текстов. Очевидно и то, что на порождение и функционирование электронных текстов влияют условия и среда их бытования – Интернет. Функционируя в виртуальной среде, электронные тексты распространяются без личного контакта с адресатом, а сам адресат очень широк: любой пользователь Сети, обнаруживший спорный текст. Более того, на подобные объекты распространяется традиционное негласное правило: «Интернет помнит всё».

Исходя из данных особенностей, авторы конфликтогенных текстов в попытке донести до широкого адресата авторское мнение, а также обезопасить себя в информационном и правовом поле включают в композиционно-смысловую структуру произведения речевые формулы жанра дисклеймера (дискламации).

Жанр дискламации чаще всего представлен текстом – письменным отказом от ответственности «с целью предотвращения гражданской ответ-

134 | ственности, возникающей вследствие совершения или несовершения определённых действий» [2, с. 186]. Дискламационные формулы органичны для текстов договоров, инструкций, официальной переписки, а также рекламных текстов и публикаций СМИ. С развитием интернета дисклеймеры стали частью продуктов блогосферы, нередко обладающих признаками конфликтности.

Текст дисклеймера в составе электронного текста может содержать:

— предупреждение о содержании некоей информации: *«Осторожно, мат! 18+»; «Дисклеймер. Здорова, в этом видео присутствует мат. Одень наушники либо уйди в другую комнату что-б мама не услышала»*), в т. ч. обращение к адресату с целью уведомления о потенциально неприемлемом содержании: *«Дисклеймер: если вы пушкиновед со стажем либо яростный фан Татьяны со времен школьных уроков литературы – не читайте написанное ниже. Сурово предупреждаю о возможном ущербе стереотипу и разрыве шаблона на сто кусочков с хвостиком»; «Дальше будут говорить про наркотики. НАРКОТИКИ – ЗЛО. Не употребляйте их»;*

— уведомление о ситуации создания материала: *«Ни одно животное не пострадало во время съёмок»; «Все персонажи и события вымышлены (но это не точно). Все совпадения с реальными людьми – случайны. Также присутствует ненормативная лексика, поскольку автор идиот и не понимает сущности бытия. Я вас предупредил!»;*

— отказ от авторских прав: *«Дисклеймер: герои принадлежат Стефании Майер»; «Дисклеймер: На авторские права Стефани Майер не претендую»;*

— отказ от ответственности с указанием на интенцию создателя: *«Всё, что изложено ниже, является субъективным мнением автора»; «Видео является шуточным, все актеры профессиональные клоуны. Мы не присваиваем авторства этого видео, все фрагменты из данного видео являются пародией ибо выдуманной идеей авторов. Спасибо за просмотр»; «Данное видео создано исключительно в развлекательных целях. Оно не несёт цели кого-то оскорбить или обидеть. Приятного просмотра!»;*

— прямой отказ от возможных претензий адресата: *«Администрация портала не несёт ответственности за полноту и достоверность информации в комментариях и откликах пользователей»; «Автор материалов не несёт ответственности за действия, совершенные слушателем»* и под.

Практика экспертного лингвистического консультирования показывает: некоторые создатели конфликтных текстов уверены, что включение в основной текст жанровой формулы дисклеймера освобождает их от любой правовой ответственности, а всё, что следует за дисклеймером, не может рассматриваться как обладающее диагностическими признаками речевых деликтов. «По логике адресанта (отправителя) или автора конкретного информационного материала, доведение до адресата (получателя) планируемого контента информации предупредительного тек-

ста-дисклеймера предвосхищает отказ от эвентуальной правовой ответственности накануне предоставления какой-либо услуги, демонстрации фильма, презентации художественного произведения, показа ролика в сети «Интернет», и др.» [4, с. 143]. Такой подход к анализу текста, содержащего письменный отказ от ответственности, нам видится достаточно поверхностным и необъективным.

Очевидной представляется невозможность игнорирования речевой формулы дисклеймера. Дисклеймер является существенной частью текста, проявлением в тексте авторского начала. Стоит отметить такую особенность данного речевого жанра: содержание дисклеймера чаще всего рождается после создания основного произведения. Появление дисклеймера обосновывается не просто коммуникативной направленностью снятия ответственности, но и обозначения конфликтогенного потенциала произведения. И вставка вполне может стать объективной основой для правильного прочтения всего текста. К примеру, статья о фейковых новостях, созданных в развлекательных целях, сопровождается дисклеймером: *«все скриншоты новостей являются сатирой и созданы пользователями бота»*. Перед прочтением основного текста адресант сразу же получает ключ к тексту: всё, что будет дальше, не нужно воспринимать серьёзно, это неправда. Передача автором ключа к тексту также позволяет избежать коммуникативной неудачи.

Обратимся к кейсам лингвистического консультирования в рамках споров о защите чести, достоинства и деловой репутации, а также дел об экстремизме. В качестве объектов в указанных ситуациях фигурировали электронные тексты, содержащие дисклеймеры.

На предварительный лингвистический анализ был предоставлен видеоролик в жанре обзор: блогер сравнивал оригинальную известную алкогольную продукцию с похожими напитками, произведёнными по мотивам оригинала. В кадре ролика, который подвергался минимальному монтажу и по построению был похож на любительскую домашнюю съёмку, блогер пробовал эти напитки и описывал свои ощущения. Кроме этого, представляя каждый напиток, говорящий сообщал информацию о производителе напитка. Спонтанная речь блогера содержала негативную информацию о российском производителе напитка по мотивам известного иностранного напитка. Некоторые из высказываний находились на грани отнесения их к утверждениям или оценочным суждениям. К примеру, говоря о сходстве этикеток известного иностранного напитка и только появившегося российского аналога, блогер именовал это явление воровством. Однако ролик-дегустация был обрамлён дисклеймером: *«Этот видеоролик выражает мое субъективное мнение, без претензий на экспертность и компетентность. Я выражаю свои мысли в данный момент времени»*. Этот же дисклеймер был размещён под роликом в описании. Потому все спорные с точки зрения формы высказывания были классифицированы как мнения и оценочные суждения ввиду жанровых,

136 | структурно-композиционных и стилистических особенностей содержания обзора, в т. ч. с учётом текста дисклеймера.

На наш взгляд, при анализе речевого материала, обрамлённого дисклеймером, необходимо учитывать и позицию дискламационного текста в структуре всего объекта исследования. Мы считаем возможным классифицировать дисклеймеры по силе их влияния на восприятие материала в связи с расположением. Наиболее сильная позиция у дисклеймеров, демонстрируемых на протяжении всего материала. Средней по силе позицией обладают дисклеймеры, размещённые только в начале материала (в препозиции) или в описании: есть шанс, что адресат будет изучать материал не сначала, а значит, не ознакомится с содержанием дисклеймера, что повлечёт коммуникативную неудачу. Тем не менее, приведённые случаи считаются частными, а значит, не могут отменить силу дисклеймера. Наименее сильной позицией обладают дисклеймеры, размещённые в конце материала (в постпозиции) или под катом в описании. К концу ознакомления у адресата уже формируется представление о предмете речи, а также коммуникативной направленности материала. Потому дисклеймер не имеет большой определяющей восприятия силы, а подобное расположение может привести к коммуникативной неудаче.

Особого внимания, на наш взгляд, требует анализ содержательно-интенциональной согласованности текста дисклеймера и основного текста материала. Для нас интенциональное и смысловое единообразие указанных частей объекта исследования является наиболее важным показателем отсутствия признаков маскировки речевого деликта.

На консультацию была предоставлена серия роликов, содержащих журналистское расследование деятельности гражданина Х. Каждый из приводимых журналистом тезисов сопровождался маркерами мнения или предположения. Сам рассказ во всех роликах строился по принципу фактологическая информация из сторонних источников – вывод из данной информации. И именно выводы содержали негативную информацию о деятельности гражданина Х. В конце спорных роликов содержалось 2 дисклеймера: *«Данный репортаж является сугубо личным мнением автора, основанным на анализа социальных сетей и публикациях в СМИ»; «В данном фильме, мы выражаем свои мнения и приводим оценочные суждения, оценки проблемных ситуаций, по нашему мнению, требующих публичной огласки и исходим из публикаций СМИ, обращений и сообщений граждан ...»*. Перед нами дисклеймеры в слабой постпозиции. Дисклеймеры составлены по принципу множественных указаний на разрешённую форму выражения негативной информации. Лингвистический анализ основных материалов роликов подтвердил когерентность текста материала: единство коммуникативной программы дискламационного и основного текста. Вся негативная информация сопровождалась маркерами мнения, предположения и оценки.

Интенционально-смысловая несогласованность текстов дисклеймеров и текстов материалов отмечалась нами при анализе материалов пабликов

о скулшутинге [1, с. 42]. В обнаруженных нами в свободном доступе материалах содержались дисклеймеры, указывающие на намерения создателей сообществ: «Party from columbia (*мы ничего не пропагандируем*)»; «*набирает воздух в лёгкие и кричит, как Дилан* МЫ НЕ ПРОПАГАНДИРУЕМ НАСИЛИЕ! МЫ НЕ ЗАСТАВЛЯЕМ ДЕБИЛОВ УБИВАТЬ СВОИХ ОДНОКЛАССНИКОВ! МЫ – ПРОСТО КУЧКА ШКОЛЬНИКОВ-ИЗВРАЩЕНЦЕВ, КОТОРЫМ ПРАВИТСЯ ЖЕСТКАЧ!». При этом контент пабликов состоял из публикаций, обладающих диагностическими признаками романтизации и героизации фигур скулшутеров. В каналах публиковались фотографии мёртвых Клиболда и Харриса, сопровождавшиеся эмодзи «сердце», подписями «Колумбайн *сердце*», «божественная внешность *сердце*», «ERIC HARRIS IS GOD». Содержание указанного контента противоречит интенции создателей сообществ, приведённой в дисклеймерах. Налицо отсутствие когерентности частей материалов, являющееся признаком маскировки коммуникативной направленности материалов пабликов.

Несмотря на то, что дисклеймер является существенной частью объекта лингвистического исследования, его интенционально-смысловая значимость зависит от многих факторов. На наш взгляд, стоит акцентировать внимание исследователя на согласованности частей объекта анализа и месте дисклеймера в структурно-композиционной организации текста. Стоит также отметить, что как таковое наличие дисклеймера не говорит об отсутствии диагностических признаков речевого деликта лишь потому, что текст дисклеймера готовит адресанта к определённом прочтению. Лингвист-эксперт должен указать на наличие дисклеймера, его место в композиционной, смысловой и интенциональной структуре материала. А установление юридической значимости наличия формулы дискламационного жанра как части спорного текста лежит в пределах компетенции суда.

Литература

1. Замышевская Е. А. Психолого-лингвистический подход к анализу личности создателя (администратора) деструктивного сообщества в интернет-пространстве через призму названий таковых сообществ (на материале сообществ субкультуры скулшутеров) / Е. А. Замышевская, И. Л. Казанцева // Вестник Калужского университета. Серия 1. Психологические науки. Педагогические науки. 2022. Т. 5. № 2(15). С. 39-47.
2. Петрук К. А. Сфера функционирования речевого жанра «дискламация» / К. А. Петрук // Известия РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. № 45. С. 185-188.
3. Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе: Методическое пособие / А. М. Плотникова, В. О. Кузнецов, И. И. Саженин и [др.]; под ред. профессора С. А. Смирновой; М-во юстиции Рос. Федерации, Федер. бюджет. учреждение Рос. федер. центр судеб. экспертизы. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2018. 136 с.

4. Чимаров С. Ю. Дисклеймер: основное содержание и особенности правоприменительной практики в деятельности полиции / С. Ю. Чимаров // Тенденции развития науки и образования, 2020. № 65-2. С. 142-146.

I. L. Kazantseva

DISCLAIMER AS AN ESSENTIAL PART OF THE OBJECT OF LINGUISTIC EXPERTISE

Abstract. The main idea of this article is to describe aspects of linguistic analysis of electronic materials containing speech formulas of the disclaimer genre. Particular attention is paid to such aspects of the analysis as establishing the coherence of the disclaimer text and the main text, as well as the influence of the disclaimer on the perception of the text in connection with its structural and compositional position.

Keywords: disclaimer; linguistic examination of the text; intentional-semantic aspect; discourse analysis.

К ВОПРОСУ О ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ МАТЕРИАЛОВ, СОДЕРЖАЩИХ ПРИЗНАКИ РЕАБИЛИТАЦИИ НАЦИЗМА

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и методические аспекты лингвистического исследования материалов, содержащих признаки реабилитации нацизма. Обосновывается обусловленность понятия отрицание, оправдание, одобрение в контексте реабилитирующих нацизм высказываний.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза; ответственность за реабилитацию нацизма; оправдывающие высказывания; противодействие реабилитации нацизма; экстремизм.

В российском обществе еще несколько лет назад невозможно было представить заметный рост проявлений идей фашизма и нацизма, хотя попытки подобной реанимации никогда не исчезали полностью. Российское государство принципиально на правовом уровне закрепило недопустимость данных действий в 2014 году (Статья 354.1 «Реабилитация нацизма») [12]. В последние годы в связи с социально-политическими процессами в мире о проблеме роста экстремизма, реабилитации нацизма, считают исследователи, следует говорить как об остро актуальной [1, 2, 7, 9, 14]. Действительно, историческая память России, где практически каждая семья во время Великой Отечественной войны потеряла кого-либо из родных, где миллионы людей на себе испытали ужасы немецко-фашистского нашествия, а на фронте и в тылу всеми силами защищали Родину и приближали День Победы, подвергается беспрецедентно мощной информационной атаке со стороны идеологических противников нашей страны. В различных видах и различной ресурсной природы (в том числе зарубежной) фашизм и нацизм предстают как попытки переписывания и фальсификации истории, создание негативного образа советского солдата-победителя и принижение его роли в победе над фашизмом, выражение идей нацизма в речевых и иных действиях, манипулирование общественным сознанием с целью пропаганды идеологии нацизма, неонацизма и др. В совокупности это формирует реальную угрозу основам национальной безопасности,

140 | а вместе с тем заставляет укреплять систему противодействия нацизму. Весьма важно как пресечение самих действий по активизации идей нацизма, так и обоснование доказательств их противоправности, в том числе в доказательном поле лингвистической экспертизы материалов, рассматриваемых по признакам ст. 354.1 «Реабилитация нацизма».

Лингвоэкспертная практика показывает, что, несмотря на имеющиеся научно-методические разработки в сфере экспертизы экстремистских материалов [4, 11], исследование материалов, связанных с реабилитацией нацизма, сопряжено с преодолением ряда трудностей методического и теоретического характера. Так, специалисты справедливо отмечают необходимость методической разработки комплексного (историко-лингвистического, психолого-лингвистического) подхода к экспертизе таких материалов, ставят вопрос о необходимости четкого определения понятий «фашизм» и «нацизм» при их существенной близости, а также о необходимости обоснования включения понятия «неонацизм» в круг рассматриваемых явлений, указывают на теоретическую актуальность выражения признаков «денацификации» др.

В Российской Федерации установлена уголовная ответственность за реабилитацию нацизма по статье 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации [12], согласно которой к числу преступных деяний отнесены:

— отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси,

— одобрение преступлений, установленных указанным приговором,

— распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, о ветеранах Великой Отечественной войны, совершенные публично;

— распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, а равно осквернение символов воинской славы России, оскорбление памяти защитников Отечества либо унижение чести и достоинства ветерана Великой Отечественной войны, совершенные публично [12].

Лингвистическое исследование предусматривает выявление в речевом произведении информации, содержащей признаки отрицания установленных обвинений нацизма и нацистских преступников, которое, как правило, выражается как несогласие автора (говорящего/пишущего) с решениями Международного военного трибунала. Отрицание как позиция говорящего/пишущего лица раскрывается в неприятии решений Международного военного трибунала, осудившего нацизм как преступную систему и идеологию: *отрицает эти решения, не считает их правомерными, не признает эти решения, не согласен с решениями – следовательно, не считает нацизм преступным*. Для вербализации позиции отрицания могут использоваться различные языковые средства: разнообразные лексические средства (*отвергать, не соглашаться,*

выступать противником чего-л., поддерживать и т. п.), слова категории состояния с модальным значением (*нужно, необходимо* и др.), частица «не», аффиксы (приставки *не-, бес-*) и др. Однако важно подчеркнуть, что в речи логико-семантическим вариантом отрицания, отражающим позицию говорящего, является вербализация признания говорящим действий нацистской Германии (и представлявших ее органов) правильными, должными, необходимыми, признание правильными действий ряда членов руководящего состава нацистской партии, т. е. одобрение нацизма в целом. Позиция отрицания как несогласия с решениями Международного военного трибунала часто сопряжена с оправданием – репутационной компенсацией, уменьшением степени вины, поиском смягчающих ответственность аргументов и др. Не соглашаясь с фактами, установленными приговором Международного военного трибунала, и осуждением нацизма, говорящий тем самым оказывает поддержку и высказывает одобрение нацизма. Под одобрением (в смысловом поле статьи «Реабилитация нацизма») понимается сообщение неопределенному кругу лиц информации о признании допустимыми и положительными действий нацистов, заявление об их правильности, характеристика их как заслуживающих поддержки, похвалы и т. п. На одобрение нацизма указывают высказывания, содержащие положительную характеристику идей нацизма, позитивные оценки в адрес нацистских преступников, военных преступлений и преступлений против мира, поддержка идеологии и культуры нацизма. Подобная положительная характеристика может быть эксплицитной и имплицитной, нередко в высказывания выражение отрицания, одобрения и оправдания тесно сливаются [14].

Специфика исследования «оправдывающих высказываний» проявляется в определении оснований необходимости совершенных нацистами насильственных действий (массовое уничтожение населения, убийства, система концентрационных лагерей, пытки и др.). Обоснование требует от говорящего/пишущего определенной аргументации, целью которой в аспекте оправдания является убеждение аудитории в правильности идеологии нацизма. Выявление аргументов, определение их смыслового содержания также являются предметом анализа в процессе лингвистической экспертизы текста. Для квалификации выраженного отрицания эксперту важно установить его форму как утверждения о фактах. Разграничение выражаемого мнения как проявление свободы слова говорящего и утверждения о фактах, объяснения, выражающие одобрение нацизму, декларирование оправдывающих нацизм аргументов существенно для впроваждения [2, 4, 6].

Простой задачей является определение «заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, о ветеранах Великой Отечественной войны». Очевидно, что в ее решении потребуются комплексный подход (историко-лингвистическая экспертиза). Для лингвистического исследования конкретизируется задача: выявление в тексте, высказывании информации о деятельности СССР в годы Второй

142 | мировой войны, выраженной как утверждение о фактах [4]. Критерий «ложные сведения» не может быть принят в качестве методического ориентира лингвистом в проводимом исследовании, поскольку только историк, обладающий специальными знаниями, может квалифицировать достоверность/недостоверность сведений об исторических фактах. В условиях масштабных фальсификаций, которые заполнили неформальные и полужурналистские информационные ресурсы, которые отражаются в кинофильмах, литературе, псевдоисторических интернет-ресурсах, научная состоятельность исторического анализа определяет доказательность исследования. В фокусе же лингвистического исследования стоит задача выявления информации, содержащей обозначение той или иной деятельности, осуществлявшейся СССР в годы Второй мировой войны.

Практика экспертизы обнаруживает специфичность определения признака «явное неуважение к обществу» в изложении сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, а также вербализации информации, содержащей «осквернение символов воинской славы России, оскорбление памяти защитников Отечества». Оценочный характер данного критерия обнажает трудноразрешимые ситуации как перед правоприменителем, так и перед экспертами [7], при этом эксперты часто расходятся в своих заключениях.

Согласно словарному определению, «осквернить» – «подвергнуть поруганию, унижительным образом поступить с чем-нибудь, отнестись к чему-нибудь (высокому, достойному, чистому); замарать, запятнать чем-нибудь, опозорить, опорочить» [3, 8].

Понимание критерия «явное неуважение», вербализованного в тексте, выводит на определение в тексте языковых единиц с негативным семантическим компонентом и отрицательным культуроречевым, стилистическим компонентом. Признак «явно неуважительное отношение» на аксиологической шкале определяется как «отрицательный, плохой, грубый, унижительный» и т. п. Так, словарная статья к слову может содержать пометы «неодобр.», «бран.», «уничтожит.», «презрит.» и т. п., что дает основания для анализа наличия/отсутствия признака в рамках «неуважение, неуважительный». Семантика использованных в высказывании языковых единиц также может служить достаточным основанием для выявления отрицательного отношения говорящего к какому-либо объекту (например: «совковые памятники вашим совковым героям»). В процессе исследования внимание, прежде всего, сосредоточивается на выявлении негативной информации как формальной стороне речевого действия: использование оценочных языковых средств, сниженной лексики, угроз и т. п.

Коммуникативная установка на выражение явного неуважения к обществу провокативна, связана с употреблением таких языковых средств, которые могут быть противопоставлены общественной норме культуры речи, т. е. коммуникативно-прагматической природе «явного неуважения к обществу» детерминирует речевой акт оскорбления.

Если опираться на признак оскорбительности характеристик и оценок, то выявлению подлежат языковые средства оскорбления, в том числе грубейшие инвективы и неприличные средства, тогда как в других словах нелегко объективировать такую степень отношения к обществу, как «явное неуважение». В иных случаях исследователи четко устанавливают границы: «...сниженная, вульгарная и бранная лексика не относится к неприличной, она остается ограниченной в употреблении, неуместной в публичном употреблении, но не неприличной в строго научном понимании» [10, с. 6]. Так, трактовка оскорбления личности традиционно связана с выражением отрицательной характеристики личности, выраженной в неприличной форме. Однако стоит принять во внимание, что в контексте статьи «Реабилитация нацизма» адресатом оскорбления является широкая группа лиц, а также общество, государство, государственная структура и законодательные нормы (дни воинской славы и памятные даты России установлены Федеральным законом РФ от 13.03.1995 №32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России»), система ценностей общества [13]. На этом основании, с нашей точки зрения, выражение явного неуважения как оскорбительная характеристика не сводится только к употреблению непристойной лексики.

Нередко встречается контекстуальное акцентирование вербальной информации жестами, предметами, изображениями, историческими фотографиями, символами и другими атрибутами, присущими идеологии нацизма. Как правило, во взаимодействии вербализованной положительной оценки нацизма и сопровождающей ее демонстрации различной нацистской атрибутики, такая атрибутика приобретает оценочный смысл и, в отличие от типичной иллюстративной своей функции, выполняет в контексте функцию оценочную. После Великой Отечественной войны в обществе сложилось устойчивое отрицательное отношение к любым символам нацизма и нацистской Германии, поэтому демонстрация подобного (например, в жестах или символике) при высказывании отрицательной информации по отношению к ветеранам и защитникам Отечества, безусловно, является способом выражения пренебрежения, крайнего неуважения.

Публичные тексты, содержащие признаки реабилитации нацизма, будучи включенными в интернет-пространство, способны конструировать широкий контекст таким образом, чтобы привлекать внимание и вызывать отклик аудитории пользователей, активизируя в массовом сознании образы и смыслы. Именно поэтому сегодня требуется повышенное внимание к таким явлениям, которые способны воздействовать на людей и использоваться как средство беспрецедентной по масштабам информационной войны.

Литература

1. Вердиханова А. Н., Голубкова Н. И. Реабилитация нацизма и распространение неонацистских взглядов как формы экстремистской деятельности в современных условиях / А. Н. Вердиханова, Н. И. Голубко-

144 | ва // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство», 2022. Т. 10. № 4. С. 21-32.

2. Голиков Л. М. Оправдание терроризма как речевое действие / Л. М. Голиков // Вестник череповецкого государственного университета, 2017. С. 106-112.

3. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Рус. яз., 2000. Т. 1, 2.

4. Информационное письмо ФГКУ ЭКЦ МВД России от 26.04.2022 № 224-07-2022 «Об особенностях назначения и проведения лингвистических экспертиз (исследований) материалов, связанных с распространением заведомо ложной информации в отношении Вооруженных Сил Российской Федерации и дискредитацией их действий, а также с призывами к введению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации и ее граждан».

5. Кичева И. В. Когнитивно-семиотические свойства дискурса вербального экстремизма / И. В. Кичева // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета, 2013. № 4. С. 123-128.

6. Кукушкина О. В. Негативная информация: утверждение о факте или выражение мнения? / О. В. Кукушкина // Теория и практика судебной экспертизы. Научно-практический журнал, 2016. № 3(43). С. 132-145.

7. Макаров В. И. Пропаганда нацизма: лингвистическая оценка / В. И. Макаров // Ученые записки Новгородского государственного университета, 2019. № 7(25). С. 7-9.

8. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 2003. 944 с.

9. Противодействие проявлениям фашизма в современном обществе: материалы круглого стола (Москва, 16 ноября 2017 года). М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2017. 69 с.

10. Стернин И. А. Проблема сквернословия. Воронеж, 2011. 21 с.

11. Типовая методика судебной лингвистической экспертизы: методические рекомендации / Е. А. Гримайло, Т. В. Назарова, Н. Ю. Мамаев, А. П. Коршиков и др. // Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. I / Под ред. канд. техн. наук Ю. М. Дильдина. М.: ЭКЦ МВД России, 2010. 568 с.

12. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 29.12.2022). Статья 354.1 УК РФ. Реабилитация нацизма // Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/law/uk-rf/osobennaia-chast/razdel-xii/glava-34/statia-354.1> (дата обращения: 12.04.2023).

13. Федеральный закон РФ от 13.03.1995 №32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России». URL: <https://ukodrf.ru/statya-354-1> (дата обращения: 12.04.2023).

14. Kicheva I. V., Klassovskaia O. A., Ayrapetova E. G., Vatulina D. A. Identification of Implicit Speech Influence in an Extremist Text / I. V. Kicheva, O. A. Klassovskaia, E. G. Ayrapetova, D. A. Vatulina // Modern Global Economic System:

I. V. Kicheva

ON THE ISSUE OF LINGUISTIC EXPERTISE OF MATERIALS CONTAINING SIGNS OF REHABILITATION OF NAZISM

Abstract. The article discusses some theoretical and methodological features of linguistic examination of materials containing signs of rehabilitation of nazism. Attention is paid to the substantiation of the mutual conditionality of the concepts of denial, justification, approval in the context of statements rehabilitating nazism.

Keywords: linguistic expertise; responsibility for the rehabilitation of nazism; justifying statements; countering the rehabilitation of nazism; extremism.

кандидат филологических наук, доцент, консультант научно-методического совета Гильдии в субъектах РФ и за рубежом, Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам Санкт-Петербург, Россия

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО ЗАЩИТЕ ДЕТЕЙ ОТ ИНФОРМАЦИИ, ПРИЧИНЯЮЩЕЙ ВРЕД ИХ ЗДОРОВЬЮ И РАЗВИТИЮ

Аннотация. В статье представлен анализ некоторых особенностей производства лингвистических экспертиз, связанных с реализацией Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». Лингвистическая экспертиза представлена как инструмент объективной оценки вредной для развития детей информации; указаны специфика работы, с которой встречается эксперт при проведении данного типа экспертиз.

Ключевые слова: дети и подростки; лингвистическая экспертиза; информация, причиняющая вред здоровью и развитию детей.

Судебная лингвистическая экспертиза в последнее десятилетие усовершенствовалась ряд методик, значительно расширила круг производств, в которых задействованы эксперты-лингвисты. Это, например, традиционные дела об оскорблении (ст. 5.61 КоАП РФ) и клевете (ст. 128.1 УК РФ в ред. Федерального закона от 30.12.2020 № 538-ФЗ). Хотя оскорбление с 2011 г. декриминализовано в уголовном законодательстве, по-прежнему актуальны методы лингвистической экспертизы для исследования оскорблений, высказанных в адрес участников судебного разбирательства (ст. 297 УК РФ), оскорбления представителя власти (ст. 319 УК РФ) или военнослужащего (ст. 336 УК РФ). Как правило, с участием лингвистов расследуются дела о возбуждении ненависти либо вражды, а равно унижении человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ), дела о защите чести, достоинства и деловой репутации (ст. 152 ГК РФ). Несколько обособленно стоит в этом ряду экспертиза по защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию.

Автор статьи на протяжении почти десяти лет участвует в работе Совета при Уполномоченном по правам ребёнка в Хабаровском крае, поэтому

хорошо знает проблему применения на практике Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, наносящей вред их здоровью и развитию» (при цитировании используется ред. от 28.04.2023). Обратим внимание на специфику работы эксперта-лингвиста при проведении исследований и судебных экспертиз, связанных с защитой интересов детей и подростков. Прежде всего, укажем на то, что эксперт-лингвист должен быть хорошо осведомлён о юридических аспектах проблемы: чаще всего эксперты при анализе информационного контента сталкиваются с проблемами вовлечения детей и подростков в деструктивные сообщества.

Так, сообщество ЛГБТКИАПП+ (лесбиянки, геи, бисексуалы, трансгендеры, квиры, интерсексуалы, асексуалы, пансексуалы, полиаморы; знак + указывает на возможные варианты гендерной идентичности и сексуальной ориентации) на территории Хабаровского края (город Комсомольск-на-Амуре) неоднократно попадало в поле зрения отдела «К УМВД России по Хабаровскому краю в связи с привлечением через сеть Интернет подростков. В рамках защиты прав несовершеннолетних (№ 436 ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию») назначалась комплексная экспертиза с участием лингвиста. Вопрос о том, наносит ли вред здоровью и развитию несовершеннолетних информация сообщества ЛГБТКИАПП+ сегодня не дискутируется: да, наносит. И это не частное мнение лингвокриминалистов, а подтверждённая мнением учёных реальность. Сошлось на исследование Е. М. Тимошиной: «Вовлечение детей в субкультуру ЛГБТ действительно способствует их самоубийствам. Так, в США попытки суицидов среди населения составляют 4 %, среди подростков, относящих себя к представителям нетрадиционной ориентации – 20 %, среди трансгендеров – 41 %» [6, с. 291].

Активизировалась по отношению к несовершеннолетним и деятельность организации АУЕ («Арестантское уголовное единство»), которая включена Министерством юстиции РФ в перечень экстремистских организаций. Деятельность АУЕ запрещена на территории России 17 августа 2020 года решением Верховного суда России. Участие в деятельности АУЕ может подпадать под уголовную ответственность по ст. 282.2 УК РФ.

Неоднократно в рамках лингвистических исследований и экспертиз автору статьи приходилось работать по делам о суициде несовершеннолетних. Исследования были связаны с установлением причин ухода детей из жизни, в том числе, с троллингом, кибербуллинг, агрессией хейтеров в социальных сетях. По справедливому наблюдению М. В. Горбаневского и Г. Н. Трофимовой, описывающих воздействие поликодового текста на жертву Сети, в цифровом пространстве часто фиксируется явление речевой агрессии. «Инвектива – крайнее проявление речевой агрессии, которое реализуется в виде языкового насилия, вербального хулиганства, прямого нападения в форме брани или сквернословия с целью унижить собеседника через негативную оценку его личности и деятельности, – становится в интернете достаточно популярным способом выражения своего отношения к миру и обществу» [2, с. 155-156].

В докладе уполномоченного по правам ребенка Марии Львово-Беловой за 2021 год приводится печальная статистика: «...к сожалению, приходится отметить ряд негативных изменений в сфере детства. Увеличилось на: ...37,4 % количество самоубийств несовершеннолетних, до 753 чел. В 2021 году (По данным Следственного комитета Российской Федерации 07 июля 2022 года, 10:49)» [3, с. 8]. В качестве одной из серьёзных причин детского и подросткового суицида детский омбудсмен также называет влияние опасной информации из интернета.

Итак, лингвистическая линия проведения экспертиз, связанных с противодействием информации, которая причиняет вред здоровью и развитию детей, предположительно ясна: лингвист выявляет факты речевой агрессии, квалифицированно указывает на случаи использования инвективной лексики, как и в большинстве дел диффамационной направленности. В чём же состоит специфика данного вида лингвистических исследований? Прежде всего, в том, что эксперт-лингвист должен чётко уяснить позиции ст. 5 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [7, ст. 5], знать содержание такого документа, как **Концепция информационной безопасности детей в Российской Федерации** (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 апреля 2023 г. № 1105-р) [4, с. 1-13].

Лингвистическое сообщество заинтересовано в информационной безопасности, в создании для детей и юношества «чистого» интернет-пространства. Для того, чтобы лингвистическая экспертиза материалов, определяющих безопасное детство, была максимально эффективной, необходимо качественное взаимодействие эксперта и правоохранителей. Наивно надеяться, что эксперты встретят при назначении исследования юриста с базовой лингвистической подготовкой: это скорее исключение из правил. Следовательно, лингвисту нужно пройти «правовой ликбез», понять, на что нацелено экспертное задание, вникнуть в поставленные на разрешение вопросы. Очень точно формулирует эту позицию К.И. Бринев: «Преодолению коммуникативных барьеров между следователем, органом дознания или судом, с одной стороны, и лингвистом-экспертом – с другой, способствует знание лингвистом *состава правонарушения* или существа конкретного спора» [1, с. 15-16].

В случае, когда рассматривается материал, предположительно, содержащий вредный для детей контент, следует иметь в виду специальные модели анализа текста, коррелирующие со ст. 5 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и разработанные на базе Концепции информационной безопасности детей в Российской Федерации.

Эти модели неплохо зарекомендовали себя при проведении экспертиз по категории дел, связанных с детской порнографией, применением насилия и проявлением жестокости по отношению к людям и животным. Как правило, дети и подростки, которые жестоко обращались с животными и

не получили оценки этих действий, не скорректировали противоправное поведение, позже переносят свои садистские наклонности на людей.

Так, в 2016-2017 гг. автор статьи участвовала в проведении комплексной судебной экспертизы по резонансному делу «Хабаровских живодёрок» (широко освещалось в СМИ). Следствием было установлено, что несовершеннолетняя О. по предварительномуговору с несовершеннолетней С., находясь в г. Хабаровске, убили с особой жестокостью не менее 15 животных (собак, кошек, голубей). Свои действия они снимали и комментировали. Информацию разместили на социальном ресурсе «ВКонтакте». Позже, действуя по предварительномуговору, совершили нападение на Т., требуя от него деньги. При этом одна несовершеннолетняя угрожала потерпевшему применением биты, а другая – пневматического пистолета, имеющего сходство с боевым оружием. Следующий эпизод из бурной жизни несовершеннолетних коснулся физического унижения лица нетрадиционной сексуальной ориентации. Вместе с ними «показательное наказание» с угрозой жизни и здоровью потерпевшего осуществил совершеннолетний. Одна из несовершеннолетних снимала издевательства на видео, затем смонтировала ролик для размещения видеозаписи на социальном ресурсе «ВКонтакте». При оценке подобных «произведений», адресатом которых является широкая детская и подростковая аудитория, помимо традиционных методов лингвистической экспертизы целесообразно обращаться к установленным критериям оценки вредного для здоровья и развития детей контента [5, раздел 6, с. 25-29].

На экспертизу могут быть представлены информационные материалы (тексты, аудиофайлы, видеофайлы, поликодовые тексты), которые отражают коммуникативную деятельность человека.

Экспертиза данного типа всегда является комплексной: в составе экспертной группы работают психолог, лингвист, социолог, при необходимости (например, при разграничении эротики и порнографии) – специалист по культурологии. Сформирован алгоритм анализа контента, однако он адресован всем участникам комплексной экспертизы, поэтому лингвисту необходимо быть внимательным, чтобы не выйти за рамки своих специальных познаний. Экспертам рекомендовано обращать внимание на соотнесённость формулировки федерального закона с указанием вида информации и фактора вредоносного воздействия. Лингвист проводит аналитический и сравнительный (с указанными в таблице-матрице параметрами) этапы исследования.

При подготовке данной публикации автор провёл выборку тех позиций, которые, по его мнению, находятся в области ответственности лингвиста при определении вредной для детей информации и анализе текста по заданным критериям [5, раздел 6, с. 25-29]:

Вид информации (в соответствии со ст. 5 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»): способная вызвать у детей желание употребить наркотические средства, психотропные и (или) одурманивающие вещества, табачные изделия,

150 | никотинсодержащую продукцию, алкогольную и спиртосодержащую продукцию, принять участие в азартных играх, заниматься проституцией, бродяжничеством или попрошайничеством.

Факторы вредоносного воздействия: инструкции. Персонифицированные примеры.

Вид информации (в соответствии со ст. 5 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»): обосновывающая или оправдывающая допустимость насилия и (или) жестокости либо побуждающая осуществлять насильственные действия по отношению к людям или животным, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Федеральным законом; содержащая изображение или описание сексуального насилия.

Факторы вредоносного воздействия: описания насильственных действий. Примеры насилия и жестокости.

Вид информации (в соответствии со ст. 5 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»): отрицающая семейные ценности и формирующая неуважение к родителям и (или) другим членам семьи; пропагандирующая либо демонстрирующая нетрадиционные сексуальные отношения и (или) предпочтения; пропагандирующая педофилию; способная вызвать у детей желание сменить пол.

Факторы вредоносного воздействия: описания альтернативных моделей семейных отношений. Персонифицированные примеры.

Вид информации (в соответствии со ст. 5 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»): оправдывающая противоправное поведение.

Факторы вредоносного воздействия: описания противоправного поведения. Примеры людей, совершающих противоправные действия.

Вид информации (в соответствии со ст. 5 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»): содержащая нецензурную брань.

Прокомментируем последний из вредных видов информации, приведённых выше. Очевидно, что в случае выявления информации, содержащей нецензурную брань, эксперт-лингвист действует по известной методике, устанавливая адресность высказывания, интенцию автора текста. При этом следует учитывать, что при исследовании информации, которая может причинить вред здоровью и развитию детей, нужно опираться на возрастные критерии-маркировки печатной, аудио- и видеопроductии. Так, в отношении группы лиц 16+ нецензурная брань рассматривается как возможная реакция на неожиданную ситуацию, и эти случаи выводятся за пределы информации, наносящей вред здоровью и развитию молодых людей.

Мы усматриваем здесь противоречие с нормой другого федерального закона, а именно № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» от 01.06.2005. В ст. 1 п. 6 данного закона прямо указано, что «При

использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается употребление слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка (в том числе нецензурной брани)» [8, ст. 1, п. 6]. При исследовании печатной продукции, фильмов, адресованных детям и подросткам, полагаем, не следует снижать требования к качественной литературной речи.

Литература

1. Бринев К. И. Справочник по судебной лингвистической экспертизе. М.: ЛЕНАНД, 2020. 200 с.
2. Горбаневский М. В., Трофимова Г. Н. ГЛЭДИС в цифровом пространстве. Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам – 20 лет. М.: ИПЦ «Маска», 2021. 176 с.
3. Доклад о деятельности Уполномоченного при президенте Российской Федерации по правам ребёнка в 2021 году. 482 с. URL: <http://deti.gov.ru/detigray/upload/documents/August2022/OucV7OrXsDXyb6xBrHFF.pdf> (дата обращения: 17.06.2023).
4. Концепция информационной безопасности детей в Российской Федерации. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 апреля 2023 г. № 1105-п. 13 с. URL: <http://static.government.ru/media/files/0vjjsdVmSsldUZ4c8Z2eOAIgkCbCf7OJ.pdf> (дата обращения: 17.06.2023).
5. Концепция информационной безопасности детей и подростков в РФ. – М., 2015. – 855 с. Раздел 6. Критерии вредного для здоровья и развития детей контента. С.25-29.
6. Тимошина Е. М. Деструктивные субкультуры несовершеннолетних как условия их виктимизации и криминализации / Е. М. Тимошина // Ученые записки Казанского юридического института МВД России, 2021. Том 6. № 2(12). С. 286-293.
7. Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (ред. от 28.04.2023) / Информационно-правовой портал «Гарант» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/12181695/> (дата обращения: 15.06.2023).
8. Федеральный закон от 01.06.2005 № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» (в редакции федеральных законов от 02.07.2013 № 185-ФЗ, от 05.05.2014 № 101-ФЗ, от 30.04.2021 № 117-ФЗ, от 28.02.2023 № 52-ФЗ) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53749/ (дата обращения: 15.06.2023).

REGARDING THE QUESTION OF FORENSIC LINGUISTIC SPECIFICS CONCERNING PROTECTION OF CHILDREN FROM INFORMATION HARMFUL TO THEIR HEALTH AND DEVELOPMENT

Abstract. The article presents an analysis of some features of the production of the forensic linguistics related to the implementation of the Federal Law of December 29, 2010 № 436-FZ «On the protection of children from information that is harmful to their health and development». Forensic linguistics is presented as a tool for an objective assessment of information harmful to the development of children; the specifics of the work that the expert meets when conducting this type of examination are indicated.

Keywords: children and adolescents; forensic linguistics; information harmful to the health and development of children.

СНЯТИЕ НЕОДНОЗНАЧНОСТИ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ В ЭКСПЕРТИЗЕ МЕДИАТЕКСТА

Аннотация. Снятие неоднозначности ключевых слов проводится с помощью процедуры разграничения языкового и энциклопедического значений. Дизъюнкция элементов полисеманта осуществляется с привлечением грамматической информации. Разграничения фактуальной и оценочной семантики глаголов проводится с опорой на теоретические исследования подобных единиц.

Ключевые слова: неоднозначность; снятие неоднозначности; лингвистическая экспертиза; медиатекст.

В одном из методических пособий по лингвистической экспертизе отмечается, что «расширение интернет-пространства обуславливает широкое общественное обсуждение лингвистических экспертиз, выполненных государственными и негосударственными экспертами, трансляцию не только экспертных выводов, но и всех экспертных заключений в блогосфере, средствах массовой информации» [14, с. 5]. Указанное обстоятельство, с одной стороны, требует повышения экспертного внимания к медиатекстам, тогда как, с другой, что не менее важно, говорит о необходимости совершенствования семантических аналитических процедур, применяемых в экспертной практике.

Проблемы установления значения и смысла языковых единиц Е. И. Галяшина рассматривает в главе «Криминалистическая диагностика в судебной лингвистической экспертизе» учебника [5], вместе с тем эти процедуры проводятся не только в расследовании уголовных дел, но также и в гражданских, арбитражных, административных делах, да и в целом значение и смысл представляет собой одну из важнейших проблем семантики.

В. О. Кузнецов не без основания полагает, что «**дефиниционный анализ** (анализ словарного толкования) является самым популярным из методов», он служит для установления значения слова» [9, с. 12]. «Словарный метод применяется при решении практически всех задач судебной лингвистической экспертизы» [9, с. 12], и это объяснимо, поскольку наиболее частым герменевтическим шагом эксперта является снятие смысловой

154 | неоднозначности языкового выражения. Под неоднозначностью языкового выражения или речевого произведения, как отмечает А. А. Зализняк, понимается наличие у него нескольких смыслов одновременно [7].

Говоря о типах неоднозначности, Ю. Д. Апресян прежде всего выделяет синтаксическую и лексическую ее разновидности. Так, выражения мужу изменять нельзя, наблюдения над речью маленьких детей демонстрируют синтаксическую неоднозначность, поскольку разные смыслы детерминированы интерпретацией словоформ мужу как субъекта / объекта или наблюдения как процесса / результата. В отличие от приведенных выше случаев примеры катать шарики (делать / перемещать) и проехать остановку (покрыть расстояние / миновать точку) демонстрируют лексическую неоднозначность (различия в лексическом значении глаголов) [1, с. 176]. «Все рассмотренные выше примеры, – резюмирует Ю. Д. Апресян, – могут быть названы случаями языковой многозначности: явления, которые ее порождают, коренятся либо в грамматике языка (неоднозначность синтаксических конструкций), либо в его словаре (лексическая неоднозначность)» [1, с. 176].

К случаям языковой многозначности Ю. Д. Апресян относит следующие явления:

- 1) метонимически и метафорически мотивированная многозначность;
- 2) многозначность слова и диффузность значения;
- 3) топологические типы многозначности;
- 4) многозначность и омонимия;
- 5) многозначность и моносемия [1].

Практика лингвистической экспертизы показывает, что снятие неоднозначности порой необходимо для, казалось бы, моносемичной лексики. Рассмотрим один из таких случаев. В ходе анализа сопоставлялись фразы, в которых в одном тексте имело место употребление *за действия, выраженные в попустительстве и в другом тексте за действия, выраженные в попустительстве по службе*. Под ключевыми словами в данной работе понимаются лексемы (а также их сочетания), значение которых играет определяющую роль в интерпретации высказывания, фрагмента текста и текста в целом.

Для того чтобы выявить смысловое содержание спорных фраз и интерпретировать значение и употребление ключевых лексем, необходимо учитывать важное обстоятельство: «Язык области права (в широком понимании) включает термины (слова и словосочетания), получающие определение в рамках соответствующих российских законов или в решениях Верховного или Конституционного суда РФ, и термины, определения которых в нормативных и законодательных документах отсутствуют. В этом случае для определения значения этих слов привлекается информация о том, какие значения эти слова имеют в современном русском литературном языке или в одном из его подязыков» [2, с. 20]. Первую группу слов А. Н. Баранов называет юридически

определяемыми терминами, а вторую – лингвистически определяемыми терминами.

Слово *попустительство* является лингвистически определяемым термином, поскольку его дефиниция отсутствует в законах и нормативных документах. Рассматриваются следующие описания семантики в толковых (лингвистических) словарях:

«излишне снисходительное отношение к чему-л. недопустимому, противозаконному [15, с. 299].

«снисходительное отношение к совершаемым противозаконным действиям; непринятие мер, предотвращающих совершение чего-л. плохого, опасного [3].

Исходя из информации, представленной в словарях, фраза *...за действия, выраженные в попустительстве...* имеет следующее толкование: за [поступки, поведение] [обнаруженные, проявленные] в [излишне снисходительном отношении к чему-л. недопустимому, противозаконному].

Не стоит преувеличивать лингвистическую значимость подобных трансформаций, на что указывает, в частности, Ф. А. Литвин: «Мы вынуждены пользоваться толкованиями слов в толковых словарях, хотя «конструирование» смысла высказывания только в очень грубом приближении соответствует восприятию адресатом текста – не только в силу недостатков, присущих этим толкованиям, но главным образом потому, что в процессе восприятия текста человек-адресат вряд ли пользуется способом суммирования известных ему толкований для понимания смысла» [10, с. 39]. Тем не менее практическая ценность данной процедуры в аспекте лингвистической экспертизы несомненна.

Текст, в котором употребляется лексема *попустительство*, сопоставляется с сочетанием *попустительство по службе*. С позиции судебной экспертологии различие этих употреблений заключается в том, что *попустительство по службе* является юридически определяемым термином: оно употребляется в УК РФ (ст. 290), его значение определяется в Постановлении от 9 июля 2013 г. № 24 Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»: «К попустительству по службе относится, например, согласие должностного лица контролирующего органа не применять входящие в его полномочия меры ответственности в случае выявления совершенного взяткодателем нарушения» (п. 5 абзац 3) [13].

Слово попустительство и словосочетание попустительство по службе репрезентируют разные ситуации. Для описания этих ситуаций применяется метод фреймов [11].

Фреймы попустительства и попустительства по службе:

ПОПУСТИТЕЛЬСТВО [Субъект (лицо, выражающее отношение)] [Отношение (снисходительное)] [Объект (что-то недопустимое, противозаконное плохое, опасное)].

ПОПУСТИТЕЛЬСТВО ПО СЛУЖБЕ [Субъект (должностное лицо контролирующего органа)] [Отношение (согласие не применять входящие в его полномочия меры ответственности)] [Объект (нарушения, совершенные взяточдателем)].

Ситуации, обозначаемые понятиями «попустительство» и «попустительство по службе», различаются по субъекту, отношению и объекту.

Таким образом, решая подобные экспертные задачи, необходимо учитывать:

- границы исследуемой единицы (слово или словосочетание);
- наличие дефиниций в правовых источниках (отнесенность к юридически или лингвистически определяемой лексике);
- анализ ситуаций, обозначаемых исследуемыми единицами (фреймов, сценариев).

Данный случай, очевидно, следует рассматривать как языковую многозначность (мы не касаемся здесь речевой многозначности), разграничение многозначности и моносемии, которая возникает в случае между термином и словом обыденного языка.

Рассмотрим следующий случай, в котором предметом судебного разбирательства стал отзыв о работе врача на одном из специальных сайтов, в частности, фраза *Доктор убегает от своих пациентов и не желает их принимать, и ждёт когда истечет время приема, и рабочее время*, в котором, по мнению одной из сторон, а также специалиста и эксперта, готовивших заключение по данному делу, *убегает* не является глаголом активного действия и реализует свое переносное значение.

Характеризуя многозначность как логическое явление, Ю. Д. Апресян отмечает: «Исключительная дизъюнкция – признак полисемии (либо С, либо В, но не С и В вместе); выпадение употреблений типа ‘В и С’ из числа употреблений значения ‘В или С’ является достаточным условием для его распада на два новых значения – ‘В’ и ‘С’» [1, с. 186].

В подобном ключе явление полисемии описывает и Ф. А. Литвин: «Многозначность может быть представлена как дизъюнкция элементов (или наборов элементов) семантической структуры слова, независимо от отношений этих элементов друг к другу» [10, с. 19].

Анализ приведенного выше высказывания показывает, что глагол *убегать* употреблен здесь в прямом значении: «быстро удалиться, перемещаться / удалиться бегом / поспешно, торопливо уходить» [3, 4, 12, 15]. Рассматривать употребление этого слова в переносном значении не позволяет характер медиатекста (отзыв о враче на специализированном сайте). Так, значение «сторониться, избегать кого-, чего-л.» является устарелым [4, 12, 15]: контексты *Я вас не убегаю, Он убегал всякой компании* не употребительны в современной речи. Кроме того, в этом значении глагол управляет прямым дополнением, тогда как в анализируемом контексте дополнение косвенное, с предлогом *от*. Переносное значение «избавиться от чего-л.» не соответствует контексту, поскольку имеет в качестве объекта неодушевленный предмет, а не лицо: *Он был рад освободиться и убежать иных забот. Убежать*

от забот. Убежать от какой-л. проблемы. Убежать от грустных мыслей. От себя не убежишь, т. е. от своего внутреннего мира, но не от себя как физического тела. Контексты *Убежали ночные тени* (перен.); *Убежала молодость* (перен.) имеют в роли субъекта неличные существительные.

В данном анализе в качестве объективного критерия семантического различия лексико-семантических вариантов лексемы выступают грамматические категории наряду с ее социолингвистической характеристикой. В то же время нельзя утверждать, что подобные различия указывают на полное несходство лексических значений. «В частности, – пишет Ю. Д. Апресян, – и в значениях существительных *час – часы*, и в значениях глаголов *пестреют – пестрят* есть несомненные общие части ‘время’, ‘пестрое’; поэтому оценка соответствующих единиц как омонимичных приходит в противоречие с определением омонимии [1, с. 183]. Мы отмечаем грамматические различия как указание на различие значений в семантической структуре многозначного слова.

Если рассмотреть типичный сценарий обращения пациента в поликлинику, то он будет выглядеть следующим образом: (1) запись к врачу в регистратуре (или по телефону, или иным способом) → (2) ожидание приема → (3) беседа врача с больным, выявление жалоб пациента → (4) осмотр больного → (5) назначение лечения и/или обследования. Как видно, ситуация «убегания» врача от больного (пациента) не вписывается в типичный сценарий и оценивается негативно ввиду избегания врачом выполнения своих обязанностей.

Следующий пример снятия многозначности взят из обращения члена дачного некоммерческого товарищества в группе одной из социальной сети. Это монолог, произносимый женщиной, представляет коммуникативную ситуацию конфликта, разрешаемого в суде. Автор речи сообщает адресатам о ходе судебного процесса, а также возможных перспективах его развития.

В высказываниях *То есть, это тоже статья, ну уже 159-ая, по которой, я так понимаю, срок у него был. И это будет рецидив.* Вот трактовке подвергается значение вводной конструкции *я так понимаю*, в частности, глагола понимать в ее составе. Ключевой характер значения данной лексемы объясняется важностью интерпретации высказывания как утверждения о фактах или оценочного суждения, поскольку выражение *я так понимаю* представляет собой модальную рамку высказывания в целом.

Глагол ПОНИМАТЬ имеет следующую смысловую структуру как многозначное слово: 1. ОСОЗНАВАТЬ (понимание-знание) 1.1 осознать положение дел 1.2 осознавать смысл 1.3 владеть языком 1.4 разбираться 1.5 сочувствовать 1.6 знай! (разг., эмоц-усил.) 1.7 слышишь? (разг.-сниж., эмоц-усил.) 2. СЧИТАТЬ (понимание-мнение) 2.1 интерпретировать 2.2 считать 2.3 подразумевать [8, с. 526]

В исследуемом контексте понимать является фактуальным глаголом в значении 1. ОСОЗНАВАТЬ 1.1. осознать положение дел: «Человек

158 | знает или представляет ситуацию; это знание или представление возникло на основании того, что этот человек знает, думает, воспринимает или ощущает, и это дает ему возможность знать или представлять возможное развитие событий» [8, с. 526].

Следует иметь в виду, что «экспликация значения слова (в том числе многозначного) в тексте на основе словарных данных является в значительной мере условной – и, в первую очередь, в той мере, в какой отраженная в словарях система значений есть не фиксация, а модель его семантической структуры» [10, с. 33].

В конструкции *я так понимаю* слово так «ослабляет степень уверенности субъекта в истинности соответствующей пропозиции» [7, с. 472], однако не отменяет значения истинности – по тексту, срок по 159-ой статье. Это утверждение о факте. Данное утверждение подтверждается высказыванием *И это будет рецидив* как следствие из предыдущего утверждения.

Модальная рамка (*как*) *я (так) понимаю*, очевидно, является востребованным предметом лингвоэкспертного анализа, об этом свидетельствует, в частности, следующий фрагмент материала, размещенного в сетевом издании «NewsTracker»:

Ситуация дошла до губернатора Ставропольского края Владимира Владимировича, который в ходе прямой линии на телевидении поделился личным мнением по данному вопросу.

«Я понимаю, что это элемент рейдерского захвата, он (предприниматель – прим. NewsTracker) пытается просто отжать завод себе», – отметил политик.

К. тотчас обратилась в Арбитражный суд края с иском к главе региона и телеканалу, однако проиграла: судья посчитала, что это не утверждение о фактах, а личная оценка деятельности собственника дороги [6].

В диктуме приведенных выше высказываний локализуется негативная информация (*рейдерский захват, отжать завод*), в то время как модус большей частью сфокусирован в семантике глагола *понимать*. Здесь будет уместно привести слова Ф. А. Литвина: «Разрешение многозначности слова, основанной на структуре его содержания как единицы языка, не обязательно означает снятия этой многозначности [10, с. 41]. И, видимо, именно это обстоятельство легло в основу судебного решения: опора на семантику СЧИТАТЬ, а не ПОНИМАТЬ ключевого глагола.

Таким образом, снятие неоднозначности ключевых слов в спорных медиатекстах и текстах иного плана представляет собой важную проблему судебной лингвистической экспертизы. Экспликация семантики проводится с помощью процедур разграничения языкового и энциклопедического значений с привлечением фреймов. Дизъюнкция элементов полисеманта осуществляется с привлечением грамматической информации, в частности о сочетаемости словоформы. Сложные случаи разграничения фактуальной и оценочной семантики глаголов рассматриваются с опорой на теоретические исследования подобных единиц.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Том: Лексическая семантика. 2-ое изд., испр. и доп. М.: Школа «Языки русской культуры»; Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. 472 с.
2. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М.: Флинта: Наука, 2007. 592 с.
3. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов // Справочно-информационный портал «Грамота.ру» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/bts> (дата обращения 25.05.2023).
4. Большой универсальный словарь русского языка / Под ред. В. В. Морковкина // Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. М.: Словари XXI века; АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2016. 1456 с.
5. Галяшина Е. И. Судебная лингвистическая экспертиза: Учебник. М.: Проспект, 2023. 424 с.
6. Дорожные войны: кто и зачем провоцирует социальный взрыв в Ставропольском крае // NewsTracker [Электронный ресурс]. URL: <https://newstracker.ru/news/2022-11-28/dorozhnye-voyny-kto-i-zachem-provotsiruetsotsialnyu-vzryuv-v-stavropolskom-krae-2601512> (дата обращения 25.05.2023).
7. Зализняк А. А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: «Языки славянских культур», 2006. 672 с.
8. Иодмин Б. Л. Языковая модель понимания // Языковая картина мира и системная лексикография / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 517-612.
9. Кузнецов В.О. Методы судебной лингвистической экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. 2022. Т. 17. № 4. С. 6-17.
10. Литвин Ф. А. Многозначность слова в языке и речи. Изд. 2-ое, стереотип. М.: КомКнига, 2005. 120 с.
11. Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Мир, 1979. 152 с.
12. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1994. 928 с.
13. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (ред. от 24.12.2019).
14. Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе: Методическое пособие // Под ред. проф. С. А. Смирновой. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2018. 136 с.
15. Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

DISAMBIGUATION OF KEYWORDS IN THE LINGUISTIC EXAMINATION OF MEDIA TEXTS

Abstract. Keywords are disambiguated by means of linguistic and encyclopaedic meaning differentiation procedures. Polysemantic elements are separated on the basis of grammatical information. The distinction between factual and evaluative semantics of verbs is made on the basis of theoretical studies of similar units.

Keywords: ambiguity; disambiguation; linguistic examination; media text.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПО ДЕЛАМ ОБ ОСКОРБЛЕНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ВЛАСТИ

Аннотация. В статье затрагивается вопрос об оскорблении представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением. Мы приводим конкретные примеры из нашей экспертной практики, связанные с оскорблением высшего должностного лица – Президента ПМР.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, оскорбление, призыв.

Лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении в Приднестровской Молдавской Республике получила развитие в конце 1990-х годов, когда в Уголовно-процессуальный Кодекс МССР, действующий на территории Приднестровской Молдавской Республики, были внесены ряд изменений и дополнений, в частности:

«Статья 47-3. Оскорбление

Оскорбление, то есть умышленное унижение чести и достоинства личности действием, словесно или письменно, – влечет наложение штрафа в размере от 10 до 100 минимальных заработных плат или административный арест на срок до пятнадцати суток».

В марте 2019 года в Уголовный кодекс внесена статья 316-1, которая гласит:

«Статья 316-1. Оскорбление Президента Приднестровской Молдавской Республики

Публичное оскорбление Президента Приднестровской Молдавской Республики при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением – наказывается штрафом в размере от 350 (трехсот пятидесяти) до 700 (семисот) расчетных уровней минимальной заработной платы либо обязательными работами на срок от 180 (ста восьмидесяти) до 240 (двухсот сорока) часов, либо исправительными работами на срок от 1 (одного) года до 2 (двух) лет, либо лишением свободы на срок до 5 (пяти) лет» [5].

В Уголовном кодексе до этого времени уже была статья 316 «Оскорбление представителя власти». Ответственность за оскорбление Президента, как и любого другого чиновника, наступала в соответствии с ней.

Необходимость принятия таких дополнений в УК ПМР вызвана тем, что количество интернет-публикаций оскорбительного характера в адрес высшего руководства республики выросло в арифметической прогрессии из-за безнаказанности пишущих и говорящих и из-за отсутствия квалифицированных специалистов в области лингвистической экспертизы, способных доказать оскорбительность публичного контента.

С принятием поправок в УК ПМР и появлением аттестованного судебного эксперта-лингвиста количество оскорбляющих Президента и других представителей власти пошло на убыль. Следственные мероприятия, и, как результат, штрафы, обязательные работы и т. д. дали положительные результаты.

В нашей экспертной практике часто встречаются материалы соцсетей, содержащие оскорбления представителей власти, в том числе, Президента ПМР.

Так, на одну из судебных лингвистических экспертиз представлены:

- копия постановления о назначении лингвистической экспертизы;
- копия протокола осмотра предмета от 19.05.2023 г. на 7 (семи) листах;
- приложение к протоколу осмотра предмета от 19.05.2023 г. в виде CD-R № 618нс со 123 скриншотами в электронном виде публикаций и комментариев к ним, размещенных в публичных группах «Новое Приднестровье», «Вайбер Приднестровье» в социальной сети «Одноклассники» в период времени с 14.12.2022 г. по 15.04.2023 г. Диск упакован в бумажный конверт, на котором имеется пояснительная надпись, подпись понятых и лица, осуществившего осмотр.

Перед судебным экспертом поставлены вопросы:

1. Содержат ли представленные на экспертизу комментарии пользователя учетной записи «Ольга Иванова», размещенные в период времени с 14.12.2022 г. по 15.04.2023 г. под публикациями в публичных группах «Новое Приднестровье», «Вайбер Приднестровье» в социальной сети «Одноклассники» оскорбление Президента Приднестровской Молдавской Республики при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением? Если да, то, в каких именно комментариях и в чем это выражается?
2. Содержат ли представленные на экспертизу комментарии пользователей иных учетных записей, размещенные в период времени с 14.12.2022 г. по 15.04.2023 г. под публикациями в публичных группах «Новое Приднестровье», «Вайбер Приднестровье» в социальной сети «Одноклассники» оскорбление Президента Приднестровской Молдавской Республики при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением? Если да, то, в каких именно комментариях и в чем это выражается?

3. Содержат ли представленные на экспертизу комментарии пользователя учетной записи «Ольга Иванова», размещенные в период времени с 14.12.2022 г. по 15.04.2023 г. под публикациями в публичных группах «Новое Приднестровье», «Вайбер Приднестровье» в социальной сети «Одноклассники»
- призывы, направленные на подрыв безопасности Приднестровской Молдавской Республики;
 - призывы, направленные на пропаганду политической или социальной вражды и (или) нетерпимости;
 - призывы, направленные на пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к социальной принадлежности?

Если да, то, в каких именно комментариях и в чем это выражается?

В предоставленных на экспертизу материалах мы нашли лексические единицы, необходимые для ответов на вопросы лингвистической экспертизы (с сохранением орфографии и пунктуации и изменением фамилии пользователя):

Комментарии пользователя учетной записи «Ольга Иванова»

Скриншот № 13

Ольга Иванова Владимиру

Ты даже не мент, ты мусар! Поганный, продажный, мразотный мусар, как гушан и г/сельский

Скриншот № 26

Ольга Иванова

Я полагаю, что Олегу запахло даже рядом находиться с этой сволочью. Мне так – точно запахло.

Скриншот № 31

Ольга Иванова

Сельский сейчас сидит как мышь под диваном

Ольга Иванова ответила Робину - Гуду

*гни*осельский*

Скриншот № 67

Ольга Иванова ответила Иону Данчу

Он не красный, он – Сельский

Скриншот № 68

Ольга Иванова ответила Людмиле

г. сельский. А что обозначает буква г. – догадайся сама.))

Скриншот № 75

Ольга Иванова ответила Katerina Manko

от г. сельского

Скриншот № 79

ответила х

Ольга Иванова

г. сельский

Скриншот № 84

Ольга Иванова

Как же меня бесит эта его крысиная вставная челюсть со вставными зубами! я про квн Скриншот № 95

Ольга Иванова

г. сельского

Скриншот № 96

Ольга Иванова ответила Сокуцкий говносельского

Комментарии пользователей иных учетных записей

Скриншот № 20

Ион Данчу Чонтолой

красный раньше ходил по рынкам и штрафовал за валюту

Скриншот № 56

Ион Данчу Чонтолой

у красного есть два елеватора

Скриншот № 67

Ион Данчу Чонтолой

красный пустит в ход

афера века красного

Скриншот № 84

Михаил Конуков

Спасибо скажите президенту ОБЕЩАЛКИНУ

На вопросы постановления о назначении лингвистической экспертизы отвечаем следующее:

1. Представленные на экспертизу комментарии пользователя учетной записи «Ольга Иванова», размещенные в период времени с 14.12.2022 г. по 15.04.2023 г. под публикациями в публичных группах «Новое Приднестровье», «Вайбер Приднестровье» в социальной сети «Одноклассники», **содержат** оскорбление Президента Приднестровской Молдавской Республики при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением.

Это выражается в следующих комментариях:

Скриншот № 13

Ольга Иванова Владимиру

Ты даже не мент, ты мусар! Поганный, продажный, мразотный мусар, как гушан и г/сельский

Скриншот № 26

Ольга Иванова

Я полагаю, что Олегу запахло даже рядом находиться с этой сволочью. Мне так – точно запахло.

Скриншот № 31

Ольга Иванова

Сельский сейчас сидит как мышь под диваном

Ольга Иванова ответила Робину - Гуду

гни*осельский

Скриншот № 67

Ольга Иванова ответила Иону Данчу

Он не красный, он – Сельский

Скриншот № 68

Ольга Иванова ответила Людмиле

г. сельский. А что обозначает буква г. – догадайся сама.))

Скриншот № 75

Ольга Иванова ответила Katerina Manko

от г. сельского

Скриншот № 79 ответила х

Ольга Иванова

г. сельский

Скриншот № 84

Ольга Иванова

Как же меня бесит эта его крысиная вставная челюсть со вставными зубами! я про квн

Скриншот № 95

Ольга Иванова

г. сельского

Скриншот № 96

Ольга Иванова ответила Сокуцкий

говносельского

Оскорбительным является намеренное искажение фамилии Президента Приднестровской Молдавской Республики В. Н. Красносельского, выраженное в комментариях следующими формами слов:

- ✓ Сельский
- ✓ гни*осельский
- ✓ Он не красный, он – Сельский
- ✓ г. сельский. А что обозначает буква г. – догадайся сама.))
- ✓ г. сельского
- ✓ г. сельский
- ✓ квн
- ✓ говносельского

КВН

корабль воздушного наблюдения

морск.

Словарь: Словарь сокращений и аббревиатур армии и спецслужб.

Сост. А. А. Щелоков. – М.: ООО «Издательство АСТ», ЗАО «Издательский дом Гелеос», 2003. – 318 с.

КВН

Кенигсон, Варшавский, Николаевский; телевизор этой марки

КВН

котёл высоконапорный

КВН

«Клуб весёлых и находчивых»
телевизионная передача

КВН

Словарь: С. Фадеев. Словарь сокращений современного русского языка.
– С.-Пб.: Политехника, 1997. – 527 с.

КВН

картофелекопатель вибрационный навесной
Словарь: С. Фадеев. Словарь сокращений современного русского языка.
– С.-Пб.: Политехника, 1997. – 527 с.

квн

купил, включил, не работает
марка телевизора – фольклорн.
фольклорн.

КВН ЮНЕСКО

Комитет всемирного наследия ЮНЕСКО
организация

Источник: <http://www.mnr.gov.ru/part/?act=more&id=7034&pid=11>

КВН

каталитический воздухонагреватель
Источник: <http://www.nanonewsnet.ru/news/2011/kolichestvo-portfelnykh-proektov-fonda-posevnykh-investitsii-rvk-velichilos-do-26>

КВН

Кулебаки–Выкса–Навашино
промышленно развитый юго-западный район Нижегородской обл.
Нижегородская обл.

Источник: <http://vykza.ru/2008/10/01/aes.html> [4].

КВН в нашем случае – инициалы Президента ПМР В. Н. Красносельского. Подобное употребление является уничижительным по отношению к должностному лицу, поэтому носит оскорбительный характер, намекая на аббревиатуру общеизвестной юмористической передачи.

Красный и Сельский – прозвища, взятые из фамилии, также являются оскорбительными по отношению к Президенту ПМР В. Н. Красносельскому.

Формы г. сельский. А что обозначает буква г. – догадайся сама.) и говносельского образованы сложением части фамилии и оскорбления говно.

ГОВНО́, -а, ср. (прост. груб.).

1. Экскременты, кал. Не тронь говна не воняет (посл.).

2. То же, что дерьмо (во 2 знач.) (бран.).

• Из говна конфетку сделать сделать что-н. хорошее из негодного материала.

| прил. говённый, -ая, -ое.

Толковый словарь Ожегова. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 1949-1992 [4].

Форма *гни*осельский*, состоящая из оболочки слова *гнило* или *гнидо* и части фамилии Красносельский, содержат оскорбление Президента, по-

скольку манипуляции с фамилией лица и присоединением к нем каких-либо частей, чаще негативного характера, адресны и носят оскорбительный характер.

2. Представленные на экспертизу комментарии пользователей иных учетных записей, размещенные в период времени с 14.12.2022 г. по 15.04.2023 г. под публикациями в публичных группах «Новое Приднестровье», «Вайбер Приднестровье» в социальной сети «Одноклассники», **содержат** оскорбление Президента Приднестровской Молдавской Республики при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением, например:

- Ион Данчу Чонтолой*
красный раньше ходил по рынкам и штрафовал за валюту
Скриншот № 56
- Ион Данчу Чонтолой*
у красного есть два елеватора
Скриншот № 67
- Ион Данчу Чонтолой*
красный пустит в ход
афера века красного
Скриншот № 84
- Михаил Коңуков*
Спасибо скажите президенту ОБЕЩАЛКИНУ

В них пользователем Ион Данчу Чонтолой коверкается фамилия Президента Приднестровской Молдавской Республики В. Н. Красносельского и контекстуально рядом с президентом у *Михаила Коңукова* употреблено приложение *ОБЕЩАЛКИНУ* негативного оскорбительного характера.

обещалкин

сущ., кол-во синонимов: 2

- болтун (132)
- трепло (50)

Словарь синонимов ASIS. В. Н. Тришин. 2013 [4].

В контексте информации, запрашиваемой в постановлении о назначении лингвистической экспертизы, мы используем текст Закона ПМР «О противодействии экстремистской деятельности» (тек. ред. на 07.08.2020 г.) для обозначения опорных понятий [1].

В тексте экспертизы следует различать понятия *прямой призыв*, *косвенный призыв*, *скрытый призыв*.

Раскроем суть данных терминов, опираясь на специальную научно-методическую литературу по лингвистической экспертизе.

Призыв – побуждение слушающего или аудитории к определенному действию или принятию определенной точки зрения, отражающей некоторые идеалы говорящего [2, с. 45-47].

Прямые призывы выражаются через прямое значение составляющих высказывание слов, использование формальных языковых маркеров

168 | призыва. Они требуют от адресата простого понимания смысла высказывания. Языковые маркеры прямого призыва:

- стандартные грамматические формы побуждения – 2 лицо ед. или мн. числа повелительного наклонения: *Беги! Читайте! Рисуйте! Борис, не бойсь! Правительство, дай работу!*
- императив 1 л. мн. ч. – когда призыв предполагает совместное действие: *Догоним и перегоним Америку! Превратим Москву в образцовый коммунистический город!*
- вспомогательный глагол быть в форме 1 л. мн. ч., 2 лица ед. и мн. числа: *Будем людьми! Будем великодушны! Будьте вежливы! Будьте верны присяге! Будьте осторожны!*
- глагол призывать: *Мы призываем всех прийти на Пушкинскую площадь. Я призываю вас к спокойствию!*
- глаголы *даешь! давай, давайте;*
- форма *Долой!*
- слова *пусть, пускай, вон (Вон из России!), да (Содружеству - да!)*
- номинализации (смысловые свертки ситуаций): *Никакой поддержки Временному правительству!* Слово поддержка является номинализацией ситуации «кто-то поддерживает кого-то»
- имена, приобретающие свойства номинализаций: например: *Смерть – Смерть немецким оккупантам! Смерть жидам!*
- фразы, начинающиеся предлогом к: *К делу! К оружию! К барьеру! К ответу! Банду Ельцина к суду!*

Здесь существительные – не номинализации, но семантические свертки, например *оружие* – семантическая свертка конструкции «кто-то берёт оружие и использует его против кого-то».

• инфинитивные предложения в сочетании с императивной интонацией: *Не отступать! Не трусить!*

• именные восклицательные предложения: *Хлеба и зрелищ! Свободу узникам совести!*

• отрицательная частица в сочетании с императивной интонацией: *Ни шагу назад – позади Москва! Не позволим задушить армию! Никакой поддержки Временному правительству!*

• использование модальных глаголов с семантикой долженствования типа *необходимо, следует, требуется, нужно* [4, с. 45-47].

Косвенные призывы – призывы, которые требуют от слушателя или читателя мыслительной реконструкции скрытого смысла высказывания, то есть осуществления определенной мыслительной операции [4, с. 45-47].

Скрытый призыв – это призыв, в котором содержится информация, подстрекающая к каким-либо действиям, направленно формирующая у адресата желание действовать или чувство необходимости действий. Скрытый призыв нередко дает развернутую программу действий, к которым автор подстрекает, т. е. программирует поведение адресата речи, нередко используя методы речевого манипулирования сознанием, воздействия на психику, подсознание читателя или слушателя [2].

Представленные на экспертизу комментарии пользователя учетной записи «Ольга Иванова», размещенные в период времени с 14.12.2022 г. по 15.04.2023 г. под публикациями в публичных группах «Новое Приднестровье», «Вайбер Приднестровье» в социальной сети «Одноклассники», по нашему мнению, **не содержат** каких-либо призывов, в том числе, призывов, направленных на

- на подрыв безопасности Приднестровской Молдавской Республики;
- пропаганду политической или социальной вражды и (или) нетерпимости;
- пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к социальной принадлежности.

Таким образом, Приднестровье – территория, граничащая с Украиной и Республикой Молдова, подвержено негативному пропагандистскому влиянию близлежащих стран, поэтому в лингвистических экспертизах по делам об оскорблении Президента и представителей власти с публичными оскорблениями соседствуют призывы к экстремистской деятельности.

Мы заметили, что за последний год в материалах уменьшилось количество прямых призывов. Админы пабликов, участники групп и сообществ, наученные горьким опытом тех, кто за свои экстремистские высказывания, был наказан по Закону, выстраивают свои высказывания с оглядкой на негативный опыт предшественников.

В рамках судебной лингвистической экспертизы изучаются все виды призывов, но только прямые призывы становятся основой для установления экстремистского характера текстовых материалов.

Литература

1. Закон Приднестровской Молдавской Республики «О противодействии экстремистской деятельности» (тек. ред. на 07.08.2020 г.) (САЗ 07-31) // URL: <http://zakon-pmr.com/DetailDoc.aspx?document=62100> (дата обращения: 21.06.2023).

2. Осадчий М. А. Судебно-лингвистическая параметризация экстремистского призыва / М. А. Осадчий // Russian Journal of Education and Psychology, 2012. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebno-lingvisticheskaya-parametrizatsiya-ekstremistskogo-prizyva> (дата обращения: 21.06.2023).

3. Словари и энциклопедии на Академике. URL: <https://dic.academic.ru/> (дата обращения: 21.06.2023).

4. Стернин И. А., Антонова Л. Г., Карпов Д. Л., Шаманова М. В. Основные понятия лингвокриминалистической экспертизы. Ярославль, 2013. 80 с.

5. Уголовный кодекс Приднестровской Молдавской Республики (тек. ред. на 13.06.2023 г.). URL: <https://www.ulpmr.ru/uploads/ul/books/%D0%A3%D0%9A/uk.pdf> (дата обращения: 21.06.2023).

LINGUISTIC EXPERTISE IN CASES OF INSULTING GOVERNMENT OFFICIALS

Abstract. The article touches upon the issue of insulting a representative of the authorities in the performance of his official duties or in connection with their performance. We give specific examples from our expert practice related to insulting a top official – the President of the PMR.

Keywords: linguistic expertise, insult, appeal.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ И ПРАГМАЛИНГИСТИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРТНЫЙ АНАЛИЗ МЕДИАДИСКУРСА

Аннотация. Статья посвящена медиадискурсу как специфическому объекту психологического экспертного анализа. В качестве примера рассматривается газетный дискурс и проводится анализ стилистической и синтаксической структуры текста современной английской газетной статьи, делаются выводы о влиянии такой структуры на восприятие читателя

Ключевые слова: медиадискурс, стилистические приемы, эвфемизм, паронимы, оксюморон, политический дискурс, персуазивный характер.

Медиадискурс в настоящее время является объектом научных исследований разных наук. То есть, многие ученые обращают свой экспертный взгляд на медиадискурс с целью выявления его особенностей, закономерностей и, как следствие, возможностей влияния на читателей, слушателей и зрителей.

Среди наук, для которых объектом может служить медиадискурс, хочется выделить психологию и психолингвистику [2, с. 520-522].

Медиадискурс сегодня является широким полем общения, в нем нашли свое отражение все последние тенденции и феномены социальной реальности. Так, например, в газетных статьях, сводках новостей сейчас не редко можно увидеть и прочесть такие высказывания, которые еще совсем недавно казались недопустимыми и просто невозможными в официальных источниках информации.

Если ранее язык прессы и других официальных источников считался практически образцом грамотности, примером культуры, культурного поведения и обращения, то сейчас, не редкостью уже стало эмоциональное и несдержанное высказывание, включающее резкие выражения в чей-то личный адрес, нападки, иногда откровенно экстремистского характера [1, с. 21-40].

Для изучения этого явления была рассмотрена статья англоязычной прессы. Статья касается внутренних проблем США и называется «Gun

172 | Lobbyist Warns Gun Owners Could Resort To ‘Bullet Box’ If They Don’t Like Election Results» (*Представитель оружейного лобби предупреждает, что владельцы оружия могут прибегнуть к “ящику с патронами”, если им не понравятся результаты выборов*) [6, с. 1].

В статье речь идет о ситуации в США несколько лет назад. И хотя слова *ящик с патронами* взяты в кавычки, резкости высказывания этот факт не уменьшает. Так звучит название газетной статьи, предназначенной для широкой общественности разного толка, возраста, политических взглядов.

Далее в статье излагается обеспокоенность определенной группы населения страны по поводу назначения нового судьи в Верховный суд США в связи со смертью старого судьи. Назначать должен президент, который конечно же назначит представителя своей партии, а это, в свою очередь, приведет к смене расстановки сил в Верховном Суде США.

С первых же строк статьи звучат угрозы. “Pratt, executive director emeritus of Gun Owners of America, said that if his supporters don’t like the results of the ballot box and how it changes the Supreme Court in the coming years, they could always “resort to the bullet box.” He also warned that “it may not be pretty.”” (*Прайт, почетный исполнительный директор организации «Владельцы оружия Америки», сказал, что если его сторонникам не понравятся результаты голосования и то, как это изменит Верховный суд в ближайшие годы, они могут «прибегнуть к ящику с патронами». Он также предупредил, что «это может получиться и не очень любезно»*). В этом предложении мы видим сразу несколько стилистических приемов, фигур речи. Как известно, подобные речевые структуры используются для того, чтобы впечатлить читателя, слушателя, зрителя. То есть, используются, можно утверждать, скрытые рычаги воздействия на читательскую целевую аудиторию. «*Прибегнуть к ящику с патронами*» – это эвфемизм, заменяющий всем понятные агрессивные и экстремистские выражения. То есть высказаться прямо автор газетной статьи не решился или посчитал преждевременным, но сформулировал мысль достаточно ясно с помощью эвфемизма. Этот факт позволил статье быть изданной в широкой прессе, автора нельзя обвинить в экстремистских высказываниях, и при этом вся агрессивная риторика сохранена, понятна и оказывает воздействие на колеблющихся читателей, которые еще, может быть, не определились со своим собственным мнением по поводу обсуждаемой проблемы.

Еще больше эффект воздействия от этой фразы возникает от использования паронимов в английском языке. Слова *ballot* и *bullet* в английском языке являются корневыми паронимами, то есть они имеют разные корни, а их внешнее сходство является чисто случайным. *Ballot* – это по-русски голосование, и, соответственно, *ballot box* – урна для голосования. *Bullet* – это пуля, и *bullet box* – коробка с пулями, коробка с патронами. Внешнее сходство этих паронимов и словосочетаний с ними проявляется не только на письме, что видно читателю, но и фонетически при произнесении или чтении вслух, что, в свою очередь, будет восприниматься слушателем.

Таким образом, эффект одного этого предложения довольно сильный и впечатляющий. Воздействие получается почти на подсознательном уровне. У непосвященного читателя или слушателя может возникнуть ощущение, что пишущий или говорящий это обладает силой, уверенностью в своей правоте, знанием, как оно все должно быть. Звучит мощная и уверенная риторика.

Все вышеописанное – это первые 6 строчек газетной статьи, в которой журналист подробно рассказывает о причинах и обстоятельствах, когда и где прозвучали эти слова.

После этого автор статьи переходит к описанию событий в преддверии тех самых выборов. Описываются беседы и интервью во время телепередач. Это беседы с представителями таких организаций, как например, “the ultra-conservative American Civil Rights Union” (*ультраконсервативный Американский Союз Защиты Гражданских прав*). Беседа ведется на тему о возможном ограничении или запрете на ношение оружия, если возможно избранный президент-демократ назначит такого судью в Верховный Суд, который будет ограничивать права граждан США на ношение оружия. Тема возникла в связи с участвовавшими случаями стрельбы в школах, магазинах и других общественных местах в США. Этой проблеме в целом и посвящена газетная статья. Но право на ношение оружия закреплено в конституции, а именно, во Второй поправке к Конституции США. Большинство жителей США воспитаны в вере в Американскую Конституцию, как основу общества и правопорядка, и любое “покушательство” на нее воспринимается как посягательство на личные права граждан, на личную свободу, на жизненные ценности всех граждан. Поэтому высказывание представителя Американского Союза Защиты Гражданских прав: “I think the Second Amendment would be in great peril if that happens” (*Я думаю, Вторая поправка была бы в большой опасности, если это случится*), звучит в американском обществе как призыв к активным действиям. Подобное происходит на страницах центральных газет, которые читают, как образованные и взвешенные люди, так и молодежь, и даже подростки, и люди далекие от политики и общественных интересов, но все они при словах «Конституция в большой опасности» не останутся равнодушными. А как это неравнодушие проявит себя и где, и к кому прислушаются эти люди, можно только предполагать.

Далее автор статьи почти прямо говорит о словах Пратта: “That’s when Pratt implied that gun owners could resort to violence” (*И вот именно тогда Пратт высказался, подразумевая, что владельцы оружия могут прибегнуть к оружию*). Автор смягчает жесткую риторику Пратта словом “implied” (*подразумевал*). Раз подразумевал, а не говорил, то всегда можно сказать, что имелось в виду не то, что поняли вы ... И юридически бывает не просто обосновать обвинение за то, что не было произнесено буквально [4, с. 2-5].

Затем в статье приводится отрывок интервью самого Пратта: “...And we may have to reassert that proper constitutional balance, and it may not be

174 | pretty. So, I'd much rather have an election where we solve this matter at the ballot box than have to resort to the bullet box.” («... И нам, возможно, придется восстановить этот надлежащий конституционный баланс, это может получиться не очень любезно. Так что я бы предпочел провести выборы, на которых мы решим этот вопрос с помощью избирательной урны, а не прибегать к ящику с патронами».) Журналист второй раз в одной статье повторяет фразу с сильным экстремистским подтекстом. Эффект воздействия усилен и повторением высказывания, и лингвистическими приемами, заключенными в нем.

В заключении статьи упоминается ряд организаций, которые сам автор считает экстремистскими. И приводится высказывание Пратта, сделанное им ранее. “In the past, he has warned that politicians should have a “healthy fear” of being shot”. («В прошлом он предупреждал, что у политиков должен быть «здоровый страх» быть застреленными».) Статья, наполненная жёстким и экстремистским содержанием, завершается откровенным запугиванием. Кроме прямого высказывания “being shot” (быть застреленным), можно увидеть оксюморон “healthy fear” (здоровый страх), который, как и все стилистические приемы, используется для привлечения внимания, для того, чтобы читателю и слушателю понравилось то, что он читает или слушает.

Следует отметить, что приведенный выше психологический и психолингвистический анализ современного газетного текста показывает, что статья, посвященная проблеме правоохранительного характера, носит явный политический характер. И все характеристики политического дискурса прослеживаются в рассмотренном примере.

Цель политического дискурса – влиять на восприятие информации людьми языковыми средствами. В анализируемой статье присутствует определенное количество лингвистических техник, которые несут персуазивный характер [3, с. 208-209]:

- 1) использование имплицатуры [5, с. 20-40]. В приведенном выше примере статьи можно многократно увидеть, что информация присутствует в тексте в скрытом виде и явно не выражается. Читатель сам делает вывод, что имелось в виду. При этом читателя «подводят» именно к такому восприятию, которого добивается автор текста;
- 2) использование «политкорректности». В тексте нет ни одного прямого неуважительного высказывания, названия или характеристики. Все люди представлены полными именами с наименованиями их должностей, званий и т. д. Названия упомянутых организаций даны в полном формате в соответствии с их регистрационными наименованиями: Gun Owners News Hour radio show (радио шоу «Час новостей владельцев оружия»), the National Rifle Association (Национальная Стрелковая Ассоциация), the Southern Poverty Law Center (Южный Правовой Центр по борьбе с бедностью). Самые радикальные высказывания, описанные выше, имеют

своих авторов, выражены в прямой речи, т. е. редакция журнала и сам журналист дистанцируются от всего этого, хотя и пишут, и публикуют подобные статьи;

- 3) использование фигурального языка. Это означает – стилистических приемов. Мы видим эвфемизм, паронимы и оксюморон. При этом, что свойственно политическому дискурсу, названные стилистические приемы в данном тексте, являются простыми, избитыми и, можно сказать, банальными. Это свойство политического дискурса имеет место для того, чтобы любому читателю, слушателю или зрителю не требовалось много времени для понимания.

Таким образом, можно сделать вывод, что современный западный медиадискурс может носить политическую окраску даже там, где она могла бы/должна бы и не присутствовать. В нем широко используется широкий спектр фигур языка лексического, синтаксического и фонетического характера. При этом в видимом аспекте соблюдаются параметры политкорректности.

Литература

1. Гришечко Е. Г. Коммуникативная стратегия вежливости в современном английском языке: разноуровневые средства реализации. М.: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2021. 189 с.

2. Мадинян Е. И. Лексико-семантическое поле «движение вперед» в англоязычном деловом дискурсе / Е. И. Мадинян // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 2021. Т. 40. № 4. С. 520-533.

3. Романова И. Д. Когнитивные модели убеждения как основа механизма персуазивного воздействия в исследовании институционального дискурса (на материале английского языка) / И. Д. Романова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки, 2020. № 11(840). С. 207-216.

4. Benotti L., Blackburn P. Conversational Implicatures [Electronic resource]. URL: <https://www2.compute.dtu.dk/~tobo/mhj-workshop/BenottieBlackburn.pdf> (date of access: 30.05.2023).

5. Grice Paul. Logic and Conversation. In Studies in the Way of Words. Cambridge, MA: Harvard University Press. 1989. P. 22-40

6. Mazza Ed. Gun Lobbyist Warns Gun Owners Could Resort To ‘Bullet Box’ If They Don’t Like Election Results / Ed Mazza // Husspost. URL: https://www.huffpost.com/entry/larry-pratt-bullet-box-supreme-court_n_574f934ee4b0ed593f134663 (date of access: 30.05.2023)

PSYCHOLOGICAL AND PRAGMALINGUISTIC EXPERT ANALYSIS OF MEDIA DISCOURSE

Abstract. The article is devoted to media discourse as a specific object of psychological expert analysis. As an example, newspaper discourse is studied and an analysis of the stylistic and syntactic structure of the text of a modern English newspaper article is carried out, conclusions are drawn about the influence of such a structure on the reader's perception

Keywords: media discourse, stylistic devices, euphemism, paronyms, oxymoron, political discourse, persuasive character.

ЭТИКА И ЭСТЕТИКА ОБРАЩЕНИЯ В МЕДИАДИСКУРСЕ

Аннотация. Обращение справедливо считается важнейшей категорией в системе этикетных форм. В статье на материале современных медиа рассматриваются случаи корректных/некорректных обращений, устанавливается соответствие медийных обращений этико-лингвистическим нормам.

Ключевые слова: этико-лингвистические нормы, медиадискурс, этикет, этикетное обращение.

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОНРЮО в рамках научного проекта № 21-512-07001.

Этикетные нормы, с одной стороны, соответствуют традициям, а с другой – подвержены изменениям, особенно динамичным в эпоху новых информационных технологий, ср.: «Для современного участника интернет-коммуникации необходимы как традиционные этикетные правила (корректное обращение к собеседнику, демонстрация настроенности на позитивный диалог), так и понимание того, что в Сети создаются и закрепляются новые этические нормы. Например, если собеседник пишет «ок» и ставит после сообщения точку, многие участники интернет-коммуникации воспринимают это как агрессию» [3, с. 519].

Проблема корректного обращения остро обозначилась в отечественной лингвокультуре в постперестроечный период. «Целое поколение выросло в обществе, где к незнакомому человеку вежливее всего обратиться с помощью слов «извините» или «простите» [4, с. 108], поскольку советское «товарищ» ушло в прошлое, а ничего общепринятого взамен не появилось. И. Паневина даже считает, что «отсутствие общепринятого этикетного обращения не может не сказываться на самосознании человека» [4, с. 108]. Во всяком случае, невозможность нейтрального, подходящего для всех случаев коммуникации обращения, конечно, ощущается как некий языковой дефект.

Множественно было отмечено, что обращения «по половому признаку» – мужчина, женщина не соответствуют этико-лингвистическим нормам именно потому, что из всех ипостасей человека выбирается именно пол. Более того, слова *мужчина*, *женщина* в качестве когерентного средства в тексте также производят впечатление «дурного стиля», ср.:

...мировым судьей Шахтинского судебного участка № 4 стала Марина Захарова. **Женщина** имеет высшее юридическое образование (Московский комсомолец-на Дону 25-31 января 2023 г.).

Интересно, что после распада СССР в язык буквально хлынули реарханизированные элементы – слова, называющие реалии дореволюционной России, дворянского быта – *бомонд*, *журфикс*, *пати* и под. А вот возврата к дореволюционной системе обращений не произошло. Оказалось, что все варианты прежних форм прагматически маркированы и именно поэтому не подходят для нейтрального обращения. Семантика, прагматика и даже внутренняя форма слова *господин* отчетливо связаны с представлениями о социальной иерархии, о господстве; слову *мадам* присущ очевидный иронический оттенок – можно сказать, что это не ситуативный, а системный иронизм в современной коммуникации, ср.:

Давеча мадам Голикова, выступая на форуме «Моя поликлиника», сообщила, что в России за первые десять месяцев 2022 года смертность снизилась на 19 % (В. Лысаков «Неужели смертность и впрямь падает?» // Собеседник, 2022, № 48. С. 5).

Интересно, что и слово *товарищ* в современных медиа может использоваться как иронизм, ср.:

*На потенциально взрывоопасную тему пресса закатила глаза: подумай, тоже мне большое дело. **Товарищ** Байден ничего не знал, он сотрудничает со следствием...*

*Альянс готов их принять... Но уперся **товарищ** Эрдоган, уперно гнуций линию топорной многовекторности и нехитрой хитрости (К. Зайцев «Гараж-гейт» // Завтра, 2023, № 2. С. 2.)*

Есть мнение, что заметно движение слова *господин* в сторону нейтрального обращения, не связанного с представлениями о сословных различиях [1, с. 108], однако ни о каком широком распространении этой этикетной формы речи не идет. По-прежнему справедливо утверждение о том, что в соединении с наименованиями не самых престижных профессий слово *господин* может восприниматься не просто как неуместное, но даже оскорбительное. Между тем, «ответственность говорящего как его предвидение последствий собственного речевого поведения состоит в правильном выборе обращения к собеседнику» [6, с. 155]. Ср. также: «...переводя на русский язык привычные им слова, иностранцы находят обращение «господин» и пытаются применить его в повседневной жизни, что производит иногда комический эффект» [5, с. 204].

Как известно, центральная во всей этикетной сфере категория обращения выполняет множество функций – апеллятивную, фатическую, аксиологическую (экспрессивную и оценочную). Особая трудность связана именно с аксиологией онимов в качестве обращений. Внедряемое в медиа (телевизионных ток-шоу и т. п.) обращение без традиционного русского отчества вызывает неоднозначную оценку. Когда тридцатилетний Юрий Дудь берет интервью у семидесятилетнего Эдуарда Лимонова и обращается по имени – Эдуард, создается впечатление неуважительности,

амикошонства. Характерно, что такое обращение коррелирует с хамскими вопросами, из-за которых писатель сказал Дудю, что тот дерзкий, плохо воспитанный, что вообще ему надо дать по физиономии.

Еще хуже, если интервьюер никак не называет собеседника, а роль обращения выполняет инфинитив *слушайте*, что типично для передачи «Чай с Захаром» на телеканале Царьград. Захар Прилепин строит свои интервью с известными людьми (все они преклонного возраста) таким образом:

Слушайте, ну вот о художественной интеллигенции мы отдельно поговорим... Есть ли у вас ощущение, что среди властных элит есть такие же настроения, или это не так? Слушайте, ну вот какое десятилетие вам вспоминается как лучшее? Ну, слушайте, но с одной стороны да, а с другой стороны садиться в электричку и там-то крутят... (Чай с Захаром. Интервью с кинорежиссером Станиславом Говорухиным 2017 г., телеканал Царьград). То же в интервью с Владимиром Меньшовым 2017 года: *Слушайте, а кто вообще за этим стоит? Слушайте, ну вот «мстительная» слово важное, но я стал вспоминать... Слушайте, ну вот у нас с вами оппоненты сейчас схватятся и скажут ...* Один раз Прилепин после *слушайте* сказал все-таки *Владимир Валентинович*.

Удивительно, что талантливый писатель и ведущий телепередачи о русском языке на НТВ не чувствует, что нарушает нормы этикетного общения в публичной сфере. Вообще этикетные формулы строятся по иконическому принципу: чем вежливее и уважительнее общение, тем более протяженными линейно оказываются обращения (*глубокоуважаемый господин президент* и под.). Естественно, верно и обратное: чем короче обращение, тем оно менее уважительно. Давно известно, что просто сказать «Здравствуйте» знакомому человеку, который старше по возрасту или выше по социальной иерархии, и не присовокупить имя-отчество – это невежливо. Оправданием могут быть только какие-то особые обстоятельства, каких очевидно нет в ситуации интервью.

Нормы этикета – эта сфера «фоновых» знаний, того, что характеризует лингвокультуру в целом. В этикетной ситуации важную роль играет социальный статус, возраст коммуникантов. То, что уместно в дружеском общении сверстников, неприемлемо в публичной коммуникации с элитой отечественной культуры. И когда появляются грубые нарушения этикетных норм (как в приведенных случаях интервью в программе «Чай с Захаром»), это может быть расценено как проявление некой тенденции в коммуникативном поведении, имеющей своим истоком новые поведенческие стереотипы, ср.: «Особая направленность на себя, которая проявляется в индивидуализме, культе публичности и саморекламы, противопоставлении своего мнения мнению окружающих, во многом определила свободу как главную поведенческую ценность новой генерации в реальном и виртуальном пространствах его бытия» [2, с. 21]. Эта «свобода» и порождает этикетные ошибки, которые очень заметны, «режут слух».

Думаем, что следование русской традиции обращения по имени-отчеству должно стать приоритетным. Ср.:

Что показательно, Марк Анатольевич всех называл по имени-отчеству. От новой юной актрисы до маститых и заслуженных (Интервью с актрисой Анастасией Марчук «Янковский был душой Ленкома» // Аргументы недели, 2023, № 4. С. 14).

Характерно, что иностранные студенты в российских вузах поначалу обращаются не по имени-отчеству, а с помощью слов *профессор* и даже *преподаватель*, что совершенно неприемлемо.

Онимы в качестве обращений – это особая сфера, где в высшей степени значимы прагматические нюансы. В статье посвященной 95-летию Михаила Ульянова журналист написал, что *в памяти народной он остался артистом-героем с фамилией вождя. Представить, что его когда-то звали Мишей, невозможно, потому что невозможно вообще* (Д. Горелов «Каменный гость. К 95-летию со дня рождения Михаила Ульянова» // Литературная газета, 2022, № 46. С. 27). То есть, различие полного и сокращенного имени в высшей степени значимо.

Для создания коммуникативного комфорта необходимо сохранять традиционный русский речевой этикет, важным атрибутом которого является и система обращений.

Литература

1. Лобанов И. Б. Говорим правильно по-русски: речевой этикет. Ростов-Дону: Феникс, 2013. 191 с.
2. Мамина Р. И., Почебут С. Н. Цифровой этикет и его специфика: философско-методологический аспект / Р. И. Мамина, С. Н. Почебут // ДИСКУРС. 2021 Т. 7. № 2. С. 16-27.
3. Николаева А. В. Цифровой этикет: правила общения в сети / А. В. Николаева // Журналистика в 2022 году: творчество, профессия, индустрия: сб. мат. междунар. науч.-практ. конф. М.: Фак. журн. МГУ, 2023. С. 519-520.
4. Паневина И. Этикетное обращение в современной России: социально-этический аспект / И. Паневина // Филология и культура. 2021, № 4(66). С. 106-110.
5. Фадеева М. В. К вопросу обучения речевому этикету иностранных военнослужащих / М. В. Фадеева // Русский язык как иностранный. Современные подходы и технологии. Сборник материалов Межвузовской научно-практической конференции 11 сентября 2020 г. СПб: ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия», 2020. С. 201-205.
6. Юй И. Формы русского речевого этикета в свете этики ответственности / И. Юй // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2017. № 2. С. 150-159.

ETHICS AND AESTHETICS OF APPEAL IN THE MEDIA DISCOURSE

Abstract. Appeal is rightly considered the most important category in the system of etiquette forms. The article deals with correct/incorrect appeals based on the material of modern media, determines the compliance of media appeals with ethical and linguistic standards.

Keywords: ethical and linguistic standards, media discourse, etiquette, appeal.

Acknowledgements: the reported study was funded by RFBR and MESRSO, project number № 21-512-07001.

А. В. Лаптева

nastyu.90@bk.ru

*кандидат психологических наук, старший государственный
судебный эксперт ФБУ Северо-Западный региональный центр
судебной экспертизы Минюста России
Санкт-Петербург, Россия*

О. А. Раскина

melitt@yandex.ru

*кандидат филологических наук,
старший государственный судебный эксперт ФБУ Северо-Западный
региональный центр судебной экспертизы Минюста России
Санкт-Петербург, Россия*

Т. Н. Свирава

timsvir@mail.ru

*начальник отдела психологических, автороведческих, лингвистических
экспертиз и криминалистических экспертиз видео- и звукозаписей,
ведущий государственный судебный эксперт ФБУ Северо-Западный
региональный центр судебной экспертизы Минюста России
Санкт-Петербург, Россия*

ИССЛЕДОВАНИЕ МАТЕРИАЛА С ПРОВОКАЦИОННЫМ ЗАГОЛОВКОМ НА ПРЕДМЕТ НАЛИЧИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ ПРОПАГАНДЫ И ПОБУЖДЕНИЯ К УПОТРЕБЛЕНИЮ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ (ЭКСПЕРТНЫЙ СЛУЧАЙ)

Аннотация. В статье содержится краткий анализ теории медиатекста, определена актуальность исследования медиатекста в рамках судебной комплексной психолого-лингвистической экспертизы, представлен экспертный случай с ходом исследования.

Ключевые слова: медиатекст, комплексная психолого-лингвистическая экспертиза, экспертный случай, пропаганда наркотических средств, кликбейт, амбивалентная оценка, двойной (формальный/актуальный) предмет речи.

В настоящее время невозможно представить жизнь без современных средств коммуникации, в особенности без Интернета, хотя телевидение и радио также остаются востребованными. Все эти средства относятся к основным СМИ. В соответствии с законом о «О средствах массовой информации» СМИ определяется как «периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием)» [4].

Современная медиасфера развивается активным образом и не только служит способом получения информации, но и выполняет коммуникативную функцию. Так, СМИ и ее основной продукт – медиатекст обретают особое значение в жизни общества. По мнению немецкого социолога Никласа Лумана, современные реалии сегодня конструируются именно СМИ, и почти все наши знания о мире мы получаем из средств массовой информации [12]. Одним из ключевых вопросов является определение «медиатекста». Например, в работах Г. Я. Солганика медиатекст является «разновидностью текста, принадлежащего массовой информации, характеризующийся особым типом автора (принципиальное совпадение производителя речи и ее субъекта), специфической текстовой модальностью (открытая речь, многообразное проявление авторского «Я»), рассчитанный на массовую аудиторию» [9, с. 14]. Так термин «медиатекст» является родовым по отношению к ряду традиционных и новых обозначений: журналистский текст, публицистический текст, рекламный текст, телевизионный текст, Интернет-текст, радиопередача, специальный репортаж. Медиатекст «рассматривается как феномен информационной культуры, как полифонический коммуникативный продукт речевой деятельности журналиста» [6, с. 6-7] и является дискретной единицей медиапотока. Ввиду этого исследование медиатекста необходимо строить с учетом повышенного интереса к невербальным средствам коммуникации или, по определению М. Б. Ворошиловой, «визуальной информации» [1, с. 181]. Так, медиатекст в большинстве случаев представляет собой креолизованный текст, содержание которого складывается из совокупности вербального и невербального компонентов. В широкое употребление данный термин был введен Т. Г. Добросклонской, и является базовой категорией медиалингвистики. Медиалингвистика выступает отдельной наукой, «предметом которой является изучение функционирования языка в сфере массовой коммуникации» [2, с. 34]. Соответственно, в центре изучения находятся два главных понятия: медиадискурс и медиатекст как основные формы языка СМИ [11, с. 48].

Поскольку медиатекст рассматривается как объёмное и многоуровневое явление, он обладает устойчивой системой параметров, позволяющих более точно описать его с различных сторон. Данная система включает в себя следующие параметры: способ производства текста (индивидуальный автор или коллегия), форма создания и воспроизведения (устная или письменная), канал распространения (телевидение, Интернет, радио

184 | и т. д.), функционально-жанровый тип текста (новости, пост, реклама, комментарий), тематическая доминанта или принадлежность к медиатопику [3, с. 30]. Важно отметить, что для теории медиатекста значимым является не только его верное восприятие, но и общий фон знаний – коммуникативный фон. Под коммуникативным фоном понимается «совокупность условий и особенностей производства, распространения и восприятия медиатекста, иначе говоря, всего того, что стоит за его словесной частью» [3, с. 33]. Так, медиатекст – «новый коммуникационный продукт», «коммуникационный конгломерат», особенность которого заключается в том, что он может быть включен в разные медийные структуры (вербального, визуального, звучащего, мультимедийного планов) и в разные медийные обстоятельства (периодическая печать, радио, телевидение, Интернет, мобильная и спутниковая связь) [5, с. 10].

На данном этапе накоплена достаточно большая теоретическая база по медиатексту, проводятся различные практические исследования, однако общепринятая классификация медиатекстов отсутствует, так как не найдено единое основание, в зависимости от которого можно было бы выделить группы и подгруппы медиатекстов; в теории представлены многочисленные классификации. Так, медиатексты можно разделить с помощью классических моделей коммуникации: модель американского политолога Г. Лассуэлла (коммуникатор, сообщение, канал распространения, реципиент, эффект); модель коммуникативного акта Р. О. Якобсона (адресант, сообщение/послание, адресат, контекст, контакт, код). Данные составляющие моделей коммуникации гармонично соотносятся с функциональным представлением массмедийного продукта, который описан в социологии журналистики, где адресант – «издатель», «журналист»; сообщение – «текст»; адресат – «аудитория»; контекст – «социальные институты», «действительность»; контакт – «канал»; код – «язык» и другие семиотические системы [10, с. 100]. В работах Т. Г. Добросклонской классификация учитывает технологические и лингвоформатные особенности текста, такие как способ производства текста, институциональный тип текста, форма создания и воспроизведения, канал распространения, функционально-жанровый тип, тематическая доминанта [12]. Медиатексты представляют собой междисциплинарный объект, ввиду этого для его изучения используются все методы текстовой обработки, в особенности самые распространённые: метод контент-анализа; метод дискурсивного анализа с целью изучения способа создания текста, его распространения и восприятия; группа лингвистических методов; методы историко-культурологического и культурно-сопоставительного характера [12, с. 34].

Медиатекст является актуальным объектом в рамках как судебной лингвистической, так и комплексной психолого-лингвистической экспертизы. Данные экспертизы имеют большое значение для решения вопросов и проблем в современном обществе. Тексты являются традиционными

объектами исследования в рамках судебной лингвистической экспертизы. Однако в настоящее время комплексный подход к исследованию медиатекстов является приоритетным, поскольку изучение общего объекта (речевой деятельности) позволяет исследовать его полно и всесторонне. В связи с массовой цифровизацией населения, появлением новых коммуникационных технологий и практик, появились и новые объекты, например, креолизованные или поликодовые тексты, содержащие вербальную и невербальную компоненты; объекты, не имеющие вербальной составляющей (изображения), сложные комбинированные объекты. Помимо собственно текстов (книг, статей, обращений), в круг объектов вошли многообразные материалы интернет-коммуникации (медиатексты и тексты электронной коммуникации), в числе которых фонограммы и видефонограммы. Актуальность данного подхода, реализуемого в рамках комплексных психолого-лингвистических экспертиз, позволяет исследовать две важные составляющие: содержание (лингвистическая часть) и направленность (психологическая часть).

Судебные экспертизы с привлечением психологических знаний проводятся в России с начала 70-х годов XX века. В настоящее время исследование медиатекстов в судебно-экспертных учреждениях Минюста России преимущественно осуществляется в рамках новой специальности по исследованию информационных материалов (20.2 Психологическое исследование информационных материалов). Развитию данного направления способствовало принятие Федерального закона от 29.12.2010 № 436 ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», а в дальнейшем – появление новых способов совершения преступлений, предусмотренных ст. 135 УК РФ, новых видов преступной деятельности, таких как склонение и побуждение к самоубийству [8, с. 15]. Объектом изучения в рамках данной специальности является информационный материал как продукт коммуникативной деятельности и поведения человека, предметом: особенности материала, имеющие юридическое значение: содержание, отраженные коммуникативные цели и установки автора, направленность (формируемые социальные представления, эмоционально-смысловое отношение, социальные установки и др.), план выражения (средства психологического воздействия). Методами исследования являются: мотивационно-целевой анализ коммуникативной деятельности, построение психологической модели коммуникации, анализ приемов речевого и психологического воздействия, герменевтический метод, феноменологический метод [7, с. 35].

Для производства комплексной судебной психолого-лингвистической экспертизы по материалам дела об административном правонарушении по признакам ст. 6.13 КоАП РФ (Пропаганда наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, и их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, новых потенциально

186 | опасных психоактивных веществ) поступил медиатекст, а именно статья, размещенная в Интернет-издании под заголовком *«Как все устроено. Химический секс»* и подзаголовком *«Монолог гея, заразившегося ВИЧ во время химсекса, о том, почему он продолжает его практиковать»*. Перед экспертами ставились следующие задачи: определение смыслового содержания, определение направленности текста и выявление наличия/отсутствия совокупности лингвистических и психологических признаков пропаганды наркотических средств и побуждения к употреблению наркотических средств.

Исследуемый текст был снабжен рисунками – стилизованными изображениями обнаженных людей, а также содержал маркеры возрастного ограничения: помету «18+» и сообщение *«материал не предназначен для несовершеннолетних»*. Материал состоял из нескольких разделов, обозначенных тезисно: *«Где и как знакомятся для химсекса»*, *«ВИЧ»*, *«Лечение»*, *«Не все геи такие»*, *«Должны ли мы предупреждать каждого партнера о своем статусе?»*.

Статья знакомит адресата с явлением «химсекс», которое описано как занятие однополым сексом со случайными партнерами, сопряженное с употреблением химических веществ («наркотиков», «мефедрона», «бутирата») и заражением ВИЧ. Тематика ВИЧ является центральной, несмотря на заявленную в заголовке проблематику «однополого секса под веществами». Во-первых, данная тематика более разработана в сравнении с тематикой «химсекса»: тематика «химсекса» насчитывает несколько тем, которые можно условно определить как «описание явления», «эффекты химсекса», «где и как знакомятся для химсекса», «препараты для химсекса». Тематике «ВИЧ» посвящено 8 тем: «история заражения», «анализ на ВИЧ», «терапия и контроль», «ВИЧ статус», «способы профилактики, в том числе препараты доконтактной профилактики», «ВИЧ и сексуальные отношения», «жизнь с ВИЧ», «ВИЧ в Европе и в России».

Во-вторых, как было установлено в ходе определения смыслового содержания текста, заголовки *«Как все устроено. Химический секс»* не охватывает в полной мере сложности общего смысла статьи, что подтверждает фоновый характер темы «химсекса».

Доминант ВИЧ-тематики определяет «химсекс» в качестве сенсационной проблемы – броского заголовка по типу кликбейт, в контексте которой внимание читателя привлекается к существующим на сегодняшний день знаниям о передаче, профилактике, терапии и контроле ВИЧ-инфекции. Данные знания представлены актуальными для широкого круга читателей (гетеропартнеров, тех, кто входит и не входит в группу риска по заражению ВИЧ).

Проблема освещается с точки зрения различных повествователей: автора текста, героя, получившего заражение ВИЧ в результате занятия сексом под веществами, и эксперта в области современной медикаментозной ВИЧ-терапии – координатора некоммерческой благотворительной организации. История личного опыта и повествование

от первого лица камуфлируют более широкий предмет речи (проблема ВИЧ: профилактика и терапия), а исследуемая статья приобретает информационно-просветительский уклон.

Таким образом, представленная на исследование статья имеет двойной предмет речи: формальный, заявленный в заголовке («химсекс»), и актуальный (проблема ВИЧ: профилактика и терапия). Многоголосие «повествователей» предлагает разноплановое освещение предмета речи и формирует у адресата аналитический подход к принятию сообщаемой информации. Аналитический подход имеет особую актуальность ввиду амбивалентной оценки предмета речи. Негативные характеристики представляют «химсекс» как глобальную проблему, связанную с общественным осуждением, как вредоносное явление, вызывающее зависимость, нарушение здоровья, а также как канал передачи болезней, в особенности ВИЧ. Имеющиеся в тексте положительные характеристики «химсекса» представлены либо в контексте поиска причин явления как такового, либо как частное мнение героя статьи. Кроме того, в тексте выражено однозначное побуждение для широкого адресата не принимать «мефедрон», т. е. не солидаризироваться с точкой зрения героя статьи и расценивать его опыт как негативный и нежелательный для повторения (*«Мой совет: если вы не пробовали меф, то никогда не пробуйте, забудьте однозначно. Абсолютно искренне говорю. Потому что меф — это сильнейший наркотик, с которого невозможно слезть»*). Вместе с тем сообщается, что принадлежность человека к гей-сообществу не указывает на его обязательную солидаризацию с мнением героя статьи (*«не все геи такие»*). Выявленные в тексте смыслы не реализуют компонент «убеждение» (т. е. побуждение к изменению мнения о наркотических веществах в сторону положительного).

В тексте статьи выявлены императивные конструкции, выражения и пресуппозиции, в семантике которых также имеется компонент «побуждение»/«убеждение» к тому, чтобы **не** употреблять наркотические средства (*«мефедрон»*). Сообщение *«Мой совет: если вы не пробовали меф, то никогда не пробуйте, забудьте однозначно»* дублируется в виде отдельной выноски шрифтом более крупного размера, чем основной текст. Данная особенность является свойством авторской верстки текста и маркирует сообщение как актуальное.

В представленном тексте реализованы следующие речевые цели: «сообщение разноаспектной информации о химсексе», «сообщение информации о ВИЧ», которые могут быть эксплицированы посредством семантической формулы: *я сообщаю разноаспектную информацию о химсексе и информацию о ВИЧ для того, чтобы адресат принял это к сведению*. Амбивалентность оценок с однозначной экспликацией побуждения **не** употреблять наркотики («мефедрон») обусловили отсутствие объективной выраженности специальных признаков пропаганды и побуждения к употреблению наркотических веществ.

Таким образом, представленный на исследование медиатекст явил собой любопытный случай контрастных отношений заголовка и содержания; описанный контраст выступает средством привлечения внимания широкого адресата к актуальной информации, касающейся половой безопасности и современных методов ВИЧ-терапии.

Литература

1. Ворошилова М. Б. Креолизованный текст: аспекты изучения / М. Б. Ворошилова // Политическая лингвистика. Вып. 20. Екатеринбург, 2006. С. 180-189.
2. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (Современная английская медиаречь): учеб. Пособие. М.: Наука, 2008. 264 с.
3. Добросклонская Т. Г. Медиатекст: теория и методы изучения / Т. Г. Добросклонская // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2005. № 2. С. 28-35.
4. Закон РФ от 27.12.1991 N 2124-1 (ред. от 18.04.2018) «О средствах массовой информации».
5. Засурский Я. Н. Медиатекст в контексте конвергенции / Я. Н. Засурский // Язык современной публицистики. М., 2007. С. 7-12.
6. Лисицкая Л. Г. Прагматическая адекватность медиатекста в аспекте культуры речи. Армавир: АГПУ, 2009. 160 с.
7. Секераж Т. Н. Методологические принципы исследования информационных материалов в судебной психологической экспертизе / Т. Н. Секераж // Теория и практика судебной экспертизы. 2021. № 16(4). С. 26-39.
8. Секераж Т. Н. Судебная психологическая экспертиза информационных материалов: теория и практика: монография. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2021. 406 с.
9. Солганик Г. Я. К определению понятий «текст» и «медиатекст» / Г. Я. Солганик // Вестник Моск. Ун-та. Серия 10: «Журналистика». 2005. № 2. С. 7-15.
10. Социология журналистики: учебное пособие для студентов вузов. М., 2004.
11. Уварова Е. А. Медиатекст и медиадискурс: к проблеме соотношения понятий / Е. А. Уварова // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2015. № 5. С. 47-54.
12. Фаткуллина Ф. Г., Хабилов Р. Р. Медиатекст в современном коммуникативном пространстве [Электронный ресурс] / Ф. Г. Фаткуллина, Р. Р. Хабилов // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18258> (дата обращения: 22.05.2023).

INVESTIGATION OF THE TEXT WITH A PROVOCATIVE HEADING IN SEARCH OF SPECIAL SIGNS OF PROPAGANDA AND INCITEMENT TO THE USE OF NARCOTIC DRUGS (EXPERT CASE)

Annotation. The article contains a short summary of the theory of mediatext, it identifies the relevance of the study of the phenomenon within the framework of forensic complex psychological and linguistic expertise and gives a brief review of the corresponding expert case.

Keywords: mediatext, complex psychological and linguistic expertise, expert case, propaganda of narcotic drugs, clickbait, ambivalent assessment, double (formal/actual) subject of speech.

ДЕЗИНФОРМАЦИЯ КАК ОРУЖИЕ МАССОВОГО ПОРАЖЕНИЯ: ПРОБЛЕМА ДИАГНОСТИКИ

Аннотация. Проанализированы научные подходы к вопросам диагностики медийного контента, имеющего признаки дезинформации; обозначены особенности объекта диагностики; с учетом профессиональных компетенций систематизированы маркеры дезинформационного контента.

Ключевые слова: дезинформация; фейки; фейковые новости; fake news; информационная война; военные фейки.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы. С наступлением эры «постправды» (post-truth) человечество столкнулось с глобальной проблемой: широкое распространение недостоверной информации в медийном пространстве носит деструктивный характер, имеет остро негативные социальные последствия. Сегодня уже не подлежит сомнению, что дезинформация – это новая «болезнь» XXI века и новое оружие массового поражения.

Масштабы инфодемии пугают. Генеральный директор АНО «Диалог» и АНО «Диалог Регионы» В. Табак, опираясь на результаты работы фактчекинговой платформы «Лапша медиа», обратил внимание на следующую тенденцию: «В 2022 году количество фейковой информации выросло в шесть раз по сравнению с прошлым годом. Учтывая, что 2021 год был годом коронавируса, который стал стартом распространения фейковой информации, рост произошел с 1,5 млн до 9 млн. Рост драматический, мы <...> прогнозируем еще большее увеличение в течение следующих двух лет количества фейков» (Количество фейков в сети в 2022 году выросло в шесть раз // ТАСС. 2022. 20 декабря).

В войнах нового поколения дезинформация является обязательной составляющей. Это новое оружие массового поражения, защиты от которого пока человечество не придумало. Проблема обострилась и обнажила новые грани в период специальной военной операции (СВО) на Украине. С первых ее дней на мировое сообщество обрушилась лавина дезинформации и фейков. Фактически были сконструированы две полярные информационные реальности. Дезинформация распространялась с феноменальной скоростью, вызывая тревожные настроения и панику.

Мощные информационные атаки были направлены на российское общество. В начале марта руководитель «Лиги безопасного интернета» Е. Мизулина заявила, что с 18 февраля в русскоязычном сегменте интернета появилось более 1,3 млн фейков, **связанных с «военной спецоперацией» России на территории Украины**. За три дня с 24 по 27 февраля Региональный общественный центр интернет-технологий (РОЦИТ) обнаружил в Рунете 47 видов фейков, около 80 % публикаций было посвящено Украине (Как в России ищут фейки о «спецоперации» на Украине и почему это часто субъективно // Forbes. 2022. 1 марта).

Уже 27 февраля 2022 года «Яндекс» опубликовал предупреждение «Некоторые материалы в интернете могут содержать недостоверную информацию» – беспрецедентный случай в истории медиа. 28 февраля Президент России В. В. Путин в ходе совещания назвал западное сообщество «империей лжи». Были приняты оперативные меры по защите общества от распространения ложной информации о ситуации на Украине: замедление трафика и блокировки, правовые инициативы, активизировалась работа по фактчекингу. Эти меры имели положительную динамику, но кардинально проблему не решили.

Дезинформация сегодня относится к числу вопросов, остро нуждающихся в социальном регулировании, в осмыслении с позиций социальной и морально-правовой ответственности [22, с. 191]. Она требует комплексного подхода и в науке. В наши дни различными аспектами данной темы занимаются представители разных областей научного знания. В целях противодействия дезинформации предложены и активно используются различные способы работы.

Первый способ – создание юридических механизмов. В наши дни в ряде стран законодательство предусматривает правовую ответственность за распространение дезинформации (Германия, Франция, Китай и др.). Ведется работа по принятию соответствующих законов в США, Евросоюзе, Индии. В нашей стране за дезинформацию предусмотрена административная и уголовная ответственность. Так называемый «закон о фейковых новостях» был принят в 2019 году. В 2022 году в УК РФ появилась новелла: ст. 207.3 наказывает за публичное распространение под видом достоверных сообщений *заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил РФ*.

В нашей стране активно ведется правоприменительная работа. В частности, по делам, связанным с распространением «военных фейков», глава Следственного комитета РФ А. Бастрыкин привел следующую статистику: «По данным фактам возбуждено 152 уголовных дела, по которым привлечено к уголовной ответственности 136 лиц. В суд передано 53 уголовных дела, уже вынесено 16 приговоров» (СК возбудил больше 150 уголовных дел о «фейках» про армию // Forbes. 2023. 20 февраля). Тем не менее, нельзя не признать, что возможности юридического инструментария в решении проблемы дезинформации ограничены.

Второй способ противодействия распространения недостоверной информации касается использования технических средств и разработки программного обеспечения. Сегодня в целях борьбы с дезинформацией активно используются замедление трафика и блокировки: этот способ, прежде всего, рассчитан на нивелирование социальных эффектов. Интерес представляют разработки, связанные с использованием технологий искусственного интеллекта. Такая работа ведется как в нашей стране, так и зарубежом. Уже существуют программы на основе алгоритмов первичной автоматической фильтрации и распознавания дипфейков. Также созданы методики, основанные на алгоритме обработки естественного языка с целью выявления лингвистических признаков эмоций. Программы с использованием элементов искусственного интеллекта решают задачи первичной диагностики, отбора потенциально опасного контента.

Третий способ обращается к возможностям медиаобразования и предполагает обучение методикам оценки и верификации информации в интересах повышения медиаграмотности. Речь идет о формировании медиаиммунитета – устойчивости общества к деструктивным информационным воздействиям, например, ко лжи и манипуляциям. Кроме академических программ, используются различные формы популяризации профессионального знания: здесь важную работу проводят журналисты и блогеры. Уже созданы успешные агрегаторы инструментов для борьбы с фейками («Лапша медиа», «Война с фейками» и др.). Этот инструментарий включает сайты, чат-боты, группы в социальных сетях. Созданы и регулярно пополняются «базы фейков». Формируется образовательный контент по цифровой грамотности, в целях обучения предлагаются упрощенные алгоритмы фактчекинга.

Как правило, любая работа по противодействию дезинформации связана с вопросами её распознавания, и, следовательно, опирается в проблему диагностики, которая сводится к попыткам найти «правильные» маркеры для создания алгоритма. Определить, является ли тот или иной контент дезинформацией или фейком, зачастую очень сложно. Трудности возникают в виду специфики объекта диагностики, а также по причине того, что маркеры дезинформационного контента нередко относятся к разным профессиональным компетенциям и неодинаковы по значимости.

Цель настоящей работы: проанализировать научные подходы к вопросам диагностики медийного контента, имеющего признаки дезинформации; обозначить особенности объекта диагностики; с учетом профессиональных компетенций систематизировать маркеры дезинформационного контента.

Методологическую базу исследования составили четыре группы источников: исследования, посвященные вопросам правовой квалификации и судебной экспертизы; работы о возможностях и алгоритме фактчекинга как профессионального инструмента медиаспециалиста; разработки по вопросам автоматизированного определения фейковых новостей с элементами искусственного интеллекта и машинного обучения; труды, обращенные к дезинформации как технологии информационной войны.

Эмпирической базой исследования послужил контент, распространяемый в российском медийном пространстве в период специальной военной операции на Украине и содержащий признаки дезинформации. Преимущественно исследовался контент зарубежных СМИ и социальных сетей, направленный на российского потребителя.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Научные подходы к диагностике дезинформации. Сегодня вопросы диагностики дезинформационного контента разрабатываются преимущественно в четырех новых научных направлениях.

Первое направление – юридико-лингвистическое. Изначально дезинформация «в чистом виде» не была объектом внимания юридической науки и правоприменительной практики: существовала лишь ответственность за диффамацию и клевету. Вопрос распространения дезинформации в СМИ относился исключительно к сфере интересов деонтологии журналистики и регулировался профессионально-этическими кодексами. Активное обсуждение феномена «фейк-ньюс» в контексте пропаганды и фальсификации новостей началось на фоне общественно-политических событий 2014–2016 гг. Были приняты первые «законы о фейковых новостях» (2018 – во Франции и Германии; 2019 – России; 2020 – Китае). Как следствие, возникли и первые проблемы правоприменения, и первые запросы к судебной экспертизе.

В это же время появляются первые исследования правоведов (Р. Б. Голловкин, Д. Г. Зыбин, В. С. Клементьева, Э. В. Самородова, И. Н. Клюковская, И. Н. Тер-Аванесова и др.) [4, 12, 31, 13]. В них речь шла о существовании фейков как правового феномена, основных тенденциях и направлениях развития регулирования фейковых новостей на современном этапе, проблемах регулирования распространения недостоверной информации в нашей стране и за рубежом, тенденциях правоприменительной практики. Актуализировались вопросы правовой квалификации деяний, признаков новых составов правонарушений и преступлений, связанных с распространением недостоверной информации.

Первой работой, в которой ставились вопросы диагностического плана, стала работа О. С. Иссерс («Медиафейки: между правдой и мистификацией», 2014): были проанализированы функции и типы фейков, обозначены их лингвистические маркеры [11]. В дальнейшем эта тема стала активно развиваться: филологическая наука озаботилась поиском эффективных механизмов распознавания недостоверной информации, объективных маркеров фейков, решением актуальных вопросов, которые встали перед судебной экспертизой (И. А. Стернин, А. М. Шестерина, Е. И. Галяшина, Н. Н. Кошкарлова, Е. С. Бойко, А. В. Николаева и др.) [32, 3, 17, 24]. В поле внимания ученых закономерно попали лингвистические, текстовые и экстралингвистические маркеры. Тем не менее, сегодня не разработан исчерпывающий комплекс диагностических маркеров, актуальный для правоприменительной практики и работы судебной лингвистической экспертизы.

Второе направление сложилось под влиянием деонтологии журналистики, поскольку само родовое предназначение СМИ заключается в обеспечении информационных потребностей общества, что невозможно без правдивого освещения событий. При этом до недавнего времени проблемы дезинформации в современном ее звучании вообще не существовало: случаи умышленной фальсификации на страницах СМИ всегда вызывали острую общественную реакцию и расценивались как вопиющее нарушение профессиональной этики. В наши дни количество и качество лжи изменилось. Наступившая эпоха постправды трансформировала характер социальных отношений: новые медиа стали играть существенную роль в установлении информационной повестки, девальвируя факты и обуславливая новое качество медиаэффектов.

Важное место в арсенале профессиональных инструментов журналиста занял фактчекинг. Разумеется, в профессиональные задачи журналиста всегда входила проверка информации, однако в эпоху развития информационных технологий и появления новых форматов коммуникации фактчекинг стал рассматриваться как особая методика редакционной работы, оформились подходы к пониманию и возможностям этого инструмента, был сформулирован алгоритм анализа контента, основанный на оценке определенных критериев. Интерес теории медиа отражен в большой библиографии по этому вопросу (Л. П. Шестеркина, Л. К. Лободенко, А. В. Красавина, А. Р. Марфицына, В. О. Кобызева, М. С. Корнев, Е. В. Горина и др.) [34, 14, 16, 5]. При фактчекинге учитываются не только лингвистические и/или текстовые, но и сугубо «медийные» маркеры, отражающие «рабочие» моменты создания и распространения дезинформационного контента, классификационные характеристики фейков (С. Н. Ильченко, С. С. Распопова, Е. Н. Богдан, А. П. Суходолов, К. Л. Зуйкина, Д. В. Соколова и др.) [9, 10, 29, 33, 8]. Сегодня фактчекинг рассматривается как «ниша» в журналистском образовании, позволяющая осваивать методики верификации информации, например, в Нижегородском государственном университете им. Н. И. Лобачевского активно развивается Сетевой студенческий образовательный проект по верификации информации EUFactcheck / #СТУДФАКТСНЕК [18].

Третье направление сложилось благодаря возможностям автоматизации и развитию программного обеспечения элементами искусственного интеллекта. Такие продукты сегодня активно разрабатываются научно-исследовательскими центрами разных стран мира. Например, в США данной темой активно занимается Агентство перспективных исследовательских проектов Минбороны США (Defense Advanced Research Projects Agency, DARPA), специализирующееся на исследованиях прикладных информационных технологий. Ему принадлежат программы Media Forensics, SemaFor, AIDA и другие продукты, нацеленные на распознавание (а некоторых случаях – автоматическое удаление) различных форматов дезинформационного контента.

В нашей стране также ведется работа в данном направлении, например, Главный радиочастотный центр (ГРЧЦ) Роскомнадзора заявил о разработке IT-системы «Вебрь», которая сможет находить в Интернете «информационные бомбы». В Московском государственном техническом университете имени Н. Э. Баумана на кафедре «Информационная аналитика и политические технологии» в рамках образовательного процесса осуществляется проектная деятельность по созданию модели первой автоматической фильтрации и распознавания дезинформации и фейков.

Представляется, что данная тема имеет большой научный потенциал. В русскоязычном научном поле сегодня представлены отдельные вопросы автоматизированного определения фейковых новостей с элементами искусственного интеллекта и машинного обучения (Д. А. Жук, Д. В. Жук, А. О. Третьяков, Г. А. Некрасов, И. И. Романова и др.) [6, 23]. При такой диагностике могут быть использованы любые маркеры (лингвистические, биометрические, веб-маркеры и т. д.), которые можно вписать в алгоритм автоматической обработки информации. Однако диагностика в таком случае будет иметь вероятностные выводы.

Четвертое направление исследований обусловлено наступлением эпохи войн нового поколения, пришедшей на смену классической парадигме, основанной на применении военно-силовых технологий. Особенности таких войн являются их «подвижный» технологический характер, «креативность» стратегий, отсутствие четких пространственных и временных границ, множественность акторов. В войнах нового типа дезинформационные кампании становятся обязательным элементом стратегии и охватывают максимально широкий круг пассивных и активных «мишеней». Н. М. Межевич, В. А. Шамахов отмечают: «Опора на заведомую дезинформацию представляет собой новое качество информационной войны». Характеризуя СВО как операцию, имеющую выраженное информационно-аналитическое измерение, исследователи подчеркивают, что интенсивность информационного конфликта опережает интенсивность собственно СВО [21, с. 9].

К вопросам диагностики теории информационных войн подходят через понимание дезинформации как технологии войны, а при гибридных формах – как совокупности методов и приемов влияния (Г. В. Вирен, О. Е. Воронова, И. Н. Панарин, К. С. Стригунов, А. В. Манойло, Г. Г. Почепцов и др.) [1, 2, 25, 26, 27, 28]. При таком подходе диагностика дезинформационного контента зависит от типа войны и доминирующей технологии (когнитивная, ментальная, сетевая, кибервойны, «войны памяти» и т. д.). Например, в информационно-психологических войнах дезинформация является технологией манипулятивного воздействия на общественное сознание, следовательно, уместно говорить о психологических маркерах.

Вместе с тем, необходимо учитывать гибридный характер войн нового типа, который обуславливается одновременным или параллельным применением различных типов и форм воздействия. Иными словами,

196 дезинформация может быть отдельным приемом, а может быть чем-то большим в зависимости от целей воздействия и выбранной стратегии. В рамках теории войн нового поколения она рассматривается как «совокупность способов управления восприятием информации, рассчитанных на дезориентацию противоборствующей стороны в информационном пространстве» [2, с. 37]. Следовательно, и набор маркеров в каждом конкретном случае будет уникальным: он будет отражать информационный «подчерк» противника.

Дезинформация как объект диагностики. Решение данного вопроса осложняется рядом моментов: отсутствием единой системы дефиниций, «подвижностью» самого объекта, сложностью типологического анализа.

Сегодня не определены многие вопросы, связанные с понятийным аппаратом. Например, термины «дезинформация» и «фейк» нередко используются как синонимы. Между тем, «дезинформация» («дезинформационный контент») понятие более широкое, чем «фейковые новости». Дезинформация – это любой контент, включающий в себя признаки фальсификации, мистификации (к примеру, фальсификация военной статистики или исторические фальшивки). Фейковая новость – это «журналистское сообщение, содержащее недостоверную и непроверенную информацию, не соответствующую реальным фактам и эмпирической действительности, и опубликованное в СМИ» [9, с. 34]. Иными словами, фейк – это фальшивка, которая мимикрирует под новость («7 марта Дума рассмотрит вопрос о снижении призывного возраста до 16 лет»).

Не определен важный для диагностики термин «дезинформационная кампания» и сопутствующие ему категории («дезинформационное мероприятие», «операция», «атака»). В широком смысле дезинформационная кампания – это совокупность мероприятий для осуществления какой-либо задачи (например, вызвать панику у населения или дискредитировать первое лицо государства). В терминологическом значении – это совокупность военных операций, объединённых общим стратегическим замыслом (например, кампания Вермахта под кодовым названием «Ледокол» 1941 года или кампания о начале контрнаступления ВС Украины весной 2023 года). Дезинформационное мероприятие (операция) – совокупность взаимосвязанных действий, имеющих общей целью введение оппонента в заблуждение (например, «Троянский конь» или «история Тайры»). Объектом диагностики является дезинформационный контент: «след» в медийном пространстве, который остается в результате реализации дезинформационной кампании или операции (видео, аудиозапись, картинка, фотография, текст, медиатекаст, демомотиватор, мем, вики-статья и т. д.).

«Подвижность» объекта диагностики объясняется тем, что дезинформация является оружием массового поражения, имеет особенности технологического и стратегического характера. Это «креативное» оружие, которое создается под тип информационной войны, ее глобальные и рабочие задачи. О. Е. Воронова пишет: «Информационные войны базируются на определённых устойчивых алгоритмах, моделях и схемах, которые

целесообразно назвать технологиями ведения информационных войн. Каждый тип информационной войны имеет свою технологию, то есть свою совокупность способов, методов, приёмов» [2, с. 26]. Г. Г. Почепцов отмечает: «обе стороны в целях увеличения эффективности будут все время менять поле действия и поле противодействия: не только имеющиеся там объекты, но и границы возможностей этих полей». В таких условиях «стратегия всегда находится в поиске нового: новых методов атаки, новых целей, новых аспектов уязвимости противника» [28, с. 10-11]. Следовательно, алгоритм распознавания дезинформационного контента будет постоянно меняться под конкретный информационный «подчерк» противника.

Сложность типологического анализа дезинформационного контента обусловлена широкими технологическими возможностями его изготовления и появлением новых форматов коммуникации. Примечательно, что впервые попытка подобной классификации была предпринята еще в конце 70-х годов прошлого века. Авторы работы «Техника дезинформации и обмана» (М., 1978) классифицировали ложь на страницах газет и выделили три типа таковой: параноидальный тип (например, «теория заговора»), политическую выгоду и дискредитирующую ложь [7, с. 112]. В книге содержалась отсылка на классификацию коммуникативных технологий, созданную в 1930-х гг. в Институте анализа пропаганды (США), которая впоследствии стала «азбукой». Речь шла о манипулятивных технологиях дезинформации в целях пропаганды: наклеивание ярлыков (например, миф о советской угрозе), «блистательная неопределенность», перенос отношения, «подтасовка карт», «общая платформа» («будь как все») и т. д. [7, с. 57].

Сегодня в науке этот вопрос проработан достаточно подробно: в литературе представлены различные классификации дезинформации и фейков. Например, С. С. Распопова и Е. Б. Богдан выделяют научную мистификацию, политическую мистификацию, мистификацию документов, мokyментари (псевдодокументальные фильмы), рекламные и журналистские мистификации, медиафейки [29, с. 39-56]. С. Н. Ильченко предлагает рассматривать: фейк в печатных СМИ, фейк в радиоэфире, телевизионный, сетевой фейк, фейк бульварный и политический, случайный и намеренный [10, с. 66]. И. А. Стернин, А. М. Шестерина выделяют виды фейков по степени искажения информации, по степени достоверности пространственно-временных характеристик, по степени достоверности и надежности источника информации, по цели создания, по типу репрезентации [32, с. 4-6].

Для решения проблемы диагностики перспективным представляется подход, предполагающий анализ технологий (методов и инструментов) изготовления дезинформационного контента. Автором на примере материала периода СВО были описаны следующие популярные инструменты фейкмейкера: фото- и видеоподмены, фальшивые источники информации, миф (городская легенда), постановка, моноспектакль, конструирование искусственной реальности, кинофейки, фейки-провокации, фальшивые документы, фальсификация статистики [19, с. 128]. Отдельную группу составляют фейки, которые стали возмож-

198 | ны благодаря развитию информационных технологий (дипфейки, «фотожабы», киберфейки), а также фейки, появившиеся по причине распространения новых форматов коммуникации, характерных для цифровой среды (ложные цитаты, фейки-мемы, пранки, троллинг) [20, с. 25].

Таким образом, критериями для классификации могут быть: область знания, цель сообщения (мотив), источник информации, авторство, площадь распространения, технология изготовления контента и/или прием работы. Применительно к разным видам дезинформационного контента необходимо говорить о различном наборе диагностических маркеров.

Маркеры дезинформационного контента. Анализ научных источников и эмпирического материала позволяет говорить о различных диагностических признаках дезинформационного контента в зависимости от того, к каким профессиональным компетенциям они относятся.

Маркеры монтажа свидетельствуют об изменении видеоконтента (удаление или замена части видеозаписи, сокрытия, замены или внедрения виртуальных объектов и т. д.). В период СВО видеоподмены использовались в массовом порядке. Такие фейки активно распространялись в социальных сетях и имели форму «вбросов», то есть распространялись стихийно, без указания на источник. Например, в социальных сетях распространялся и практически сразу был разоблачен ролик «Украинцы захватили русскую технику», для создания которого использовалось видео 2019 года. Также распространялись кадры якобы российской сожжённой техники со знаком Z. На самом деле сожжённые бронемашины были сняты в Луганске летом 2014 года и принадлежали украинской армии. Для создания этого ролика использовалась программа по наложению эффектов.

Маркеры дипфейка бывают двух видов. Первый вид – это маркеры для работы программного обеспечения (определение цифровой, физической, семантической целостности; «узоры» из пикселей и т. д.). Второй вид – маркеры для работы человека. Например, биометрические маркеры: неестественный цвет кожи, отсутствие тени, всегда открытые глаза).

Дипфейки активно создавались в период СВО на Украине. Например, в социальных сетях было распространено видео, на котором В. Зеленский призывал украинцев сложить оружие. Имел место дипфейк с В. Путиным, в котором он объявил о подписании пятигодичной дорожной карте восстановления независимости Крыма как республики в составе Украины. В июне 2023 года в Крыму, Ростовской и Воронежской областях украинские хакеры взломали ТВ и запустили трансляцию дипфейка с «обращением» Путина, который объявил всеобщую мобилизацию и призвал эвакуироваться подальше от границы с Украиной. Особую группу дипфейков составляют продукты с очевидными признаками монтажа. Однако они используются в целях политической пропаганды для высмеивания «противника». В период СВО было выпущено множество дипфейков с А. Лукашенко на тему: «А я вам сейчас покажу, откуда на Беларусь готовилось нападение».

Маркеры монтажа фотоизображения (кадрирования, наложения изображения и т. д.) также являются диагностическим признаком

дезинформационного контента, в таких случаях чаще всего используется технология подмены. Так, в сети «ВКонтакте» распространялся и «благодаря» провокативности стал вирусным фейк с фотоподменой «Гробы с погибшими на Украине российскими военными разгружают, словно дрова, из кузова грузовика». Тем не менее, скоро выяснилось, что фотография была сделана еще в 2007 году в рамках мероприятий по захоронению останков немецких солдат, погибших под Ленинградом в ходе Великой Отечественной войны, на немецком кладбище в Сологубовке под Санкт-Петербургом.

Фотографии, демонстрирующие возвращение в Россию грузовиков с гробами с телами российских военнослужащих, опубликовал своем Twitter экс-депутат Госдумы от «Справедливой России» Г. Гудков. Однако картинка была создана в фотошопе, на исходной фотографии было показано как грузовики перевозят контейнеры для ракет ЗРК «Бук». Кадр был сделан в 2014 г. журналистами Reuter. С помощью фоторедактора контейнеры превратились в гробы, были дорисованы знаки «Z» и «Россия». Казус этого случая заключался в том, что «гробы» занимали всю длину кузова КраЗ-255Б, которая составляла 4,5 метра. В период наступления ВСУ в харьковском направлении украинские паблики распространяли фотографию украинских военнослужащих возле границы Белгорода. Эта фальшивка также была создана с помощью монтажа.

«Медийные» маркеры указывают на особенности контента как медиaproдукта. Они относятся к компетенции медиаспециалиста и часто непонятны обычным людям. Таким маркером является, например, острая тема публикации, поскольку существует закономерность: «волна» фейков появляется после каждого громкого события. «Медийным» маркером является провокативность содержания, например, в марте 2022 года сеть заполонила информация о том, что на Украине активно формируются ЛГБТ-батальоны.

Острую реакцию общества вызвал фейк-провокация «Тайра». Фреймом стал фильм под названием «Женщина по прозвищу Зверь», показанный на телеканале НТВ, в котором был сконструирован образ украинской националистки-парамедика Юлии Паевской («Тайры»), задержанную при попытке покинуть Мариуполь. Затем последовала информация о «скандальном обмене» Тайры на «сына влиятельного чеченского деятеля». Фальшивка была сделана мастерски: «история Тайры» активно обсуждалась журналистами и блогерами, распространялась по социальным сетям, российские пользователи назвали такой «обмен» предательством целей СВО.

К «медийным» маркерам уместно отнести и особенности построения медиатекста, подачи материала, заголовка. Например, кликбейтные заголовки («Руководители МИ-6 утверждают, что Владимир Путин, возможно, уже мертв, а его место займет двойник»). Показателем являются ссылки на несуществующие источники информации (лицо, организацию,

200 | СМИ или медиаплатформу); ссылки на анонимные источники («по данным британской разведки»).

Лингвистические маркеры – особенности языка и стиля, характерные для дезинформационного контента. Например, лексико-стилистические маркеры: использование «манипулятивной семантики» («специальная военная операция» – «вторжение России в Украину»), оценочные суждения, экспрессивная лексика и т. д. Это могут быть языковые единицы, характерные для бульварной прессы («сенсационное заявление», «ученые бьют тревогу», «грядет катастрофа», «экссклюзив»). Данные маркеры полезны для первичной диагностики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Дезинформация как новая «болезнь» XXI века и оружие массового поражения сегодня относится к числу проблем, остро нуждающихся в социальном регулировании, и требует комплексного подхода. К вопросам, которые находятся на пересечении разных областей научного знания, относится и вопрос диагностики дезинформационного контента.

Анализ научных подходов по вопросам распознавания медийного контента, имеющего признаки дезинформации, показал, что сегодня в зависимости от целей диагностики (разоблачение, профилактика или доказательство) используются различные алгоритмы. Например, диагностика с профилактическими целями будет иметь вероятностные выводы. В настоящее время не разработан исчерпывающий комплекс диагностических маркеров, актуальный для правоприменительной практики и судебно-экспертной работы.

Поскольку дезинформация является обязательной составляющей войн нового поколения, в качестве ключевой особенности объекта диагностики обозначена его «подвижность», обусловленная широкими технологическими возможностями создания дезинформационного контента, появлением новых форм коммуникации. Типы и форматы дезинформационного контента постоянно множатся, что объясняет сложность типологического анализа и невозможность разработки единого и окончательного алгоритма диагностики.

С учетом профессиональных компетенций систематизированы маркеры дезинформационного контента. Были выделены маркеры монтажа видеоконтента, дипфейка, фотомонтажа, «медийные» и лингвистические маркеры.

Несмотря на то, что в будущем алгоритмы диагностики дезинформационного контента, вероятнее всего, будут развиваться параллельно развитию технологий дезинформационных кампаний, в рамках обозначенной проблемы перспективными, на наш взгляд, являются исследования актуальных вопросов и закономерностей в процессе распознавания дезинформации и фейков. Необходимы методические разработки по разным экспертным специальностям, с целью создания комплексов диагностических маркеров дезинформационного контента, актуальных для правоприменительной практики и судебно-экспертной работы.

Литература

1. Вирен Г. Современные медиа: Приемы информационных войн. М.: Аспект Пресс, 2013. 126 с.
2. Воронова О. Е. Современные информационные войны: типология и технологии. Рязань, 2018. 188 с.
3. Галяшина Е. И. «Фейкинг» как новая угроза медиабезопасности: лингвоюридический аспект / Е. И. Галяшина // Этнопсихоллингвистика. Москва: ИНИОН РАН, 2021. № 2 (5). С. 7-24.
4. Головкин Р. Б., Зыбин Д. Г. «Фейк» как правовое явление / Р. Б. Головкин, Д. Г. Зыбин // Вестник Воронежского института ФСИИ России. 2018. № 4. С. 132-138.
5. Горина Е. В. Коммуникативные технологии манипуляции в СМИ и вопросы информационной безопасности. Учебно-методическое пособие. Екатеринбург. 2016. 67 с.
6. Жук Д. А., Жук Д. В., Третьяков А. О. Методы определения поддельных новостей в социальных сетях с использованием машинного обучения / Д. А. Жук, Д. В. Жук, А. О. Третьякова // Информационные ресурсы России. 2018. № 3. С. 29-32.
7. Засурский Я. Н. и др. Техника дезинформации и обмана. М.: Мысль, 1978. 246 с.
8. Зуйкина К. Л., Соколова Д. В. Специфика контента российских фейковых новостей в интернете и на телевидении / К. Л. Хуйкина, Д. В. Соколова // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2019. № 4. С. 3-22.
9. Ильченко С. Н. Как нас обманывают СМИ. Манипуляция информацией. СПб.: Питер, 2019. 320 с.
10. Ильченко С. Н. Фейковая журналистика. Спецкурс: учебное пособие. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2019. 308 с.
11. Иссерс О. С. Медиафейки: между правдой и мистификацией / О. С. Иссерс // Коммуникативные исследования. 2014. № 2. С. 112-123.
12. Клементьева В. С. К вопросу об ответственности за размещение «фейковых новостей» и оскорбление государственных органов в киберпространстве / В. С. Клементьева // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 5. С. 78-81. URL: <https://doi.org/10.24411/2073-0454-2019-10258> (дата обращения: 25.05.2023).
13. Клюковская И. Н., Тер-Аванесова И. Н. Умышленное распространение заведомо ложной информации в СМИ и информационно-телекоммуникационных сетях - новый вызов государственной безопасности в современном мире / И. Н. Клюковская, И. Н. Тер-Аванесова // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. Вып. 2. С. 121-128.
14. Кобызева В. О. Подходы к исследованию фактчекинга: научный обзор / В. О. Кобызева // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2021. № 2 (40). С. 194-199.
15. Корейцкая О. В. Фейковые новости как объект изучения медиалингвистики (на материале англоязычных СМИ) / О. В. Корейцкая //

202 | Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 9(75): в 2-х ч. Ч. 1. С. 118-120.

16. Корнев М. С. Фактчекинг: от термина и понятия к словоупотреблению / М. С. Корнев // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 6. С. 72-78.

17. Кошкарлова Н. Н., Бойко Е. С. Фейк, я тебя знаю: лингвистические механизмы распознавания ложной информации / Н. Н. Кошкарлова, Е. С. Бойко // Политическая лингвистика. 2020. № 2 (80). С. 77-82.

18. Макарова Л. С. Методические подходы к формированию навыков верификации информации у студентов, обучающихся по направлению «Журналистика»: опыт реализации проекта EUFactcheck/#!/#СТУДФАКТСЧЕСК в Институте филологии и журналистики ННГУ им. Н. И. Лобачевского / Л. С. Макарова // Челябинский гуманитарий. № 1(58). 2022. С. 70-79.

19. Макашова В. В. Дезинформация: технологии «креативной войны» / В. В. Макашова // МедиаВектор. 2022. Вып. 6. С. 128-133.

20. Макашова В. В. Фейк-технологии в цифровой среде / В. В. Макашова // Медиа-технологии в условиях изменяющегося мира: тренды, проблемы, прогнозы: Сборник трудов / Глав. ред. Е. Н. Ежова. Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, 2023. С. 25-29.

21. Межевич Н. М., Шамахов В. А. Медиавойны нового поколения и информационные практики специальной военной операции. Аналитический доклад. СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2022. 28 с.

22. Мешков Е. П. Воздействие социальных регуляторов на развитие духовно-нравственной сферы личности / Е. П. Мешков // Социология. 2023. № 1. С. 184-192.

23. Некрасов Г. А., Романова И. И. Разработка поискового робота для обнаружения веб-контента с фейковыми новостями / Г. А. Некрасов, И. И. Романова // Инновационные, информационные и коммуникационные технологии. 2017. № 1. С. 128-130.

24. Николаева А. В. Языковые особенности фейковых публикаций / А. В. Николаева // Верхневолский филологический вестник. 2019. № 3(18). С. 55-59.

25. Панарин И. Н. СМИ, пропаганда и информационные войны. М.: Litres, 2017. 531 с.

26. Панарин И. Н. Технология информационной войны. М., 2003. 320 с.

27. Почепцов Г. Г. Информационно-политические технологии. М.: Центр, 2003. 384 с.

28. Почепцов Г. Г. Стратегия. М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2005. 384 с.

29. Распопова С. С., Богдан Е. Н. Фейковые новости: Информационная мистификация: Учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2018. 112 с.

30. Стригунов К. С., Манойло А. В., Безвербный В. А. Фейки, вбросы, государственные перевороты и демографические войны. М.: Горячая линия – Телеком, 2021. 407 с.

31. Самородова Э. В. Особенности современного регулирования фейковых новостей: российский и зарубежный опыт / Э. В. Самородова // Меди-

аскоп. 2020. Вып. 3. URL: <http://www.mediascope.ru/2641> (дата обращения: 25.05.2023). 203

32. Стернин И. А., Шестерина А. М. Маркеры фейка в медиатекстах. Рабочие материалы. Воронеж, 2020. 34 с.

33. Суходолов А. П. Феномен «Фейковых новостей» в современном медиaprостранстве / А. П. Суходолов // Евроазиатское сотрудничество: гуманитарные аспекты. 2017. № 1. С. 87-106.

34. Шестеркина Л. П. Фактчекинг и верификация информации в контексте журналистского образования / Л. П. Шестеркина, Л. К. Лободенко, А. В. Красавина, А. Р. Марфицына // Вопросы теории и практики журналистики. 2021. Т. 10, № 1. С. 94-108.

V. V. Makashova

DISINFORMATION AS A WEAPON OF MASS DESTRUCTION: THE PROBLEM OF DIAGNOSTICS

Abstract. Scientific approaches to the issues of diagnostics of media content with signs of disinformation are analyzed; the features of the object of diagnostics are identified; markers of disinformation content are systematized taking into account professional competencies.

Keywords: disinformation; fakes; fake news; information war; military fakes.

А. А. Малюка
_pushok_666@mail.ru
соискатель кафедры иностранных языков
Московского городского педагогического университета
Москва, Россия

ТИПИЧНЫЕ НЕДОСТАТКИ И ОШИБКИ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ И ПРОИЗВОДСТВЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО ДЕЛАМ ОБ ОСКОРБЛЕНИИ

Аннотация. В статье рассматриваются ошибки, которые могут возникнуть при производстве лингвистической экспертизы по делам об оскорблении, описаны ключевые моменты, на которые необходимо обращать внимание при выявлении указанных ошибок и недостатков. Данные рекомендации будут полезны лингвистам и экспертам, которые практикуют проведение лингвистических экспертиз.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, судебная экспертиза, оскорбление, оскорбительный характер, речевой акт.

При назначении и проведении лингвистической экспертизы по делам об оскорблении, как и при любой другой экспертизе, могут возникнуть недостатки и ошибки, которые впоследствии отражаются на ходе и результатах исследования, что в дальнейшем может ставить под сомнение обоснованность и достоверность полученных выводов. Для профилактики таких последствий необходимо иметь четкое понимание возможных ошибок, а также знать пути решения возникших проблем.

Оскорбление является вербальным преступлением, поэтому установление факта наличия или отсутствия оскорбления является функцией суда и чисто правовым вопросом, решать который эксперт-лингвист не имеет права. Эксперт должен проводить исследование только в соответствии со своими специальными знаниями, то есть знаниями в области лингвистики. Это значит, что лингвист может исследовать представленный объект только на предмет установления признаков оскорбительности спорного текста и на предмет отнесенности оскорбительного характера этого текста к конкретному лицу.

Самой распространенной ошибкой при назначении лингвистических экспертиз по делам об оскорблении является постановка вопросов, связанных с установлением фактов по делам о защите чести и достоинства, деловой репутации физических и юридических лиц. Важно различать необходимость проведения лингвистического исследования

для установления негативных сведений в отношении конкретного физического или юридического лица, выраженных в форме утверждения (статья 152 ГК РФ «Защита чести, достоинства и деловой репутации»), и необходимость проведения лингвистического исследования для установления негативных сведений, выраженных в неприличной форме и направленных на конкретное лицо (статья 5.61 КоАП РФ «Оскорбление»).

По делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц, одним из обстоятельств, имеющих в силу статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации значение для дела, является порочащий характер сведений об истце. Данный факт (порочащий или не порочащий характер сведений) подлежат выяснению в рамках конкретного производства по делу, устанавливаются судьей, следователем или иным компетентным лицом, и не входит в компетенцию эксперта-лингвиста. Однако порочащими являются сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином (или юридическим) лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота.

Из этого следует, что эксперт-лингвист в рамках своей компетенции вправе устанавливать следующие данные:

- наличие в спорных материалах сведений о конкретном физическом или юридическом лице,
- негативный характер этих сведений (нарушение действующего законодательства, совершение нечестного поступка, неправильное, неэтичное поведение в личной, общественной или политической жизни, недобросовестность при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушение деловой этики или обычаев делового оборота),
- форма передачи информации (только утверждение о фактах, а не мнение, оценка или предположение).

Только при наличии этих трех элементов, которые устанавливает эксперт-лингвист, уполномоченное лицо делает вывод о наличии порочащих сведений.

На основании вышесказанного в практике проведения лингвистических экспертиз по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц, перед экспертом рекомендовано ставить следующие вопросы:

1. Имеется ли в представленных на исследование материалах информация о... (указание на физическое или юридическое лицо)?
2. Если информация имеется, является ли она негативной?

3. Если негативная информация имеется, в какой форме она выражена: утверждение, оценка, мнение или суждение?

В свою очередь, оскорбление представляет собой направленные на конкретное лицо отрицательные языковые единицы, выраженные в неприличной форме. В процессе производства лингвистической экспертизы на предмет выявления признаков оскорбления решаются следующие задачи:

- установление направленного на адресата речевого воздействия (направлено на конкретное лицо),
- установление характера этого речевого воздействия (негативный/позитивный),
- установление формы высказывания (неприличная/в рамках нормы).

Исходя из этого корректно на разрешение эксперту по делам об оскорблении ставить следующие вопросы:

1. Относится ли представленная на исследование фраза (выражение, слово, словосочетание и т. д.) «...» к конкретному лицу – ... (Ф.И.О.)? / Направлена ли представленная на исследование фраза (выражение, слово, словосочетание и т. д.) «...» на конкретное лицо – ... (Ф.И.О.)?

При ответе на этот вопрос, лингвист должен установить в спорных материалах наличие каких-либо номинаций, то есть указаний на конкретное лицо. Установление факта направленности текста конкретному адресату является важным признаком для квалификации правонарушения как оскорбления. Если лингвист установит отсутствие в тексте данного признака, то суд не сможет признать противоправное деяние оскорблением.

Важным аспектом является то, что в речи крайне редко употребляется полное имя, отчество и фамилия лица (исключение составляют тексты, созданные в рамках официально-делового стиля). В исследуемых материалах обозначение адресата в массе своей происходит косвенно, например, использована только фамилия или неполное имя собственное, также могут быть использованы местоимения (ты, он, тот, этот и так далее). Нередки ситуации, когда адресант обозначен в тексте словом, выходящим за рамки нормы русского языка (бранное, нецензурное и так далее). В таких случаях важно исследовать объект целиком, а не только ту часть, в отношении которой у участников судебного процесса возникли вопросы. Исследуя весь материал, а также зная обстоятельства дела, эксперт сможет установить направленность текста.

2. Если ... (наименование объекта или указание конкретной цитаты) относится/направлен на ... (Ф.И.О.), какой характер она носит – негативный, позитивный или нейтральный, в данном контексте?

При ответе на указанный вопрос лингвисту необходимо установить негативный характер высказывания. В основном негативность определяется семантикой, то есть смысловым значением лексических единиц отдельно и в совокупности. Однако бывают случаи, когда негативный характер явно не выражен. Это может быть употребление различных художествен-

ных приёмов (ирония, языковая игра и так далее) или же фраза является нейтральной, но под влиянием общего содержания текста или внешних каких-либо факторов появляется негативный характер. В таких случаях необходимо анализировать объект целиком, устанавливать идейно-тематическую направленность материала, учитывать факторы, которые являются экстралингвистическими.

3. В какой форме выражена ... (наименование объекта или указание конкретной цитаты) – неприличной или в рамках языковой нормы?

С точки зрения лингвистики неприличная форма высказывания – это употребление языковых единиц, не соответствующих норме языка в целом, а также нормам данной языковой среды. Для определения формы выражения, связанной с понятием «неприличная», лингвист должен провести всесторонний анализ: оценить целевую направленность сообщения, установить стилистику текста, выявить наличие/отсутствие отклонений от нормы этики и языка, по возможности учитывать ситуацию и статус участников (если данная информация имеется или предоставлена).

Четкая формулировка и конкретная последовательность указанных вопросов, которые необходимо ставить перед лингвистом, позволяет избежать лишней работы, направлена на оптимизацию процесса исследования и выявления конкретных данных в представленных на исследование материалах.

Ранее указанные вопросы необходимо ставить перед экспертом-лингвистом для выявления оскорбительных характеристик в спорных материалах. Однако могут возникать ситуации, когда лицо или орган, назначивший производство лингвистической экспертизы, сформулировали некорректные вопросы, которые можно разделить на следующие группы:

1. Вопросы, которые выходят за рамки компетенции эксперта-лингвиста, то есть вопросы, выходящие за рамки специальных знаний в области лингвистики. Например, постановка такого вопроса, как *«Какое воздействие оказывает представленная фраза/слово/словосочетание на адресата?»* является выходом за рамки компетенции эксперта-лингвиста, то есть решение вопроса о каком-либо воздействии на сознание человека решается при помощи специальных знаний в области психологии. При постановке такого рода вопросов эксперт-лингвист должен указать в своем заключении тот факт, что данный вопрос выходит за рамки его компетенции и что для решения данной задачи необходимо привлечения эксперта в другой области специальных знаний, а именно эксперта-психолога.
2. Вопросы, которые предполагают юридическую квалификацию каких-либо фактов, что должно решаться судом или иным лицом, которое ведет производство по делу. Необходимо помнить, что при назначении экспертизы по делам об оскорблении эксперт не может решать вопросы с установлением наличия умысла и выявления истинности или ложности высказываний. Эти вопросы

подлежат выяснению в рамках конкретного производства по делу и не входят в компетенцию эксперта-лингвиста. То есть ставить вопросы такого рода, как «*Соответствует ли действительности представленное высказывание?*» или «*Содержится ли умысел в действиях адресанта?*», не корректно. В случае постановки вопросов, относящихся к юридической квалификации, эксперт должен уведомить орган, назначивший производство экспертизы, о некорректной постановке вопроса или вопросов (если имеются иные вопросы, сформулированные корректно, то сделать соответствующие указания в тексте заключения, если отсутствуют иные вопросы, на которые возможно дать ответ, то через ходатайство).

3. Вопросы, являющиеся наводящими (то есть те, в которых в прямом или косвенном виде уже содержатся ответы). Например, такие вопросы, как «*Является ли утверждением представленная фраза?*» или «*Какие признаки оскорбления имеются в тексте?*». При постановке подобного рода вопросов эксперт должен указать в своем экспертном исследовании об их характере, обосновать почему данный вопрос является наводящим и предоставить вариант корректной формулировки вопроса, приближенного по смыслу с поставленным.
4. Вопросы, на которые не представляется возможным ответить ввиду недостаточного объема исследуемого материала или некачественного объекта исследования.

В случае, когда становится понятно, что необходимо больше материала для проведения исследования, эксперт (специалист) должен сообщить об этом своей экспертной организации, чтобы они в свою очередь подали ходатайство в орган, назначивший экспертизу, о предоставлении дополнительных материалов, или же сообщить непосредственно заказчику (в случае если это заключение специалиста) о необходимости предоставить весь возможный объем материалов для проведения полного и объективного анализа. В рамках производства экспертизы по делам об оскорблении нередко объектом становится словосочетание или слово, которое является частью более объемного текста. В таком случае необходимо затребовать объект целиком в том оригинальном виде, в котором он был создан.

Если объект не может быть исследован ввиду его плохого качества (например, скан-копия текста плохо читаемая или текст написан от руки неразборчивым почерком или цифровой носитель не воспроизводит объект, который необходимо исследовать), то есть объект является непригодным для исследования, то эксперт должен указать об этом либо в ходатайстве в орган, назначивший экспертизу (если объект непригоден полностью), либо в своем заключении (если объект непригоден частично) о частичной непригодности объекта исследования.

В каждом отдельном случае эксперт должен совершить ряд действий, которые помогут ему либо преодолеть проблему некорректности постановки вопроса, либо заявить об этом соответствующим органам для дальней-

шего решения этой ситуации уже со стороны лиц, назначивших производство экспертизы.

Лингвист должен четко понимать те задачи, которые перед ним могут быть поставлены, а в случае выявления ошибок и недостатков при назначении лингвистических экспертиз по делам об оскорблении, правильно разрешать их. Иначе такого рода проблемы в назначении и проведении лингвистических исследований могут повлечь за собой дачу некорректных, необоснованных выводов, а как следствие – привести к несправедливому разрешению производства по делу.

Литература

1. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2007. 592 с.
2. Россинская Е. Р. Е. И. Галяшина, А. М. Зинин Теория судебной экспертизы: учебник. М.: Норма, 2009.
3. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М.: Норма, 2008.

A. A. Malyuka

TYPICAL SHORTCOMINGS AND MISTAKES IN THE APPOINTMENT AND PRODUCTION OF LINGUISTIC EXPERTISE IN CASES OF INSULT

Abstract. The article discusses the errors that may occur during the production of linguistic expertise in cases of insult, describes the key points that need to be paid attention to when identifying these errors and shortcomings. These recommendations will be useful for linguists and experts who practice conducting linguistic examinations.

Keywords: forensic linguistic expertise, forensic expertise, an insult, insult character, speech act.

доктор филологических наук, профессор, первый проректор-проректор по учебной работе автономной некоммерческой организации высшего образования «Институт современного искусства»
Москва, Россия

ПРАГМЕМА-КОНФЛИКТОГЕН И ЕЁ СВОЙСТВА В МЕДИАДИСКУРСЕ

Аннотация. В статье проводится комплексное исследование одного из семиотических оценочных знаков – прагмемы. Доказывается её доминантная роль в медиадискурсе речевого и коммуникативного конфликта. Подчеркивается значимость оценочной неоднородности – сильные, средние и слабые прагмемы, которые способны усилить эффективность судебной экспертизы.

Ключевые слова: аксиология; прагмема; конфликтоген; семема; сема; сильная слабая, средняя прагмема; речевой конфликт.

В исследуемой проблеме пересекаются векторы развития различных социокультурных процессов – аксиологизации менталитета общества (с усилением эмоциональной оценки в оппозиции рациональное – эмоциональное); конфронтации дискурса (с использованием публичного медиaprостранства); усиления воздействующего потенциала слова (с отражением в нем новых коммуникативных потребностей общества).

Доминантной «точкой» пересечения этих векторов оказывается один из элементов семиозиса конфликтогенного медиадискурса – знак-прагмема, уникальность которого состоит в совмещении двух семиотических аспектов – семантического, реализующего отношение знаков к обозначаемым объектам, и прагматического, выражающего отношение субъекта к употребляемым знакам и воздействие знаков на их пользователя. В знаке-прагмеме предметная сема соответствует обозначаемому объекту, а оценочная сема – предикату, то есть оценка оказывается результатом выражения отношения говорящего к обозначенному в реме явлению: *красавец, филантроп, спаситель // урод, мизантроп, губитель*. Например, у слова неудачник предметная сема – «человек», а понятийная – «которому не везет ни в чем, нет удачи» [8, с. 414]. Этот знак-интерпретатор критической отрицательной оценки реализует конфликтогенную природу речи, обозначая коммуникативную цель – обидеть, оскорбить, выразить неодобрение-пренебрежение. «Наложение» эмоциональной силы на оценочную увеличивает «энергетический потенциал Слова» [9, с. 5-11] прагмемы, гиперболизируя моральные оценки в русском языке: *мерзавец* (отвращение), *подлец* (негодование и презрение), *негодяй* (гнев). А. Вежбицкая трактует

этот факт как «отголосок» «моральной и эмоциональной ориентации русской души» [1, с. 84].

Нарушение категорических моральных, этических, эстетических, утилитарных норм, выражаемое «свернутой» в прагмеме идеей и яркой эмоцией делает ее важнейшей знаковой фигурой конфликта, центром конфликтогенного высказывания и характеристикой его инициатора-автора, формирует конфликтогенный типаж провокатора, сплетника, доносчика, резонера и т. д., например, из интервью с Шаманом в литературной газете: *Вы мистик? – Нет, но прекрасно понимаю, что многое в жизни предопределено. В финале меня ждет смерть (ЛГ, № 15, 2023); У меня реально такое ощущение, что она (Ксения Собчак) ... – Тоже фанат?* Лексемы *мистик* и *фанат* выражают отношение интервьюера-субъекта оценки к объекту оценки (певцу Шаману) и употребляемому знаку одновременно с помощью «синтаксиса компонентов оценочного суждения – оцениваемого объекта и оценивающего предиката». Мистик – «человек» – «верящий в сверхъестественное, непонятное, необъяснимое» [6, с. 546] и это «странно»; фанат – «человек», которому свойственна «одержимость» (1416) «одержимость» – «страстная увлеченность», «всецело отдающийся» (700). Семантика «слишком» соответствует элементу (довольно плохо) на шкале оценки).

Прагмема своими свойствами демонстрирует не только внешнюю организацию функционально-семантического поля оценки: *Он наглец – Он наглый – Он нагличает, но и внутренний механизм устройства системы: наглый – наглость – наглец – нагличает – нагло* [4, с. 86]. В аксиологическом фрагменте языковой картины мира, реализующем элементы оценочной шкалы «очень хорошо – довольно хорошо – хорошо / нормально / плохо – довольно плохо – очень плохо» [10, с. 70-77], знак-прагмема является одним из трех знаков наряду со знаком-функцией (символом качественной оценки) и знаком-коннотацией (оценочной метафорой), реализующих *одобрительный/неодобрительный, хвалебный/порицающий, восхищенный/оскорбляющий* модусы, правая сторона которых провоцирует конфликтогенный дискурс, формируя негативное отношение коммуникатора к объекту или субъекту.

Двойственная природа оценки – качество и отношение, реализуя коммуникативное и когнитивное содержание знака, находит отражение во внутренней структуре оценок-функций и их семантических полей. В контексте конфликтогенного дискурса это, например, *гадкий, противный, дурной, нелестный, отвратительный, мерзкий* и др., формирующие отрицательные ассоциации за счет семы «неприятный». Являясь знаком «прямой» категорической оценки, она нечасто функционирует в медийном дискурсе. Оценки-коннотации находятся в абсолютной зависимости от контекста употребления слова, их ценностная ориентация отражает эмоциональное состояние говорящего и стремление воздействовать на собеседника: *И звезды в небе как будто выложились в решетку. Весь мир – решетка* (Ю Козлов).

В отличие от знака-функции и знака-коннотации, прагмема отражает уникальное явление в системе средств выражения оценочного значения в русском языке – языковую единицу, в которой оценочное значение знака совмещено с его прагматической функцией, основано на ней. Смысловая структура подобных лексем содержит компонент позитивной или негативной оценки. В этом поле прагмема действует как семантический конфликтотен, являясь участником речевого конфликта – «... маркирующего отрицательное поле коммуникативного взаимодействия» [2, с. 279-280]. Представленность лексической природы знака-прагмемы в виде «синтаксиса компонентов оценочного суждения – оцениваемого объекта и оценивающего предиката» помогает исследовать оценочность медиадискурса в контексте нерешенных проблем специфики конфликтов. в частности, необходимости различать речевой и коммуникативный конфликты: «Это различие принципиально: оно позволяет понять конфликтотенный потенциал любого параметра коммуникации и осознать его ценностно-нормативный характер, социокультурную значимость. В ряде ситуаций, прежде всего в массмедиа, эти два конфликта могут совмещаться» [3, с. 18-26].

Например, агрессор как инициатор конфликта. может демонстрировать физическую агрессию глаголами-прагмемами *бороться, нападать, штурмовать*, прилагательными-прагмемами, *свирепый, лютой*, существительными-прагмемами *разрушитель, враг, преступник* и др.

Наличие большого количества конфликтотенных типажей (используем термин М. Ю. Никитина) [5, с. 14] – резонер, сплетник, подстрекатель, скандалист, тиран, доносчик, правдоискатель, кляузник и др. – позволяет обратиться к лингвистической проблеме неоднородности знака-прагмемы, разной степени его оценочности, следовательно, конфликтотенности, в медийном дискурсе. Обращение к анализу лексико-семантической природы слова-прагмемы дает возможность обнаружить корреляцию конфликтотенного потенциала разного типа, которая определяет большую эффективность судебной экспертизы материалов медиакommunikации как регулярного объекта судебной экспертизы.

Наблюдения над массивом прагматической лексики, в частности, степени категоричности оценочного потенциала знака-прагмемы, показали, что в медиадискурсе, особенно конфликтного типа, символами оценки прагматического типа выступают знаки-прагмемы, которые по взаимоотношению знака и объекта, а также воздействующей силе, делятся на «сильные» – с первичными (главными в семантической структуре слова) оценочными семемами или эмоционально-оценочными словарными пометами (*тягостный, транжиря*), «средние» – оценочные семы обнаруживаются при дальнейшем семантическом анализе безоценочных семем (*драма, трагедия*) или выполняют прагматическую функцию не во всех ЛСВ-семемах и «слабые» (*рядовой, средний*) – близкие к коннотациям, где оценочный смысл появляется на третьем-четвертом шаге семантического анализа или слово имеет помету «переносное».

Классификация основана на мысли Л. А. Новикова о неравноценном положении лексико-семантического варианта слова (ЛСВ) в иерархической смысловой структуре [7, с. 404]. Первичная семантическая функция слова соответствует основной семеме, то есть главное значение слова наиболее обусловлено парадигматически и наименее — синтагматически. Прагматическое содержание слова трагедия, опираясь на главное значение, — «драматическое произведение, в основе которого лежит непримиримый жизненный конфликт, острое столкновение характеров и страстей, оканчивающееся чаще всего гибелью героя», расширяется вторичной оценочной семантикой, зависящей от контекста: «трагическое событие, происшествие, несчастный случай»: Ср.: *древнегреческая трагедия и Трагедии были и во времена Советского Союза, но сейчас такое ощущение, что человеческая жизнь перестала представлять ценность* (АИФ, 10 марта 2016).

Приведем пример медиатекста, в котором «сильные» прагмемы негативного и позитивного смыслов формируют конфликтогенный потенциал медиатекста, оценивающего новый сериал Федора Бондарчука «Актрисы» журналистом Александром Кондрашовым: *Участники гордились, что рассказали правду о театре, ну, да, рассказали. Далеко не всю. Лолита Милявская мудро заметила, что сериал надо смотреть тем девицам, которые осаждают театральные училища, чтобы они представляли, что их ждет. Да, пьянство, блуд, дразги, предательства... Только главного нет. Театра. Нет того, что многих неудержимо тянуло на сцену. И, конечно, чистоты и прелести великих актрис...* (ЛГ, № 19, 1923. С. 26). Семемы предметная — «состояние», предикатная в суждении — «постоянное и неумеренное употребление спиртных напитков», «половое распутство», где «распутство — разгул», «разврат», «мелкие ссоры», «измена», «неприятность» формируют основу для коммуникативного конфликта, источником которого является журналист с его выраженным с помощью прагмемы неодобрением-возмущением. Несогласие автора фильма с мнением, высказанным публично, может привести к судебной тяжбе. «Сильные» прагмемы в однородном ряду провоцируют оскорбительный оценочный дискурс. Субъективный и объективный аксиологические смыслы прагмемы, то есть её «двойная оценочность», специально предназначены для выражения феномена конфликтного и конфликтогенного дискурса. Двойственная природа значения прагмем — предметная и предикативная — удваивает и существующие в слове отношения. Как очевидно из примера, прагмемы крайне редко вступают в отношения синонимии и антонимии с нейтральными, эмоционально незаряженными словами: обратим внимание на «сильные» прагмемы положительной зоны — *прелесть великих* и «среднюю» прагмему — *чистота*. Это многозначное слово имеет в семантической структуре палитру переносных смыслов: 13-ю семему — «негреховный» (книж.), 14 — «нравственно безупречный (правдивый, честный, искренний, непорочный, бескорыстный); 15 — «совершенный», «подлинный», «получивший яркое

214 | воплощение». Очевидное пересечение оценочных сем в семемах делает явным высокий потенциал прагмемы.

Знак-прагмема с помощью двойной оценочной функции формирует модель аксиологического высказывания, отражающего новые коммуникативные потребности общества в разрешении конфликта, поиске преодоления негативных моментов, нивелировании отрицательных оценок. Этому может служить словарь прагмем, созданный на основе подбора конфликтогенных смыслов, их моментального распознавания, чтобы избежать манипуляции. «Сила» глагольного слова позволяет выделять наиболее яркие глаголы-конфликтогены: обозначающие эмоциональное состояние субъекта в его градации: *сердиться, злиться, возмущаться, негодовать, гневаться*; глаголы, выражающие форму речевой агрессии: *ругать, упрекать, проклинать, высмеивать*; глаголы, направленные на причинение физической боли объекту: *ударить, бить* и др.

«Соучастие» прагмем в формировании или снятии коммуникативного напряжения в конфликтной ситуации медиадискурса детерминировано их прагматической функцией и «силой» выражаемых оценок: *Тогда вышел скандал из-за нового балетного стиля Плисецкой в партии Кармен. Кубинский балетмейстер Альберто Алонсо сочинил более раскованные движения и более оголенный костюм, чем в привычном классическом балете. Это вызвало шквал обвинений морального порядка. спектакль хотели снять. Фурцева заявила: «Ваша» Кармен» умрет!», а Плисецкая ответила: «Кармен умрет, когда умру я!». Но «Кармен-сюита оказалась бессмертной...» (Российская газета № 285. 2022). Конфликтогенный типаж «тирана» реализуется сильной семемой «стать мертвым, безжизненным» в прагмеме *умереть* в формате диалога с «правдолюбом», где агрессивный характер диалога «побежден» контекстом «вечности».*

Прагмема оказывается знаковым образом и «движущим смыслом» в лингвосомиотической структуре конфликтогенного медиадискурса, где она ликвидирует когнитивные деструкции языковых картин мира адресата и адресанта (как в примере последнего диалога) и являет свою многовекторность и полиоценочность.

Литература

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1997. С. 416.
2. Голев Н. Д., Обелюнас Н. В. Лингвоконфликтология / Н. Д. Голев, Н. В. Обелюнас // Эффективное общение (базовые компетенции): слов.-справ. / Под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2014. С. 279-280.
3. Кара-Мурза Е. С. Лингвоконфликтология и конфликты в русском медиапространстве (анализ двойного кейса) / Е. С. Кара-Мурза // Вестник ВолГУ. Серия 2, Языкознание. 2020. Т. 19. № 1. С. 25.
4. Маркелова Т. В. Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке. М.: МГУП им. Ивана Федорова. 2013. С. 86.

5. Никитин М. Ю. Лингвосомиотические особенности конфликтотгенного массмедийного дискурса. Автореф. дисс. канд. филол. наук. М.: РУДН. 2023. С. 22.

6. Новейший большой толковый словарь русского языка // Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», М.: «РИПОЛ классик», 2008. 1536 с.

7. Новиков Л. А. Избранные труды. В 2 т. Т. 1. Проблемы языкового значения. Эстетические аспекты языка. М.: РУДН, 2001.

8. Ожегов С. И., Н. Ю. Шведова Толковый словарь русского языка. М., 1999 (СОШ).

9. Шаховский В. И. Синергетика слова в семиологической семиотике языка / В. И. Шаховский // Мир русского слова. 2015. № 2. С. 11.

10. Morris C. D. W. Varieties of human valie. Chicago, London, 1956. P. 70-77.

T. V. Markelova

CONFLICTOGENIC PRAGMEMA AND ITS CHARACTERISTICS IN MEDIA DISCOURSE

Abstract. The article conducts a comprehensive study of one of the semiotic evaluative signs – the pragmema. Considering its dominant role in the media discourse of speech and communication conflict authors emphasize the importance of evaluative heterogeneity – strong, medium and weak pragmes that can enhance the effectiveness of forensic analysis.

Keywords: axiology; pragmema; conflictotgenic; sememe; seme; strong; weak; middle pragmema; speech conflict.

ПРОЗВИЩЕ КАК ОСКОРБИТЕЛЬНЫЙ АНТРОПОНИМ

Аннотация. В статье поднимается проблема использования прозвищ в интернет-пространстве. Объектом исследования выступают около 450 прозвищ публичных людей, занимающихся различными видами деятельности (артисты, политики, спортсмены, представители шоу-бизнеса и т. д.). Выявляются источники номинации и способы образования прозвищ, предлагается классификация прозвищ по степени инвективности.

Ключевые слова: прозвище, публичный человек, инвективность, оскорбление.

Прозвища, появившиеся более тысячи лет назад, первоначально были равнозначны фамилиям и в ряде современных славянских языков лексема «фамилия» имеет такую форму: *прізвище* (укр.), *прозвішча* (белорус.), *priezvisko* (словац.). Впоследствии некоторые прозвища стали основой для образования многих русских фамилий. В истории нашего государства навсегда остались имена правителей и политических деятелей: Ярослав Мудрый, Александр Невский, Юрий Долгорукий, Петр Великий, Иван Грозный и другие, в которых фамилией выступало прозвище с достаточно прозрачной внутренней формой.

Прозвище является элементом неофициальной антропоники, в которую входят также клички и псевдонимы.

Разберемся в этой терминологии [1, с. 433, 1009, 1042].

ПРОЗВИЩЕ, -а; *ср.* Название, данное человеку в шутку, в насмешку и т. п. (обычно содержащее в себе указание на какую-л. заметную черту его характера, наружности, деятельности и т. п.). *Обидное п. Дать п. кому-л. Иметь п.*

КЛИЧКА, -и; *мн. род.* -чек, *дат.* -чкам; *ж.* 1. Имя домашнего животного. *Пёс по кличке Шарик. Дать кличку кому-л.* 2. Прозвище (шутливое, насмешливое, конспиративное и т. п.). *Дворовая к. Подпольная к.*

ПСЕВДОНИМ, -а; *м.* [от греч. *pséudos* – ложь, вымысел и *ónyma* – имя] Вымышленное имя, которое берут себе некоторые писатели, артисты, политические деятели (*ср.* автоним). *Писать под псевдонимом. Взять себе п. Словарь псевдонимов.* <Псевдонимный, -ая, -ое.

Как видим, псевдоним противопоставлен двум другим типам наименования человека по признаку самонаречения – носитель сам выбирает

себе номинацию. В двух других случаях, номинация присваивается извне, со стороны. Словарные дефиниции отмечают синонимию (кличка – это прозвище во втором значении). Беглый анализ употребления лексем ‘прозвище’ и ‘кличка’ в Национальном корпусе русского языка все же позволяет выявить небольшое семантическое различие. Приведем примеры из НКРЯ:

Вор по кличке Сибиряк решил «понты кинуть» и устроил на нарах пир с деликатесами, водкой, наркотиками и проститутками-вольняшками. [Михаил Ламцов, Валерий Булдаков. Авторитетные собрания (2003) // «Аргументы и факты», 29.01.2003].

Группка вампиров с крутыми кличками и костюмами, под рэп сопровождение – насмешила. [Форум: Блэйд (трилогия) Blade (2008-2010)].

Усугубить ситуацию может и то, что одноклассники нередко дают таким ребятам обидные клички типа «умник», «зубрила» и т. д. [Алевтина Луговская. Если ребенок боится ходить в школу (2002)].

Сами термины, которые он применял, казались Зубру каким-то бесовским вывертом: и Мендель, и Морган были классиками биологии, их трудами биологи пользовались так, как электрики пользуются законом Ома, почему же менделисты и морганисты стали бранными кличками? [Даниил Гранин. Зубр (1987)].

Можно предположить, что кличка – это прозвище человека, принадлежащего определенной социальной группе, и возникающее в этой группе. Именно поэтому клички отличаются конспиративной функцией. Прозвище – понятие более широкое, родовое.

Как справедливо отмечает М. А. Грачев: «В российском языкознании лучше всего изучена официальная ономастика, менее всего – неофициальная» [2, с. 249]. Научное осмысление онимов в качестве объектов экспертной оценки только начинается, а прозвища, созданные с помощью различных приемов словообразовательной игры, имеют высокую степень негативной окраски и выступают как продуктивный материал для судебно-экспертной деятельности. В силу этого материал данной статьи пытается заполнить существующую исследовательскую лакуну, хотя, стоит признать, лишь в качестве постановки проблемы, а не ее решения.

Целью работы является анализ корпуса прозвищ публичных людей на предмет наличия оскорбительного содержания. В качестве объекта исследования выступают около 450 прозвищ отечественных и зарубежных политиков, общественных деятелей, артистов, певцов, спортсменов, преподавателей шоу-бизнеса, собранные на просторах интернета. При этом учитывались наименования, встречающиеся не единично (индивидуально-авторские), а повторяющиеся в разных источниках.

В обобщенном виде черты сходства и различия имени и прозвища представлены в таблице 1.

Прозвище, согласно «Словарю русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской, – это «дополнительное имя, данное человеку

218 | окружающими людьми в соответствии с его характерной чертой, сопутствующим его жизни обстоятельством, по происхождению и другим мотивам» [4, с. 115].

Попробуем определить эти мотивы, то есть выявим источники номинации.

Первую группу составляют прозвища, образованные от официальных идентификаторов человека: фамилий, личных имен, отчеств (*ДиБилан* – Дима Билан; *ЕБН* – Ельцин Борис Николаевич, *ГОРБИ* – Горбачев Михаил Сергеевич, *ДИМОН* – Медведев Дмитрий Анатольевич, *Жирик* – Жириновский Владимир Вольфович, *Жан Клод Вам Даст* – Жан-Клод Ван Дамм, *Пугалкин* – Галкин Максим*, *Зяма*, *Зёма* – Земфира Рамазанова**, *Филя*, *Бедросыч* – Киркоров Филипп Бедросович, *Биляш*, *Беляш* – Билялетдинов Динияр, *Магомед Жиркоев* – Жирков Юрий, *Джон Тривольта* – Джон Траволта).

Можно отметить основной способ, которым образуются прозвища этой группы. Безусловно, это фонетический способ (созвучие). Оно может характеризовать совпадения с уменьшительной формой имени (*Филипп* – *Филя*, *Земфира* – *Зёма*, *Дмитрий* – *Димон*), рифмование (*Лопез* – *Попез*, *Нюша* – *Хрюша*), совпадение с апеллятивом (*Лёша* – *Леший*, *Паттинсон* – *Патиссон*, *Билл* – *Блин*).

Заметим, что чем сложнее в произношении и написании официальное имя, тем больше прозвищ обнаруживается. Так, британский актер Бенедикт Камбербэтч на просторах интернета именуется *Кукумбер*, *Картошечка*, *Бензин Какароч*, *Базелик Киберскотч*, *Бенедикт Кандибобер*, *Бенедикт Киберспорт*, *Батлфилд Контрстрайк*, *Бутерброд Овервотч*, *Бен Камамбер*, *Будапешт Элвотч*, *Бургеркинг Курувпечь*, *Баклажан Кукуруза*, *Бондюэль Камнесрач*, *Бандерлог Комбикорм*, *Боздомир Конфьюжен*.

Во вторую группу входят прозвища, образованные по характеризирующим признакам и ассоциациям. Она неоднородна и допускает выделение подгрупп.

Во-первых, мотивировать прозвища могут особенности характера, привычки и пристрастия, поведение в той или иной ситуации.

Валька-стакан, *Валя-полстакана* – Матвиенко Валентина Ивановна [Во время предвыборных дебатов Матвиенко без тени смущения прокомментировала происхождение клички «Валька-стакан» со свойственной ей иронией: «*Стакана не помню, было полстакана. А у вас не было?*» (<https://zvezd.ru/2020/04/07/valka-stakan-i-drugie-fakty-iz-zhizni-valentiny-matvienko.html>)];

Бульдозер – Собянин Сергей Семёнович [Поговаривают, что после прихода в Администрацию президента, а после и в правительство, Собянин получил там прозвище «бульдозер», поскольку был готов неукоснительно реализовывать любые, даже наиболее жесткие решения, спускаемые сверху. Не исключено, что именно благодаря этому качеству ему удалось в свое время возглавить Москву – город, к которому питерские элиты

* Физическое лицо, признанное иностранным агентом.

** Физическое лицо, признанное иностранным агентом.

Таблица 1. Сходства и различия имени и прозвища

	Имя	Прозвище
Сходство	Имя собственное	Имя собственное
Сходство	Образуются из обычных слов	Образуются из обычных слов
Различие	Употребляется одинаково везде, вплоть до официальных документов	Употребляется только в неформальной обстановке в разговорной речи. Нельзя использовать в документах
Различие	Сочетается с фамилией, отчеством, образуя полный официальный антропоним	Сочетаясь с фамилией, отчеством, образует вариант прозвища
Различие	Юридическая закреплённость, письменная фиксация в паспорте, удостоверении личности и подобных документах	Юридическая незакреплённость: прозвища не входят в официальную структуру именования, могут иметь письменную фиксацию лишь в неофициальных сферах
Различие	Легко образуют отчества: Иван – Иванович	Невозможно образовать отчество
Различие	Имя стилистически не окрашено	Прозвище часто обидно

питали, пусть не неприязнь, но точно чувство непонимания... (<https://drestime.ru/articles/kak-nazyvayut-sobyantina-v-narode.html>);

Батька – Лукашенко Александр Григорьевич [Слово «*батька*» у большинства ассоциируется с президентом Белоруссии Александром Лукашенко. Оно вошло в обиход во второй половине 1990-х годов. Существует даже версия, что первым называть себя *батькой* стал сам президент, а средства массовой информации быстро подхватили колоритное слово (<https://dzen.ru/a/YIuRfZDtKtCQKHha>)];

Скутер – Миронов Сергей Михайлович [Появилось еще во времена работы Миронова в Законодательном собрании Санкт-Петербурга, где он все время куда-то спешил и носился по кабинетам (<https://petermikh.livejournal.com/23454.html>)];

Чипсоед – Аршавин Андрей Сергеевич [Футболист принял участие в двух рекламных роликах чипсов *Laus*. Для рекламы с Андреем, компания выпустила специальный вкус чипсов (<https://dzen.ru/a/YDtBEGzZEz-mxгба>)].

Во-вторых, источником номинации может послужить деятельность, профессия.

Сергей Бордюрыч, Бордюрыч – Сергей Семёнович Собянин, развернувший в свое время активную работу по укладыванию тротуарной

220 плитки в Москве. *Матадор* (исп. *matador*, букв. «тот, кто убивает»); он же тореадор, тореро) – Константин Эрнст по одноименной художественно-публицистической культурологической телепередаче, которую создал и вел в 1990-1995 годах. *Бэтмен* – Сергей Кожугетович Шойгу в связи с его умением ловко справляться с задачами повышенной сложности и оказываться на месте важных событий в короткие сроки. *Бесогон* – Никита Сергеевич Михалков по одноименной авторской телепередаче.

В-третьих, не менее ярким признаком являются особенности внешности. Все, что выделяется яркой чертой во внешнем облике, традиционно является основой прозвища.

Дженифер Лопез (*Жопез*) – Дженифер Лопез (пышные бёдра), *Меченый* – Михаил Сергеевич Горбачев (родимое пятно), *Кепка* – Юрий Михайлович Лужков (постоянное ношение данного головного убора), *Уголёк* – Барак Обама (цвет кожи), *Шрек* – Ющенко Виктор Андреевич (внешнее сходство с этим мультперсонажем). Иногда прозвища, основанные на особенностях внешности, заменяют имена. Так, например, случилось с певцом Андреем Григорьевым-Апполоновым. Если набрать в поисковике «*Рыжий...*», то автоматически предлагается закончить запрос словами «из Иванушек». Среди музыкантов и певцов находим также *Чёрненькая* и *Рыженькая* из Тату, *Лысый* из Браззерс, *Пухляк* из Литл Биг.

В-четвертых, в качестве мотивирующего признака могут выступать национальные особенности, место рождения.

Оленевод – Собянин Сергей Семенович (родился в селе Няксимволь Ханты-Мансийского автономного округа), *Шаман* – Шойгу Сергей Кожугетович (отец – тувинец и родился в Тувинской АО, тувинцы в большинстве своем исповедуют буддизм и шаманизм), *Япона-мать* – Хакамада Ирина Муцуовна (отец – японец), *Чык-Чырык* – Александр Григорьевич Лукашенко (сама фраза – это звукоподражание птичьему чириканью с белорусским произношением).

Еще одной важной лингвистической характеристикой прозвищ является способ их образования. Перечислим обнаруженные способы образования прозвищ:

- 1) использование слов литературного языка (апеллятивов) по причинам, указанным выше (*Каштан* – Тимур Батрутдинов, *Ослик* – Ариэль Ортега, *Беляш* – Динияр Билялетдинов, *Босоногий мальчик* – Леонид Агутин, *Леди Арбидол*, *Мадам Арбидол* – Татьяна Голикова и др.);
- 2) усечение имени или фамилии (*Дядя Зю* – Геннадий Зюганов, *Папаша Зю* – Геннадий Зюганов, *Железный Пу* – Владимир Путин);
- 3) языковая игра:
 - фонетическая (*Сабакашвили* – Саакашвили, *Кобздон* – Кобзон, *Мухацеценице* – Агата Муцениеце);

- словообразовательная (*Ксюшадь* = Ксюша+Лошадь – Ксения Собчак, *Бездрамыобама* – Барак Обама, *Вованга* = Вова+Ванга – Владимир Жириновский);
- графическая (*КолБаска* – Николай Басков, *ПуГалкины* – Максим Галкин и Алла Пугачева, *СирожавШоке* – Сергей Зверев),
- 4) аббревиация (*ГМС* – Горбачёв Михаил Сергеевич, *ВВП* – Владимир Владимирович Путин);
- 5) эвфемизмы (*Гарант Конституции* – Владимир Путин);
- 6) использование прецедентных имен (*Крокодил Гена* – Геннадий Зюганов, *Тимуровец* – Егор Гайдар)

Неотъемлемым атрибутом прозвища является яркая эмоционально-экспрессивная окраска. Она имеет богатый спектр оттенков: от шуточных и ироничных до уничижительных и грубых.

И если словарные дефиниции “прозвища” отмечают лишь шутку и насмешку в качестве основных функций подобных наименований, то реальные формы и варианты номинаций позволяют говорить и о более пейоративных коннотациях, спектр которых достаточно широк.

Появление уничижительных прозвищ связано с чувством обиды, раздражения, возмущения на номинанта. Использование уничижительных и оскорбительных прозвищ в медийных источниках способно разжечь социальные конфликты, обострить противоречия внутри членов общества.

Как справедливо полагает И. А. Нефляшева, «к анализу подобных прозвищных имен применимы методики проведения судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении с опорой на выраженность речевой цели “информирование о негативном (неуважительном, презрительном) отношении к предмету речи, демонстрация этого отношения” и лексикографический, стилистический и семантический признаки неприличной формы выражения» [3, с. 337]. Хотя на сегодняшний день одной неприличной формы уже недостаточно – форма должна вступать в противоречия с общепринятыми нормами морали и нравственности (в редакции статьи 5.61 КоАП 2021 г.). «Для любого лингвиста очевидно, что в языке не существует такого набора языковых средств, которые бы в принципе противоречили общепринятым нормам морали и нравственности. Речь может идти только о нарушении норм культуры речи, а именно – требований уместности и допустимости использования тех или иных слов и выражений» [3, с. 92]

Апеллируя к указанной работе М. С. Саломатиной [5], можно условную классификацию прозвищ по наличию в них оскорбительного потенциала.

Особую экспрессивность и наибольший оскорбительный потенциал прозвищам придает использование ненормативных пластов лексики, точнее непристойных табуированных, грубых и вульгарных элементов в составе прозвища. Безусловно, эти номинации являются оскорблениями в любых контекстах употребления (*Дима Билан* – *Дима Е*лан*; *Эльвира Набиуллина* – *Эльвира Нае*улина*, *Михаил Саакашвили* – *Сукашвили*, *Филипп Киркоров* – *Филип Педросович*, *Никита Михалков* – *Гимнюк-бэби*, *Джен Псаки* – *Джейн Саки*).

Не менее оскорбительно указание на физические (физиологические) признаки адресата (*Кристина Орбакайте – Буратино, Евгений Плющенко – Нос, Сергей Степашин – Щёки*); его пристрастия (*Борис Ельцин – Борис Нелакаевич, Сергей Лазарев – Сэр Гей Лазарев*), социально осуждаемые действия (*Сергей Доренко – Телекиллер*).

Использование уничижительных, фамильярных, жаргонных форм для наименования первых лиц государства также свидетельствует о высшей степени неуважительного отношения (*Дмитрий Медведев – Димон, Владимир Путин – Вэвз, Александр Лукашенко – Вертухай Беларуси*).

Высоким оскорбительным потенциалом обладают прозвища-сравнения с животными (*Ксения Собчак – Ксюшадь, Собчачка, Жирков Юрий – Юра ОвцеКонь, Хавьер Савиола – Кролик*).

К менее оскорбительным, на наш взгляд, можно отнести оценочные каламбурные образования в силу их игрового характера (*Анатолий Чубайс – Чубаучер, Сергей Ястржембский – Ястреб Женский*).

В лингвистической экспертизе текста особое значение имеют прозвища, образованные от эксплицитных идентификаторов (личного имени, фамилии, отчества), так как позволяют однозначно определять адресата. Более сложными для экспертной оценки представляются случаи неясной мотивировки и окказионального образования прозвищ, препятствующие однозначной интерпретации коммуникативного намерения адресанта.

Подводя итоги, отметим, что прозвища, являясь неформальным антропонимом, способны быть самостоятельным объектом лингвистического экспертного анализа с различных сторон: с точки зрения формы и с точки зрения содержания. Для прозвищ характерна специфическая семантика, складывающаяся из номинации, мотивации, деривации, коннотации (эмоционально-экспрессивной окрашенности) и возникающих ассоциаций. И только комплексный подход позволит получить непротиворечивые и объективные результаты анализа.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998.
2. Грачев М. А. Судебно-лингвистическая экспертиза: учебник. М.: Флинта: Наука, 2016, 360 с.
3. Нефляшева И. А. Экспертная оценка окказиональных прозвищ медийных лиц и вопросы модерации виртуальной коммуникации / И. А. Нефляшева // Фундаментальная лингвистика и проблемы судебной экспертизы: социальные сети как объект научного и экспертного анализа. Москва, 2022. С. 333-339.
4. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. 200 с.
5. Саломатина М. С. Понятие языковой формы, противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности / М. С. Саломатина // Вопросы психолингвистики. 2022. № 2(52), С. 90-98.

NICKNAME AS AN ABUSIVE ANTHROPONYM

Abstract. The article discusses the problem of using nicknames in the Internet. The object of the research is about 450 nicknames of public people engaged in various activities (artists, politicians, athletes, representatives of show business, etc.). The sources of the nomination and the ways of forming nicknames are revealed, the classification of nicknames according to the degree of invectivity is proposed.

Keywords: nickname, media person, invectiveness, abuse.

*кандидат филологических наук, заместитель декана Высшей школы искусств и дизайна, доцент кафедры судебной экспертизы юридического факультета, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского»
Нижегород, Россия*

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ: ОСОБЕННОСТИ ЭКСПЛИКАЦИИ В РАМКАХ НАРРАТИВНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассмотрены особенности актуализации образа автора с точки зрения интернет-лингвистики и лингвистики нарратива. Показано, что текстопорождение детерминируется спецификой интернет-коммуникации и коммуникативными целями субъекта по отношению к адресату. Рассматривается образ автора в блогосфере и социальных сетях.

Ключевые слова: интернет-лингвистика, лингвистика нарратива, нарратив, лингвистическая экспертиза.

Интернет-повествования уже долгое время являются вполне обыденными объектами для судебной лингвистики, однако при экспертном исследовании зачастую нивелируется их нарративная организация. Последняя предопределяет коммуникативную направленность, модальность текста и форму выражения высказываний, а также обличковые характеристики автора.

Интернет-коммуникация вследствие своих особенностей – публичности и опосредованности – имеет специфические параметры для образа автора. Тем не менее, сетевой дискурс, будучи осложнённым повествовательной инстанцией, начинает подчиняться закономерностям поэтического текста.

Нарратив в интернете определяется психологическими и общественными характеристиками адресанта – интересами и потребностями, социальным статусом, эмоциональным состоянием и личностными качествами, информируя получателя об адресанте.

Е. В. Падучева справедливо отрицала возможность отождествления автора-создателя с говорящим [3], что характерно и для интернет-нарратива. Для сетевых повествований актуальна неполная ситуация общения: с создателем текста не взаимодействует читатель, а только с его образом, отображением. Автор и читатель не имеют единого понимания

времени, они зачастую могут не обладать одним представлением о мире, едиными фоновыми знаниями.

Автор интернет-текста выражает не только свою позицию, но и предшествующие позиции. Однако в интернет-СМИ, например, автор может выражать себя по-разному – его присутствие в тексте может быть как значительным, так и не слишком выраженным (ср. предложения из одной и той же статьи: 1) *Родившись в зоне Чернобыльской катастрофы, она взяла ракетку в руки в четыре года, а затем благодаря невероятным усилиям своего отца Юрия переехала в США* и 2) *Мария Шарпова с состоянием в \$200 млн заняла десятое место в рейтинге self-made женщин по версии Forbes Woman*).

Для нарратива в интернете актуальна дихотомия «**диегетический повествователь**» – «**экзегетический повествователь**». Диегетический нарратор проявляет себя в историях от лица конкретного человека, которые происходили с ним в жизни. Такие повествования – достаточно распространённое явление в блогинге, поскольку позволяют через личную историю продемонстрировать отношение пользователя к тем тематическим направлениям интернет-дискурса, которые актуальны на момент публикации. Экзегетический нарратора можно наблюдать в интернет-СМИ, «крафтовых» медиа, мемах.

Кроме того, применительно к интернет-наррации используется деление способов изображения повествователя на **эксплицитный** и **имплицитный**. Первый в интернет-истории очевиден: говорит от своего имени, пользуется местоимением «я» и отсылками к своему блогу, аккаунту, предыдущим нарративам, которые образуют общую память блогера и читателей.

Иногда происходит умышленное объединение автора и читателей – с помощью «мы». Обычно «мы» противопоставлены «им»: «мы» хорошие, делаем всё правильно, а «они» (кто бы ни был – другой блогер и его аудитория; люди, не разделяющие взглядов этого универсума, например, на интервальное голодание, здоровый образ жизни и энергию «женских кругов») – нет. У такого универсума всегда есть *сверхнарратив, метаистория* – как появился блог, с какой целью, чем занимается в жизни блогер, какую роль он выполняет в обществе, как у него формировалась аудитория (многие блогеры не прочь рассказать об этом в отдельном посте, поскольку успешность всегда предвещает т. н. success story).

Имплицитный повествователь – это результат взаимодействия разных приёмов рассказывания: подбора элементов (персонажей, ситуаций, действий, в их числе речей, мыслей и восприятий персонажей) из «событий» как нарративного материала для создания повествуемой истории; конкретизации, детализации элементов; композиции нарративного текста, т. е. составления и расположения элементов в определенном порядке; языковой (лексическая и синтаксическая) презентации подбираемых элементов; оценки элементов (она может содержаться имплицитно в указанных выше приемах либо может быть дана эксплицитно) [4, с. 66-67].

По степени открытости личности интернет-тексты делятся на **открытые** и **анонимные**. Степень конфиденциальности регулируется самим автором (настройки приватности).

По количеству авторов тексты интернет-СМИ подразделяют на **авторские** (произведения публицистов, блогеров) и **коллективные** (журналистские тексты).

Т. А. ван Дейком различаются **естественные** и **искусственные** повествования (по [5, с. 32]). Естественные повествуют о действительно произошедших событиях. Их субъектами являются люди, живущие в «реальном» мире, события развиваются в определённой последовательности. Искусственные имеют дело с персонажами и действиями, которые относятся к воображаемому миру. По мнению У. Эко, в искусственном повествовании не выполняется ряд прагматических условий, которые обязательны для естественного повествования. Так, например, в искусственном повествовании от автора не ожидается, что он будет говорить правду. Продолжая эти рассуждения применительно к интернет-дискурсу, необходимо отметить, что читатель авторизованного интернет-нарратива всегда ждёт от автора правду, поскольку в большинстве случаев блогер для своего читателя – авторитетный источник информации.

Автором публицистического текста чаще всего выступает медийная личность, выражающая свою позицию (новую или прецедентную) на какие-либо события, проблемы, явления на собственной странице в социальных сетях или в блоге. Он может вступать в диалог со своими читателями посредством текстовых расширений – лайков, репостов, комментариев. Чаще всего блогер – это реальный человек, повествующий о насущных для него темах через призму собственных переживаний, взглядов и идей.

В условиях блогинга нельзя говорить о том, что образ автора и физический автор совпадают, что свойственно, например, для дневникового типа письма. Однако ничто не мешает этим фигурам не противоречить друг другу – так создаётся более доверительный тип взаимоотношений с аудиторией, поскольку аудиторию нужно «воспитывать», её нужно «управлять», что связано с особенностями блогодискурса.

Содержание постов в блоге формирует образ автора, поскольку так или иначе содержит повествование о личной жизни автора, поведении и установках.

Блогинг даёт возможность пользователям самим регулировать создание образа автора. Так, существует возможность придумать никнейм и название блога («шапка блога»), использовать аватар, не только создавать посты в блоге, но и комментировать других пользователей. Кроме того, образ автора выражается и на уровне речи (особенности лексики и грамматических конструкций), тематического и композиционного оформления постов, а также посредством авторской графики и креолизации.

В соответствии с предложенной нами классификацией моделей наррации [2] отметим особенности экспликации образа автора в некоторых нарративных моделях интернет-коммуникации.

Модели интернет-наррации в процессе исследования поделены нами на 2 группы: устные и письменные. Устное рассказывание – тексты собственно устные, порождённые с помощью артикуляционного аппарата, звучащей речи (подкаст-нарративы, нарративы в устных социальных сетях и голосовых сообщениях). К письменным моделям наррации относятся публицистические, новостные и рекламные нарративы, нарративы в социальных сетях, блогах, а также микронарративы и макронарративы.

Кроме того, в отечественной лингвистике нарратива и зарубежной нарратологии существует понятие ненадёжной наррации, которое в условиях «новой искренности», пронизывающей современное пространство социальных сетей и блогосферы, становится актуальным для судебно-экспертного исследования. При анализе спорных текстов с перволичной наррацией могут быть выявлены факторы, влияющие на лингвистическую и правовую квалификацию, к которым, например, относится ненадёжная наррация. По правилу наследования модальностей [1, с. 37] высказывания в тексте при общих условиях принимают модальность всего текста. По этой причине при экспертном исследовании необходимо обращать внимание на экспликацию речевых эмоций, переживаний, выстраивание диалога с читателем с целью вызвать его сочувствие.

Литература

1. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста. М.: Флинта; Наука, 2011. 592 с.
2. Моштылева Е. С. Модели наррации в русскоязычной интернет-коммуникации: лингвопрагматический и лингвостилистический анализ. Нижний Новгород, 2021. 190 с.
3. Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2010. 480 с.
4. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
5. Эко У. Роль читателя: исследования по семиотике текста / У. Эко; пер. С. Серебряного. М.: АСТ: Corpus, 2016. 640 с.

NARRATOR IN INTERNET COMMUNICATIONS: FEATURES OF EXPLICATION IN THE FRAMEWORK OF NARRATIVE MODELING

Abstract. The article discusses the features of the actualization of the author's image from the point of view of Internet linguistics and narrative linguistics. It is shown that the mechanism of speech production is determined by the specifics of Internet communication and the communicative goals of the subject in relation to the addressee. The image of the author in the blogosphere and social networks is considered. It is shown how the features of various models of narration can be described within the framework of linguistic research. The materials of the article can be used in the production of forensic examinations of oral and sound speech.

Keywords: Internet linguistics, narrative linguistics, narrative, linguistic expertise.

ИСЛАМСКИЙ ДИСКУРС В СЕТЕВОЙ МЕЖЛИЧНОСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ВОПРОСЫ ЭКСПЕРТНОГО ОПИСАНИЯ

Аннотация. Обсуждаются современное состояние исследований исламского дискурса, вопросы участия религиоведа в проведении комплексного исследования текстов на предмет «экстремистского» содержания. Затрагиваются некоторые аспекты экспертного исследования недоктринальных исламских текстов.

Ключевые слова: исламский дискурс, религиозный экстремизм, лингвистическая экспертиза, религиоведческая экспертиза, лексика арабского происхождения.

Ислам, его религиозные и образовательные практики, взаимодействие с разными сферами культуры, власти и общества в культурно-историческом и политическом пространстве России традиционно являются объектом исследования истории, этнологии, политологии и других наук. Тем не менее современная лингвистика в вопросах анализа мусульманского дискурса только начинает выходить за рамки «штудий», сосредоточенных на рассмотрении арабизмов в контексте заимствованной лексики русского языка, в русле классических исследований И. И. Срезневского и И. Ю. Крачковского.

Очевидно, что для теории и практики судебной лингвистической экспертизы, ежедневно сталкивающейся с необходимостью анализа текстов на предмет возможного содержания признаков возбуждения религиозного экстремизма, в том числе в исламской среде, вопросы специфики мусульманского – и шире – любого конфессионально окрашенного дискурса в русскоязычном коммуникативном пространстве являются в высшей степени актуальными. Появление в последнее время нескольких работ, обобщающих экспертную практику в этой сфере [15, 16], свидетельствует о зарождении исследовательского интереса к этой проблематике.

Так, в настоящее время вопрос участия религиоведа в комплексной экспертизе вероучительных текстов остается открытым. К. И. Бринев считает, что «вполне возможно, что религиоведческая составляющая экспертного исследования способна устанавливать значимые по делам о религиозном экстремизме факты. Однако, на наш взгляд, необходимо

230 | все-таки ответить на вопрос, каковы конкретно эти факты... складывается впечатление, что религиозоведческое исследование в настоящее время во многом дублирует лингвистическое исследование...» [3, с. 10]. Однако, и наша практика это подтверждает, кейсы, когда полноценный анализ текста невозможен без привлечения специалиста-религиоведа, не являются редкими.

Как правило, специфика анализируемого материала предопределяет случаи, когда компетенции лингвиста и психолога недостаточно для квалификации материала: механистическое сложение анализируемых признаков «экстремистского контекста» дает сбой и необходим учет культурологической или религиозоведческой составляющей дискурса.

Эксперт может обладать некими дополнительными знаниями особенностей религиозного дискурса в связи с частотностью работы с подобными текстами: «Очевидно, что полнота и точность экспертного анализа зависит не только от собственно профессиональных знаний исследователя, но и его экспертной компетенции, **опыта изучения подобных материалов, владения макроконтекстом**, элементы которого позволяют идентифицировать речь с точки зрения ее отнесенности к той или иной экстремистской / террористической организации» [19, с. 202; выделено нами – И. Н.]. Однако в рамках исследования эксперт не может выходить за пределы собственно лингвистической компетенции – иное следует рассматривать как существенный недостаток проведенного исследования и может служить основанием для признания его недостоверным.

Таким образом, следует установить, в чем заключается участие религиоведа в комплексном исследовании наряду с лингвистом и психологом. Или, иначе говоря, на какие вопросы должен отвечать религиовед при выполнении экспертизы.

Существующая практика, проанализированная на основании находящихся в свободном доступе текстах экспертиз, свидетельствует о ряде подходов.

Во-первых, эксперт-религиовед может отвечать **на те же вопросы**, что и эксперты иной специальности (заметим, что этот же путь ранее в своем становлении прошла психологическая экспертиза в составе комплексной – психолог отвечал на те же вопросы, что и лингвист).

Очевидно, что данный подход не имеет ничего общего с какой бы то ни было специальной компетенцией и невозможен в рамках проведения экспертных исследований.

Следующий подход связан с тем, что религиовед выявляет **признаки** ‘возбуждения вражды’, ‘призывов к насильственным действиям’ etc. Здесь мы сталкиваемся с проблемой методического плана. Если методикой РФ-ЦСЭ [9] разработаны и апробированы принципы установления лингвистических и психологических признаков «экстремистского» содержания, то религиозоведческая экспертиза не имеет (насколько нам известно) разработанных диагностических схем.

Безусловно, данная проблема не является неразрешимой и может быть компенсирована разработкой адекватной методики анализа.

Наконец, религиозоведческая экспертиза как самостоятельная отрасль экспертного знания предполагает участие специалиста в установлении религиозного характера представленных на анализ материалов и информации относительно основ вероучения, определении основных ценностей или круга установок и практик исследуемого религиозного направления.

Имея полное право на установление специфики отражения основ вероучения в анализируемых материалах, тем не менее такой подход не соответствует цели и не решает прикладных задач, стоящих в конечном итоге перед комплексной экспертизой **конкретного материала**, – установить, содержит ли он запрещенное содержание, с указанием контекстов, в которых содержится то или иное значение.

В качестве оптимального решения предлагается видоизменение методики проведения психолого-лингвистической экспертизы с участием религиоведа. Новацией является первичное, на подготовительном этапе выделение спорных контекстов, или микротекстом со спорным содержанием, которые оцениваются каждым экспертом самостоятельно. При этом в своих самостоятельных исследованиях эксперт каждой специальности ссылается или может сослаться на выводы, полученные другим экспертом.

Например, лингвистический анализ контекста со спорным содержанием содержит перекрестную ссылку на религиозоведческий анализ:

Господь наш, (нрзб.) терпение, укрепи наши стопы, и помоги нам одержать верх над неверующими людьми. О Аллах, владыка царства, ты даруешь власть кому пожелаешь, и отнимаешь власть у кого пожелаешь, ты возвеличиваешь кого пожелаешь, и унижаешь кого пожелаешь.

В результате лингвистического анализа фрагмента устанавливается, что высказывание одержать верх над неверующими людьми (взять верх, добиться победы, одолеть) употребляется не в прямом, а метафорическом значении (с указанием на частотность значения по данным Национального корпуса русского языка), имеет абстрактную семантику, не содержит описания действий и состояний, которые позволяют их классифицировать как насильственные, разрушительные, дискриминационные и т. п.

По утверждению исследователей, «военная» метафора является текстопорождающей моделью религиозного дискурса: «Военная метафорика является общим местом религиозного дискурса (в религиозных текстах часты упоминания о борьбе сил добра и зла. Ключевые образы-символы, входящие в состав военных метафор, таковы: битва, победа, оружие, знамена, меч» [4, с. 58].

Религиоведческий анализ устанавливает, что анализируемый фрагмент содержит цитирование Корана: сура 2, аят 286. В переводе Э. Кулиева данный аят выглядит так: «Аллах не возлагает на человека сверх его возможностей. Ему достанется то, что он приобрел, и против него будет то, что он приобрел. Господь наш! Не наказывай нас, если мы позабыли или

232 | ошиблись. Господь наш! Не возлагай на нас бремя, которое Ты возложил на наших предшественников. Господь наш! Не обременяй нас тем, что нам не под силу. Будь снисходителен к нам! Прости нас и помилуй! Ты – наш Покровитель. Помоги же нам одержать верх над неверующими людьми». Для мусульман данный аят означает, что мусульмане обязываются придерживаться всего, что Пророк Мухаммад принес в Коране и Сунне. Они прислушиваются к религиозным законам, принимая их и покаясь Всевышнему, а их слова преисполнены смирения перед Аллахом и подразумевают просьбу оказать им помощь в выполнении религиозных обязанностей и простить им упущения, сделанные при выполнении обязательных предписаний, и совершенные ими грехи. Одержать победу над неверующими, под которыми подразумеваются язычники, означает превзойти их в благочестии перед Всевышним.

Таким образом, как показывает религиозоведческий анализ, анализируемый фрагмент содержит аят Корана и относится к основам вероучения ислама, не содержит «экстремистских» признаков побуждения к осуществлению каких-либо насильственных, разрушительных, дискриминационных действий; возбуждения вражды (ненависти, розни) по отношению к группе лиц, выделяемой по признаку отношения к религии.

Представляется, что в качестве выводов в такого типа экспертизах лингвист и психолог устанавливают наличие/отсутствие лингвистических и психологических признаков «экстремистского» содержания, а эксперт-религовед делает вывод о том, являются ли достоверными сведения относительно основ вероучения в представленных материалах.

Что касается специфики исламского дискурса с экспертной точки зрения следует отметить работы А. Г. Волковой [4], Э. П. Лаврик [10], В. Д. Никишина [15, 16]. Представляется, что необходим критический разбор складывающейся библиографии экспертного описания мусульманского доктринальной и межличностной коммуникации.

Проблема видится нам еще и в том, что большинство лингвистов, занимающихся экспертными исследованиями текстов, связанных с исламом, находятся вне исламского академического и теологического дискурса. И даже возможная специализация эксперта именно в этом направлении может сыграть злую шутку, создавая «насмотренность» текстов экстремистского и террористического содержания в ущерб другим, «мирным» сферам бытования языка, в том числе межличностному сетевому общению.

Особенно ярко это различие восприятия концептов извне и внутри исламского мира проявляется в оценочности лексем, зачастую являющихся ключевыми для экспертных выводов.

Так, профессиональные исследователи заимствований из арабского языка указывают, что «использование специальной конфессиональной лексики требует ее адекватного толкования. Исламские богословы и отечественные журналисты обращают внимание на несоответствие появившихся в русском языке значений некоторых заимствований

арабским словам-этимонам, например, арабское слово [shahid] – *шахид* «мученик за веру» в русском языке семантизируется с негативной коннотацией – «террорист-смертник», [mudgahid] – *моджахед* в арабском «борец за правое дело», а в русском – «воин, террорист»; *джихад* – в арабском «усилия, старания во имя Аллаха», в русском – «вооруженная борьба» [1, с. 16].

В то время как некоторые эксперты продолжают считать положительную оценочность слов *джихад*, *моджахед* одним из языковых маркеров «террористически окрашенного текста»: группа «слов с положительной оценочностью ... связана с обозначением понятий, принципиально важных для идеологии терроризма и составляющих саму ее суть (напр., джихад, устрашение, насилие, террор, убийства и др.)» [5, с. 34].

Например, экспертиза текстов песен Т. Муцураева с положительной оценкой джихада (*О Аллах, лишь в джихаде жизнь ясна!.. Лишь в джихаде, лишь в джихаде жизнь ясна!; Мы – Аллаха воители, Мы – мусульмане. И в решающей битве Победа за нами. И к Священной войне Должен каждый звать. Предстоит нам последний Великий Джихад; ...Нас спасет лишь последний Великий Джихад*) потребовала от эксперта специального указания о присутствии в анализируемых текстах лингвистических признаков возбуждения вражды, ненависти (розни) по отношению к группе лиц, выделенной по религиозному признаку (*немусульмане*), **при условии понимания джихада как вооруженной борьбы с неверными во имя торжества ислама** (выделено нами – И. Н.). Срв. со значением слова джихад согласно академическому словарю: «вооруженная борьба с неверными во имя торжества ислама» vs. «усердие в вере, совершенствование своего я», «приложение максимальных усилий по защите и распространению ислама» [6, с. 66-67].

Несмотря на научную разработанность вопроса о арабизмах в русском языке, следует отметить, что такие лексические единицы, как устойчивые речевые формулы, являющиеся спецификой межличностного общения мусульман, в том числе посредством социальных сетей и мессенджеров, еще не получили должного исследовательского внимания в юрислингвистическом аспекте.

К таким единицам мы относим следующие:

- *альхамдулиллах* «хвала Аллаху»
- *астагфируллах* «прошу прощения у Аллаха»
- *аузубиллях* «прибегаю к защите Аллаха»
- *бисмиллях* «во имя Аллаха; именем Аллаха; ради Бога»
- *иншалла* «если захочет Аллах»
- *машалла* «как угодно Аллаху»
- *субханаллах* «пречист Аллах», «свят Аллах» или «хвала Аллаху»

Следует признать, что указанные лексемы, не входящие в активный узус, но присутствующие в речи русскоязычных мусульман, не изучены. Важность учета этих единиц заключается в том, что они задают модальную

234 | рамку высказывания, передавая эмоции удивления, сожаления, восхищения, возмущения, страха, испуга и т. д.

Лексический статус и грамматические функции этих слов не определены: ряд исследователей считают их модальными словами [18], междометными словами [2], междометиями эмоционального состояния [7], этикетными формулами [13, 21], религиозными «клише» [11], религиозными восклицаниями [14, с. 153-155]. В используемой терминологии подчеркивается их иноязычный характер и неосвоенность лексической системой русского языка – они описываются как ориентализмы, ксенизмы, этнографизмы [12].

Указанные слова не имеют фиксированного кириллического написания, сложившаяся практика их графического оформления противоречива. Только слово *иншалла* лексикографировано, остальные не включены ни в один из словарей, и их написание на русском языке представляет собой актуальную орфографическую задачу.

ИНШАЛЛА — ИНШАЛЛА(Х) [арабск. «во имя Аллаха»] во имя Бога, с Божьей помощью, во имя Аллаха молитвенная ритуальная формула у мусульман [8].

ИНШАЛЛАХ (тур.). Магометанский возглас: «Так хочет бог» [20].

Так, нами зафиксировано более 10 вариантов представления слова *иншалла* на русской графике. О. И. Александрова выбирает вариант *инша'а – лла* «даст Бог, во имя Аллаха» [8, с. 16], по-видимому, являющийся наиболее близкой транскрипцией исходного арабского слова. «Ин» означает «если», «ша(а)» – «воля». Иные модификации (их частотность представлена в таблице):

«Каждый зарабатывает что-то, чтобы прожить этот день, а дальше – иншалла и воля высшей власти, что судит без суда и страсти» (Гиголашвили М. Красный озноб Тингитаны: Записки о Марокко).

«На вопрос о возможной военной интервенции со стороны Турции, Ирана или Багдада кто-то с улыбкой отвечал «Иншаллах», а другие и вовсе говорили, что «соседи два месяца побуянят и угомонятся» (Малыженков С. Ирбиль – Сулеймания // lenta.ru, 2017.09.27).

«Инша Аллах, некоторых из вас мы очень скоро уьем за вышеописанные действия» (Коц А. «Моджахеды» угрожают журналистам // Комсомольская правда, 2012.12.03).

	Гугл-поиск	НКРЯ		сайт Духовного управления мусульман РФ
		основной поиск	газетный корпус	
иншалла	171 тыс.	11/35	22/25	7
иншаллах/ иншалЛлах	250 тыс.	3/5	78	около 30
иншааллах/ иншаАллах	419 тыс.	-	-	более 100

инша Аллах/ Инша Аллах	104 тыс.	-	-	более 100
ин ша Аллах/ ин ша Аллах	366 тыс.	1/1	-	более 50
ин шаа Аллах	138 тыс.	-	-	-
инша Алла/ инша' Алла	22 тыс.	-	-	1

Как можно заметить, присутствует три способа графического выделения исходной основы *Аллах* в производных:

- 1) графическая эпентеза – дополнение основы буквой ‘х’ для нехарактерного для русской фонетики звука [h]: *иншалла VS. иншаллах, инша Алла VS. инша Аллах*;
- 2) разрядка – устойчивые выражения расчленяются на части, значимые в арабском языке: *инша Аллах, ин ша Аллах, ин ша Аллах, инш Аллах*;
- 3) капитализация – выделение прописной буквой собственного имени *Аллах*: *иншаллах VS. иншАллах, иншаАллах, иншаЛлах*.

Мы исходим из того, что рассмотрение указанных единиц как модальных, служебных слов не соответствует их реальному статусу в речи верующих. И проблемы с их передачей на русский язык, желание дезинтегрировать, графически выделить присутствующую в арабском источнике основу *Аллах* свидетельствует об этимологизации слов, возврате к их исторической этимологии, полнзначности.

Таким образом, специфика речевой коммуникации мусульман охватывает большой круг вопросов, исследование которых только начинается. Следует ли учесть, что особенность исламского дискурса – предписание общения с Богом на арабском языке? Можно ли предположить, что оценочное переосмысление арабских слов на русской почве повлияло или будет влиять на их восприятие и употребление российскими мусульманами? Эти вопросы исследователям еще предстоит осознать.

Культурообразующая роль ислама для многих народов России в сочетании с вызовами времени предопределяет необходимость пристального внимания к экспертному описанию особенностей мусульманского дискурса.

Литература

1. Александрова О. И. Лексика арабского происхождения в системе современного русского языка. АКД. М., 2010. 21 с.
2. Блягоз З. У. Взаимообогащение языков и культур разных народов, роль иноязычных элементов, методы и приемы их использования в русской и адыгейской речи младших школьников / З. У. Блягоз // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2012. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimoobogaschenie-yazykov->

236 | i-kultur-raznyh-narodov-rol-inoyazychnyh-elementov-metody-i-priemy-ih-ispolzovaniya-v-russkoj-i-adygejskoj/viewer (дата обращения: 24.05.2023).

3. Бринев К. И. Судебная лингвистическая экспертиза по делам о религиозном экстремизме / К. И. Бринев // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 376. С. 7-13.

4. Волкова А. Г. Дискурсивные метафоры религиозных текстов и их анализ в судебной лингвистической экспертизе / А. Г. Волкова // Теория и практика судебной экспертизы. 2013. № 3(31). С. 56-59.

5. Заварзина Г. А. Языковые маркеры террористически окрашенного текста и методика их выявления / Г. А. Заварзина // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2023. № 1. С. 30-39.

6. Ислам: Энциклопедический словарь. Отв. ред. С. М. Прозоров. М., 1991. 315 с.

7. Исянгулова Г. А. Лексико-семантическая классификация междометий эмоционального состояния в современном башкирском языке / Г. А. Исянгулова // Вестник Башкирск. ун-та. 2016. № 3. С. 777-783.

8. Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. 2006. URL: <https://dic.academic.ru> неправильная ссылка (дата обращения: 23.05.2023).

9. Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму / Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014. 98 с.

10. Лаврик Э. П. Специфика лингвистической экспертизы текстов, содержащих оправдание террористической деятельности / Э. П. Лаврик // Современная теоретическая лингвистика и проблемы судебной экспертизы. Сборник научных работ по итогам Международной научной конференции. М., 2019. С. 142-149.

11. Магомедова П. А., Гасанова М. А. Репрезентация концепта ВЕРА/ИМАН в русскоязычном религиозном (исламском) дискурсе / П. А. Магомедова, М. А. Гасанова // Филология: научные исследования. 2022. № 12. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39474 (дата обращения: 23.05.2023).

12. Намитокова Р. Ю., Сапиева С. К. Кавказская лексика как транслятор культурных смыслов в русском языке и речи / Р. Ю. Намитокова, С. К. Сапиева // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2010. № 3. С. 168-172.

13. Насипов И. С., Хабутдинова М. М. Религиозный дискурс в повести А. Ыылдырым «Бегущие к свету» и романе Ф. Байрамовой «Нижрэт» («исход») / И. С. Насипов, М. М. Хабутдинова // Вестник ТГГПУ. 2021. № 3(65). С. 128-133.

14. Неровная М. А. Особенности репрезентации исламской религиозной лексики в англоязычном художественном тексте и ее перевод на рус-

ский язык (на материале романов Халеда Хоссейни) / М. А. Неровная // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2018. № 3. С. 151-160.

15. Никишин В. Д. Словесный религиозный экстремизм. Правовая квалификация. Экспертиза. Судебная практика. М., 2022. 240 с.

16. Никишин В. Д. Судебная экспертиза как форма использования специальных лингвистических знаний для выявления признаков словесного религиозного экстремизма / В. Д. Никишин // Вопросы экспертной практики. 2017. № S1. С. 251-256;

17. Никишин В. Д. Текст религиозного характера экстремистско-террористической направленности как объект герменевтического исследования и источник криминалистически значимой информации в судебной лингвистической экспертизе / В. Д. Никишин // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 4 (101). С. 118-127.

18. Саттарова С. С. Семантическая классификация модальных слов в современном крымскотатарском языке / С. С. Саттарова // Новые импульсы развития: вопросы научных исследований. 2020. № 6-2. С. 40-44.

19. Хазимуллина Е. Е., Фомина Ю. С. Маркеры принадлежности материалов террористическим организациям (по результатам комплексной лингвистико-религиоведческой экспертизы) / Е. Е. Хазимуллина, Ю. С. Фомина // Политическая лингвистика. 2019. № 6(78). С. 197-204.

20. Чудинов А. Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. 1910. URL: <https://dic.academic.ru> (дата обращения: 23.05.2023).

21. Эмирова А. М. К вопросу о феномене маргинальной литературы / А. М. Эмирова // Вопросы русской литературы. 2012. № 23(80). С. 157-166.

I. A. Neftyasheva

ISLAMIC DISCOURSE IN ONLINE INTERPERSONAL COMMUNICATION: PROBLEMS OF EXPERT DESCRIPTION

Abstract. The article deals with the current state of research of the Islamic discourse, the participation of the religious expert in the complex study of texts on the subject of extremist content. The author tries to clarify some aspects of the expert study of not doctrinal Islamic texts.

Keywords: Islamic discourse, religious extremism, linguistic expertise, religious expertise, vocabulary of Arab origin.

ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕДИАДИКУРСА: ВЕРБАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ МАНИПУЛЯЦИИ

Аннотация. Смысловая множественность, потенциально заложенная в языковой системе, является важной особенностью медиадискурса. Статья посвящена его языковым и семиотическим особенностям, в фокусе внимания автора – вербальные маркеры манипуляции как сложная система знаков и символов, используемая для управления восприятием и влиянием на общественное мнение сквозь призму их прагматической ценности, многомерности и многоплановости во взаимообусловленности их информативности и воздействия.

Ключевые слова: медиадискурс; методы и способы речевого воздействия; языковые манифестации манипулирования; манипулятивное воздействие и проблемы лингвоправового пространства.

Средства массовой информации играют центральную роль в формировании наших понятий о мире, управляют нашим восприятием реальности и в значительной степени влияют на наши убеждения и мнения. Мы все являемся ежедневными потребителями новостей, статей, репортажей, подкастов и других форм медиаконтента. Однако то, как мы понимаем и интерпретируем информацию, часто определяется не только фактами, но и тем, как эти факты подаются. Одним из ключевых аспектов, которые существенно влияют на этот процесс восприятия, является язык. Язык не просто средство для передачи информации; это сложная система знаков и символов, обладающая глубокими семиотическими структурами, которые могут быть использованы для управления восприятием и влиянием на мнения.

Теоретические и эмпирические исследования медиасферы свидетельствуют, насколько актуальным является участие лингвистов, изучающих медиадискурс в разных парадигмах научного знания. Медиатексты – обширное поле информационного воздействия на современное общество. Изучению медиадискурса как ресурса воздействия, исследованию проблемы манипулирования посвящены работы Ю. Ермакова, С. Кара-Мурзы, О. Карпухина, Г. Почепцова, Г. Грачева, И. Мельника, Д. Л. Стравского,

Г. Г. Хазагерова, Е. И. Шейгал и др. на основе междисциплинарной парадигмы, включающей положения когнитологии, лингвистической прагматики, теории речевого воздействия, юридической лингвистики. Праксиология как учение о различных действиях с точки зрения их эффективности, направлено на исследование продуктивных методов и способов речевого воздействия [16, с. 105], поскольку в медиатекстах наряду с информативной, отчетливо прослеживается приоритет воздействующей, эмотивной и манипулятивной функций. Мощный потенциал неоднородности русского языка как динамичного средства общения, в его многообразных проявлениях выражения различных новых возникающих смыслов в стремительно меняющемся мире, позволяет проанализировать прагматическую ценность, многомерность и многоплановость словесных образов во взаимообусловленности их информативности и воздействия.

Мы применяем разнообразные лингвистические и семиотические инструменты для исследования этих явлений, включая дискурсивный анализ, корпусный анализ, критическую дискурсивную аналитику и другие методы для исследования лингвосемиотических особенностей медиадикурса сквозь призму манипулятивных приемов. Воздействие, наряду с общением и сообщением, относится к важнейшим функциям языка [4, с. 6]. В тесной взаимосвязи с воздействующей функцией языка представлена манипулятивная функция. Virtuозное владение языком дает возможность в разных ракурсах представить одну и ту же ситуацию. Манипулирование может быть представлено «как процесс и результат манипулятивного воздействия правовых норм на поведение субъектов права» [15, с. 50]. Изучение механизма манипулирования представляется весьма важным в различных сферах жизни современного общества. В зависимости от условий как языковых, так и внеязыковых в фокусе внимания лингвистов и правоведов оказываются различные социальные и политические события и дается их правовая оценка, аккумулирующая общественно значимую информацию [13, с. 171].

Различные языковые манифестации характеризуют манипуляцию как сложную и актуальную проблему в науке о языке, манипулятивные функции дискурса – потенциально скрытые особенности воздействия, которые не просто отделить от информационного содержания. «Манипулятивное воздействие относится к проблемам лингвоправового пространства. Оценка правовой силы языковых действий, будучи объектом новой комплексной дисциплины на стыке наук – юридической лингвистики, должна быть распространена и на феномен манипулирования», как справедливо утверждает И. В. Беляева [2, с. 5]. Важные измерения правовой системы – лингвистическое и аргументативное тесно переплетаются и не существуют друг без друга, поскольку право связано с языком, оно объективируется в языке и через язык познается» [6, с. 8-9]. Прагматический потенциал правового текста определяется взаимодействием различных составляющих: информационной, концептуальной и вербальной, выраженной определенным набором языковых средств» [13, с. 167]. Лингвист

240 | занимается смысловым содержанием слов и выражений, высказываний негативно-оценочного характера в форме утверждения негативных сведений о фактах, высказываний негативно-оценочного характера в форме мнения. Он не должен выходить за рамки своей компетенции, ошибочным является вынесение юридических оценок, эксперт должен четко разделять факты и мнения [5, с. 108].

Осмысление проблемы прагматического потенциала языка как основания целеполагающей деятельности людей, находит отражение в информационном пространстве медиадискурса во всем его многообразии. Новые грани различных вопросов взаимодействия языка и права обусловлены безусловной важностью их теоретико-лингвистического и теоретико-юридического исследования. Манипулятивные приемы и методы манипулирования смыслом в медиадискурсе разнообразны: использование двусмысленных терминов и выражений, ложная авторитетность, ложная альтернатива, искажение информации; сокрытие информации, подмена нейтральных понятий эмоционально-оценочными, отвлекающий маневр и др. Важная особенность медиатекста – вербальные маркеры, несущие информацию о ходе коммуникации, «в сообщениях массовой коммуникации огромную роль играет не только то, что произошло, но и рефлексия: кто, что, когда, зачем, почему и как об этом говорил, писал, сообщал. Эта информация важна для речевого воздействия, для формирования отношения к сообщаемым фактам» [7, с. 33].

Оттеночная, «поглощенная» функция слова, которое не является обязательным и даже неожиданно по поводу данной реалии, является важным выражением модального качества мысли. Это приводит к подвижному переходу от одного значения к другому, создает особый эстетический эффект, репрезентирующий единый конструктивный принцип медиадискурса как «диалектическое объединение ее ведущих признаков «экспрессии» и «стандарта», по В. Г. Костомарову, понимаемых как оценочные, воздействующие и информирующие начала в противопоставлении друг другу. В таком ракурсе исследования «манипуляция – двуплановый коммуникативный поступок в его противопоставлении... в структурном плане одноплановым, в функциональном отношении – полиинтерпретируемым и моноинтерпретируемым целостно-маркированным действиям» [9, с. 232].

Одним из ключевых инструментов формирования медиадискурса являются вербальные маркеры манипуляции – слова и фразы, которые используются для формирования или изменения мнения людей, путем манипулирования чувствами, убеждениями или представлениями как эксплицитно, открыто выраженное, так и имплицитно [14, с. 211]. Они исследуются как социальный феномен (в аспекте взаимодействия между различными общественными группами), как когнитивный феномен, воздействующий на сознание, и как дискурсивно-семиотический феномен медиадискурса, констатирующий влияние на сознание людей [20, с. 359-365].

Классификация этих маркеров и того, как они используются, является важным аспектом исследования, проблема манипулятивного потенциала каждого языкового явления «может считаться адекватно описанным и разъясненным только в тех случаях, если оно рассмотрено на перекрестке когниции и коммуникации» [11, с. 16]. Смысловая множественность, потенциально заложенная в языковой системе, является важной особенностью медиадискурса. Исследование значения слова, изменений его смысловой перспективы обнаруживает, что в нем отражается особая действительность, образующая информационную систему движущихся и пересекающихся плоскостей. Слово обладает не только предметным значением, но и различными изменчивыми смыслами, многовекторно развиваемыми оценочными значениями, которые возникают при его использовании, где объединены основные «стихии»: 1) смысловая предметность, 2) понимание ее «как арены встречи двух энергий, объективной – предметности и субъективной – человеческого сознания, 3) физико-физиологическая фактичность, несущая в себе осознание этой предметности» [12, с. 311]. Исследование различных типов вербальных маркеров манипуляции – важный шаг к осознанному восприятию информации и критическому анализу контента [8] различных средств массовой информации.

Обратимся к анализу этих маркеров и их использования в разных контекстах, рассмотрев некоторые их манифестации.

Слова с сильными экспрессивными коннотациями, имеющие эмоциональную окраску – один из важнейших маркеров манипуляции. Например, слова *«террорист»* вместо *«боевик»*, *«беженец»* вместо *«мигрант»* могут влиять на наше восприятие этих людей и ситуаций, в которых они оказываются. Языковые средства обладают общим денотативным значением и также коннотативным, содержащим эмоциональные, стилистические, оценочные и экспрессивные семиотические нюансы: *скандал, агрессия, бойкот, опасность, манипуляция, пропаганда, подавление, обман, репрессии, угроза, опасность, отторжение, конфликт, мятежники, восстание, сепаратисты, катастрофа, эскалация, конфронтация* и т. д.

Порождение новой информации, новых смыслов путем обобщения и упрощения используется для создания определенного образа или настроения в динамическом аспекте как процесс его формирования и реализации в медиадискурсе. Такие маркеры многопланово воздействуют на современного человека, его речевое поведение, систему ценностей и языковое сознание, зачастую в негативном ключе. Например, фразы *«все политики коррупционеры»* или *«вся молодежь не хочет работать»* создают грубые обобщения, направленные на манипулирование восприятием аудитории, упрощая сложные вопросы. Дискурс о беженцах часто склоняется к обобщениям, когда все беженцы описываются как угроза безопасности, несмотря на разнообразие их индивидуальных историй и обстоятельств.

Оценочная лексика определяет конкретно-исторический характер восприятия и бытования медиадискурса. Это слова и выражения,

242 | которые несут в себе явную или скрытую оценку. Отличительной чертой ценностных представлений является наличие противоположных ценностных модальностей, предполагающих личный выбор и иерархичность позитивных и негативных предпочтений. Побуждения к действиям является конечной целью воздействия, относится дальней прагматике, ценностной ориентации [17]. Например, использование слова «смелый» вместо «бесшабашный» в новостной статье может управлять нашим восприятием действий людей. В информационном дискурсе оценочная лексика играет решающую роль. В освещении конфликтов на Ближнем Востоке слова, выбранные для описания действий сторон, могут значительно влиять на восприятие ситуации, где условный «защитник» может в одном контексте превратиться в «нападающего», а «террорист» может стать «свободолюбом» в зависимости от оценочной позиции издания. Ср. также: *разрушительный, агрессивный, незаконный, опасный, злобный, недружелюбный, скандальный, катастрофический, враждебный, виновный, жестокий, опасный, беспрецедентный, шокирующий* и др. Слова и выражения, которые преднамеренно вызывают сильную эмоциональную реакцию, усиливают воздействие от сообщаемого.

Фрейминг как техника, при которой одна и та же информация может быть представлена по-разному в зависимости от выбранного «рамочного устройства», своеобразное когнитивное искажение, помогающее через форму подачи информации повлиять на то, как адресат её воспримет. Например, увольнение сотрудника может быть описано как «сокращение штата» или «оптимизация процессов». Один и те же действия могут иметь разные коннотации в зависимости от выбранного фрейма. Практика фрейминга, или «рамочного моделирования» широко представлена в медиадискурсе. Примером может служить рассмотрение экономического кризиса. Если применить «*фрейм катастрофы*», то кризис будет описан как неизбежная беда, приводящая к краху. Если же использовать «*фрейм возможности*», то он может быть представлен как период трудностей, который в итоге приведет к необходимым реформам и улучшению экономики.

Метафоры и аналогии – сильные инструменты манипуляции, так как они помогают формировать образы и устанавливать связи между различными концепциями. Аксиологические ориентиры манифестируются в ценностных смыслах. Например, использование словосочетания «*война с наркотиками*» может создать ассоциацию с реальной войной, усиливая восприятие наркотиков как угрозы национальной безопасности. Медиатекст многомерный текстового феномен, актуализация которого обусловлена взаимодействием разнородных связей и отношений как языкового, так и экстралингвистического характера. Повторение различных изобразительно-выразительных средств – еще одна техника, которая широко представлена в медиадискурсе для укрепления определенной точки зрения. Постоянное повторение определенных утверждений, даже если они не подтверждены фактами, может привести

к тому, что люди начнут верить в их истинность. Контекстуализация как представление информации на фоне определенных обстоятельств, оправдания или обоснования определенных действий, меняет восприятие этого действия. Например, акт насилия может быть представлен как «*ответная мера*» или «*самооборона*». Использование синонимов для описания одного и того же явления, особенно при отрицательной коннотации, также является способом манипуляции. Например, описание политика как «*недоверчивого*», «*подозрительного*», «*подозрительного*», «*параноика*» может усилить отрицательное восприятие, поскольку тексты с эксплицированной негативной оценкой (особенно оценкой персонажей) «неизбежно формируют особую – конфликтогенную – речевую среду [10, с. 107]. Таким образом утвердительные и отрицательные маркеры характеризуют положительные или отрицательные аспекты событий или людей. Например, использование слова «*ответственный*» может подчеркнуть их положительные аспекты, в то время как «*неответственный*» – негативные.

Интересным в этой связи представляется противопоставление различных типов поведения в концепции Э. Шострома: манипулятивного (базируется на отношении к себе и другим людям как к вещам, средствам достижения поставленных целей) и актуализационного (выражающегося в оценке других в качестве самоценных личностей) [19, с. 15]. Часто манипуляция осуществляется за счет отсутствия модуса мнения в так называемых «общесмысловых высказываниях», обобщенных афористических фразах, которые часто не подвергаются критическому анализу и воспринимаются как аксиомы или доказанные истины. Такие высказывания несут сомнительную информацию благодаря неправомерному обобщению или отсутствию веских доказательств: «*размеры дохода редко превышают уровень развития личности*», «*я не настолько богат, чтобы позволить себе покупать дешевые вещи*». В таких высказываниях используются наречия маркеры модуса знания: очевидно, естественно, понятно и др. [18, с. 77].

Словесные образы как единицы вербального выражения глубинных смыслов реализуются на основе текстовой синтагматики, парадигматики и вариативности, являясь составляющими медиадискурса, которые формируются как результат взаимодействия его компонентов и порождают особые значения. Владение дискурсивными технологиями и дискурсом как «информационным оружием» воздействия в векторе достижения «*consensus omnium*» (И. Кант) способствует созданию различных представлений действительности. Процесс воздействия словесных образов на человека и его способ мышления многомерен. Передача определенной информации, ценность которой (ее прагматический уровень) зависит от системной силы, которая конденсирует наиболее актуальные смыслы, находит свое развитие в многовекторности и разнонаправленности коммуникативного взаимодействия вербальных маркеров манипуляции в медиадискурсе. В многоликом проявлении слова прямо или косвенно выражается субъективно-оценочное отношение к социально значимым

244 | явлениям, представлены множественные точки зрения – как «внутренняя» по отношению к медиатексту, так и «внешняя», детерминированная творческим изменением действительности с помощью различных способов манипулирования в ценностном осмыслении информационного пространства.

Литература

1. Аблин М. В. Комплексная экспертиза с участием лингвистов: специфика формулирования вопросов / М. В. Аблин // Уголовное право. 2013. № 1, С. 128-131.
2. Беляева И. В. Феномен речевой манипуляции: лингвоюридические аспекты: дис. ... докт. филол. наук. Ростов, 2009. 374 с.
3. Бринев К. И. Судебная лингвистическая экспертиза. Методология и методика. М., 2022. 300 с.
4. Виноградов. В. В. Проблемы русской стилистики М., 1981. 320 с.
5. Галяшина Е. И. Судебное речеведение. М., 2022. 320 с.
6. Голев Н. Д. Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема / Н. Д. Голев // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, 2000. С. 8-40.
7. Дускаева Л. Р. Речевая организация метатекста телеграм-поста / Л. Р. Дускаева // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2023. № 1. С. 30-65.
8. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М., 2002. 490 с.
9. Карасик В. И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. Волгоград, 2015. 432 с.
10. Котюрова М. П. Интерпретация конфликтогенного журналистского текста в судебном дискурсе / М. П. Котюрова // Этика речевого поведения российского журналиста. СПб., 2009. 270 с.
11. Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Е. С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 6-17.
12. Лосев А. Ф. Диалектика художественной формы. М, 2010. 415 с.
13. Новикова М. Л. Речевое манипулирование как проблема языка и права / М. Л. Новикова // Перспективные направления современной лингвистики. М., РУДН, 2020. С. 165-172.
14. Пирогова Ю. К. ИмPLICITная информация как средство коммуникативного воздействия и манипулирования / Ю. К. Пирогова // Проблемы прикладной лингвистики М., 2002, С. 209-227.
15. Ромашов Р. А. Интерпретация права: лингвистический и технико-юридический аспекты / Р. А. Ромашов // Юрислингвистика-10: Лингвоконфликтология и юриспруденция. Кемерово, Барнаул 2010, С. 50-55.
16. Редькина Т. Ю. Речевая экспликация ситуационной модели: лингвопраксиологический подход / Т. Ю. Редькина // Медиалингвистика. 2015. № 2(8), С. 104-116.

17. Чернявская В. Е., Молодыхенко Е. Н. Речевое воздействие в политическом, рекламном и интернет-дискурсе. М., 2023. 176 с.

18. Шелестюк Е. В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования. М., 2014. 344 с.

19. Шостром Э. Человек-манипулятор. Внутреннее путешествие от манипуляции к актуализации. М., 2008. 192 с.

20. Van Dijk. T. A. Discourse and manipulation / T. A. van Dijk // Discourse and Society. 2006. № 17 (2). 359-383 p.

M. L. Novikova

LINGUISTIC AND SEMANTIC PECULIARITIES OF MEDIA DISCOURSE: VERBAL MARKERS OF MANIPULATION

Abstract. Semantic diversity is potentially embedded in the linguistic system which creates an important feature of media discourse. The article is devoted to the linguistic and semiotic peculiarities of media discourse, the author focuses on the verbal markers of manipulation as a complex system of signs and symbols which are used to control the perception and influence the public opinion through the prism of their pragmatic value, multidimensionality and diversity of their information as well as the versatility of influence.

Keywords: media discourse, methods and techniques of speech influence, linguistic manifestations of manipulation, manipulative influence and problems of linguistic and legal space.

ФЕНОМЕН ОПИСАТЕЛЬНОСТИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ

Аннотация. Работа посвящена проблеме лингвистической экспертизы товарного знака. Обсуждаются нерешенные вопросы, возникающие в ходе экспертизы названного вида. В частности, на примере конкретной лингвистической экспертизы демонстрируется методика определения описательности/неописательности того или иного обозначения.

Ключевые слова: товарный знак; экспертиза товарного знака; описательный элемент; различительная способность товарного знака.

В соответствии с Гражданским Кодексом РФ под товарным знаком понимается обозначение, служащее для индивидуализации товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей [3]. Одним из видов товарного знака является словесный товарный знак. К числу словесных товарных знаков, например, относятся: «Альтернатива», «Север», «Кагарус», «Кварцент» и др.

Заметим, что далеко не всякое словесное обозначение может быть зарегистрировано в качестве товарного знака. Так, согласно с п. 1 ст. 1483 Гражданского кодекса РФ, «не допускается государственная регистрация в качестве товарных знаков обозначений, не обладающих различительной способностью или состоящих только из элементов... характеризующих товары, в том числе указывающих на их вид, качество, количество, свойство, назначение, ценность, а также на время, место и способ их производства или сбыта» [3].

Перечисленные обозначения относятся к так называемым описательным обозначениям, они не обладают различительной способностью, охраноспособностью, именно поэтому не подлежат государственной регистрации.

Как видим, одним из признаков, позволяющим отнести обозначение к категории описательных, оказывается указание на свойство товара.

Под свойством товара следует понимать объективную особенность продукции (или товара), проявляющуюся при ее создании, оценке, хранении и потреблении.

Свойства товара можно разделить на несколько различных категорий: социальные свойства, функциональные, эргономические, надежность, эстетические, физические свойства, безопасность товара и др. (причем некоторые из этих свойств оказываются взаимосвязанными).

На первый взгляд может показаться, что ответ на вопрос, содержится ли в обозначении указание на свойство товара, решается легко. Например, совершенно очевидно, что обозначение «Кекс лимонный» содержит указание на такое физическое свойство товара как вкус; именно поэтому товарный знак «Кекс лимонный» зарегистрирован с включением словесного элемента «лимонный» лишь в качестве неохраняемого элемента. Точно так же обозначение «Антинакипин» (средство для удаления накипи) содержит указание на функциональные свойства товара, вот почему оно не было зарегистрировано (подробнее о методике определения описательного элемента см. в: [5, с. 153-163]).

Между тем, в ряде случаев отнести то или иное обозначение к категории содержащих или, наоборот, не содержащих указание на свойство товара, бывает проблематично, что становится поводом для многочисленных судебных разбирательств и последующих лингвистических экспертиз. С нашей точки зрения, разрешение этой проблемы нередко становится одним из трудных случаев экспертизы товарного знака (см. подробнее: [4, с. 127-129]).

Ситуация заметно усугубляется тем, что само понятие описательного элемента оказывается относительным, о чем неоднократно упоминается в юридических документах. В частности, в п. 4.1.2 «Руководства по осуществлению административных процедур и действий в рамках предоставления государственной услуги по государственной регистрации товарного знака, знака обслуживания, коллективного знака и выдаче свидетельства на товарный знак, знак обслуживания, коллективный знак, их дубликатов» так и говорится, что «одно и то же обозначение может в одних товарах быть признано описательным, в отношении других – ложным, в отношении третьих – фантазийным» [6]. Кстати, именно в силу относительности понятия описательности нередко в лингвистической экспертизе вся коллизия сводится к вопросу о том, в каких случаях то или иное обозначение является описательным, а в каких – нет.

Кроме того, отсутствует четкая и однозначная методика определения в рамках лингвистической экспертизы наличия / отсутствия указания на то или иное свойство товара в его обозначении.

Для пояснения дискуссионных вопросов, возникающих в процессе исследования подобного рода, а также для демонстрации путей их разрешения приведем пример анализа обозначений «СЮРПРИЗ ДЛЯ МАЛЬЧИКА внутри», «СЮРПРИЗ ДЛЯ ДЕВОЧКИ внутри» (при этом сошлемся на проведенную нами в 2022 г. лингвистическую экспертизу упомянутых обозначений).

Для того чтобы ответить в рамках проведенного исследования на вопрос об описательности/ неописательности обозначений, потребовалось реализовать следующие шаги:

- выяснить, существует ли такое свойство товара как *сюрприз* (*сюрприз внутри*);
- определить (или не определить) место исследуемого гипотетического свойства в общей системе свойств товара;
- убедиться в том, что номинируемые товары действительно содержат внутри себя сюрприз (в противном случае обозначения могут быть признаны вводными в заблуждение).

Опишем поэтапно реализацию этих шагов.

Итак, как мы уже упоминали выше, одну из групп свойств товара составляют так называемые эргономические свойства. Эргономическими называются свойства товара, которые обеспечивают комфорт и удобство его потребления [7]. Это способность товара создавать ощущение удобства, комфортности, наиболее полного удовлетворения потребностей в соответствии с антропометрическими, физиологическими, психологическими и органолептическими характеристиками потребителя.

Группа эргономических свойств неоднородна. Заметное место в этой группе занимают так называемые психологические свойства. Психологические свойства товаров – это способность товаров отвечать психике потребителя; это способность обеспечивать соответствие товаров восприятию человека [7], иными словами, способность обеспечивать психологические потребности потребителя.

Перечень психологических потребностей человека чрезвычайно разнообразен. Между тем, существенное место в перечне психологических потребностей занимает так называемая потребность в новизне. Некоторые исследователи отмечают нейропсихологическую природу этой потребности. Так, Л. И. Божович, выдающийся российский психолог, исследуя становление психики ребенка, писала, что «потребность в новых впечатлениях порождается включением в жизнедеятельность ребёнка коры головного мозга. К моменту, когда кора головного мозга вступает в действие, она ещё не закончила своего формирования... Поэтому мозг нуждается в раздражителях, вызывающих его деятельность и тем самым обеспечивающих его ... развитие. Таким образом, потребность в новых впечатлениях первоначально является чисто органической потребностью... но очень скоро... удовлетворение этой потребности, вызывавшее сначала только ускорение ... начинает сопровождаться ярко выраженными положительными эмоциями» [1, с. 194-192]. Автор утверждает, что эта потребность формируется на 3-5 неделе жизни, является ведущей для психического развития [1, с. 427] и, начиная с И. П. Павлова, трактуется как безусловный ориентировочный рефлекс [1, с. 223].

Очевидно, что потребность в новизне реализуется, в том числе, тягой к неизвестному, неожиданному, неожиданным подаркам, т. е. сюрпризам (см. значение слова *сюрприз*):

СЮРПРИЗ-а; м. [франц. surprise] 1. Неожиданный подарок. *Мы готовим ей с. Преподнести с. ко дню рождения. Хлопушка с сюрпризом (игрушка со спрятанным внутри каким-л. предметом).* 2. Разг. Неожиданное событие,

обстоятельство; неожиданность. Это известие – приятный с. Вот так с.! (выражение удивления)) [2].

Иными словами, сюрприз обеспечивает определенную психологическую потребность человека, а именно – потребность к новизне.

Как уже отмечалось выше, способность обеспечивать психологические потребности в процессе потребления товаров – это свойство товаров, относящееся к группе психологических свойств. Именно поэтому *сюрприз* вполне правомочно трактовать как свойство тех товаров, которые представляют собой или содержат внутри себя реальный сюрприз – некую приятную неожиданность.

При этом совершенно очевидно, что можно говорить как о свойстве товаров в целом, так и о свойствах отдельных его частей. Например, такое свойство товара как ремонтпригодность – это, прежде всего, свойство внутреннего технического наполнения, например, холодильника, а не свойство его внешней оболочки. Между тем, это свойство является принципиальным для функционирования холодильника, поэтому можно говорить о наличии этого свойства у холодильника в целом.

Иными словами, *сюрприз внутри* – это то же самое свойство *сюрприз*, характеризующее внутреннее наполнение товара; потребность в новизне обеспечивается в данном случае наличием чего-то неизвестного, неожиданного внутри товара или его упаковки.

Таким образом, можно утверждать, что *сюрприз (сюрприз внутри)* – это такое свойство товара, которое относится к группе психологических эргономических свойств, обеспечивающее психологическую потребность человека в новизне (описательность), и обозначающее наличие чего-то неизвестного, неожиданного в товаре в целом или в его внутренней части (внутри товара или его упаковки).

Как уже отмечалось выше, в ходе проводимого исследования необходимо убедиться в том, что номинируемые товары действительно содержат внутри себя сюрприз (в противном случае обозначения могут быть признаны вводящими в заблуждение).

Разрешение этой проблемы стало возможно благодаря документам, предоставленным эксперту, в числе которых содержалось описание товаров с обозначениями «СЮРПРИЗ ДЛЯ МАЛЬЧИКОВ ВНУТРИ», «СЮРПРИЗ ДЛЯ ДЕВОЧЕК ВНУТРИ». В соответствии с этим описанием номинируемые товары представляют собой игрушку (пластиковое яйцо) с кондитерским сюрпризом.

Все это вместе позволило сформулировать вывод о том, что исследуемые обозначения «СЮРПРИЗ ДЛЯ МАЛЬЧИКОВ ВНУТРИ», «СЮРПРИЗ ДЛЯ ДЕВОЧЕК ВНУТРИ», изображённые на игрушке или кондитерском изделии в форме игрушки с сюрпризом внутри, являются описательным (как указывающие на свойство товара).

Между тем, следует непременно констатировать следующее:

- методика определения в рамках лингвистической экспертизы наличия / отсутствия указания в обозначении на то или иное свойство

товара требует научного осмысления и дальнейшей практической апробации;

- приведенный в тексте вывод об относительности понятия описательности требует разработки четких критериев разграничения описательности и фантазийности товарных знаков, а также описательности и введения в заблуждение.

Литература

1. Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. (Психологическое исследование). М., 1968. 464 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
3. Гражданский Кодекс РФ, часть четвертая (принят Государственной Думой 24 ноября 2006 г., одобрен Советом Федерации 8 декабря 2006 г. Российская газета, № 289, 22 декабря 2006 г., вст. в силу с 1 января 2008 г.).
4. Новичихина М. Е. О нерешенных вопросах и перспективах лингвистической экспертизы товарных знаков / М. Е. Новичихина // Вестник ВГУ. Сер.: Филология. Журналистика. 2019. № 1. С. 127-129.
5. Новичихина М. Е. О критериях выделения описательного элемента в лингвистической экспертизе товарного знака / М. Е. Новичихина // Теория языка и межкультурная коммуникация: Электронное периодическое издание. 2021. № 4. С. 153-163.
6. Руководство по осуществлению административных процедур и действий в рамках предоставления государственной услуги по государственной регистрации товарного знака, знака обслуживания, коллективного знака и выдаче свидетельств на товарный знак, знак обслуживания, коллективный знак, их дубликатов (утв. приказом Роспатента от 24 июля 2018г., № 128).
7. Справочник по товароведению. Электронный ресурс. URL: <https://spravochnick.ru/tovarovedenie/> (дата обращения: 22.05.2023).

М. Е. Novichihina

THE PHENOMENON OF DESCRIPTIVENESS IN THE LINGUISTIC EXPERT EXAMINATION OF TRADEMARKS

Abstract. The paper is devoted to the problem of linguistic expertise of trademarks. Unresolved issues arising during such an examination are discussed. In particular, the method of determining the descriptiveness/non-descriptiveness of a designation is demonstrated by the example of a specific linguistic expert examination.

Keywords: trademark; linguistic expert examination; descriptive element; distinctiveness of a trademark.

КОНКРЕТНОСТЬ, ОБОСОБЛЕННОСТЬ И ДИСКРЕТНОСТЬ РЕЧЕВЫХ ОБЪЕКТОВ

Аннотация. Статья продолжает тему объектов судебной лингвистической экспертизы, и сейчас постулируются и подробно описываются два их важнейших свойства – конкретность и обособленность. Эти свойства обуславливают ряд ограничений и предписаний в экспертно-лингвистической практике и методической работе.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза; речевые объекты; конкретность; обособленность; дискретность.

Оbjectы практической судебно-экспертной деятельности различаются для разных классов экспертиз – однако у всех них есть нечто общее: «В основном под объектом судебной экспертизы понимают материальный объект, содержащий информацию, необходимую для решения экспертной задачи» [5, с. 293]. Это в полной мере относится к классу судебного речеведения и к его основной части – лингвистической экспертизе.

Лицо, назначающее судебную лингвистическую экспертизу, обязано поставить вопросы на разрешение эксперта и передать на исследование речевые или поликодовые объекты (далее будем обобщенно называть их речевыми). Несомненно, что передача объектов – это действие, происходящее в материальном мире и обособленное в пространстве и времени (не безграничное и не бесконечное). Чтобы она не была фиктивной, передаваемые объекты тоже должны иметь некое материальное воплощение и быть обособленными в пространстве и времени – проще говоря, иметь начало и конец. Все это возможно постольку, поскольку нематериальная речь всегда передается на материальном носителе (носитель электронной информации – компакт-диск, флеш-накопитель, жесткий диск; бумажный носитель, деревянный, пластиковый и пр.). Материальный носитель придает множеству речевых объектов две характеристики: конкретность и дискретность.

Конкретный есть «реально существующий, предметно определенный», «четко обозначенный, вполне определенный (от лат. *concretus* – сгущенный, густой, уплотненный)» [10, т. 2, с. 89]. Конкретность противоположна абстрактности, беспредметности, обобщенности, умозрительности: так, например, лексема – понимаемая как «совокупность форм и значений, свойственных одному и тому же слову во всех его употреблениях и реализациях» [6, с. 257] – не является конкретной, это абстрактная

252 | собирательная категория. А лексико-семантический вариант (ЛСВ), несущий лишь одно значение, – является.

Дискретный – это «прерывистый, дробный, состоящий из отдельных частей» [10, т. 1, с. 402]. В математике дискретность «(от лат. *discretus* – разделенный, прерывистый) – прерывность; противопоставляется непрерывности. Например, дискретное изменение какой-либо величины во времени – это изменение, происходящее через определенные промежутки времени (скачками); система целых чисел (в противоположность системе действительных чисел) является дискретной» [8, с. 185]. Вспомним, что действительные числа – это все точки бесконечной числовой прямой, а целые числа – набор обособленных величин: $-2, -1, 0, 1, 2, 3, 4, 5$ и т. д. Если рассматривать дискурс – «речь, “погруженную в жизнь”», «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемую как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [6, с. 136–137], то мы не сможем определить, где находятся начальные и конечные фразы какого-либо дискурса: он непрерывен. В отличие от него любая совокупность произведений – литературных, музыкальных, кино- или видеопроизведений – это набор обособленных объектов, то есть прерывное, дискретное множество.

Интересно, что некоторые объекты – а именно только что упомянутые произведения, а также полиграфическая продукция, письма, устные диалоги, ограниченные речевыми актами приветствия и прощания, и т. п. – исходно обособлены и могут образовывать лишь дискретные группы, независимо от того, будут ли они подвергаться судебной экспертизе или не будут. Каждый из них обладает собственной имманентно присущей структурой, а признаки привносятся в него исключительно автором или говорящим. Другой же вид объектов, исходно-необособленные, приобретает отграниченность только при фиксации в оперативно-розыскных, следственных или судебных целях: так, во многих общественных местах – в аэропортах, на вокзалах, на станциях метро и пр. – безостановочно длится полилог, который нельзя зафиксировать полностью, это всегда будет некий его фрагмент, большинство параметров которого (структура, состав говорящих, даже тематика) либо случайно, либо обусловлено внешними факторами – особенностями записывающей аппаратуры и действиями человека, ведущего запись.

Проблематика конкретного-абстрактного и прерывного-непрерывного не нова для общей теории криминалистики, частных криминалистических теорий и общей теории судебной экспертизы. Если по первому вопросу у ученых-теоретиков достаточно рано сформировался широкий консенсус (с опорой на ту мысль, что у любого объекта есть либо материально-конкретное выражение, либо материально-конкретное отображение, – [9, с. 36–46], [1, с. 205–213], [5, с. 292–299] и др.) – то прерывность-непрерывность принесла больше неудобств, ведь с давних пор наряду с предметами и изделиями (обособленные объекты) криминалистической

практике были известны и материалы неопределенной протяженности, и жидкости, и сыпучие вещества (необособленные объекты), и по ним также необходимо было решать типичные идентификационные задачи, устанавливая, а главное, обосновывая индивидуально-конкретное тождество. Здесь настоятельная практическая потребность помогла выстроить теоретическое и логическое обоснование этих непростых задач. Так, в 1967 г. А. А. Эйсман писал: «Некоторая масса вещества, имеющая определенную “биографию”, например искусственно составленный из нескольких компонентов раствор или определенный объем жидкости, подвергавшийся различным естественным воздействиям, объективно столь же индивидуальна, как и любой предмет, если мы можем определенно указать границы этого объема или массы» [11, с. 31]. Что же касается массивов речи, то для них наличие твердого материального носителя гарантировало и гарантирует и конкретность, и обособленность.

Итак, каждый объект судебной лингвистической экспертизы обладает двумя важными свойствами:

- конкретностью, то есть материальной выраженностью, предметной определенностью;
- обособленностью в пространстве и времени (есть начало и конец), поэтому любая последовательность объектов дискретна, прерывна.

Из этого утверждения следует ряд выводов – и если само оно звучит для экспертов-практиков вполне тривиально, то его следствия будут неожиданными.

1. Объекты, лишенные конкретности и (или) обособленности, непригодны для экспертизы.

Такие объекты (например, любой дискурс) невозможно передать на исследование целиком – лишь в некоторой части. (Что уже не обеспечивает полноту судебно-экспертного исследования.) Из формальной логики известно, что умозаключение о некоем целом на основе изучения его части – это неполная индукция, а она не дает достоверного знания, только в той или иной степени приближенное к нему вероятное, то есть не обеспечивает строгой научной основы экспертизы. Степень же вероятности выводов просчитать невозможно, так как не хватает данных: для каждого такого объекта нужно знать, и какая именно часть передана на исследование, и как полученные для нее результаты могут коррелировать с результатами для целого. Поэтому выводы эксперта по таким объектам никогда не будут определенными и практически полезными. «Судебная экспертиза дискурса» – это бессмыслица.

К сожалению, имеющаяся судебно-экспертная терминология не обладает в этом отношении объяснительной силой и не дает возможности отличить пригодный объект от непригодного. В ГОСТ Р 70003-2022 «Судебная лингвистическая экспертиза» в качестве объекта указывается текст – «последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность» [4, с. 1]. Если это определенная последовательность, а не любая (по крайней мере в некоторой своей части),

254 | то такой объект может быть конкретным – однако второго его свойства определение не отражает: текст не обособлен, не имеет начала и конца. Еще одно распространенное именование объекта экспертизы – продукт речевой деятельности. Сама по себе речевая деятельность недискретна (дискретна только последовательность речевых актов, но в данном случае теория речевых актов за научную основу не берется) – поэтому продукты речевой деятельности либо не обособлены, либо же умозрительно (а значит, фиктивно) обособляются экспертом. Данные определения нуждаются в уточнении или замене.

2. Конкретность и обособленность объектов налагают методические ограничения, но также и предписывают определенные способы и пути исследования.

Во-первых, эксперту-лингвисту нельзя заимствовать из материнских наук в неизменном виде методы анализа, предназначенные для неконкретных и необособленных объектов. В языкознании объекты могут быть и абстрактными (например, уровни и единицы языка), и безграничными или имеющими лишь условные границы (например, различные аспекты глоттогенеза) – методы изучения таких объектов не предполагают криминалистической точности (см. выше о неполной индукции), поэтому перенесение их в экспертизу в неизменном виде нецелесообразно. (Такое же ограничение – по той же причине – касается любых методов психологии: заимствуя их, мы заимствуем и их неточность.)

Во-вторых, исходно-обособленные и исходно-необособленные речевые объекты следует изучать по-разному. Необходимо помнить, что в исходно-необособленную речь ряд структурных и содержательных признаков привносится внешним наблюдателем (оперуполномоченным, лицом, назначающим экспертизу, экспертом). Такие признаки могут не отражать реальных свойств объекта, поэтому на них нельзя опираться ни при экспертной диагностике или идентификации, ни при первоначальном описании исследуемого материала.

В-третьих, для анализа структуры (композиции) исходно-обособленных речевых объектов целесообразно использовать уже имеющуюся научную основу – категориальный аппарат литературоведческой науки. Лингвистическая семантика, которая мыслится экспертами как единая и единственная филологическая основа юрислингвистики (по поводу чего «в экспертном сообществе практически достигнуто согласие» [7, с. 7]), здесь не дает исследовательских возможностей.

В-четвертых, естественные границы исходно-обособленных объектов важнее, значимее, чем искусственные и часто случайные границы исходно-необособленных. Но и те и другие существуют в действительности и материально выражены: эксперт-лингвист не может сделать вид, что их нет, при решении вспомогательного вопроса о совместном исследовании речевых объектов. По замечанию Е. И. Галяшиной, «следует считать недопустимым в судебной лингвистической экспертизе объединение текстов разговоров или речевых продуктов в “сложный отдельный текст”, который выступает объектом экспертного исследования вместо индивиду-

ально-конкретного текста», ибо такой «виртуальный монтаж» ведет к «формированию виртуального контекста с приращением смыслов, являющихся плодом творческой деятельности самого эксперта» [2, с. 38]. Любые несколько речевых объектов могут иметь что-то общее в большей или меньшей степени – но никогда не всё.

3. Экспертные задачи по анализу неконкретного или необособленного объекта – это квазизадачи, задачи-фикции.

Подобный объект, как уже говорилось выше, невозможно передать куда-либо полностью, из рук в руки – в том числе и на экспертизу. А значит, заведомо невозможно обеспечить полноту судебно-экспертного исследования. Поэтому, в частности, задачи на экспликацию – «дать толкование значения и происхождения слов, словосочетаний, устойчивых фразеологических выражений (идиом); установить основное и дополнительное (коннотативное) значение единицы речи (устной или письменной)» [3, с. 220] – могут решаться и давать достоверные результаты, только если исследуемая единица находится в контексте какого-либо конкретного речевого объекта. Сама же такая единица не включает в себя контекст (он всегда вне ее) и не может быть единственным объектом экспертизы.

Анализ конкретного объекта как неконкретного, в отрыве от контекста (семантического и синтаксического) – это деконкретизация, ошибка, которая способна напрямую влиять на выводы эксперта. Так, слово «Герыч» скорее всего означает ‘героин’ (что дает положительный вывод эксперта по вопросу о наличии в речи высказываний о наркотиках) – но в некоторых контекстах может означать и имя Герман (ср. Димыч, Палыч): неучет конкретного контекста и замена ЛСВ на лексему здесь ведет эксперта к ложно-положительному выводу. Деконкретизация – это частный случай подмены объекта экспертизы.

Эксперт-лингвист всегда должен четко представлять, что именно и как именно он исследует. Свойства речевых объектов – конкретность и обособленность – необходимо учитывать как в повседневной экспертной практике, так и на методическом уровне.

Литература

1. Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза. Курс общей теории: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. 480 с.
2. Галяшина Е. И. Специальные методы судебной лингвистической экспертизы и экспертные фантомы (размышления после прочтения криминалистических работ Р.С. Белкина) / Е. И. Галяшина // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Т. 12. № 3. С. 33-39.
3. Галяшина Е. И. Судебное речеведение: учебник. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. 320 с.
4. ГОСТ Р 70003-2022. Судебная лингвистическая экспертиза. Термины и определения. М.: Российский институт стандартизации, 2022. 7 с.

5. Дьяконова О. Г. Теоретические основы судебной экспертологии: монография. М.: Проспект, 2022. 480 с.

6. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.

7. Мамаев Н.Ю. Проблема объективации понимания спорного текста в рамках судебной лингвистической экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. 2020. Т. 15. № 4. С. 6-18.

8. Математический энциклопедический словарь / Гл. ред. Ю. В. Прохоров. М.: Советская энциклопедия, 1988. 847 с.

9. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. 736 с.

10. Словарь русского языка в 4 томах / Под ред. А. П. Евгеньевой (Малый академический словарь, МАС). М.: Русский язык, 1985-1988.

11. Эйсман А. А. Заключение эксперта. Структура и научное обоснование. М.: Юридическая литература, 1967. 152 с.

Е. V. Novozhilova

CONCRETENESS, ISOLATION, AND DISCRETENESS OF SPEECH OBJECTS

Abstract. The article continues on the topic of speech objects (objects of forensic linguistics). Now two of their most important properties are postulated and disclosed in detail – concreteness and isolation (discreteness). These properties determine the number of restrictions and prescriptions of forensic linguistics practice and methodological work.

Keywords: forensic linguistics; speech objects; concreteness; isolation; discreteness.

ЧУВСТВА ВЕРУЮЩИХ: ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ МАРКЕРОВ ОСКОРБЛЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проблемных зон, возникающих в экспертно-правовой практике работы с понятием «оскорбление (религиозных) чувств верующих». Автор указывает на спорные и нерешенные моменты в трактовке ключевого понятия, а также на неопределенность его отнесенности к конкретной компетентностной области – психологии, лингвистике или религиоведению.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза; психо-лингвистическая экспертиза; комплексный подход; методики; оскорбление; чувства верующих; компетенция эксперта.

Проблема экспертной оценки факта оскорбления чувств верующих носит гносеологический характер: само рассматриваемое понятие включает в себя термины из разных областей знания – лингвистики («оскорбление»), психологии («чувства») и религиоведения («верующие»). Законодатель закрепляет понятие «религиозные чувства верующих», а также их оскорбление в ст. 148 УК РФ, указывая, что оскорбить можно и словом, и действием. Существенные сложности при работе над экспертным заключением обусловлены, прежде всего, отсутствием в законе содержательного определения феномена «оскорбление религиозных чувств верующих». Об этом, в частности, пишут исследователи-правоведы и философы О. Е. Руева, А. А. Исаева, З. Е. Чернышкова, Е. В. Иванова, О. В. Кузнецова [6, 11, 16].

В нашей экспертной практике вопрос о наличии признаков вербального или невербального оскорбления указанного объекта ставится чаще всего в комплексной лингво-психолого-религиоведческой экспертизе, при этом на него отвечают либо все специалисты, либо часть из них – в зависимости от методологических и научных ориентиров, в рамках которых привыкли работать эксперты (специалисты). В настоящей статье предлагаем рассмотреть разные позиции и подходы к анализируемому экспертному вопросу, подсветить проблемные зоны, возникающие при работе с ним.

Так, в методике коллектива барнаульских авторов указывается, что «выходом за пределы экспертной компетенции в экспертизе по делам

258 | об экстремизме являются: а) решение правовых вопросов (...«Является ли высказывание «...» оскорблением чувств верующих?») и правовые квалификации при решении типовых вопросов; б) выход в область иных наук...» [14, с. 74], то есть составное понятие «оскорбление чувств верующих» признается юридическим, а потому подлежащим квалификации в суде, а не в экспертном заключении. При этом в методических рекомендациях не указывается, какие именно специалисты должны работать с понятием, в каких объемах и экспертных зонах его рассматривать. Так, в лингвистическом разделе указанной методики исследуемое понятие не упоминается вообще, а в религиоведческом приводится среди прочих без разъяснения методики анализа: «Религиоведческая экспертиза назначается также в ситуациях, когда в делах о преступлениях экстремистской направленности имеется иная религиозная составляющая (возбуждение ненависти и вражды в отношении группы лиц, объединенных по религиозному признаку, призывы к развязыванию агрессивной войны (военизированному джихаду), *оскорбление чувств верующих*, убийство или причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью по мотивам религиозной ненависти и вражды и пр.)» [14, с. 48]. Здесь возникает много вопросов: как религиовед может оценить наличие призывов (это чисто лингвистическое понятие), признаков разжигания вражды (смежное понятие психолого-лингвистической экспертизы) и оскорбления (также исключительно лингвистическое понятие)?

В методическом пособии ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России [12, с. 16] при описании подвидов объектов лингвистического судебного или досудебного исследования и соответствующей им категорий дел указывается, что «публикации в социальных сетях, перепосты, комментарии» чаще рассматриваются в ракурсе дел по «экстремизму, *оскорблениям чувств верующих*». Однако далее ни методики рассмотрения, ни типичных вопросов, ни хода лингвистического анализа не дается.

В [2, 3] этот аспект анализа вообще не упоминается. В [18] упоминается вскользь как пример оценивания направленности текста в нейминговой экспертизе: по делам, связанным с оскорблением чувств верующих (например, «Будда бар»), может назначаться нейминговая экспертиза [18, с. 60].

В методическом руководстве ГЛЭДИС приводится пример экспертизы с выводом, содержащим концепт «оскорбления чувств верующих»: «Слова и фразы «секта», «сектантами», «одиозными личностями», «одной из самых опасных сект» и под. ... могут *уменьшить и оскорбить религиозные чувства верующих*, так как они выражают резкую негативную оценку, неприязненное, враждебное отношение по отношению ко всем членам религиозного объединения Церкви Христиан Адвентистов Седьмого Дня со стороны автора обеих статей» [13, с. 169]. Согласно формулировке вывода, авторы исследования устанавливали наличие выраженной негативной оценки в тексте статей *по отношению к религиозному объединению*. То есть методика сводится к двум шагам: 1) установить факт вербальной негативной оценки, 2) установить объект такой оценки – он должен быть либо

религией, либо религиозным объединением, либо людьми, являющимися адептами конкретной религии (верующими).

В фундаментальном пособии А. Н. Баранова «Лингвистическая экспертиза текста» понятие «оскорбление чувств верующих» также не используется, однако примеры, включающие филологический анализ негативной оценки религиозных объектов, групп имеются. Например, способы создания отрицательных оценок религии и религиозных групп в книге А. Н. Севастьянова «Национал-демократия или новый реализм» [1, с. 434] рассматриваются в контексте создания смысловой базы для призывов враждебной направленности.

В известной психолого-лингвистической методике О. В. Кукушкиной, Ю. А. Сафоновой, Т. Н. Секераж оскорбление чувств верующих как возможный предмет экспертного анализа упоминается лишь единожды в ряду перечня содержательных типов коммуникативно-речевых действий, стоящих за правовыми понятиями «экстремистская деятельность» и «террористическая деятельность» [5, с. 11]. В диагностических комплексах отдельно оскорбление чувств верующих не рассматривается; каких-либо иных значимых комментариев по особенностям описания понятия также не дается, что может быть объяснено меньшей частотой судебных и следственных запросов по этой теме.

Однако другие судебные эксперты, опираясь на упомянутую методику РФЦСЭ, предлагают анализировать любое оскорбление и в рамках административного, и в рамках уголовного права через диагностический комплекс «унижение» указанной методики анализа текстов экстремистской направленности. В частности, Т. М. Изотова и ее коллеги обращают внимание исследователей на тот факт, что понятие «оскорбление» трактуется в правовых нормах всегда через понятие «унижение» («Оскорбление – унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме»), т. е. «данные понятия с правовой точки зрения тождественны», а «обязательным признаком объективной стороны оскорбления является неприличная форма» [7, с. 93] (которая всегда устанавливается лингвистом). И далее, по аналогии с методикой [5] структура значения концепта «унижение» раскладывается на три обязательных компонента: 1) предмет речи (о ком и что именно говорится); 2) отношение (какое отношение к предмету речи выражено и как он оценивается); 3) цель (зачем это сообщается автором) [5]. Согласимся с авторами в рациональности избранного переноса методики: категория оскорбления универсальна и требует сходных методических приемов как делах о разжигании вражды, так и в делах о клевете, нанесении морального вреда, оскорблении представителей власти и т. д.

Отличие чувств верующих как объекта оскорбления лишь в том, что в отечественной научной (психологической, религиоведческой, социологической) традиции не описано точно, что понимать под чувствами верующих. Так, психолог религии Д. М. Угринович видит «специфику религиозных чувств не в их психологическом содержании, а в их

260 | направленности на специфические «религиозные объекты» [15, с. 133-145]. Сходную точку зрения излагает член Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции РФ профессор МГУ И. Н. Яблоков в «Учебном словаре-минимуме по религиоведению» [17]. То есть в качестве объектов религиозных чувств должны рассматриваться образы, культовые сооружения, иконы, а не внутренний мир человека, как принято в психологии. При этом очевидно, что религиозными представлениями могут быть связаны самые разные эмоции человека (страх перед Всевышним, радость от общения с Богом и под.), однако они могут стать предметом рассмотрения в психологии, а вот объектом экспертной оценки – едва ли.

Не согласимся с А. Н. Павловой, утверждающей, что «когда речь идет об оскорблении чувств (верующих – Е. С.), подразумеваются на самом деле базовые эмоциональные состояния (поскольку оскорбленность – отрицательное эмоциональное состояние, имеет смысл рассматривать только отрицательные базовые эмоции): печаль, гнев, отвращение, презрение, которые почти во всех религиях (и точно во всех мировых религиях) не культивируются, а, напротив, порицаются» [9, с. 252], поскольку в таком случае происходит логическая подмена объекта оценивания.

Следовательно, в задачи экспертов входит определение именно *направленности оскорбления* (дело ведь не в специфике чувства, а именно в его направленности на конкретный объект), что может сделать эксперт-религиовед, а не психолог. Потерпевшим может быть только верующий человек, являющийся носителем религиозных чувств. И здесь стоит отметить избыточность понятия «оскорбление (религиозных) чувств верующих»: одну из лексических единиц – «верующих» или «религиозных» – стоит убрать, руководствуясь законами языковой логики, однако тогда стоит законодательно уточнить: верующие – это только представители какого-то утвержденного списка религий (он в законе отсутствует) или любые граждане, позиционирующие себя почитателями некоего верования или носителями культа?

В правовом поле этот квалифицирующий момент может иметь спорное разрешение, так как, по замечанию Е. О. Руевой, оскорбление чувств верующих в том виде, в каком оно представлено в современном законодательстве, порой сложно отграничить от хулиганства (ст. 213 УК РФ) и вандализма (ст. 214 УК РФ): «Неопределенность в данном вопросе может затруднить процесс доказывания, поскольку не совсем понятно, какие обстоятельства должны указывать на наличие чувств верующего, каким образом эти чувства должны проявляться вовне. Может ли человек только на основании того, что он крещен в соответствии с религиозным обрядом, утверждать, что он верующий, или следствием должны быть получены иные доказательства причиненного ущерба, например, установление факта знания священных книг, соблюдения религиозных культов и обрядов и т. п.?» [11].

В связи с этим возникает вторая проблемная зона этого вопроса: как религиовед определяет оскорбительный или унижительный характер речевых и сопутствующих им действий, если квалификация оскорбления всегда входила в круг компетентностных задач эксперта-лингвиста? Перечень содержательных элементов оскорбления религиозных чувств верующих попытался представить профессор И. В. Понкин, включив в них: «1) оскорбление вероисповедания (предмета веры), религиозных убеждений верующих, которое может повлечь за собой обоснованное общественное возмущение; 2) публичное оскорбление, унижительно издевательское отношение к религиозным обрядам, традициям и церемониям того или иного религиозного объединения; 3) осквернение, порча религиозно почитаемых предметов, а также выражение презрения, издевательского отношения к таким предметам; 4) выражение оскорбительного отношения к священнослужителю во время совершения богослужения, религиозного обряда или церемонии, а также к религиозно почитаемой личности; 5) воспрепятствование проведению или срыв проведения богослужения или религиозного обряда посредством хулиганских действий, насилия или угроз насилия и иных противоправных действий; 6) совершение оскорбительных, оскверняющих действий в культовом помещении или в отношении такого места» [10, с. 143]. При всем исчерпывающем характере перечислений обратим все же внимание, что в п. п. 1, 2, 4 не дается пояснений, что подразумевать под оскорблением или оскорбительным отношением, и нам думается, оценить это эксперту-религиоведу не под силу. Тандем с лингвистом снимет ряд нависших вопросов, поскольку и теория оскорбления, и квалификация типов языковых непристойностей и речи, сопровождающейся невербальными элементами, являются вопросами, детально разработанными в сфере лингвистического знания – наиболее часто специалисты ссылаются на труды В. М. Мокиенко и В. Жельвиса [4, 8].

Следует также отметить, что в лингвистическом смысле оскорбление чувств верующих – это коммуникативный акт, совершаемый с целью, которая должна описываться с позиций соответствия социально-речевым нормам. Поэтому для квалификации текста как оскорбляющего чувства верующих необходимо, чтобы:

1) автор текста (в том числе креолизованного) намеревался реализовать свою коммуникативную цель, т. е. совершить целенаправленное речевое действие, цель которого – оскорбить, унижить адресата (носителя тех самых «религиозных чувств»),

2) сообщение автора нарушало коммуникативные нормы – общепринятые и/или специфические религиозные, а негативная оценка религиозного объекта имела бы неприличную форму (поскольку, как отмечалось выше, оскорбление зачастую описывается через унижение),

3) цель спорного сообщения подтверждалась и содержательными, и формальными признаками.

Напоследок отметим, что концепт «оскорбление (религиозных) чувств верующих» все же требует дополнительного рассмотрения как в правовом, так и в экспертном поле.

Литература

1. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2007. 592 с.

2. Бельчиков Ю. А., Горбаневский М. В., Жарков И. В. Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ: сборник материалов. М.: Информкнига, 2010. 208 с.

3. ГОСТР 70003-2022. Национальный стандарт РФ: судебная лингвистическая экспертиза. Термины и определения. Издание официальное. М.: Российский институт стандартизации, 2022. 12 с.

4. Жельвис В. Слово и дело: юридический аспект сквернословия / В. Жельвис // Юрислингвистика-2. Русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, 2000. С. 194-206.

5. Изотова Т. М., Кузнецов В. О., Плотникова А. М. Методика проведения судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении // Теория и практика судебной экспертизы. №1 (41). 2016. С. 92-98.

6. Исаева А. А. Запрет оскорбления религиозных чувств верующих и реализация прав человека: сравнительно-правовой анализ / А. А. Исаева // Конституционное и муниципальное право. № 4. 2013. С. 37-42.

7. Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2022. 108 с.

8. Мокиенко В. М. Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное / В. М. Мокиенко // Русистика. Берлин, 1994. № 1/2. С. 50-73.

9. Павлова А. Н. Чувства верующих с точки зрения психологии / А. Н. Павлова // Пивоваровские чтения. Синтетическая парадигма: наука, философия, религиоведение: сборник материалов конференции. Екатеринбург: Деловая книга, 2019. С. 251-252.

10. Понкин И. В. Человеческое достоинство верующих / И. В. Понкин // Журнал Московской Патриархии. 2013. № 9. С. 139-145.

11. Руева Е. О. Проблемные аспекты криминализации оскорбления чувств верующих / Е. О. Руева // Библиотека криминалиста. Научный журнал. № 4. 2014.

12. Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе: Методическое пособие / А. М. Плотникова, В. О. Кузнецов, И. И. Саженин и [др.]; Под ред. профессора С. А. Смирновой. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2018. 136 с.

13. Спорные тексты СМИ и судебные иски: Публикации. Документы. Экспертизы. Комментарии лингвистов / Под ред. проф. М. В. Горбаневского. М.: Престиж, 2005. 200 с.

14. Судебная экспертиза по делам об экстремизме: справочник для судей, следователей, прокуроров, дознавателей, оперуполномоченных, адвокатов, правозащитников / Авторы-составители О. Н. Матвеева, Н. В. Вязигина, М. М. Градусова, А. А. Королев, Р. Ю. Ракитин, И. В. Хухра, Я. Ю. Шашкова; под общ. ред. к.ф.н. О. Н. Матвеевой. Барнаул: Новый формат, 2016. 79 с.

15. Угринович Д. М. Психология религии. М.: Политиздат, 1986. 352 с.

16. Чернышкова З. Е., Иванова Е. В., Кузнецова О. В. Религиоведческая экспертиза: анализ действий, направленных на оскорбление религиозных чувств верующих / З. Е. Чернышкова, Е. В. Иванова, О. В. Кузнецова // Манускрипт. 2017. № 3-2 (77). С. 202-205.

17. Яблоков И. Н. Религиоведение: Учебное пособие и Учебный словарь-минимум по религиоведению. М.: Гардарики, 2000. 536 с.

18. Ярошук И. А. Лингвистическая экспертиза: учебное пособие / И. А. Ярошук, Н. А. Жукова, Н. И. Долженко. Белгород: ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2020. 96 с.

E. S. Palekha

FEELINGS OF BELIEVERS: PROBLEMS OF IDENTIFYING THE MARKERS OF INSULT

Abstract. The article deals with the problem areas arising in the expert-legal practice of working with the concept of insult (religious) feelings of believers. The author points out the controversial and unresolved points in the interpretation of the key concept, as well as the uncertainty of its relevance to a particular field of expertise – psychology, linguistics or religious studies.

Keywords: linguistic expertise; psycho-linguistic expertise; comprehensive approach; methods; insult; feelings of believers; competence of the expert.

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ЛЕКSIKON: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые особенности лексикона современных работников сферы государственного управления. Профессиональный язык госслужащих демонстрирует относительную устойчивость, а также социальную детерминированность, обусловленность внешними факторами. При этом он и сам влияет на язык медиатекстов.

Ключевые слова: административный дискурс; административный лексикон; терминология государственного управления; традиции официально-делового стиля; стилистически сниженная лексика; языковая мода.

Административный дискурс как разновидность институционального дискурса в сфере государственного управления представлен письменной и устной формами коммуникации, имеющими свои особенности. Официально-деловой стиль – стиль преимущественно письменной формы речи, именно она занимает важное место в сфере государственного управления. Этот функциональный стиль был предметом многочисленных научных исследований таких ученых, как М. Н. Кожина, Г. Я. Солганик, Л. В. Рахманин и др. Типы и жанры административного дискурса, типичные для него стратегии и тактики рассматривались в исследовании О. А. Евтушенко [2]. В работе М. А. Ширинкиной, посвященной изучению дискурса исполнительной власти, автор исследует письменные тексты различных типов и анализирует их на материале документов, подчеркивая роль письменного текста как фиксированного результата «коммуникативного взаимодействия исполнительной власти с ее адресатом» – текста, обладающего юридическим статусом документа [14, с. 47]. Письменная речь в сфере государственного управления строго регламентирована, составитель документа должен четко следовать определенным требованиям к оформлению документов, которые отражены в соответствующих ГОСТах, регламентах, методических рекомендациях, инструкциях по делопроизводству. Несмотря на появление электронной деловой коммуникации, правил цифрового делового этикета и т. д., официально-деловой стиль в целом остается наиболее консервативным и устойчивым в системе функциональных стилей русского языка.

«Профессиональный язык госслужащего предназначен для выполнения разных служебных функций и используется в условиях интер- и интрапрофессиональной коммуникации» [11, с. 412-413]. Среди единиц, входящих в профессиональный тезаурус чиновника и отражающих специфику его знаний о мире, в первую очередь выделяют научную терминологию, характерную для административно-политического дискурса: это общенаучная, межнаучная и специальная терминология.

Лексико-семантическая подсистема государственного управления в русском языке новейшего периода проанализирована в работах Г. А. Заварзиной. «...Наиболее правомерным является широкое понимание лексики государственного управления, представляющей собой особую систему словесных знаков как терминологического, так и нетерминологического характера, связанного с обозначением органов власти, должностных лиц, а также направлений и особенностей их деятельности, и занимающей на рубеже XX-XXI веков значительное место в лексической системе русского языка». [3, с. 25]. Среди тематических групп лексики автор называет: наименования органов государственной власти и управления, принципов государственного управления, наименования административных документов, объектов государственного управления и т. д. [3, с. 68-69].

Исследуя административный дискурс, мы выделили следующие виды коммуникативного взаимодействия на государственной службе: «строго официальное», «менее официальное» и «полуофициальное повседневное» общение [9, с. 51-52]. М. В. Колтунова тоже считает, что «в профессиональном устном официально-деловом общении выделяются... регламентированное – жестко организованное общение; стандартизованное – частично подготовленная речь в соответствии с известным сценарием, и спонтанное общение – неподготовленная речь, типичная для общения в малой социальной группе» [5, с. 30]. Причем, по мнению автора, полуофициальное устное деловое общение отличается эклектичностью в наборе определяющих его характеристик, поскольку протекает «в нестрогой официальной рабочей обстановке и характеризуется отсутствием ряда ограничений официального протокольного характера...». [5, с. 39]. Выбор коммуникативных стратегий и тактик, а следовательно, и лексических средств в административном дискурсе зависит от многих «внешних» условий и факторов. Поскольку профессиональная деятельность госслужащего характеризуется полифункциональностью, а профессиональная речь – политематичностью, целесообразно рассмотреть лексику, используемую госслужащими в различных типах делового общения.

Профессионализм современного чиновника требует от него владения понятийно-категориальным аппаратом сферы его служебной деятельности и соответствующей ему системой терминов.

В последние десятилетия терминосистема государственного управления претерпела определенные изменения. В условиях модернизации системы государственного управления в России возникает потребность в номинации новых понятий, что приводит к появлению – в значительной

266 | степени в результате активного заимствования иностранной терминологии государственного менеджмента – новых терминов, характеризующих различные аспекты управленческих отношений: *коррупциогенность, коррупциоемкость, аутсорсинг, транспарентность, преференции* и т. д.

«Тем не менее мы договорились мониторить ситуацию с уровнем потребительских цен в следующем году», – сказал Силуанов» («Парламентская газета. 2021.12).

«По решению правительства была подготовлена методика определения коррупциогенности должностей» («Известия». 2013.10.01).

«Министерство финансов России предложило передать часть функций министерств на аутсорсинг» (gazeta.ru. 2019.08.08).

В Минфине считают, что законопроект «не предполагает никаких преференций компаниям» («Коммерсант», 2019.09.11).

В большей степени эта тенденция проявляется в текстах внутренних документов – документов, создаваемых в организациях (организационно-распорядительных, информационно-аналитических, а также во внутренней переписке). Можно предположить, что причиной появления некоторых новых терминов является коммуникативная актуальность. Так, в документах зафиксированы случаи употребления специальной терминологии из сферы бизнеса, что объясняется, в частности, развитием бизнеса в России и его поддержкой на государственном уровне. Например, в некоторых из них используется термин *корпоратизация*. Его значение можно найти лишь в специализированных словарях: *корпоратизация* – «распределение акций между учредителями компании или инвесторами в соответствии с вкладом каждого» (Словарь бизнес-терминов, *Академик.ру*, 2001). Например: *«В ходе встречи министр проинформировал о принятом решении корпоратизировать организацию»*.

В последнее время в текстах документов появилось слово ментор в значении «наставник для участников управленческого кадрового резерва». В Большом толковом словаре под ред. С. А. Кузнецова (2000 г.) это существительное сопровождается пометой – «обычно ирон., о ком-л. постоянно поучающем, настаивающем, навязчиво воспитывающем». Программа наставничества для участников управленческого кадрового резерва получила название *менторинг*. По данным интернет-источников, *«менторинг* – один из методов обучения и развития персонала, при котором более опытный сотрудник (ментор) делится имеющимися знаниями со своими протеже на протяжении определенного времени. В России известен как наставничество». Таким образом, *менторинг* и *наставничество* – синонимы, поэтому их использование в качестве разных терминов вряд ли целесообразно.

В «курортной» лексике, используемой в законопроектах, появилось новое модное слово *кластер*. *Кластер* – это термин, употреблявшийся и ранее в различных областях науки и техники – от лингвистики до информационных технологий – и включенный в специальные терминологические словари в универсальном значении «объединение

в систему однородных единиц». В современных академических словарях иностранных слов в новом значении и с новыми иллюстративными примерами слово еще не представлено. Однако, судя по информации в СМИ и ряде документов, уже создаются *агропромышленный, фармацевтический, бальнеологический, туристический* и др. кластеры.

Таким образом, нередко новые термины появляются в сфере государственного управления в результате переосмысления значения узкоспециальных терминов, уже существовавших ранее.

Во внутренних документах организаций можно обнаружить и весьма неблагозвучный и вызывающий негативные ассоциации термин *муда*. Он обозначает непосредственные издержки, потери в процессе выполнения операций. Причем существуют разные виды этой *муды* (*автономная, функциональная* и *сквозная*). Подробную информацию о слове можно найти и в медиатекстах, например: «Японское слово *муда* (*muda*) теперь крупным шрифтом на плакатах возле наших автозаводов, и означает оно пустую трату сил, времени, неоправданные расходы... В России даже был объявлен конкурс «Подсчитай муду!». И губернатор Шанцев подсчитал: «У нас мудой занимается 70-80 процентов работников». Несложно догадаться, какие ассоциации вызывает у россиян это замечательное японское слово» («Собеседник», 18.05. 2013.).

Совершенно очевидно, что не все появившиеся в последние десятилетия в документах термины вызывают положительные эмоции у граждан. Еще до начала пенсионной реформы у них, например, вызывало неприятие использование в документах Пенсионного фонда России терминов-диффемизмов, таких как *возраст дожития, пенсия по старости*. Некоторые термины неудачны еще и потому, что они неблагозвучны. Между тем благозвучие – одно из требований, предъявляемых к термину [3, с. 204]. Неблагозвучны, например, некоторые аббревиатуры, например *ссузы* (средние специальные учебные заведения (колледжи, техникумы, училища), *ГБОУ СОШ* (государственное бюджетное образовательное учреждение средняя образовательная школа) и т. п.

К примерам неудачного «терминотворчества» можно отнести и злоупотребление в текстах внутренних документов заимствованной лексикой при наличии русских аналогов, и вышеупомянутые лексические инновации: *компактизация, муда, рейтинговаться, презентовать* и т. д.: «Институт впервые рейтинговался в этом мировом рейтинге». «Создание корпоративного контента и стиля госкорпорации, транслируемых для зарубежной аудитории».

Вышеприведенные примеры свидетельствуют о том, что «креативность» в административном дискурсе не всегда оправданна. При анализе лексикона «строгого» официально-делового стиля как важнейшей составляющей административного дискурса проблема узуализации в нем новых слов представляется чрезвычайно важной. Такое качество термина, как «внедренность», «играет важную роль, поскольку прочно укоренившийся термин, даже ложномотивированный, заменить очень трудно» [7, с. 203].

Анализируя лексику письменной речи, следует еще отметить, что одной из особенностей современного административного дискурса можно считать некоторое «размывание границ» официально-делового стиля, особенно во внутренних документах организаций. В письменной речи, например в деловой переписке, это неуместное употребление экспрессивных, часто стилистически сниженных языковых средств, в том числе фразеологизмов, или метафор, свойственных языку публицистики: *«С удовлетворением воспринимаем и нашу недавнюю встречу в Вене на полях саммита для сверки часов»*. *«В результате вязких переговоров отфиксировали формулировку, согласно которой за российскими организациями закреплено право на освобождение от налогов и пошлин»*.

Предметом наших научных исследований является языковая личность госслужащего, ее дискурсивные практики и культурно-речевые характеристики. Лексикон языковой личности чиновника, понимаемый в широком смысле (по Ю. Н. Караулову) [4, с. 203] – как уровень структуры языковой личности, взаимодействующий и взаимосвязанный с другими ее уровнями (тезаурусом и прагматиконом) – включает в себя не только лексику служебных документов и нормативных правовых актов о государственной службе; специальных отчетов и докладов на служебных совещаниях – в официальном устном и письменном общении, но и лексику повседневного устного общения.

И наиболее ярко языковая личность госслужащих проявляется в устной профессиональной речи, в целом менее регламентированной, чем письменная, и отражает их языковую картину мира. Так, в некоторых публичных выступлениях государственных служащих используется особая лексика, делающая их речь энергичной, запоминающейся: *масштабный, срочный, мониторировать* (не разг. «мониторить»), *оптимизировать, масштабировать* и т. п.

«Мы, конечно же, понимаем, что отдельные недоработки при такой масштабной и срочной работе могут быть. Поэтому организовали работу таким образом, чтобы мониторировать весь процесс: от производства вакцины до расчета потребностей, до получения прививки гражданами и реагирования граждан на ту организацию процесса, которая сегодня идет в стране». (Т. А. Голикова, 1 канал, «Время», 28.01.2021).

«Разработчикам российских вакцин важно масштабировать производство, чтобы занять соответствующие ниши рынка». (М. В. Мишустин, 1 канал, «Время», 05.03. 2021).

Вместе с тем в современном административно-политическом дискурсе встречается и стилистически сниженная лексика, имеющая негативную коннотацию: *кадровая чехарда, популистская болтовня* и т. п.

Пора перестать «выкаблучиваться» по поводу признания суверенного долга Украины перед Россией в \$3 млрд, – сказал Медведев (gazeta.ru. 2015.11.19).

В публичных выступлениях высокопоставленных чиновников нередко используются вульгаризмы: *врубаться в проблему, долбануть, пахать*,

кошмарить, скулить, штаны просиживать, пудрить мозги, расходовать деньги втупую, вранье, промывание мозгов губернаторам и т. д. Подобная манера речевого поведения ряда госслужащих, объясняемая их коммуникативной установкой – выглядеть динамичными, раскованными, – становится все более популярной. Значение этого нового речевого поведения – демонстрация новой модели корпоративных отношений, нового, демократического стиля служебного поведения в сфере государственного управления.

Интересные результаты были получены в ходе эксперимента по изучению повседневного языкового существования госслужащего [8, с. 39]. При его проведении использовался метод включённого наблюдения, который особенно подходит для анализа «живого» речевого поведения в реальном времени – онлайн. Проведенный анализ показал, что в профессиональной речи госслужащих в полуофициальном общении именно стилистически сниженная лексика занимает важное место: *недострой, заволочитить*, универбаты *социалка, коммуналка, платежка* и др., профессиональные жаргонизмы: *закрыться списком, расписать по отдела* и т. п.

Рассмотрим, например, существительное *зачистка*. В 90-х гг. его использование было связано с антитеррористической операцией в Чечне. В начале 2000-х оно стало употребляться и в других контекстах, например:

«Прошу действовать аккуратно. Никаких массовых зачисток банковской системы одномоментно проводить вы, надеюсь, не собираетесь» (В. В. Путин, «АиФ», 2004 г. № 25).

В наши дни это слово используется в речи политиков, чиновников и журналистов не только в связи с освещением ситуации в Сирии, Донбассе (*зачистка территории, границы, кварталов* и т. д.), но и в таких словосочетаниях, как *зачистка банковского сектора, зачистка правящей элиты, ближайшего окружения*, в подобном контексте слово иногда употребляется в кавычках.

«На заседании комиссии Совета Федерации по защите государственности вы говорили о том, что нужна программа по зачистке интернет-пространства» (Парламентская газета, 2021.07).

«По его словам, эта политика свелась к зачистке рынка от неамериканских конкурентов» (Ведомости, 2021.03).

«... Через неделю встретятся вице-премьеры российского, азербайджанского и армянского правительства и, так скажем, незачищенные пока вопросы снимут» (В. В. Путин, «Новости», 1 канал, 26.05.2023).

В известной книге «Язык революционной эпохи» А. М. Селищев обращал внимание на то, что в 20-х гг. прошлого века это слово употреблялось в значении «полное взимание продналога (сельскохозяйственного налога)». Причем в народной среде оно имело и несколько другое значение: *зачистка* – это «вывоз навоза из хлева» [13, с. 143].

Многие слова из повседневного лексикона чиновников, например активно используемые существительные *наработки, подвиги, зачистка,*

270 | в словарях имеют пометы «разг.», «техн.» или «спец.», что вполне естественно для полуофициального общения.

Тематический анализ этой стилистически сниженной (разговорной, просторечной, жаргонной) профессиональной лексики, позволяет выделить следующие группы (постепенно список, составленный нами в 2000-х гг. [8, с. 36-37], расширяется и не теряет актуальности). Причем эта классификация профессиональной лексики кочует 20 лет в интернете без ссылки на автора, пополняясь новыми примерами и демонстрируя творческий потенциал наивных носителей языка, игнорирующих нормы научной этики.

1. Обозначение субъектов деятельности – по должности, статусу, сфере профессиональной деятельности:
 - а) наименования работников (групп работников) сферы государственного и муниципального управления: *аппаратчик, кадровик, налоговый, силовик, трудовик, управленец, энергонадзоровец* и т. д.; наименования работников отраслей промышленности: *газовик, коммунальщик, угольщик* и т. д.;
 - б) наименования лиц и понятий, связанных со сферой социальной политики: *бюджетник* (работник бюджетной сферы), *гуманитарка* (гуманитарная помощь), *льготник* (федеральный и региональный), *минималка* (минимальная заработная плата), *социалка* (социальная пенсия) и т. д.
2. Обозначение сфер управленческой деятельности и связанных с ней видов профессиональной деятельности:
 - а) организационно – распорядительная деятельность: *высказаться, доложить, заволочить (решение вопроса), замотать (вопрос), заострить (проблему), исполнить (бюджет), определиться, погасить (зарплаты), пробивать, продавливать (решение), проталкивать, разрулить (ситуацию), раскрутить (проект), согласовать, состыковать (действия, шаги), увязать (действия) и т. д.*; *зачистка (интернет-пространства), дезорганизации, реорганизации, состыковка, увязка* и т. д.;
 - б) нормативно-правовая деятельность: *артикулировать (новость), внести (кого-л.), озвучить (информацию), проголосовать (кого-л.), прописать (в законе), снять (предложение)* и т. д.;
 - в) повседневная служебная, «рутинная» деятельность: *выправить (текст), загрузить, задействовать (сотрудников), занять (информацию), мониторить (ситуацию), нагрузить (сотрудника), обсчитать, отследить (документ), положить на визу (документ), порешать, поучаствовать, проговорить (вопрос), прозвонить, проработать (вопрос), расписать (по отделам), рассылать (информацию); взбучка, оперативка, проработка, рассылка* и т. д.

Отдельную группу лексики, употребляемой в повседневной служебной деятельности, составляет «офисный» жаргон, связанный с использованием оргтехники и свойственный не только служебной, но и другим

сферам делового общения: *(от)ксерить*, (широко распространенный в деловом общении глагол, обозначающий копирование с помощью всей копировальной техники, которую некорректно называют «ксерокс» вне зависимости от фирмы – производителя), *набить*, *факсануть*.

3. Номинации актуальной информации, видов деловых бумаг и документов: *конкретика*, *контролька*, *платежка*, *список рассылки*, *сопроводилетка* и т. д.;
4. Оценка деятельности, её планов и результатов:
 - а) положительная: *задел*, *задумка*, *наработки*, *подвижки*, *прозрачность* и т. д.;
 - б) отрицательная: *волокита*, *недострой*, *незавершенка*, *непрозрачность*, *отписка*, *пробуксовка*, *проволочка* и т. д.;
5. Наименования социальных сфер и отраслей промышленности: *коммуналка*, *кондитерка*, *нефтянка*, *оборонка*, *пищёвка*, *социалка* и т. д. [8, с. 36-37].

Увеличить в разы, озвучить проект закона и другие модные слова и словосочетания, активно используемые в сфере государственного управления, взяли на вооружение и некоторые журналисты, подражающие медийным чиновникам, хотя целесообразность использования в литературном языке многих из них вызывает сомнение у специалистов в области культуры речи [12, с. 38].

Часто эти модные слова и выражения или вообще отсутствуют в толковых словарях (*в разы*, *одномоментно*), или характеризуются семантическими и синтаксическими особенностями употребления в сравнении с литературным языком. Глагол *прописать*, например, в административно-политическом дискурсе употребляется обычно в словосочетаниях *прописать в документе*, *законе* и т. п. в значении «сформулировать», «включить в текст».

Стало модным, например, выражение *в шаговой доступности*, которое тоже в последние десятилетия используется, например, в выступлениях руководителей префектур, докладывающих о строительстве станций метро, магазинов и школ рядом с жилыми домами (до них можно дойти пешком, сделав, фигурально выражаясь, несколько шагов). В последнее время используются и варианты *в пешей* или *в пешеходной доступности* (англ. Walkability). Эти и другие слова и словосочетания, активно используемые в публичных выступлениях госслужащих и политиков, активно используют и журналисты [12].

В статье «Взащиту канцелярита» В. М. Алпатов справедливо утверждает: в России широко распространено мнение о том, что деловой стиль – это язык бюрократизма и канцелярских штампов. Действительно, об этом писал еще К. И. Чуковский, называя «канцелярит» главной опасностью для русского языка. Но, как отмечает В. М. Алпатов, общество без бюрократии и деловых отношений невозможно. «А раз так, то остается необходимым поддерживать правила деловых отношений, среди которых стилистические правила языка занимают одно из главных мест. И канцелярит в этом смысле

272 | не болезнь. Плохо лишь любое нарушение языковых и дискурсивных правил, в конечном итоге мешающих коммуникации» [1, с. 259].

Как было отмечено, в устной деловой речи современных государственных служащих – причем не только в полуофициальном повседневном, но и в публичном общении – наблюдается тенденция к употреблению стилистически сниженной лексики. Поэтому не меньше, чем канцелярит, человека с развитым языковым вкусом удивляет и «снижение стиля» тех выступлений чиновников в массмедиа, в которых используется лексика, предназначенная для интрапрофессионального общения. Приведенный ниже пример специально составленного нами текста, изобилующего стилистически сниженной профессиональной лексикой, и в наши дни актуален.

«В текущем году необходимо активно развивать социалку: по бюджетникам – в разы поднять минималку, погасить долги по зарплатам; по льготникам – обсчитать выплаты и компенсации. В этой связи необходимо принять следующие меры.

Предварительно прозвониться «наверх» и обговорить конкретику, потом доложить, обозначить проблему, поучаствовать в совещаниях, по решать и согласовать вопрос в целом.

Определиться с решением в части финансирования, подключив Минфин, трудовиков и налоговиков – всё увязать и состыковать.

На Госдуме озвучить проблему и выразить озабоченности, проголосовать вопрос, продавить и пробить решение, прописать его в соответствующих документах.

На местах нагрузить и задействовать ответственных за выполнение принятых решений, одновременно подготовить сопроводилровку и распisać конкретным исполнителям.

Итак, у нас уже имеются определенные наработки и подвижки, а также задумки о том, как минимизировать возможные последствия наших действий» [10, с. 67].

Таким образом, в письменной речи как составляющей административного дискурса используется официально-деловой стиль – наиболее устойчивый и консервативный функциональный стиль, несмотря на некоторое «размывание границ», которое проявляется в использовании в текстах внутренних документов лексики публицистического стиля и появлении некоторого количества сомнительных новообразований в терминологии. В некоторых публичных выступлениях государственных служащих по-прежнему наблюдается «снижение стиля». Современный административный лексикон, с одной стороны, испытывает влияние разговорной речи и массмедиа и, с другой стороны, тоже влияет на современный язык.

Рассуждая о понятиях «языковой вкус» и «языковая мода», В. Г. Костомаров связывает их с изменениями в психологической установке людей, их «чутье языка. Говоря о тенденциях развития русского литературного языка, В. Г. Костомаров еще в 90-х гг. отмечал, что его

черты складываются «...в силу именно осознанной установки, желания следовать определенным вкусам, задаваемым влиятельной частью общества, в целом достаточно образованной и весьма неплохо знающей, но сознательно деформирующей нормы и стилевые закономерности литературно-языкового стандарта» [6, с. 274].

На протяжении всей многолетней истории существования в России государственной службы как социального института язык государственного управления активно пополняет «словарь времени» и играет значительную роль в формировании языкового вкуса современников [10, с. 63].

Рассмотренные особенности лексикона административного дискурса показывают его социальную детерминированность, обусловленность внешними факторами, в том числе влиянием языковой моды, а также его собственное влияние на язык медиатекстов.

Литература

1. Алпатов В. М. В защиту канцелярита / В. М. Алпатов // Жанры речи. 2018. № 4(20). С. 254-260.
2. Евтушенко О. А. Административный дискурс: типы, субъекты, динамика: монография. Волгоград: ПринтТерра, 2018. 192 с.
3. Заварзина Г. А. Концептосфера государственного управления в современной лингвоментальной картине политического мира: структурная организация и векторы динамического развития: монография. Воронеж, Изд.-полигр. центр «Научная книга», 2019. 266 с.
4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 2-е стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2002. 263 с.
5. Колтунова М. В. Конвенциональность как основа делового общения. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006. 350 с.
6. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи: из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. Изд. 2-е испр. и доп. М.: Изд-во Афинского Института им. А. С. Пушкина, 1997. 304 с.
7. Культура русской речи: Учебник для вузов / Под ред. проф. Л. К. Граудиной и проф. Е. Н. Ширяева. М.: Издательская группа Норма-Инфра, 1998. 560 с.
8. Панова М. Н. Языковая личность государственного служащего: опыт лингвометодического исследования. М.: Изд-во РУДН, 2004. 324 с.
9. Панова М. Н. Языковая личность государственного служащего: дискурсивная практика, типология, механизмы формирования. Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. 393 с.
10. Панова М. Н. Язык государственного управления и «словарь времени» / М. Н. Панова // Русская речь. 2006. № 5. С. 58-67.
11. Панова М. Н. Терминология сферы государственного управления: новые направления и тенденции развития / М. Н. Панова // Функциональная семантика, семиотика знаковых систем и методы их изучения.

274 | П Новиковские чтения: Материалы Международной научной конференции (Москва, 16-17 апреля 2009 г.). М.: РУДН, 2009. 679 с.

12. Панова М. Н. Модные слова в речи чиновников / М. Н. Панова // Русская речь, 2015. № 6. С. 34-39.

13. Селищев А. М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком (1917-1926). М.: Едиториал УРСС, 2-е изд., 2003. 248 с.

14. Ширинкина М. А. Дискурс исполнительной власти: теоретические основы: монография. Пермь, Пермский гос. нац. исследовательский ун-т, 2022. 146 с.

ADMINISTRATIVE LEXICON: TRADITIONS AND NOVATIONS

Abstract. The article discusses some features of the lexicon of modern public administration officials. The professional language of civil servants demonstrates relative stability, as well as social determinism due to external factors. At the same time, it itself influences the language of media texts.

Keywords: administrative discourse; administrative lexicon; terminology of public administration; traditions of official business style; stylistically reduced vocabulary; language fashion.

ВЫЯВЛЕНИЕ И ЭКСПЕРТНАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ НЕГАТИВНО- ОЦЕНОЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ О ЛИЦЕ В СВЕТЕ КОРПУСНОГО АНАЛИЗА ИНТЕРНЕТ-МЕДИА

Аннотация. Работа посвящена проблеме верификации имплицитной негативно-оценочной информации о физическом или юридическом лице, выраженной словами и выражениями, которые не имеют эксплицитной отрицательной оценки по данным словарей, в производстве лингвистической экспертизы. Верификация осуществляется по данным корпусного анализа.

Ключевые слова: негативная информация; имплицитная оценочность; корпусный анализ; слова *небезызвестный, пресловутый и некий*; фразеологизм; лингвистическая экспертиза; унижение чести и достоинства, деловой репутации.

Финансирование: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00368.

Ключевой задачей при выявлении языковых признаков фактов унижения чести и достоинства, опорочивания деловой репутации в производстве лингвистической экспертизы по соответствующим гражданским делам выступает экспертная квалификация наличия негативной информации о физическом и/или юридическом лице. Методология исследования основана на концепции логического анализа «языка ценностей», представленных нами в работе [3, с. 107-115], и на принципах дискурсивного анализа на базе корпусных данных, изложенных в работе В. Е. Чернявской [7, с. 31-37].

В стандартных лингвоэкспертных методиках выявления негативных сведений для доказательства их наличия или отсутствия в спорном выражении или тексте обычно используются данные лексикографических толкований проверяемых слов и выражений, а также разнообразных словарных помет. Однако в ряде случаев словари не дают требуемой информации о наличии негативной оценки в том или ином слове или

276 | выражении. При этом искомая отрицательная оценочность все же присутствует в анализируемых словах и выражениях, что интуитивно ощущается лингвистом в рамках его специальных знаний и что так или иначе осознается носителями языка, так как заложено автором высказывания. Такого рода оценочность в наших работах именуется имплицитной, или наведенной [2, с. 570].

В подобных случаях мы предлагаем осуществлять доказательство наличия имплицитной негативной оценки в тестируемом слове или выражении с опорой на понятие «семантической ауры (семантической просодии)», обнаруженной на заре становления корпусной лингвистики в работах Дж. Р. Ферта, Дж. Синклера и Б. Лоу [8, 9, 11]. Имеется в виду некий, не всегда осознаваемый носителями языка и не фиксируемый словарями ассоциативно-смысловой фон слова, как правило, оценочной природы, который стабильно и регулярно выводится из совокупности всех контекстов употребления данного слова и устанавливается при анализе повторяющихся или сходных по смыслу коллокатов интересующего нас слова (единиц минимального контекстного окружения).

В настоящей работе на примере прилагательных *небезызвестный* и *пресловутый*, местоимения *некий*, а также некоторых фразеологизмов мы продемонстрируем методику выявления наличия негативной оценочности в массиве репрезентативных контекстов употребления указанных слов. Контексты извлекаются методом сплошной выборки из газетных корпусов Национального корпуса русского языка, поскольку указанные выше слова очень часто употребляются именно в спорных и конфликтогенных журналистских текстах для обобщенной негативной оценки лица или негативной оценки отдельных свойств или действий лица, тем самым выступая в роли маркера указанной негативной оценки.

Предлагаемая квантитативная методика позволяет верифицировать данную негативную оценочность с опорой на объективные количественные данные в случаях, когда словарные данные не дают достаточной информации, что представляется необходимым для формирования доказательной базы в экспертном исследовании по делам об унижении чести и достоинства, опорочивании деловой репутации.

Используется квантитативный анализ по первым 100 вхождениям тестируемых слов. В соответствии с технологией «сантимент»-анализа (компьютеризованной методикой анализа эмоциональной тональности текста) [10, с. 143-157] для тестируемых слов и выражений определяется частота негативно-оценочного «сантимента» в сравнении с позитивно-оценочным и внеоценочным (нейтральным). Эмпирическим путем установлена пороговая частота, позволяющая объективно говорить о наличии негативной оценки в слове или выражении – примерно 60 % вхождений (+ / – 5 % возьмем на возможные отклонения при подсчете).

На предварительном этапе мы провели контрольную проверку валидности предлагаемой гипотезы на слове *пресловутый*, которое уже на уровне лексического значения содержит эксплицитную негативную оценочность,

что отражено в его словарных толкованиях: «Ирон. Получивший отрицательную или сомнительную известность, славу» [5]; «Неодобр. Вызвавший много толков, разговоров, на шумевший» [4]; «Перен. Получивший отрицательную или сомнительную известность, славу» (обычно с оттенком иронии) [1].

Сопоставим данные словаря с данными количественного анализа по корпусам. Ограничим поисковый запрос в корпусе сочетаемостью этого прилагательного только с одушевленными существительными и посмотрим первые 100 вхождений в газетном корпусе Национального корпуса русского языка. Уже на чисто эмпирическом уровне исследования обнаруживается преобладание контекстов с наведенной негативной оценочностью, например: *Уж не кроется ли источник денег, найденных под кроватью пресловутого полковника Захарченко, в преступных схемах банковских мошенников?* [Парламентская газета, 2018.03]; *Пресса пестрит заявлениями известных актеров и режиссеров, превентивно отказывающихся признаваться в харассменте, хотя карьера некоторых звезд Голливуда, таких как Кевин Спейси, Чарли Шин или Джеймс Франко, не говоря о пресловутом Харви Вайнштейне, на грани провала* [lenta.ru, 2018.01]; *Этих людей пресловутый Вадик с подозрительной бандой отморожков взял в заложники, намереваясь взорвать их в храме* [Новая газета, 2015.07].

Ручная разметка сантимерта по извлеченным данным на три знака оценочности [позитивная, нейтральная, негативная, или (=) / (0) / (-)] дала следующие результаты: негативно-оценочная тональность – 82 %, нейтральная тональность – 16 %, позитивно-оценочная тональность – 2 %. Нетрудно видеть для этого слова полное совпадение явной, эксплицитной оценочности по данным словарей и выявленной контекстуальной, наведенной негативной оценочности по данным количественного анализа контекстов употребления слова в корпусах.

Конечно, для выявления негативной оценки применительно именно к самому слову пресловутый нам нет нужды в дополнительном количественном анализе, поскольку его негативная оценочность уже и так зафиксирована в словарях русского языка. Но нам важно, что выявленная благодаря анализу этого слова возможность опираться на дискурсивное исследование корпусных данных будет способствовать выявлению имплицитной негативной оценочности и для тех слов, для которых в словарных толкованиях нет однозначного указания на наличие отрицательной оценки.

К таким словам, например, относится прилагательное *небезызвестный*, для которого словари негативной оценочности практически не фиксируют: «имеющий некоторую известность; достаточно известный» [4, 5]. Справедливости ради отметим, что некоторые словари отражают это в виде пометы ирон.: «Ирон. Достаточно, хорошо известный» [1], но этого, разумеется, недостаточно для «полновесной» квалификации этого прилагательного как несущего негативную оценку.

Совсем иную картину дает корпусный анализ, где регулярно наблюдаются контексты негативно окрашенного использования этого прилагательного при определяемом одушевленном существительном, актуализуемые, как правило, в модусе иронического употребления, когда это слово примерно значит что-то вроде «известный, но в каком-либо отрицательном плане», например: Все наверняка помнят, как в период выборной кампании 1999 года **небезызвестный хулиган-мотоциклист** Доренко смачно расправлялся в телезфире с Примаковым и Лужковым [«Советская Россия», 2003.02.15]; *Как утверждают СМИ, речь идет о **небезызвестном Мансуре Абдылхаисиеве**, который, по предварительным данным, и атаковал сотрудницу правоохранительных органов* [Vesti.ru, 2020.08]; *Кстати, у другого **небезызвестного преступника**, Анатолия Оноприенко, который совершил 52 убийства, были очень тонкие, жесткие, длинные кисти, которые говорят о психической неустойчивости* [Комсомольская правда, 2013.07].

В ряде контекстов сохраняется первое, внеоценочное значение слова **небезызвестный** – «имеющий некоторую известность; достаточно известный», например: *Следом за ними на сцену выйдет коллектив «Трепанга», состоящий из **небезызвестных актеров**, прячущих узнаваемые лица за гримом* [Известия, 2012.09]; *Как говорил один **небезызвестный персонаж**: «Мы строили, строили и, наконец, построили!»* [Коммерсант, 2012.10]; *Публика отдыхала в Мурманской области **небезызвестная: чиновники** местной администрации во главе с губернатором Мариной Ковтун, депутаты и бизнесмены* [Vesti.ru, 2013.12].

В незначительном количестве случаев, когда посредством слова **небезызвестный** в прямом, не ироническом контексте атрибутируется широко известный, популярный персонаж, можно говорить и о наведении положительной тональности – «известный в хорошем смысле, заслуженно известный и под.», например: *Во главе с Пушкашем, Хидекути, Грошичем в воротах, и, конечно, сборную Бразилии, приехавшую в СССР, когда два гола забил **небезызвестный футболист** по фамилии Пеле* [gazeta.ru, 2014.10]; *А нелюбимый тобой Гусев, Дим, отмечает, что у Гризманна есть все шансы повторить уникальное достижение другого **небезызвестного француза** Мишеля Платини, отличившегося на Евро-1984 9 раз* [lenta.ru, 2016.07]; *Презентация этого автомобиля в 2012 **небезызвестным Стивом Маттином** вызвала бурю эмоций* [Известия, 2016.02].

Количественный анализ первых 100 вхождений в газетные корпуса для этого прилагательного дал следующие результаты: негативно-оценочная тональность – 61 %, нейтральная тональность – 27 %, позитивно-оценочная тональность – 12 %. Конечно, это не 82 % негативной оценочности, как для слова *пресловутый*, но это все же показатель, превышающий эмпирически установленную пороговую величину в 60 % (= / – 5 %): т. е. наличие имплицитной негативной оценки для прилагательного **небезызвестный** можно считать доказанным. И в этом случае нам нет необходимости сверяться со словарем (тем более что там мы не найдем искомой

негативной оценки): ведь статистические данные представляются не менее объективными, чем словарные толкования, которые иной раз грешат субъективизмом.

Теперь «прокрутим» через предлагаемую квантитативную методику выявления имплицитной негативной оценочности местоимение **некий**, для которого тем более ни один словарь не дает негативной оценки: «Какой-то, точно неопределенный, некоторый || О ком-либо малоизвестном. Употребляется в сочетаниях с именем, фамилией, кличкой» [5]; «То же, что некоторый (в 1 и 2 знач.) || Употребляется в сочетании с фамилией, именем, когда говорится о мало кому известном человеке» [4]; «1. Какой-то, точно не известный. 2. Малоизвестный (обычно в сочетании с именем, фамилией или кличкой)» [1].

Однако анализ реальных употреблений этого слова при определяемом одушевленном существительном в медийном дискурсе дает нам большое количество случаев его негативно-окрашенной актуализации с семантикой: «Не заслуживающий внимания, уважения», т.е. оцениваемый говорящим как имеющий статус ниже говорящего, например: *В составе преступной шайки оказался некий банкир, успевший превратить изрядную тридцатисантиметровую статуэтку весом 1,8 килограмма в несколько слитков золота* [Парламентская газета, 2021.12]; *В самом видео один из бойцов утверждает, что некие «подонки» сочиняют ложь против полка, чтобы получить политическое убежище* [NEWSru.com, 2021.05]; *Пришла информация, что в Челябинске некий деятель взял ружьё и расстрелял собаку* [Парламентская газета, 2021.01].

Как и для прилагательного **небезызвестный**, в ряде контекстов сохраняется и внеоценочное, исконное значение слова **некий** как неопределенного местоимения-прилагательного – «какой-то, точно неопределенный, некоторый»: *Чтобы некий человек лучше выглядел и пользовался успехом, ему рекомендуется подстричься и надеть хороший костюм* [Ведомости, 2021.01]; *Чтобы некий человек лучше выглядел и пользовался успехом, ему рекомендуется подстричься и надеть хороший костюм* [Ведомости, 2021.01]; *«Могу предположить, что дом, возможно, был продан некоему богачу, у которого просто нет времени или средств на его ремонт», – заявил Коллин* [Lenta.ru, 2020.11].

В незначительном количестве контекстов, когда слово **некий** сочетается с определяемым существительным, имеющим безусловную эксплицитную позитивную оценочность, мы можем говорить и о наведении в контексте положительной тональности: *...политик, глава государства в народном познании оставался неким небожителем и такое восприятие властью поддерживаем было очень удобно* [Ведомости, 2021.05]; *Но на самом деле прежде всего это тяжелейший труд, это очень важная составляющая социальной жизни, и спортсмены, с моей точки зрения, должны являться примерами, некими моделями и для детей и для тех людей, которые просто массово занимаются спортом* [Vesti.ru, 2020.12].

Количественный анализ первых 100 вхождений в газетные корпуса для этого прилагательного дал следующие результаты: негативно-оценочная тональность – 58 %, нейтральная тональность – 39 %, позитивно-оценочная тональность – 3 %. Как и в случае с прилагательным *небезызвестный*, для местоимения *некий* мы получили показатель наведенной в контексте оценочности, превышающий эмпирически установленную пороговую величину в 60 % (= / – 5 %): т. е. наличие имплицитной негативной оценки для слова *небезызвестный* также можно считать доказанным.

Кстати, помимо научного инструментария количественного дискурсивного анализа, реальность негативной оценочности для слов типа *небезызвестный* или *некий* можно доказать посредством привлечения так называемого «отрицательного языкового материала» (Л. В. Щерба): эти признаковые слова в норме не сочетаются с одушевленными существительными, имеющими безусловную, аксиоматическую положительную оценочность, выражающими своего рода сверхценность: нельзя сказать в экстенциональном, прямом, неироничном употреблении что-то вроде **небезызвестный/некий подвижник, мученик, святой* и пр.

Еще большую значимость предлагаемая в настоящей работе технология квантитативного дискурсивного анализа имплицитной негативной оценочности по корпусным данным, на наш взгляд, имеет для русских экспрессивных фразеологизмов, которые на интуитивном, эмпирическом уровне представляются в реальном речевом употреблении в качестве маркеров отрицательной оценки свойств и /или действий лица, но при этом толковые или фразеологические словари никакой негативной оценочности не указывают.

Тестированию на наведенную негативную тональность было подвергнуто 10 таких фразеологизмов: *раскачивать лодку, положить под сукно, закручивать гайки, закусить удила, из кожи (вон) лезть, качать права, одним миром мазаны, положить глаз, тертый калач, далеко пойти*. Предварительное обследование позволило выделить две группы фразеологизмов.

Фразеологизмы первой группы содержат эксплицитную негативную оценочность, отраженную в соответствующих пометах в словарном толковании, или негативную оценочность, которая имплицитруется из самой формулировки фразеологического значения, например: *раскачивать лодку* «Публиц., неодобр. Подрывать, нарушать стабильность существования, работы чего-л.; дестабилизировать ситуацию в какой-л. области»; *положить под сукно* «Ирон. Оставлять без внимания, без продвижения (какой-либо документ); откладывать решение какого-либо дела» [6]. Очевидно, что в этих случаях квантитативный анализ корпусных данных для выявления имплицитной негативной оценочности не требуется.

Для фразеологизмов второй группы в их речевой реализации интуитивно ощущается присутствие некой отрицательной тональности, однако толковые и фразеологические словари для них или указывают лишь на общее наличие экспрессии либо иронии, или дают пометы только на

ограничение употребления (*простор.*, разг. и под.). Их «прокрутка» через квантитативный анализ корпусных данных дает следующие результаты.

Фразеологизм **закручивать гайки** «*Простор.*, *экспр.* Увеличить строгости, притеснения» [6] дает самое большое количество негативно-оценочных контекстов: «*Можно предположить, что они и дальше будут закручивать гайки — уже сейчас блокируют аккаунты только потому, что человек русский*», — сказал эксперт, напомнив, что соцсеть заблокировала несколько личных страниц отечественных журналистов и СМИ [Парламентская газета, 2019.02]; *Пришедший на смену Баракку Обаме Дональд Трамп принялся закручивать гайки* [Ведомости, 2018.04].

Подсчеты показали следующее: негативно-оценочная тональность – 85 %, нейтральная тональность – 12 %, позитивно-оценочная тональность – 3 %. Полагаем, что столь высокий показатель для негативной тональности связан с тем, что в семантике этого фразеологизма заложено представление о нарушении нормы, отклонении от принятых правил поведения, от ожидаемых стандартных реакций, что ощущается носителями языка и, соответственно, оценивается негативно.

Большой процент наведенной негативной оценочности дает фразеологизм **одним миром мазаны** «*Ирон.* Быть похожим друг на друга по характеру, по поведению, по своим качествам и т. п.», например: *Более распространен другой вывод: все ипионы одним миром мазаны* [Коммерсант, 2011.12]; *Для финских властей, социологов и журналистов все проститутки, проникающие в Суоми из Санкт-Петербурга, Выборга, Петрозаводска, одним миром мазаны* [Труд-7, 2004.01]; Мол, все они, менты, **одним миром мазаны**, и он, Петров, не лучше других [Литературная газета, 1997.07].

Выявлено: негативно-оценочная тональность – 76 %, нейтральная тональность – 22 %, позитивно-оценочная тональность – 2 %. Выяснилось, что практически невозможно употребить этот фразеологизм для характеристики ситуации или ее участников в позитивном ключе.

Также преобладание негативной тональности, пусть и не в такой степени, как для фразеологизмов, проанализированных выше, наблюдается у фразеологической единицы **закусить удила** «*Простор.*, *экспр.* Действовать напролом, не считаясь с обстоятельствами» [6], например: *Казалось бы, рычагов давления на таких чиновников у губернатора более чем достаточно, однако, если руководитель какого-либо района закусит удила, отстранить его от должности практически невозможно* [Известия, 2004.09]; *Мое абсолютно четкое представление, может быть, это субъективное представление, такое, что наши так называемые заклятые друзья закусили удила и хотят полностью скомпрометировать российский спорт в частности, и Россию в целом* [lenta.ru, 2016.05]; *Но Трамп закусил удила, называя Хиллари уголовной преступницей и требуя ее заточения в тюрьму* [Московский комсомолец, 2016.11].

Правда, в ряде случаев мы можем фиксировать и нейтральное, внеоценочное употребление этого фразеологизма, который просто

282 | выступает в роли интенсификатора описываемой в контексте ситуации, например: *Я **закусил удила**, помчался в самый крупный в Мюнхене книжный магазин и нашел цюрихское издание «Очарованного странника» – на немецком* [Комсомольская правда, 2012.12]; *Нынче им пришлось, **закусив удила**, вновь отправиться в гастроли по белу свету, чтобы заработать на жизнь себе и своим семьям* [Труд-7, 2008.07].

В незначительном количестве случаев интенсифицироваться посредством употребления этого фразеологизма может и положительно оцениваемая ситуация – тогда контекст получает позитивно-оценочную тональность, например: *А местные, **закусив удила**, вынуждены работать честно* [Комсомольская правда, 2013.07]; *Московский «Спартак», поменявший на ноябрьской переправе всю упряжку «коней» – от президента до главного тренера, тоже, **закусив удила**, выдал серию неплохих матчей* [Комсомольская правда, 2002.11].

В целом по данному фразеологизму получены следующие результаты: негативно-оценочная тональность – 57 %, нейтральная тональность – 31 %, позитивно-оценочная тональность – 13 %. Данный показатель находится в районе пороговой величины в 60 %, которая выше была обоснована нами как необходимый порог для квалификации наличия имплицитной негативной оценочности.

Аналогичный уровень преобладания негативной оценочности выявлен и для фразеологизма *качать права* «Прост., экспрес. 1. Отстаивая свою правоту, требовать, добиваться чего-либо. 2. Наставлять, поучать кого-либо» [6], например: *Качал права в поселковом магазине, кидался гнилыми яблоками* [Комсомольская правда, 2008.11]; *Говорят, что «волки» зашли в кафе и начали качать права* [Комсомольская правда, 2012.11]; *Водитель долго «качал права», но стражи порядка прямо под водительским сиденьем нашли пакет наркотиков, как потом выяснилось, это был героин* [Vesti.ru, 2012.08].

Как и в случае с фразеологизмом *закусить удила*, для фразеологизма *качать права* выявлена функция интенсификатора нейтральной, внеоценочной ситуации, например: *Подлетели чешские арбитры, которые начали качать права – или меняйся, или иди в игру* [Советский спорт, 2011.04]; *А по закону, чтобы дальше «качать права», свои обязательства нужно выполнить полностью* [Комсомольская правда, 2009.09], – или даже, в нескольких случаях, имеются употребления с целью характеристики позитивно оцениваемой ситуации: *За то, что резал правду-матку в глаза, качал права, за друзей вступался* [Комсомольская правда, 2007.04].

В целом по фразеологизму *качать права* получены результаты, близкие результатам по проанализированному выше фразеологизму *закусить удила*: негативно-оценочная тональность – 55 %, нейтральная тональность – 36 %, позитивно-оценочная тональность – 9 %. Они также находятся в районе пороговой величины в 60 %, необходимой для квалификации наличия имплицитной негативной оценочности.

Отметим, что не все единицы из выборки тестируемых фразеологизмов дали ожидаемое преобладание негативной тональности. Так, для фразеологизма **из кожи (вон) лезть** «Разг., экспрес. Усердствовать, стараться изо всех сил» [6], наряду с контекстами негативной тональности, такими, как: *Тогда как его армия упрямо тонет в афганской трясине, а Ирак погрязает в террористическом насилии, Барак Обама из кожи вон лезет, чтобы убедить американский конгресс начать новую войну* [Комсомольская правда, 2013.09], – и контекстами позитивной тональности (в роли интенсификатора положительно оцениваемых состояний), например: *Он из кожи вон лезет, чтобы доказать, что достоин такого почета* [Советский спорт, 2013.03] – все же выявлено преобладание внеоценочных употреблений (в роли интенсификатора нейтральных ситуаций), например: *Впрочем, если первая может поберечь силы в матчах чемпионата КХЛ для Игр в Сочи, то второй связке надо из кожи вон лезть, чтобы заслужить приглашение в сборную России* [Коммерсант, 2013.10]; *Здесь мы могли развернуться по части компьютерной графики и сложнопостановочного эскина, но при этом съёмочный период у нас по-прежнему был очень сжатый, и пришлось из кожи вон лезть, чтобы хоть что-нибудь успеть* [Известия, 2013.10].

Количественные показатели для фразеологизма **из кожи (вон) лезть** таковы: негативно-оценочная тональность – 23 %, нейтральная тональность — 36 %, позитивно-оценочная тональность – 29 %. Нетрудно видеть, что преобладает нейтральная тональность: подобным случаям мы не приписываем свойство имплицировать негативную оценку в дискурсе.

Преобладание нейтральной тональности также выявлено для фразеологизма **положить глаз** «Обратить особое внимание; заприметить; остановить свой выбор» [6], хотя в обследованном материале встречаются примеры всех трех типов тональности: (1) негативная оценочность: *На 2,5 триллиона рублей, выданных Правительством людям для поддержки в трудные коронавирусные времена, положили глаз беспринципные, но изобретательные киберпреступники* [Парламентская газета, 2021.05]; (2) нейтральная оценочность: *Лондонский «Челси» положил глаз на вратаря сборной Германии и мюнхенской «Баварии» Мануэля Нойера* [Vesti.ru, 2020.03]; (3) позитивная оценочность: *По поводу того, что на них, в хорошем смысле этого слова, глаз положили, да, это так* [lenta.ru, 2018.03].

В целом для фразеологизма **положить глаз** получены следующие данные: негативно-оценочная тональность – 36 %, нейтральная тональность – 48 %, позитивно-оценочная тональность – 16 %.

Наконец, для двух последних из тестируемых фразеологизмов **тертый калач** «Одобр., иронич. Об опытном, бывалом человеке, которого трудно обмануть» [6] и **далеко пойти** «Разг., одобр. Достичь больших успехов в жизни, добиться больших результатов в чем-л.» [6] дискурсивный анализ корпусных данных обнаруживает преобладание имплицитной положительной оценочности, например: *Как ни крути, а главный тренер СКА Юкка Ялонен уважать себя заставил! Тертым калачом финн оказался* [Советский спорт, 2013.04]; *В комментариях к видео пользователи соцсети*

284 | хвалили юного футболиста. «*Далеко пойдет парень, браво!*» – написал один из них [lenta.ru, 2019.01].

При этом зафиксированы также негативно-оценочные контексты, например: *Поскольку он уже судимый и, что называется, **тертый калач**, конечно, можно предположить, что его показания направлены именно на это* [Известия, 2013.03]; *Гуляя в Битцевском парке, очень часто вижу мертвых белок, убитых вот такими стрелками. Да, так мы **далеко пойдём!** И так у нас выросло поколение очень жестоких людей, у которых совсем отсутствует чувство жалости* [Комсомольская правда, 2009.05], – и внеоценочные контексты, например: *Но брат и сестра Джабаровы, несмотря на возраст, оказались **тертыми калачами** и тонкими психологами* [Комсомольская правда, 2013.02]; *Всё зависит от того, как **далеко пойдут** американцы, будут ли они продвигать свой проект или не будут, что они будут делать 23 февраля с гуманитарной помощью* [Известия, 2019.02].

В целом по данным фразеологизмам получены следующие результаты.

Для фразеологизма **тертый калач**: негативно-оценочная тональность – 20 %, нейтральная тональность – 25 %, позитивно-оценочная тональность – 55 %.

Для фразеологизма **далеко пойти**: негативно-оценочная тональность – 14 %, нейтральная тональность – 30 %, позитивно-оценочная тональность – 56 %.

Справедливости ради, отметим, что для данных фразеологизмов наличие имплицитной позитивной оценочности поддержано присутствием пометы *одобр.* в их словарном толковании.

В целом полагаем, что предлагаемая в работе методика способна достаточно объективно верифицировать наличие негативно-оценочной информации в тестируемых словах или выражениях, что вполне может составить доказательную базу в производстве лингвистической экспертизы по гражданским делам об унижении чести и достоинства, опорочивании деловой репутации.

Литература

1. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: В 2-х т. (МАС). М.: Русский язык, 2000.
2. Радбиль Т. Б. «Язык ценностей» в современной русской речи и пути его исчисления / Т. Б. Радбиль // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия «Филология». 2011. № 6. Часть 2. С. 569-573.
3. Радбиль Т. Б. Культурная апроприация заимствований в свете теории языковой концептуализации мира / Т. Б. Радбиль // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2017. Т. 13. С. 107-115.
4. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985-1988.

5. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. (БАС). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950-1965.

6. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка: около 13000 фразеологических единиц. 3-е изд., испр. М.: АСТ; Астрель, 2008. 878 с.

7. Чернявская В. Е. Дискурсивный анализ и корпусные методы: необходимое доказательное звено? Объяснительные возможности качественно-го и количественного подходов / В. Е. Чернявская // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 2. С. 31-37.

8. Firth J. R. Papers in Linguistics: 1934-1951. Oxford: OUP, 1957.

9. Louw W. E. Irony in the text or insincerity in the writer? The diagnostic potential of semantic prosodies // M. Baker, G. Francis and E. Tognini-Bonelli (eds.). Text and Technology: In Honour of John Sinclair Amsterdam: John Benjamins, 1993. P. 152-176.

10. Prabowo R., Thelwall M. Sentiment analysis: A combined approach / R. Prabowo, M. Thelwall // Journal of Informetrics, 3(2), 2009, pp. 143-157.

11. Sinclair J. M. Corpus, concordance, collocation. Oxford: Oxford University Press, 1991. 179 p.

T. B. Radbil

IDENTIFICATION AND EXPERT QUALIFICATION OF NEGATIVE EVALUATIVE INFORMATION ABOUT A PERSON IN THE ASPECT OF INTERNET MEDIA CORPORAL ANALYSIS

Abstract. The work deals with the problem of verification of implicit negative-evaluative information about an individual or legal person, expressed in words and expressions that do not have an explicit negative evaluation according to dictionaries, in the processing of linguistic expertise. Verification is carried out according to corporal analysis data.

Keywords: negative information; implicit evaluation; corporal analysis; words *nebezyvestny*, *preslovuty* and *nekiy*; phraseologism; linguistic expertise; humiliation of honor and dignity, business reputation.

Acknowledgements: the reported study was funded by Russian Science Foundation, project number № 23-28-00368.

РЕЧЕВОЙ АКТ ОБВИНЕНИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ: СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА

Аннотация. В статье рассматривается речевой акт обвинения как форма конфликтного речевого поведения в социальных сетях. Выявлены отличительные особенности обвинения в сравнении со сходным речевым актом оскорбления. На конкретных примерах описаны семантико-прагматические особенности обвинения, способы его выражения и пропозициональное содержание высказываний обвинения.

Ключевые слова: обвинение, речевой акт, семантика, прагматика.

Обвинение как форма конфликтного речевого поведения, реализующая общую стратегию дискредитацию, активно представлено в социальных сетях. Ложное, не соответствующее действительности обвинение образует состав таких правонарушений, как «Клевета» и «Порочащие сведения», и влечёт за собой юридические санкции.

Однако в отличие от других конфликтных речевых актов, составляющих вербальные правонарушения (оскорбление), оно недостаточно описано в лингвистике. Поэтому целью исследования является выявление специфики и семантико-прагматических особенностей речевого акта обвинения в сравнении с иными, сходными формами агрессивного речевого поведения и описание его функционирования в социальных сетях.

В юридической практике речевые акты обвинения и оскорбления часто смешиваются, что приводит к ошибочной постановке вопросов, представленных на разрешение эксперта. Например, в вопросе «Если в спорном тексте содержится информация о совершении X нечестного поступка, его неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной жизни, моральных норм и принципов, то выражена ли эта информация в оскорбительной форме?» закодированы две формы вербальных деликтов – обвинение в нарушении морально-этических норм и оскорбление как унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме.

Семантика речевого акта обвинения может быть описана дефиницией лексемы в толковых словарях как: «1. Упрёки, укоры. *Несправедливое обвинение. О. во лжи, в неискренности.* 2. Признание виновным в чём-либо;

приписывание кому-нибудь какой-нибудь вины; вменение в вину. *Судить по обвинению в краже. Предъявить обвинение кому-нибудь*. 3. Юридические действия, направленные на доказательства виновности того, кто привлекается к уголовной ответственности. *Государственное о. Общественное о. Частное о*. 4. *Обвинительный приговор. Вынести обвинение*. 5. *Обвиняющая сторона в судебном процессе. Свидетели обвинения* [11, с. 425].

Таким образом, речевой акт обвинения предполагает вменение, приписывание вины за совершение негативных деяний.

Прагматика обвинения может быть описана схемой:

- А) Знаю (предполагаю), что ты сделал X;
- Б) Знаю, что X считается негативно ценным;
- В) Говорю тебе (факультативно – в присутствии третьих лиц), что ты сделал X;
- Г) Говорю это тебе для того, чтобы ты признал свою вину (либо доказал свою невиновность) [1, с. 103].

Участниками речевого акта обвинения выступают обвинитель и обвиняемый, причём в качестве обвинителя выступает любое лицо, не обязательно правоохранительные органы.

Иллокутивная функция

Различные формы конфликтного речевого поведения (упрёк, насмешка, издёвка, оскорбление, обвинение) объединены общей коммуникативной задачей, направленной на «информирование об отрицательной оценке» [5]. Вместе с тем между ними есть существенные различия, которые необходимо учитывать в производстве судебных лингвистических экспертиз и исследований.

Иллокутивная сила речевого акта обвинения заключается в информировании адресата об отрицательных сторонах жизни и деятельности обвиняемого лица, нарушении им юридических и морально-этических норм с целью дискредитации этого лица.

Эта цель существенно отличает обвинение от оскорбления, иллокутивной целью которого является унижение, опорочивание чести и достоинства личности, утверждение превосходства инвектора за счёт понижения социального статуса адресата. При этом признак соответствия / несоответствия действительности для оскорбления нерелевантен.

Напротив, для обвинения данный признак является релевантным, поскольку распространение негативных, не соответствующих действительности сведений влечёт санкции по ст. 152 ГК РФ. Негативная информация речевого акта обвинения может быть истинной (справедливое обвинение) и ложной (несправедливое, ложное обвинение).

Форма выражения обвинения

В предложенной Лаврентьевой Е. В. классификации прямых способов обвинения, «составляющих ядерную зону поля», отмечены:

- 1) высказывания с эксплицитованным перформативом (Я вас обвиняю);
- 2) высказывания с эксплицитованным предикатом вины (Ты виноват);
- 3) высказывания с эксплицитованным предикатом поступка (предикат об-

288 | ладает негативной семантикой); 4) высказывания с эксплицированным оценочным предикатом (прилагательные и существительные с негативно-оценочной семой) [7].

В первом случае обвинение эксплицировано перформативным глаголом обвиняю, имеющим в русском языке два значения: *обвинить* – «1. Счесть виновным, упрекнуть, укорить. 2. Считать виновным, привлечь к суду» [11, с. 425]. По мнению Лаврентьевой Е. В., «для семантической модели жанра характерна экспликация всех компонентов обвинительного высказывания: субъекта речи (обвинителя), объекта обвинения (адресата) и основания оценки» [7].

Наши исследования обвинения в социальных сетях показывают, что данная языковая форма встречается редко (в отличие, возможно, от художественной или разговорной речи). Так, в исследуемом нами речевом материале не обнаружено ни одной такой формы. Обращение к данным «Национального корпуса русского языка» показывает, что примеры немногочисленны: *«Я обвиняю за то что ты закрываешь на это глаза»*; *«Я обвиняю компанию CDPR в целом. Кто у них за что виноват - дело десятое, мне абсолютно все равно»*; *«...Я обвиняю ОАО «РЖД» и администрацию Балашихи в гибели моей жены и десятков других людей. Я обвиняю людей, отвечающих за строительство подобных объектов, и, очевидно, разворовавших средства, выделенные на это»*; *«... и добавил: А когда вы понимаете как я вас всех развёл и начинаете делать свои гелиостугрики и сиккфунты стерлингов и рассчитывать в них я вас начинаю тромбовать санкциями, пугать армией и обвиняю вас в нацизме, идиотизме, агрессии и вообще всех смертных грехах»*; *«Я обвиняю их в необъективности и поспешности выводов»*; *«Я обвиняю по очереди Сундука и Леру в том, что это они виноваты в отсутствии зуба»* и др. [10].

Анализ позиционального содержания контекстов показывает, что семантика обвинения в данном случае выражает не только события нарушения законодательства, но и всё многообразие иных предметно-референтных ситуаций.

Наряду с «классическим» перформативом *обвиняю* для выражения обвинения может использоваться и обезличенная перформативная формула «X обвиняется». В отличие от индикатива предикатив страдательного залога присоединяет актанты, описывающие исключительно пропозиции преступлений, правонарушений, то есть перформативная конструкция в данном случае «юридизируется»: *«У 14-летнего подростка, который обвиняется в подготовке»*; *«Легенда художественного Петербурга Юрий Красев обвиняется в вооружённом разбое»*; *«Смешной, нелепый, беспомощный человек под два метра ростом (творческий псевдоним Циркуль он получил как раз за высокий рост и нескладную худую фигуру) сейчас обвиняется в жутком преступлении – разбойном нападении на ларечника, которое он совершил, как написано в обвинительном заключении, «в целях хищения чужого имущества» – четырех тысяч рублей»*; *«Ему сообщают, что он обвиняется в изнасиловании и ограблении»*; *«Наши*

друг и красно-белый товарищ, который больше известен как Учитель, обвиняется по статье 282 УК РФ» [10].

Но чаще всего перформативный глагол не эксплицирован, что обусловлено стремлением говорящего имплицировать своё коммуникативное намерение.

«Высказывания с эксплицированным предикатом поступка» и «высказывания с эксплицированным оценочным предикатом» [7] включают негативно-оценочные глаголы, прилагательные и существительные в качестве именной части сказуемого.

Семантика обвинения выражена негативно-оценочными языковыми знаками, содержащими в своём предметно-денотативном значении негативно-оценочные коннотации. Чаще всего предикативное ядро данных высказываний составляют глагольные предикаты (*крадут, присвоила, гнобит*): «Закулисье мисс Брянск. Горячая бомба совсем скоро. Как крадут деньги у детей...наш город должен знать этих героев...» [4]; «Некая «Елена Добычина» (ссылка на неё <https://vk.com/id167879186> так она себя называет и периодически меняет псевдоним), обманном путём вошла в доверие и присвоила себе почти 19 000 тысяч рублей»; «В своей беседе (откуда тоже удалила) гнобит и льёт грязь» [2].

Здесь важно обратить внимание, что контексты типа «Он вор, мошенник, обманщик» с оценочно-характеризующими предикатами являются прежде всего речевыми актами-обвинениями (в воровстве, мошенничестве, обмане), а не оскорблениями или оценками в силу предметно-денотативной семантики этих предикатов. И должны квалифицироваться по соответствующим статьям уголовного или гражданского законодательства.

Оценочные коннотации наслаиваются на основное предметно-денотативное значение языковых знаков, но не «вытесняют» сему обвинения.

Наконец важным языковым признаком обвинения является «приличная» форма выражения высказываний, в отличие от неприличной формы в оскорблении. То есть высказывания должны быть выражены литературно-нормированными языковыми средствами, не имеющими дополнительных коннотаций бранности, вульгарности. Семантика оскорбления напротив состоит в использовании бранной, грубо-оскорбительной лексики, прежде всего нелитературной (обсценизмы, вульгаризмы), фиксируемой в специальных словарях бранной лексики [9] или в толковых словарях русского языка с пометами «бранное», «вульгарное», «грубо-просторечное» [3, 11]. В качестве инвективных языковых средств может выступать и литературная лексика, но она также фиксируется в словарях с пометами «бранное» (*дурак, идиот*).

Пропозициональное содержание

Высказывания, содержащие речевой акт обвинения, предполагают определённое пропозициональное содержание, которое следует рассмотреть более подробно.

С точки зрения законодательства они должны включать «сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют честь и достоинство гражданина или деловую репутацию гражданина либо юридического лица» [13].

Таким образом, содержание речевого акта обвинения составляет сведения о нарушении действующего законодательства (совершение противоправных действий) или морально-этических норм.

Существует положение о том, что сведения о совершении противоправных действий не могут быть решены в рамках лингвистической экспертизы, поскольку требуют специальных юридических познаний [1]. Задача лингвиста заключается исключительно в выявлении контекстов, содержащих эти негативные сведения, и указании на них суду. Например, в следующем тексте поста «*То детей через соц опеку забирает, то жалуется суду, что нищий банкрот, лишь бы не платить своим детям алименты и не закрывать кредит за заложенный дом моей бабушки (который я позволила заложить под строительство коровника и части сыроварни в начале бизнеса)*» [6] приведены сведения об уклонении от уплаты алиментов и погашения кредитов. Они потенциально могут рассматриваться как сведения о нарушении действующего законодательства, если противоречат юридической норме. А вот установление, являются ли эти деяния нарушением действующего законодательства, требует специальных юридических познаний и не может быть осуществлено в ходе лингвистического исследования.

Однако есть тексты, в которых сведения о нарушении законодательства эксплицитованы языковыми знаками, содержащими в своём предметно-денотативном значении семы «незаконный», «нелегальный», «противоправный», «противоречащий закону». Например: «*Есть у нас в Почепе председатель территориальной избирательной комиссии Г., которая притворилась бездомной, бедной и прописалась в 2007 году в Погарском районе в Чернобыльской зоне. И все эти годы **получала незаконно** всякие выплаты, льготы по чернобыльским этим делам. Имея при этом дом в Почепе и живя в Почепе, дети в школу ходили в Почепе, она работала в Почепе и работает и живёт и жила, но тем не менее она получала все эти годы...»;* «*На рынке она тоже **незаконно** торгует»;* «*И **незаконно** торгует и **незаконно** стоит»;* «*Она прописала себя, своих детей по адресу село Заречное, которое относится к Чернобыльской зоне. Для чего? Для того, чтобы получать **незаконным** путём, обманным путём деньги от государства»;* «*Одно **преступление** порождает другое **преступление**. И что у нас в Почепе творится!*» [15]. Информация о нарушении закона закодирована в семантике языковых знаков незаконный, незаконно, преступление, употреблённых в высказываниях в своих буквальных значениях. Поэтому в приве-

дённых контекстах реализован речевой акт обвинения в совершении незаконных деяний.

Постулатом юрислингвистики считается также невозможность установить несоответствие действий и поступков морально-этических нормам, поскольку лингвист не является специалистом в области этики и морали [1]. Это не совсем верно, так как иногда сам контекст указывает на несоответствие высказываний морально-этическим нормам.

Так, распространение в текстах поста [6] информации о совершении X различных поступков сопровождается оценкой его личности как аморальной: *«Ну органам власти видимо все-равно каких аморальных личностей брать»*. Семантическую пресуппозицию высказывания составляет суждение об отрицательных морально-этических качествах X (аморальная личность), где слово *аморальный* употребляется в значении «противоречащий морали; безнравственный. *Аморальный поступок. Аморальное поведение. Аморальный человек»* [11, с. 23]; «отрицающий мораль, безнравственный» [3].

Вывод о нарушении морально-этических норм может быть сделан в результате анализа всего текста публикации. Так, основная часть исследуемого текста [14] представляет собой нарратив с инвариантной пропозицией «Итоги 11 лет брака», развёртывающейся в конкретных, частных пропозициях:

- 1) пропозиция о понуждении X автора поста к заключению невыгодного брачного контракта (*Я осталась с брачным контрактом на руках. Который Олег уговорил меня подписать... По этому контракту у меня не осталось ничего*);
- 2) пропозиция о залоге X общего дома, подаренного автору поста, и невыплате за него ипотеки (*И наш единственный дом, который подарила мне бабушка, был заложен Олегом в ипотеку...на много лет; И даже эту ипотеку он, уходя из семьи, отказался закрыть*).

Публикация завершается резюмирующим высказыванием *«И я очень надеюсь, что Олег все-таки поступит по-человечески и по-честному»*. Учитывая когерентность дискурса, из данного высказывания инференционно вычисляется импликатура о том, что раньше, до этого X поступал по отношению к автору поста не по-человечески и нечестно. Таким образом, высказывание содержит имплицитные оценки поступков X как непорядочных и нечестных.

Приведём словарные дефиниции (толкования значения) данных языковых единиц: *нечестный* – «лишённый честности, непорядочный» [11, с. 416]; *не по-человечески*, наречие от *человеческий*, *человечный* – «достойный человека, отзывчивый, гуманный» [11, с. 879].

Представленная в высказывании *«Заехали они как-то к папе во двор (живет он недалеко в районе). И все, тю-тю. Теперь папа велики не отдаёт. И на все их просьбы и недельное нытьё, чтоб им обратно велики привезли отвечает: «Велики мои! Сам решаю где им быть. Вам не отдам домой»* [12] пропозиция о том, что X не отдаёт своим детям велосипеды, при её

292 внешне нейтральном характере (не содержит отрицательно-оценочных языковых единиц) может быть определена как негативная с учётом знания социокультурной пресуппозиции о «кодексе» морального поведения отца по отношению к своим детям.

В вышеприведённых примерах обвинение в нарушении морально-этических норм с позиций интерпретативного дискурс-анализа может быть установлено инференционно-когнитивными механизмами: «Эти смыслы интерпретируются психологически-инференционно (на основании прошлого опыта и социально-культурных конвенций) и обретают ситуативный смысл» [8, с. 27].

Таким образом, наши исследования негативных контекстов социальных сетей показывают, что обвинения в нарушении действующего законодательства и морально-этических норм могут быть закодированы в публикации и установлены лингвистом через анализ лексико-семантической структуры текстов и содержащихся в них имплицатур.

Литература

1. Бринев К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография; под ред. Н. Д. Голева. Барнаул: АлтГПА, 2009. 252 с.
2. Версус. Черный список [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall-165736904_8986 (дата обращения 15.05.2023).
3. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс]. М., 2000. URL: <https://slovar.cc/rus/efremova-tolk.html> (дата обращения: 25.05.2023).
4. Закулисье мисс Брянск. Горячая бомба совсем скоро. Как крадут деньги у детей... Наш город должен знать этих героев [Электронный ресурс]. URL: <https://www.picnob.com/profile/smirnovaanna351/> (дата обращения 20.05.2023).
5. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М: «ЛКИ», 2008. 288 с.
6. Как все начиналось: пост Пелагеи от 31.03.2023 [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall-215847939_5004 (дата обращения 18.05.2023).
7. Лаврентьева Е. В. Речевые жанры обвинения и оправдания в диалогическом единстве // Автореф. на соискание ученой степени кандидата филол. наук. Новосибирск, 2006. 25 с.
8. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
9. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Русское сквернословие: краткий, но выразительный словарь. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. 384 с.
10. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения 15.05.2023).
11. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ООО «А ТЕМП», 2007. 944 с.

12. Пелагея Стерлигова [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/pelageasirota/318> (дата обращения 18.05.2023).

13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsrfl.ru/documents/own/8288/> (дата обращения 06.05.2023).

14. У меня не осталось ничего: Пелагея Сирота подписала брачный контракт и лишилась всего // Комсомольская правда. 10 февраля 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kp.ru/daily/27362/4544053/> (дата обращения 18.05.2023).

15. Чернобыльские за правильные выборы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=nx6WoBFdYWc> (дата обращения 27.04.2023).

T. A. Raspopova

SPEECH ACT OF CHARGE IN SOCIAL MEDIA: SEMANTICS AND PRAGMATICS

Abstract. The article looks at the accusation speech act as a form of conflicted speech behavior on social media. The distinctive features of the accusation were revealed in comparison with a similar speech act of insult. Based on specific examples, semantic-pragmatic features of the accusation, methods of its expression and propositional content of statements are described.

Keywords: accusation, speech act, semantics, pragmatics.

Л. В. Рацибурская

racib@yandex.ru

доктор филологических наук, профессор,

заведующая кафедрой современного русского языка и общего языкознания

Национального исследовательского Нижегородского государственного

университета им. Н. И. Лобачевского

Нижний Новгород, Россия

РИСКОГЕННЫЕ ЗОНЫ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИЙНОМ СЛОВОТВОРЧЕСТВЕ

Аннотация. В статье определяются рискогенные зоны в области современного медийного словотворчества, к которым, в частности, относятся новообразования разной словообразовательной структуры, структурно-семантические особенности которых связаны с рисками нарушения этических норм. Исследование проблемы коммуникативных рисков способствует предупреждению юридических конфликтов с потребителем медийной продукции.

Ключевые слова: коммуникативные риски, медиа, словотворчество, новообразования, этические нормы.

Финансирование: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00368.

Проблема коммуникативных рисков, ведущих к разного рода коммуникативным неудачам, последнее время активно обсуждается в современной медиалингвистике [7; 6]. Данная проблема связана с ориентацией медиа на разговорную коммуникацию, на широкое использование сниженных, а также нелитературных средств языка и речи.

В рискогенных зонах нередко оказываются медийные новообразования, структурно-семантические особенности которых могут быть связаны с рисками нарушения этических норм, с речевой агрессией, оскорблением, унижением чести и достоинства личности.

Рискогенные новообразования могут создаваться разными способами, с помощью различных словообразовательных средств. Так, определенную зону рискогенности образуют неограниченно с размерно-оценочными суффиксами – диминутивы. Наряду с размерной семантикой и позитивной оценкой данные аффиксы нередко вносят в новообразования и негативную оценку. Диминутивы «способны также к передаче разнообразных отрицательных эмоций и негативных оценок, выполняя пейоративную или даже инвективную прагматическую функцию» [1, с. 186], выражая иронию, пренебрежение, унижение: *Я еще тогда предполагал, чем кончится твоя карьерка* (Вести FM, 05.07.2018); *Та ещё либеральная мировая элитка* (Россия-1, 19.07.2022); *Это уже секточка* (о либеральной оппозиции

в период пандемии – **Авт.**) (Вести FM, 27.03.2020); *Это выглядит очень специфично для нашего «толерантненького» мира, где примирить удалось, вон, даже бандеровца с евреем* (Завтра, 2016, № 30); *Какой-то он авторитарненький* (Россия-1, 08.12.2022); *Вел себя адекватно, только затхленько* (Комсомольская правда, 08.11.2011); *Штурмовички. Почему активисты «антимайдана» и поджигатели «за Матильду» на самом деле не союзники Кремля* (Новая газета, 2017, № 104); *... женишок-адвокатшко её скоро забудет* (Комсомольская правда, 03-10.06.2020); *Это даже не Паулюсы, а паулюсики* (Россия-1, 22.05.2022); *И в этой связи нам в России следовало бы померить любовь «Америчкой», столь свойственное нашей новой элите* (Аргументы и факты, 2017, № 39).

К размерно-оценочным суффиксам примыкает суффикс *-oid* со значением ‘не в полной мере наделенный тем или не в полной мере являющийся тем, что названо мотивирующим словом, заключающим в себе его признаки, но не являющийся им в полной мере’ [4]. В некоторых новообразованиях с данным суффиксом формируется агрессивное значение ‘умственно недоразвитое человеческое существо, имеющее сходные свойства с лицом, названным производящей основой’ [3, с. 42]: *Это морально уродство, а не фильм. Вырастили поколение дебилов, которое теперь всё это снимает и показывает подрастающим дебилоидам* [коллективный. Форум: Обсуждение фильма «Самый лучший фильм-2» (2009-2011), НКРЯ]; *Суффикс «-oid» я буду использовать для обозначения тех людей, кто воспринимает любое невесторженное высказывание в адрес своего кумира как личное оскорбление, как покушение на нечто сверхзначимое (если использовать психологический язык). В этом смысле настоящих коммунистов можно назвать лениноидами* (Эхо Москвы, 09.08.2013); *Но «эпоха» ельциноидов, разрушителей и откровенных воров прошла* (<https://politclub.livejournal.com/5926387.html>, дата обращения: 22.05.2023); *Российская армия усилиями ельциноидов была доведена до положения обтрёпанной нищенки* (https://ruskline.ru/analitika/2013/05/02/elcin_elcinizm_elcinoity, дата обращения: 22.05.2023); *Трампоиды, трамписты наши доморощенные, считают, что Трамп может с кем-то договориться* (Вести FM, 07.11.2022).

Особую группу рискогенных средств образуют феминитивы – суффиксальные существительные со значением женскости. В определённых контекстах новообразования с суффиксами женскости выражают негативную оценку, граничащую с речевой агрессией, особенно при обозначении статусных лиц: *Особенно много об этом говорит <...> рьяная либеральная «политикесса» Ирина Хакамада* (Новая газета, 31.01.2018); *Нацистский призыв поддержала премьерка Эстонии* (Россия-1, 10.08.2022); *...на фоне отдельных сенаторши и депутатши Валентина Ивановна выглядит довольно симпатично* (Собеседник, 2016, № 22); *Я тут читал одну профессоршу, академикишу* (Вести FM, 15.07.2022); *Предизентши выступила на форуме в Давосе <...> Еврокомиссарши объявила, что форум не имеет смысла* (НТВ, 22.01.2023); *Сколько делегатши должно быть делегировано?* (радио

296 | «Комсомольская правда», 20.03.2023). Степень агрессивности новообразований возрастает, если суффикс женскости сочетается с основами имен собственных, указывая, в частности, на жену лица, названного исходным словом, – известного политика, общественного деятеля: *При Клинтонше было бы хуже* (Вести FM, 22.09.2017); *Байдениша, супруга Байдена...* (Вести FM, 05.08.2022).

Рискогенные новообразования могут содержать суффиксы с негативной оценочностью. Так, новообразования с суффиксом -щин(а) с семантикой ‘бытовое или общественное явление, идейное или политическое течение, исторический период, характеризующиеся отношением к лицу, названному мотивирующим существительным’ или ‘характеризующиеся признаком, названным мотивирующим прилагательным’ [4] с оттенком неодобрения представлены не только в печатных СМИ, но и в интернет-коммуникации: *Что такое «училковщина»? В одной из социальных сетей я прочитала пост педагога, который рассказывал о какой-то конференции, где выступали молодые учителя с разными идеями. Он хвалил своих коллег и написал о том, что все выступления были интересными, новыми, «без всякой училковщины». С таким термином я встречаюсь впервые. И я задумалась: что же такое «училковщина»?* (<https://zen.yandex.ru/media/id/5c33637b2fe7ad00aa0774b0/что-такое-uchilkovscina-5db83da73d008800add2bf40>, дата обращения: 22.05.2023); *Откуда в них столько театральщины, додинщины?* (радио «Комсомольская правда», 16.12.2022); *Вот эта вся бельгийщина, склонность к геноциду...* (Россия-1, 22.12.2022).

Для создания негативного имиджа политика, общественного деятеля журналисты используют новый заимствованный из английского языка суффикс (суффиксоид) -гейт со значением ‘политический скандал’. Агрессивный эффект особенно заметен в тех случаях, когда данный суффиксоид присоединяется к основе личного имени собственного: *Трампгейт состоит из нескольких частей, каждая из которых имеет различную степень подтвержденности и может иметь разные последствия* (Макспарк, 14.01.2017); *Чем полезен «Слуцкий-гейт»? Обозреватель «Коммерсантъ FM», главный редактор проекта «Сноб» Станислав Кучер объясняет, почему, на его взгляд, скандал вокруг обвинений депутата Леонида Слуцкого полезен для всех и каждого* (Коммерсантъ, 26.03.2018); *о развитии бабченкогейта* (Россия-24, 01.06.2018); *Байденгейт, или Чья «смерть» вот-вот потрясёт Америку* (Звезда, 06.12.2022). Суффикс (суффиксоид) -гейт активно сочетается и с основами имен нарицательных, а также топонимов: *И что дальше в новичок-гейте?* (Бизнес FM, 07.04.2018); *Может ли развиваться Украина-гейт?* (1-й канал, 25.03.2019). *«Катар-гейт»: что известно о коррупционном скандале в Европарламенте* (ИТАР ТАСС, 16.12.2022). Использование суффикса (суффиксоида) -гейт является популярным манипулятивным приёмом. Исследователи указывают на социокультурные факторы продуктивности данного суффикса (суффиксоида), связывая её с частотой скандалов,

вызванных аморальным поведением политиков и представителей правящих кругов [2, с. 37].

Явно рискогенным характером обладает новообразование на базе существительного деменция с суффиксоидом *-крати(я)*: Ныне царит полная дементократия – власть безумия и безумцев (<https://zen.yandex.ru/media/id/5bd572d3d2fd5900aa00459a/nyne-carit-polnaia-dementokratiia-vlast-bezumiia-i-bezumcev-5c4c4b2d2e7d9d00b0e66edb>, дата обращения: 22.05.2023). Рискогенностью характеризуются и новообразования с суффиксоидом *-фоби(я)*: – *Что это сейчас было? – Расизм. Индусофобия. – Хорошо, что не цыганофобия* (радио «Комсомольская правда», 07.02.2023).

Размерно-оценочную семантику могут иметь и некоторые префиксы. Так, префикс недо- в сочетании с именными основами обладает значением ‘не в полной мере наделенный тем или не в полной мере являющийся тем, что названо мотивирующим словом, заключающим в себе его признаки, но не являющийся им в полной мере’ [4, с. 124] и может формировать негативную, вплоть до агрессивной (в определенных контекстах), семантику новообразования: *смехотворный недокандидат* (Вести FM, 31.01.2018); *мы любим раздавать ярлыки: ты графоман, недописатель* (Радио России, 25.10.2019); *Какого черта недодипломат Кислицын делает в Совете Безопасности?* (Россия-1, 29.07.2022); *Это настолько другие, что это не люди, или недолюди* (1-й канал, 19.10.2022); *Учителями для украинской недоэлиты выступают представители Польши* (1-й канал, 13.06.2022); *Макрон, этот недонаполеончик, пытается рассуждать о православии* (Россия-1, 24.10.2022).

В качестве рискогенного фактора может выступать стилистическая контаминация, которая обнаруживается не только в тексте, но и в пределах слова: не только в бытовой разговорной, но и в публичной речи лексическое «разнообразие» современных СМИ как результат эволюции газетно-публицистического стиля отражает «экспрессию психологического состояния общества» [Лысакова 2006: 119].

Рискогенность сложных новообразований может быть обусловлена семантико-стилистическими характеристиками сложных слов. Так, сочетание нейтральных или книжных основ со стилистически сниженными, жаргонными и разговорно-просторечными словами (основами) порождает негативно-агрессивные новообразования с инвективным эффектом: *Они завели себе телеграм-помойки* (Радио «Комсомольская правда», 26.11.2022); *Бог знает, с какой инфопомойки...* (Россия-24, 12.09.2022). Украинские события также отражаются в новообразованиях с явной рискогенностью: *Недаром хохлопропаганда и западная диктатура заливают уши своих жителей дикой ложью* (nasedkin, 09.01.2022); По-моему, Виталий Кличко очень даже органично смотрится среди укробомонда (<https://pavel-shipilin.livejournal.com/>, дата обращения: 22.05.2023); А мы уж как-нибудь обойдемся без европейских гастролей укрошапито (<https://pavel-shipilin.livejournal.com/923750.html>, дата обращения: 22.05.2023). В последних двух

298 | случаях выражена явная ирония. Иронической окраской характеризуется и новообразование скрепоносцы: *Я думаю, что скрепоносцы ответят по достоинству...* (YouTube, 25.05.2023).

В медийных текстах нередкими являются сложные новообразования на базе инвективной лексики: *К такой-то дипломатери* (Коммерсантъ, 05.09.2017); *Агендурни*. *Российская разведка растеряла профессионализм?* (Наша Версия, 08.10.2018); *Дорогие либероподвари, либероподонки, которые долгое время работали на Запад* (Вести FM, 26.06.2022); *В соцсетях появился ролик, на котором разъяренный быдловодитель Mercedes, возмнивший себя «царьком» оскорбляет сотрудника ДПС* (<https://amarok-man.livejournal.com/5383522.html>, дата обращения: 22.05.2023).

Особую группу сложных слов яркой негативной оценочностью составляют контаминированные новообразования, в которых наблюдается произвольное совмещение формально тождественных частей: *Вопрос: я понимаю, что с Борисом Николаичем вы уже безнадежно опоздали, но где протесты и нытинги с требованием осудить и посадить Михал Сергееча за развал Великого СССР? <...> А где нытинги с требованием посадить Чубайца?* (<https://zen.yandex.ru/media/politicanow/putinist-eto-zvuchit-gordo-5e6cfa791025642bc85a1a59>, дата обращения: 22.05.2023) – нить + митинг.

В некоторых рискогенных новообразованиях граница между частями слова оформляется с помощью дефиса, так что подобные графические неодериваты выступают в виде семантико-графических комплексов [8]: *Все по шаблонам старого Сванидзе/ Радзинского/ Роя Медведева и прочих спекулянтов-от-истории* (<https://periskop.livejournal.com/1957409.html>, дата обращения: 22.05.2023); *Игорь связывается с тем-самым-неподкупным-генералом, и они разрабатывают не менее хитрый план* (<https://zen.yandex.ru/media/id/612b443efc5995741e8f22ae/navodchica-2015--horoshee-mesto-dlia-piknika-630223fb7542485d2ed59c03?&>, дата обращения: 22.05.2023).

Рискогенность в области медийного словообразования, таким образом, связана со структурно-семантическими особенностями новообразований (семантико-стилистическими характеристиками аффиксов и исходных слов) и условиями контекста. Стремясь к большей выразительности и действенности медийного текста, журналист вместе с тем должен учитывать условия и факторы рискогенных ситуаций.

Литература

1. Коряковцева Е. И. Субстантивные (квази)деминутивы, образованные от русских и польских *nomina abstracta* с интернациональными аффиксами / Е. И. Коряковцева // *Деминутивы в славянских языках: форма и роль*. Марибор, 2015. С. 184-196.
2. Коряковцева Е. И. Очерки о языке современных славянских СМИ (семантико-словообразовательный и лингвокультурологический аспекты). Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 2016. 152 с.

3. Коряковцева Е. И. Интернационализация, демократизация и «медиатизация» славянских языков в условиях глобализации (словообразовательный аспект) / Е. И. Коряковцева // *Globalizacja a języki słowiańskie. Globalization and Slavic languages*. Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, Siedlce: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego w Siedlcach, 2018. С. 33-47.

4. Лопатин В. В., Улуханов И. С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016. 812 с.

5. Лысакова И. П. Революция в языке или язык революции? / И. П. Лысакова // *Современная русская речь: состояние и функционирование*. Вып. II. СПб, 2006. С. 119.

6. Рацибурская Л. В., Соловьева Д. В. Коммуникативные риски в современном медийном словотворчестве: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2021. 168 с.

7. Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетенции в ее преодолении / А. Н. Байкулова, Е. Ю. Викторова [и др.]; под ред. О. Б. Сиротининой, М. А. Кормилицыной. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2015. 188 с.

8. Широкова Е. Н. Косая черта и дефис: пунктуационный vs. орфографический знак / Е. Н. Широкова // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2019. № 5. С. 264-270.

L. V. Ratsiburskaya

RISK ZONES IN MODERN MEDIA WORD-CREATION

Abstract. The paper defines risk zones in the field of modern media word-creation which, in particular, include neologisms of different word-building structure and which structural and semantic features are associated with the risks of ethical norms violation. The study of the communicative risks problem contributes to the prevention of legal conflicts with the consumer of media products.

Keywords: communicative risks, media, word-creation, neoderivatives, ethical norms.

Acknowledgements: the reported study was funded by Russian Science Foundation, project number № 23-28-00368.

В. А. Руденко

1132223747@pfur.ru

*студент магистратуры кафедры Массовых Коммуникаций
Филологического факультета Российского Университета
Дружбы Народов им. Патриса Лумумбы
Москва, Россия*

А. П. Фащевская

nastusha-fa@yandex.ru

*студент магистратуры кафедры Массовых Коммуникаций
Филологического факультета Российского Университета
Дружбы Народов им. Патриса Лумумбы
Москва, Россия*

МЕДИАТЕКСТ БЛОГЕРА КАК ИНСТРУМЕНТ ВЛИЯНИЯ НА АУДИТОРИЮ: ВЕРБАЛЬНАЯ И НЕВЕРБАЛЬНАЯ УГРОЗЫ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Аннотация. В статье затрагивается актуальная для современной действительности проблема медиатекста блогеров и его влияние на аудиторию. Описаны направления, по которым блогер может влиять на аудиторию и, следовательно, необходимость в осведомленности о ограничениях и ответственности за преподносимую информацию.

Ключевые слова: медиатекст; медийное лицо; блогер; лингвистическая экспертиза.

Блогер в современном мире это собирательный образ, который включает в себя всех публичных людей, которым успешно удается вести свой блог, под это понятие также входят и селебрити с регулярно выходящим контентом. Блогеры играют огромную роль в ведении успешного бизнеса и продвижении товаров и услуг. Они являются надежными медийными лицами с миллионами подписчиков, которые охотно слушают их мнения и рекомендации по покупке товаров. Одной из главных причин этого является то, что у каждого блогера есть своя целевая аудитория, схожая по интересам, увлечениям и ценностям, что делает информацию, которую они предоставляют, более релевантной и интересной для зрителей.

Кроме того, блогеры обладают высоким авторитетом и статусом в глазах своих подписчиков, что делает их мнение и рекомендации более достоверными и весомыми. Это строит долгосрочные отношения между

блогерами и их публикой, что в свою очередь позволяет рекламодателям достичь большой охват аудитории и увеличить продажи. Блогеры используют различные инструменты для привлечения внимания к продукту и стимулирования покупки: от рекламных постов и обзоров до конкурсов и специальных предложений для своих подписчиков. Блогеры также представляют продукты в своих видео и блогах, показывают, как они используются в реальной жизни, и делятся своими впечатлениями и отзывами.

Медиатекст блогера – это текст, который используется блогером для создания контента на своей платформе. Он может включать в себя описания, отзывы, рекомендации, новостные обзоры, аналитические статьи и другие формы текстовых материалов, создаваемых блогером для своей аудитории.

Медиатекст блогера является очень важным инструментом влияния на аудиторию блогера. Как правило, эти тексты создаются с целью влиять на отношение аудитории к чему-либо: продукту, услуге, событию или идее. В ходе написания медиатекста человек тщательно подбирает слова и формулирует свои мысли таким образом, чтобы получить желаемый эффект.

Медиатекст может влиять на аудиторию по следующим направлениям:

1. Убеждение. Блогер может пытаться убедить свою аудиторию в том, что его мнение верное, правильное или лучшее.
2. Просветительство. Блогер может объяснять своей аудитории некоторые аспекты темы, которые могут быть для них непонятными.
3. Развлечение. Блогер может использовать медиатекст для создания забавных и легких текстов, которые помогут его аудитории расслабиться и развлечься.
4. Создание эффекта сочувствия. Блогер может использовать медиатекст для создания эмоциональной реакции у своей аудитории, вызывая у них сочувствие к событию или человеку.
5. Вызов к действию. Блогер может подталкивать свою аудиторию к определенному действию, например, к покупке или использованию определенного продукта.
6. Кроме того, медиатекст может также влиять на восприятие блогера как на эксперта в своей области, увеличивая его авторитет на глазах аудитории.

Стоит отметить, что к социальному активизму подписчики блогеров готовы гораздо больше, нежели к политическому. Это связано с тем, что социальный активизм, направленный на решение конкретных проблем в обществе или окружающей среде, не требует от подписчиков определенных политических взглядов или участия в политических действиях. Более того, многие люди склонны к социальному активизму, так как видят результаты своих действий более непосредственно и чувствуют большую личную ответственность за то, что происходит в мире. К тому же, блогеры, которые занимаются социальным активизмом, могут

302 | использовать свой влиятельный статус на платформе для привлечения внимания к конкретным проблемам и повышения осведомленности своих подписчиков о них.

Блогер должен чувствовать ответственность перед своей аудиторией и не нарушать законы и моральный кодекс общества. В зависимости от того, какую тему блогер поднимает, его могут ждать различные требования к ответственности перед аудиторией. Например, если блогер публикует контент, касающийся криминальных преступлений, то он должен быть осведомлен о законодательстве и ограничениях в этой области, и не нарушать права и свободы других людей. Он также должен быть готов к ответственности за распространение ложной информации, клеветы, насилия или призывы к насилию, а также за неэтичное поведение в отношении своих подписчиков или других пользователей сети. Блогер должен понимать, что его действия оказывают влияние на миллионы людей и испытывать криминальную ответственность за свои поступки и слова.

Современное интернет-пространство представляет собой огромную информационную площадку, которая используется для официальной и неофициальной личной и массовой коммуникации. Однако этот мир безграничной коммуникации также способствует криминальной деятельности в интернете за счет псевдоанонимности и удобства общения. Быстро распространяющаяся информация в интернете ведет к нарушению прав других людей, включая оскорбления, провокации к использованию насилия и другие криминальные действия. В свою очередь, пользователи могут стать жертвами массированных информационных атак, которые направлены на распространение фейковой, диффамационной и другой деструктивной информации. Эти обстоятельства вызывают новые проблемы для правовой квалификации криминальных действий в интернете, а также для определения и производства судебно-лингвистической экспертизы, которая необходима для их наказания.

Объектами судебно-лингвистической экспертизы принято считать продукты речевой деятельности. В. С. Третьякова дает следующее определение объекта лингвистической экспертизы: «конфликтный текст (речевое произведение, высказывание), в рамках которого взаимодействуют два субъекта речи (участники конфликта), имеющие противоречия интересов, целей, взглядов, точек зрения» [2, с. 58].

Речевой конфликт (речевую конфликтную ситуацию) в аспекте судебного речеведения принято воспринимать, как проявление социального конфликта через речевую деятельность, по крайней мере одной из сторон конфликта. Речевые следы криминогенной интернет-коммуникации содержат криминогенную речевую агрессию, что означает процесс и результат выражения деструктивных эмоциональных и эмоционально-модальных состояний в словесных высказываниях с целью причинения морального вреда другому лицу, включая угрозы, коммуникативное давление на адресата, демонстрацию превосходства адресанта и т. д.

Медиа́текст блогера может быть использован как инструмент влияния на аудиторию. В этом контексте судебная экспертиза может оценить вербальные и невербальные угрозы, содержащиеся в медиа́тексте, и их потенциальное воздействие на аудиторию. Вербальные угрозы могут быть выражены явно или неявно, например, через использование определенных слов и фраз, которые могут вызвать страх или тревогу у аудитории. Невербальные угрозы могут быть выражены через использование изображений, звуковых эффектов и других элементов медиа́текста, которые также могут вызвать страх или тревогу у аудитории. Судебная экспертиза может оценить наличие вербальных и невербальных угроз в медиа́тексте блогера, а также их потенциальное воздействие на аудиторию [1, с. 704]. Это может помочь в определении криминальной ответственности блогера за свои слова и действия в интернет-пространстве.

В целом судебная экспертиза является важным инструментом в борьбе с криминальной интернет-коммуникацией и может помочь в обеспечении безопасности в интернете.

Литература

1. Судебная экспертиза в цивилистических процессах: научно-практическое пособие / Под ред. Е. Р. Россинской. М.: Проспект, 2018. 704 с.

2. Третьякова В. С. Объект и единицы лингвистической экспертизы // Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах: материалы Межрегионального науч.-практич. семинара. Москва, 7-8 декабря 2002 г. / Под ред. проф. С. В. Горбаневского. М., 2002. Ч. 1. С. 58.

*V. A. Rudenko
A. P. Fashevskaya*

BLOGGER'S MEDIA TEXT AS A TOOL TO INFLUENCE THE AUDIENCE: VERBAL AND NON-VERBAL THREATS FROM THE POINT OF VIEW OF FORENSIC EXAMINATION

Abstract. The article touches upon the actual problem of the media text of bloggers and its impact on the audience. The directions in which the blogger can influence the audience and, consequently, the need for awareness of the limitations and responsibility for the information presented are described.

Keywords: media text; media person; blogger; linguistic expertise.

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ЧЕЛОВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АРАБСКОГО ЯЗЫКОВ)

Аннотация. В статье рассматриваются структурные особенности, анализируются семантические типы устойчивых сравнений, в которых сравнивается человек с разными образами окружающего его мира живой и неживой природы. Целью данного исследования является выявление особенностей структуры устойчивых компаративных конструкций, определение их компонентного состава и семантического потенциала на материале двух разных языков – русского и арабского.

Ключевые слова: сравнение, устойчивое сравнение, сравнительная конструкция, структурно-семантические особенности, русский язык, арабский язык.

Сравнение является одним из древнейших и важнейших приёмов человеческого познания, логического мышления, восприятия действительности, а также одним из средств ее оценки. «Сравнивая, т. е. выявляя черты сходства между неизвестным и известным, уподобляя абстрактное конкретному, мы познаем окружающий мир и одновременно образно его характеризуем, выражаем свое отношение к нему, даем оценку» [2, с. 3].

На основе сравнения в языке формируется сравнительные конструкции (обороты), среди которых особое место занимают устойчивые сравнения (далее УС), которые являются результатом многовековой практики всенародного употребления и накопления культурного опыта и «представляют собой систему средств выражения, в которой с особой наглядностью проявляется так называемая внутренняя форма языка, богатство собственно языковых изобразительных ресурсов» [6, с. 7].

Устойчивые сравнения выделяются как особый класс фразеологических единиц, которые возникают в языках на основе образного представления о действительности, отображающего

исторический, социальный или духовный опыт языкового коллектива, безусловно связанный с его национально-культурными особенностями и традициями [7, с. 214-215]. Благодаря своей воспроизводимости, устойчивости, большой экспрессивности и образности устойчивые сравнения способны отражать специфику мироведения и миропонимания того или иного народа и передавать культурную информацию от поколения к поколению.

В данной статье мы рассматриваем УС, которые характеризуют человека по его разным признакам. В русском и арабском языках такие единицы пользуются широкой популярностью и частотностью употребления, составляют в обоих языках довольно многочисленную лексику и являются неотъемлемым компонентом повседневного общения, часто встречаются в русской и арабской художественной литературе и в публицистике ввиду их высокой экспрессивности и образности.

Отбирая языковой материал (около 410 русских УС), мы пользовались русскими словарями устойчивых сравнений [2, 3, 5]. Следует отметить, что специальных словарей УС арабского языка на сегодняшний день не существует, поэтому выборка материала (около 400 арабских УС) проводилась на материале фразеологических и толковых словарей арабского языка, словарей пословиц и поговорок, а также из книг о животных [9, 10, 12]. В процессе сбора материала использовался также Национальный корпус русского языка [<http://www.ruscorpora.ru>] и Корпус арабского языка [<https://arabicorpus.byu.edu/>].

В отличие от индивидуально-авторских образных сравнений УС характеризуются устойчивостью своей формы и содержания, воспроизводимостью, общеизвестностью и общеупотребительностью. Они интенсивно используются всеми носителями языка. Из компаративных словосочетаний, как отмечает В. М. Огольцев, мы называем устойчивыми только те единицы, в которых проявляется устойчивость связи логических элементов сравнения (задиристый как петух, неуклюжий как медведь, верный как собака и т. д.). «Устойчивость компаративной единицы, следовательно, есть постоянство связей его логических элементов, закрепленное коллективным сознанием говорящих» [6, с. 48].

Устойчивая сравнительная конструкция в русском языке, по мнению большинства исследователей, осуществляется в логической формуле сравнения, состоящей из трех элементов: А – С – как В, где А – субъект сравнения (то, что сравнивается), С – основание (признак) сравнения (то, что является общим признаком, на основе которого сопоставляются предметы или явления), а В – объект сравнения или эталон (образ) сравнения (то, с чем сравнивается), вводимый в структуру посредством сравнительного союза как или его синонимов словно, точно, будто, как будто. [2, с. 4; 1, с. 60].

По мнению В. М. Огольцева «поскольку слово, выражающее логический элемент А, как правило, не входит в языковую структуру устойчивого сравнения, а элемент В составляет в ней непеременимый

306 компонент устойчивая компаративная структура оказывается одноэлементной или двухэлементной в зависимости от того, входит или не входит в нее в качестве особого компонента элемент С» [6, с. 80]. Одноэлементной может быть устойчивая компаративная конструкция тогда, когда в качестве ее компонента выступает только один элемент тВ. Возможность отсутствия основания сравнения (элемента С) объясняется тем, что «этот признак оказывается выделенным уже в коллективном сознании говорящих и для того его проявления достаточно указания на сам факт сравнения при элементе В» [6, с. 80]. Сочетание средств, указывающих на факт сравнения, т. е. тех специальных сравнительных союзов (*как, словно точно, будто*) или падежных форм элемента В, с этим же элементом В предопределяет основание сравнения, которым, естественно, оказывается один из признаков, характерных для элемента В, например: в УС «*как снег*» основание сравнения – это признак «белый», так как одним из характерных признаков снега является его белый цвет, а в УС «*как змея*» – это признак «коварный», «*как дуб*» – «крепкий» и т. д. Мнение о двухкомпонентном составе УС (**С – как В: красный как рак; похожи как две капли воды, храбрый как лев и т. д.**) поддерживают также такие исследователи, как И. И. Чернышева, А. В. Кунин и др.

Однако, как считает Л. А. Лебедева, исключение из структуры УС слова, называющего субъекта сравнения, не всегда возможно. Во-первых, у некоторых УС отмечаются лексико-семантические ограничения в выражении субъекта сравнения: *лечь как из ведра* (только о дожде), *круглый как луна* (о лице), *мягкий как лен* (о волосах) и др. Необходимость трёхкомпонентного состава таких УС ни у кого не вызывает сомнения. Во-вторых, существенными для функционирования УС оказываются и достаточно общие, не всегда осознаваемые носителем языка, лексико-грамматические ограничения в выражении субъекта сравнения: *как снег белый* (о предмете) и *как мел белый* (о человеке, о цвете его лица); *как боров толстый* (о мужчине), *как поросенок толстый* (о ребенке). [1, с. 63-64]. При этом она допускает возможность отсутствия в речи признака сравнения при сохранении его смысла, ибо «устойчивость формы и содержания такого сравнения закреплена языковой традицией» [2, с. 4]. Например: *уши как локаторы* – большие; *глаза как у орла* – зоркие; *ноги как палки* – тонкие; *щёки как у хомяка* – толстые и т. п.

В арабском языке сравнительный союз или сравнительное слово выделяется как отдельный четвёртый элемент сравнительной конструкции, поэтому такая схема в арабском языке включает четыре элемента: 1) то, что сравнивают – *المُشَبَّه* (субъект сравнения); 2) то, с чем сравнивают – *المُشَبَّه بِهِ* (объект сравнения (эталон сравнения)); 3) основание для сравнения по какому-то признаку – *وَجْهَ الشَّبَهِ*; 4) средство (инструмент) сравнения – *أداة التشبيه*. [См. 180-168 :2003 *الإيضاح في علوم البلاغة*]. В качестве средства (инструмента) сравнения могут выступать такие части речи как имена (مثل / مثله), глаголы (يشبهه, يماثل), предлоги и частицы (ك، كان), а также более разговорный вариант (زَيِّ) (подобный, подобно).

Как в русском, так и в арабском языке встречаются такие устойчивые компаративные структуры, в которых не упоминается основание сравнения (وجه الشبه), например: مثل الثور (как бык, т. е. сильный), مثل ضلفة الدولاب (как шкаф – высокий), شبه النسناس (как мартишка – уродливый), زي الحصان (как лошадь) и т. п. Такие сравнительные структуры в арабском языке, в отличие от التفصيل المفضل (подробное сравнение, в котором упоминается общий признак двух сторон сравнения), называются التشبيه المجمل (краткое сравнение). При лексически закреплённом объекте сравнения признак сравнения, хотя и не выражен, но оказывается однозначно понятным из контекста. В менталитете носителей русского и арабского языков ассоциативные связи с целым рядом предметов и понятий настолько прочны и устойчивы, что основание сравнения человека с ними может и не упоминаться в сравнительной структуре.

Анализ материала показал, что сравнение закрепляется в обоих языках в виде определенных моделей. В русском языке были выявлены следующие модели УС, в которых в качестве сравнительного союза выступает союз как (в некоторых случаях встречаются и союзы точно, будто и словно), а основание сравнения находит свое выражение через имя прилагательное или глагол:

1) **Прилагательное (полн. или крат. форма) + сравнительный союз + существительное:** голубые как васильки; большой/ толст(ый) как корова; уродлив(ый) как мартишка; здоров(ый) как бык; храбр(ый) как лев; упрям(ый) как осел и др.

2) **Прилагательные / причастие + сравнительный союз + предлог «у» + существительное:** (губы) толстые как у негра; (о лице) длинное как у лошади; (о глазах) выпуклые/ выпученные как у рака, красные как у кролика, зеленые как у кошки, круглые как у птицы/ у ястреба и др.

3) **Глагол + сравнительный союз + существительное (ед. или мн. ч.):** ходить, шагать, вышагивать как аист / как журавль; гореть как угольки; сиять как звезды; мереть (мрут),дохнуть как мухи; набрасываться; сражаться, драться, бороться и т. п. как лев и др.

4) **Глагол + сравнительный союз + предлог + существительное (ед. или мн. ч.):** торчать (во все стороны), топорщиться как у ежа (о волосах); зарастать, заживать как на собаке (о ране, ушибе и т. п.); лететь, нестись, мчаться как на крыльях и др.

5) **Глагол с поясняющими словами в разных падежах + сравнительный союз + существительное:** набрасываться на еду как зверь; рыться, копаться (в делах, бумагах, книгах) как крот; менять свою окраску как хамелеон; прятать голову в песок, под крыло как страус и др.

В арабском языке сравнение находит различные формы и способы выражения, которые в большинстве случаев совпадают с моделями сравнения в русском языке, но могут и различаться в некоторых случаях. Здесь модель сравнения выглядит так: **прилагательное или глагол + сравнительное слово + суц.:** وفي كالكب (верный как собака), شجاع كالأسد (храбрый как лев), رفعه في الهواء كأنه ريشة (поднимать кого-л. словно

308 | пёрышко), يتلون مثل الحرياء (изменяться/ изменять свою окраску как хамелеон), يرمح زي الحصان (бежать как лошадь), и др. Для арабских УС типичны и очень даже частотны конструкции с формами сравнительной степени прилагательных в качестве основания сравнения. Здесь отсутствует сравнительное слово, и УС строится по модели: **сравнительная степень прилаг. + предлог من+ сущ.:** أبلك من ثور (тупее быка), وأحذر من ذئب, وأحذر من غراب, (осторожнее вороны, волка), أجوع من ذئب (голоднее волка), أجرا من الأسد (смелее льва), أبطا من سلحفاة (медленнее черепахи), أبصر من عقاب (более зрячий, чем орёл), أجبين من نعامة (трусливее страуса), أطييش من فراشة (легкомысленнее бабочки), من جمل (ревнивей петуха; верблюда) и многие др.

В обоих языках нередко встречаются и такие модели УС, в структуре которого формально отсутствует основание сравнения. Поэтому в русском и арабском языках выявляются следующие модели: **А) Сравн. союз/сравн. слово + сущ.:** рус. – как бирюк; араб. – كالغراب الأعصم (как белоногая ворона), مثل الخنزير (как свинья) и др.; **Б) Существительное + сравнительный союз + предлог «у» + существительное:** борода как у козла; усы как у кота, как у моржа; нох/чутьё как у собаки и др.; и соответствующая ей в арабском языке (сущ. (1) + сравнительное слово + сущ. (1) + сущ. в форме родительного падежа (араб. – идафа): عنق كعنى (шея как у быка); لحية كالحية النيس (борода как у козла); شنب زي شنب الصرصار (усы как у таракана); عيون مثل عيون المها (глаза как у коровы) и др.

Семантическая сторона сравнительной конструкции включает в себя два компонента – субъект сравнения и объект сравнения, который часто называют и образом сравнения. Как уже было сказано выше, в рассматриваемых нами УС субъектом сравнения является человек, тогда как объект сравнения представлен в виде разных образов, с которыми сравнивают человека по его разным признакам и характеристикам.

Как правило, в устойчивые сравнения «вовлекаются слова, называющие предметы и понятия, так или иначе связанные с повседневной деятельностью человека и его жизненным опытом» [2, с. 3]. Проанализировав отобранный нами материал, мы выяснили, что УС, характеризующие человека в русском и арабском языках, могут содержать в качестве объекта сравнения (элемента В) самые разные образы, характерные признаки и свойства или действия которых являются образным основанием для сравнения:

- **Образы человека.** В качестве элемента В здесь выступают слова, обозначающие разных людей по разным физическим и моральным качествам, возрасту, по социальному положению, по профессии и по национальной принадлежности. Нередки и такие случаи когда в качестве объекта сравнения выступают образы исторических, мифологических, религиозных деятелей, а также герои всемирно известных художественных произведений: рус.: *наивный как ребенок, аккуратный как немец, черный как раб, болтать как баба, тыкаться во что-л. как слепой, кричать как глухой, бедный как Иов, богатый как Крез, ревнивый как Оттело и т.д.;*

араб.: مثل الأطرش، مثل المجنون، مثل مجنون ليلي، زي الغجر، أشأم من اليسوس، أسخى من حاتم، مثل الأطرش، مثل المجنون، مثل مجنون ليلي، زي الغجر، أشأم من اليسوس، أسخى من حاتم، أبصر من زرقاء اليمامة

- **Образы-зоонимы.** Эта группа устойчивых сравнений, характеризующих человека, является многочисленной. В качестве объектов сравнения здесь выступают как домашние, так и дикие животные, как птицы, так и рыбы и насекомые: рус.: *храбрый как лев, верный как собака, черный как грач, ходить как корова на льду, плавать как утка/как рыба, глаза как у орла, петь как соловей, смотреть как баран на новые ворота, здоровый как жеребец, хитрый как лиса и др.*; араб.: *ماكر كالثعلب، يتلوى كالثعبان، يتلون كالحرباء، قوي كالثور، شجاع كالأسد، زي النمل، أسمن من دب، أقبح من خنزير، أزهى من طاووس، أبلد من ثور، أبطأ من سلحفاة* и др.

- **Образы растений:** рус.: *как лен, как дуб, как тополь, как пеня, как кактус, как лимон, красный как свекла и др.*; араб.: *أصفر مثل الليمونة، رفيع مثل* и т. д.

- **Образы явлений природы и природных веществ:** рус.: *(волосы) рыжие как золото, седые как серебро; (глаза) голубые как небо, сиять как звезды, похожи друг на друга как две капли воды, белый как лед, вольный как ветер, горячий как огонь и т.п.*; араб.: *بارد مثل الجبل، يقف مثل الكبد، جميل كالقمر، جليل كالهدى، يشع مثل سلاسل الذهب، شعره مثل سلاسل الفسوة، قلبه كالجاراة فسوة، مثل لوح الثلج،* и т. п.

- **Образы предметов быта:** рус.: *(волосы) жесткие как проволока/ как щетка, (зубы) белые как сахар, красный как медный самовар, (ноги) тонкие как палки, (руки) как грабли, огромный как шкаф и т. п.*; араб.: *لسانه زي المبرد، ايده ثقيلة زي المرزبة، صافي مثل اللبن الحليب، ضخم كالذولاب، زي ضلفة الذولاب* и т. д.

По своему смысловому содержанию УС, характеризующие человека, обладают богатой системой лексических значений, они многообразны по свойственным им компаративным значениям и экспрессивно-эмоциональным оттенкам. УС могут описать человека по его самым разнообразным характеристикам и чертам: **его внешность** (волосы, голова, лицо, глаза, тело, цвет кожи и т. д.): Ср. рус.: (волосы) *жесткие как конская грива/как проволока/как солома; загорелый/смуглый/черный как араб/как арап/как негр/как ворон/как галка; желтый как лимон; выпученные как у рака; голубые, синие как васильки/как небо (о глазах); похожи друг на друга как два яйца и др.*; араб.: *أقبح من كالسلك، خشن كالحرير/ شعره ناعم كالحرير، وجهه أصفر كالليمونة، شعره ناعم كالحرير، أسود من جناح الغراب، أجدد عينا من صدق، أقبح من قرد، أجمل من طاووس، الخنزير، وجهه كالهدى، أشبه به من الغراب بالغراب/ من البيضة بالبيضة/ من التمرة بالتمرّة/ من الماء بالماء.*

физические качества: *видеть как кошка; выносливый как верблюд; здоровый, сильный как буйвол/ как бык/ как жеребец/ как лошадь/ как медведь; живучий как кошка; крепкий как дуб и др.*; араб.: *مثل الثور، مثل الحصان، زي الفحل، زي عجل البحر، مثل القطط بسبع أرواح، خفيف مثل الريشة، أخف من ريشة، أشبهه به من الغراب بالغراب/ من البيضة بالبيضة/ من التمرة بالتمرّة/ من الماء بالماء.*

физиологические состояния: *выжатым как лимон; гаснуть как свечка; голодный как волк/как зверь/как пёс/как собака/как чёрт; дрожать, трусить как заяц; спать как медведь в берлоге/как мертвый/как сурок/ как суслик/как убитый и др.*; араб.: *أجوع من ذئب، أجوع من كلب، أصرد من جرادة، يرتعد كالأرنب المدعور، أنوم من دب، أنوم من كلب، أنوم من فهد، ينام (نائم) كالमित/ زي القليل*

310 | броситься, наброситься как тигр; поднимать как пёрышко/ как соломинку; прыгать как мяч/как блоха/как коза и др.; араб.: *أطفر من فراشة/ من برغوث، يثب كالغزال، ينتنظ مثل القروذ، يأكل (يشرب) مثل البهائم، يهجم كالأسد، يلتهم كالجراد*; **черты характера, моральные и деловые черты:** болтливый как баба; кроткий как ангел/как голубь/как овца/как ягнёнок; наивный как ребенок; верный как собака; упрямый как бык/ как ишак как козёл/как осёл; хитрый как лиса; храбрый как лев и др.; араб.: *صبور كالجمل، شجاع كالأسد، جبان مثل الأرنب، أجبين من ثرملة، وديع كالحمل، عنيد كالبعل/ كالثور/ كالتيس، متلون كالهرباء*; **интеллектуальные способности:** глупый, тупой как бревно/ как пень/ как гусь/ как сивый мерин; понимать как свинья в апельсинах; тупой как дуб; умный как дьявол/ как бес и др.; араб.: *غبي كالحمار، بليد/ جاهل كالجمار، زي الثور، زي تنابلة السلطان، أحقق من فراشة، عامل زي التيس، أبلد من ثور*

Подводя и обобщая итоги, отмечаем, что УС, характеризующие человека в русском и арабском языках, обладают особой устойчивой структурой, реализующейся в виде определенных моделей, которые в большинстве случаев совпадают в обоих языках, и в основе которых лежит универсальная схема, состоящая как минимум из двух компонентов – сравнительного слова и объекта сравнения. В русском и арабском языках человек сравнивается с широким кругом предметов и понятий окружающего его мира живой и неживой природы для обозначения его разнообразных признаков.

Литература

1. Алёшин А. С. Устойчивые сравнения шведского языка, характеризующие человека (Лингвокультурологический аспект): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04. Санкт-Петербург, СПбГУ, 2011. 263 с.
2. Лебедева Л. А.: Устойчивые сравнения русского языка. Краткий тематический словарь. 3-е изд. стер. М.: ФЛИНТА, 2017. 283 с.
3. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь народных сравнений. М.: ЗАО «ОЛМА Медия Групп», 2008. 800 с.
4. Мокиенко В. М. Устойчивые сравнения в системе фразеологии // Коллективная монография. Отв. редактор: В. М. Мокиенко; СПб.: Грайфсвальд, 2016. 278 с.
5. Огольцев В. М. Словарь устойчивых сравнений русского языка: Пособие для учащихся национальных школ. СПб., 1992. 176 с.
6. Огольцев В. М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии / Предисл. и закл. ст. Е. В. Огольцевой. Изд. стереотип. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015. 192 С.
7. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
8. إبراهيم أحمد شعلان: موسوعة الأمثال الشعبية والتعبيرات السائرة، ط1، دار الأفاق العربية، القاهرة، 2003.
9. حمزة بن الحسن: سوائر الأمثال على أفعال. تحقيق: فهمي سعد، عالم الكتب، بيروت، 1988.

- العسكري، أبو هلال الحسن بن عبد الله: جمهرة الأمثال، عالم الكتب، بيروت، 1988. 10 | 311
القسزويني، جلال الدين محمد بن عبد الرحمن بن عمر بن محمد: الإيضاح في علوم البلاغة،
وضع حواشيه: إبراهيم شمس الدين، ط1، دار الكتب العلمية، بيروت، 2003. 11
محمد دحروج: معجم المصطلحات التعبيرية، ط1، أطلس للنشر والانتاج الإعلامي، الجيزة،
2012. 12

A. M. Siddik

STRUCTURAL AND SEMANTIC FEATURES OF SUSTAINABLE COMPARISONS THAT CHARACTERIZE A PERSON (BY THE MATERIAL OF THE RUSSIAN AND ARABIC LANGUAGES)

Abstract. The article deals with structural features, analyzes the semantic types of stable comparisons, in which a person is compared with different images of the world of animate and inanimate nature around him. The purpose of this study is to identify the features of the structure of stable comparative constructions, to determine their component composition and semantic potential on the basis of two different languages - Russian and Arabic.

Keywords: comparison, stable comparison, comparative construction, structural and semantic features, Russian language, Arabic language.

ВЛИЯНИЕ МАКРОСТРУКТУРЫ ТЕКСТА НА СОЗДАНИЕ НЕГАТИВНОГО ОБРАЗА ОРГАНИЗАЦИИ В ПРАКТИКЕ ЭКСПЕРТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается проблема неоднозначности семантической интерпретации высказывания в спорном тексте. Констатируется, что выявление семантических трансформаций высказывания происходит в макроконтексте, который формируется на основе интра- и экстралингвистического контекстов.

Ключевые слова: текст; интерпретация текста; контекст; макроконтекст; лексикографическое значение; метод обобщения словарных дефиниций; семантика.

Современный газетный текст обладает гибридной структурой и поликодностью. Зачастую газеты публикуют свои материалы и на собственных сайтах, и здесь исследователь уже изучает медиатекст с еще более сложной макроструктурой.

Безусловно, и форма, и количество различных элементов макроструктуры создают сложный семантический рисунок, влияющий на восприятие и общее понимание смысла: «смысловая определенность высказывания формируется только в макроконтексте целого текста, и только в отношении текстового целого можно говорить о коммуникативной завершенности» [6, с. 206].

Покажем на примере одной экспертной задачи, как макроструктура текста задает определенное прочтение текста.

ОПИСАНИЕ ОБЪЕКТА ИССЛЕДОВАНИЯ

Представленная для анализа статья опубликована в газете «ВОЛЖСКАЯ КОММУНА» 27 марта 2019 г. в № 43 (30626) и размещена в рубрике «ЛОГИКА ПОТРЕБЛЕНИЯ». Охарактеризуем макроструктуру, в которую она входит составным элементом.

Анализируемый текст статьи (Т1) имеет полные атрибуты заголовочного комплекса: заголовок «Молочные реки, кисельные берега», подзаголовок «НА САМАРСКИЕ ПРИЛАВКИ ПРОДОЛЖАЕТ ПОСТУПАТЬ ФАЛЬСИФИКАТ», пид: «Зачастую, покупая продукты ежедневного

спроса, мы выбираем самые доступные по цене, чтобы немного сэкономить. Но при этом не стоит забывать, что дешевое не всегда безопасно. «ВК» провела очередное исследование и узнала, соответствует ли молоко с самарских прилавков заявленным требованиям качества».

Заголовок представляет собой прецедентный текст, т.е. узнаваемую для широкой читательской аудитории фразу: **«66. Молочные реки, кисельные берега»**. Выражение из русской народной сказки (См. При царе Горохе). Употребляется как образное определение беззаботной, привольной жизни» [2, с. 210].

Уточняющий подзаголовок не только конкретизирует, дополняет информацию, данную в заголовке, но создает резкий стилистический контраст, переключая с художественно-образного на публицистический стиль (деловая информация + разговорный стиль). Такое стилевое столкновение маркирует иронию в заголовке. Логическое ударение в подзаголовке падает на слово *фальсификат*. Стиль подзаголовка используется и в лиде, и в последующей статье. Лид содержит информацию о том, что газета провела исследование молока с самарских прилавков на предмет качества продукции, и предостережение о том, что не вся дешевая продукция безопасна.

Таким образом, в заголовочном комплексе статьи (Г1) актуализированы смысловые акценты: 'Это в сказке можно жить беззаботно, а в реальной жизни нужно быть готовым к обману и опасности', усиленные семантикой слов *«фальсификат»*, *«не безопасно»*, *«молоко»*, *«качество»*.

Текст статьи разделен на рубрики с заголовками: «НА СЛОВАХ МОЛОКО, А НА ДЕЛЕ», «ЭТО ВАМ НЕ МОЛОКО!», «ОПАСЕНИЯ ПОДТВЕРДИЛИСЬ», «КАЧЕСТВЕННО – НЕ ЗНАЧИТ ДОРОГО».

Под рубрикой «НА СЛОВАХ МОЛОКО, А НА ДЕЛЕ» размещен материал о контрольной закупке пяти образцов молока разных производителей с целью проверки качества продукции.

Под рубрикой «ЭТО ВАМ НЕ МОЛОКО!» содержится информация об организации, в которой производилось исследование, и о показателях, на основе которых можно утверждать о подделке молока (приведена цитата начальника испытательной лаборатории ФБУ «Самарский ЦСМ» Натальи Кварацхелия).

В рубрике «ОПАСЕНИЯ ПОДТВЕРДИЛИСЬ» сообщается, что *«самый «бюджетный» образец торговой марки «Красная цена» по верхней границе прошел «порог» технического регламента. А вот напиток «Тольяттимолоко» откровенно провалил тест, показав несоответствие соотношения метиловых эфиров линолевой и миристиновой кислот – 0,7 вместо допустимого максимума в 0,5. «Данные показатели не соответствуют молочному жиру коровьего молока, что является нарушением», – прокомментировала результат Наталья Кварацхелия»*.

Рубрика «КАЧЕСТВЕННО – НЕ ЗНАЧИТ ДОРОГО» начинается риторическим вопросом: *«У рядового потребителя может возникнуть вопрос: как в принципе возможно за 30 рублей купить литр качественного*

ЛОГИКА ПОТРЕБЛЕНИЯ

Молочные реки, кисельные берега

НА САМАРСКИЕ ПРИПРАВКИ ПРОДОЛЖАЕТ ПОСТУПАТЬ ФАЛЬСИФИКАТ

Зачастую, покупая продукты ежедневного спроса, мы выбираем самые доступные по цене, чтобы немного сэкономить. Но при этом не стоит забывать, что дешевле не всегда безопаснее. «ВК» провела очередное исследование и узнала, соответствует ли молоко с самарских прилавков заявленным требованиям качества.

Александра ЗАЙНОВА

МОЛОКО, А НА ДЕДЕ
Тема молочного фальсификата в последнее время актуальна как никогда. С одной стороны, по данным статистического надзора регионального управления Роспотребнадзора, в 2017 году удельный вес фальсифицированной молочной продукции в регионе снизился, составив всего 2,3% (в 2016 году исследованных проб) с другой — в прошедший год зарегистрировано девять случаев несоответствия качества сырной массы обязательным требованиям технического регламента и молочного сырья ТР ТС 033/2010 «О безопасности молока и молочной продукции».

Решения «Волжской коммуны» вышли в очередной раз на первый план, насколько велики риски приобрести в магазине поддельный продукт. Для этого 14 марта мы организовали закупку пяти образцов молока с 2,5% жирности в пяти различных пакетах — так сказать, чтобы охватить практически все возможные варианты. В список вошли торговые марки «Елховское маршало» (ООО «ЕМЗ»), «Тольяттимолоко» (АО «Тольяттимолоко»), «Петрарка» (ООО «Миллер»), «Крестьянское» (ООО «ЕМЗ») и реальный путь на самарских прилавках — Торговая марка «Смешанная» (ООО «МЛДКОМ»).

ЭТО ВАМ НЕ МОЛОКО!

Чтобы узнать, есть ли в составе представленных образцов компоненты, которых там не должно быть, мы отправили все купленные молоко в лабораторию ФБУ «Самарский центр стандартизации, метрологии и испытаний». Стратегия образцов в срок их годности при передаче в исследовательскую лабораторию соответствовала нормам, полностью условия не были нарушены.

Мы решили проверить продукт по двум показателям, главным из которых является жирно-кислотный состав. Дело в том, что при сравнении состава и соотношения маселых кислот в молочных жирах жирных кислот продукта с жирно-кислотным составом молочного жира (структурного коровьего молока) можно определить подлин-

1,8 МЛН
РУБЛЕЙ ШТРАФОВ НАЛОЖЕНО В 2018 ГОДУ НА САМАРСКИХ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ ЗА НЕСООТВЕТСТВИЕ МОЛОЧНОЙ ПРОДУКЦИИ ТРЕБОВАНИЯМ ТЕХРЕГЛАМЕНТА

СВЕТЛАНА АРЖОВА, заместитель директора Роспотребнадзора по Самарской области

В 2018 году зарегистрированы нарушения в несоответствии требованиям технического регламента по АО «Алиев» (несоответствие молока по жирно-кислотному составу), два — по ООО «Мечетов» (высокое содержание и молока), два — по ООО «Молочное производственное предприятие» (высокое содержание сахара и жира), и по одному по СПС «Объединенное молокозавод» (заниженное содержание жира) и ООО «Молочный Кайра» (несоответствие по ЖС).

ность напитка. «Если значение хотя бы одного из соотношений выходит за установленные границы, это свидетельствует о фальсификации жирной фазы масла и масляной части из коровьего молока жирным молочным производством», — объяснила «ВК» начальник испытательной лаборатории ФБУ «Самарский ЦСМ» Наталья Караченцова.

ОПАСИЛИ ПОДПЕРДИЛИСЬ

Спустя неделю после контрольной закупки мы получили результаты испытаний. Они показали, что все пять образцов полностью соответствуют требованиям на этикетке по количеству по маселой доле жира (ГОСТ 31420-2013). А вот по жирно-кислотному составу картина выглядела не столь однозначно.

Самый «обидчивый» образец порочной марки «Крестьянское» по верхней границе прошел «полюс» технического регламента. А вот напиток «Тольяттимолоко» откровенно провалил тест, показав несоответствие соот-

ношение метиловых жирных кислот и мирристиновой кислоты — в 7 раз от допустимого максимума в 0,5. «Данные показатели не соответствуют значению жира коровьего молока, что является нарушением», — прокомментировала результат Наталья Караченцова.

КАЧЕСТВЕННО — НЕ ЗНАЧИТ ДРОГО

У рядового потребителя может возникнуть вопрос: как в принципе возможно за 30 рублей купить литр качественного молока? Увы, представители «Тольяттимолоко» не смогли или не захотели комментировать эту тему. А вот на Елховском молокозаводе, успешно производящего, мы рассказали, никаких секретов тут нет. «Качественный результат получается за счет соблюдения всех производственных правил и норм», — говорит заведующий технологическим производством Елховского молокозавода Наталья Липатова. Все стадии механизированы и проводятся без физического участия человека. Сотрудница лишь контролирует процесс работы машины и следит за температурными показателями».

Результаты исследования

Торговая марка	«Крестьянское»	«Елховское маршало»	«Елховское молоко»	«Петрарка»	ЦД «Смешанная»
Цена	29,99 руб.	34,90 руб.	35,50 руб.	37,90 руб.	41,90 руб.
Массовая доля жира	3%	3%	3%	3%	3%
Содержание метиловых жирных кислот и мирристиновой кислоты	0,3	0,3	0,7	0,3	0,3
Заявленная жирность - 2,5%	Норма 0,1-0,5				

ИСТОЧНИК: САМАРСКИЙ ЦЕНТР СТАНДАРТИЗАЦИИ, МЕТРОЛОГИИ И ИСПЫТАНИЙ

ЭКСПЕРТЫ СОВЕТУЮТ ПОКУПАТЕЛЮ ТРИЖДЫ ПОДУМАТЬ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ ПРИНИМАТЬ РЕШЕНИЕ

Уберечься от подделки

Жалобы потребителей в основном поступают на просроченную и испорченную молочную продукцию, которая подвергается неправильному хранению или транспортировке, в результате чего потеряла свой товарный вид и вкусовые качества.

«Жалоб на фальсифицированное молоко нет, потому что потребитель не может не выявить несоответствие», — объясняет представитель СРПО во главе прав потребителей «Союз потребителей» Эльмур Гамбаров. По его словам, вовсе не удивительно, что обычному покупателю узнать фальсифицированное молоко не под силу. Ведь во вкусе оно очень близко к оригиналу и чаще всего имеет безупречный вид. Со стороны покупателя также не в порядке, да и пакет напиток всегда прилично.

А вот предостерегает правления негосударственной общественной организации по защите прав потребителей «Ресурсконтроль» Алексей Богомолов считает, что уберечься от фальсификата потребители все же могут. Он ориентирован для этого надо на независимые экспертные обследования организаций.

«Это проблема общероссийского масштаба. Потребители приходят верить информации на слова», — говорит Алексей Богомолов. — Данная ситуация выдвигается именно в магазин

ном производстве. Фермерская продукция продается гораздо чаще, а значит, и проблем доставляет меньше». Эксперты называют три основных правила выбора качественного и натурального молока. Во-первых, обязательно читать состав продукта на этикетке, чтобы избежать ошибок по структуре производства продукции. Во-вторых, приобретайте продукцию проверенных марок. Но если марка действительно на рынке, это еще не значит, что она не является фальсификатом. Так что ориентироваться на тех производителей, которые часто фигурируют в потребительских скандалах и имеют положительные результаты.

И, наконец, обязательно обращайте внимание на сами прилавки и вывески. Кстати, согласно новым поправкам в Правила продажи отдельных видов товаров, которые вступят в силу в начале июля, натуральная молочная продукция должна выдвигаться на прилавки магазинам отдельно от продуктов и заменителей молочного жира.

«РСУСКОНТРОЛЬ» ЕЖЕМЕСЯЧНО ПРОВОДИТ ПОДОВЫЕ ИСПЫТАНИЯ, ОТВЕРЯЯ МОЛОЧНУЮ ПРОДУКЦИЮ НА АНАЛИЗ. РЕЗУЛЬТАТЫ, КАК ПРАВИЛО, НЕУТЕШИТЕЛЬНЫЕ. ПО СЛОВАМ АЛЕКСЕЯ БОГОМОЛОВА, ОДНА ИЛИ ДВЕ ПРОБЫ ИЗ ПАРТИИ ВСЕГДА НЕ СООТВЕТСТВУЮТ НОРМАМ. МАШЕ ВСЕГО В МОЛОКЕ И МОЛОЧНЫХ ПРОДУКТАХ ДОБАВЛЯЮТ ПАЛЬМОВОЕ МАСЛО - О ЕГО НАЛИЧИИ ПРОИЗВОДИТЕЛИ НЕГРОДО ПЕРЕКЛЮЧАЮТ НЕ ПИСАТЬ НА ЭТИКЕТКАХ

молока?». Далее следует информация о том, что представители «Тольяттимолоко» отказать комментировать эту тему (=ответить на него), а представители другой компании — Елховский молокозавод — ответили: «Качественный результат получается за счет соблюдения всех производственных правил и норм, — говорит начальник технического производства Елховского молокозавода Наталья Липатова. Все стадии

механизированы и происходят без фактического участия человека. Сотрудники лишь контролируют процесс работы машины и следят за температурными показателями».

Исследуемый текст статьи размещен в газете на одной полосе и в непосредственной близости с другим текстом статьи того же автора «Уберечься от подделки» (Т2) с лидом: «Жалобы потребителей в основном поступают на просроченную и испорченную молочную продукцию, которая подверглась неправильному хранению или транспортировке, в результате чего потеряла свой товарный вид и вкусовые качества». Таким образом, (Т2) фактически продолжает тему фальсификации молочной продукции и содержит информацию для потребителя о том, как «уберечься от подделки», что и заявлено в заголовке, усиленную семантикой слов «уберечься», «подделка», «молочная продукция».

Статьи (Т1) и (Т2) размещены вместе с визуальными компонентами: фото девушки, выбирающей молочную продукцию и изучающей информацию на полиэтиленовой упаковке, и отдельное фото полиэтиленовых пакетов с молоком; врезки: 1) выделенная шрифтом цифра с текстом: «1,8 МЛН. РУБЛЕЙ ШТРАФОВ НАЛОЖЕНО В 2018 ГОДУ НА САМАРСКИХ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ ЗА НЕСООТВЕТСТВИЕ МОЛОЧНОЙ ПРОДУКЦИИ ТРЕБОВАНИЯМ ТЕХРЕГЛАМЕНТА»; 2) врезка с фото женщины в форме с погонами и подписью: «СВЕТЛАНА АРХИПОВА, руководитель управления Роспотребнадзора по Самарской области:

— В 2018 году зарегистрированы уведомления о несоответствии качества молока обязательным требованиям технического регламента по АО «Алев» (несоответствие молока по жирно-кислотному составу), два – по ООО «Мечта» (наличие антибиотиков в молоке), два – по ООО «Молокоперерабатывающий комбинат» (наличие сухого молока в цельном), и по одному по СПССК «Расковский молокозавод» (занижение жирности молока) и ООО «Молочный Мир» (несоответствие по ЖКС); 3) текст: ««РУСКОНТРОЛЬ» ЕЖЕМЕСЯЧНО ПРОВОДИТ ПОДОБНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, ОТБИРАЯ МОЛОЧНУЮ ПРОДУКЦИЮ НА АНАЛИЗ. РЕЗУЛЬТАТЫ, КАК ПРАВИЛО, НЕУТЕШИТЕЛЬНЫЕ. ПО СЛОВАМ АЛЕКСЕЯ БОГОМОЛОВА, ОДНА ИЛИ ДВЕ ПРОБЫ ИЗ ПАРТИИ ВСЕГДА НЕ СООТВЕТСТВУЮТ НОРМАМ. ЧАЩЕ ВСЕГО В МОЛОКО И МОЛОЧНЫЕ ПРОДУКТЫ ДОБАВЛЯЮТ ПАЛЬМОВОЕ МАСЛО – О ЕГО НАЛИЧИИ ПРОИЗВОДИТЕЛИ НЕРЕДКО ПРЕДПОЧИТАЮТ НЕ ПИСАТЬ НА ЭТИКЕТКАХ».

В нижнем правом углу полосы (под последней врезкой и статьями) размещена таблица с заголовком «Результаты исследования», в которой содержится фотографии продуктов контрольной закупки, названия торговых марок, цена, числовые показатели массовой доли жира и соотношения метиловых эфиров жирных кислот молочного жира – линолевой к миристиновой. В таблице указано, что массовая доля жира всех исследованных продуктов составляет 3 %, вместо заявленной – 2,5 %, а соотношение кислот при норме 0,1-0,5 у всех продуктов состав-

316 | ляет 0,3, а у продукта торговой марки «Тольяттимолоко», изображение которого размещено по центру таблицы, составляет 0,7% (цифра выделена цветом). Таким образом, в таблице врезки визуальнo выделены показатели продукта торговой марки «Тольяттимолоко». Также возле данной врезки в левом верхнем углу таблицы имеется небольшой квадрат того же цвета, что и цифра в таблице. Точно такой же квадрат размещен под рубрикой ЛОГИКА ПОТРЕБЛЕНИЯ с фразой «ЭКСПЕРТЫ СОВЕТУЮТ ПОКУПАТЕЛЮ ТРИЖДЫ ПОДУМАТЬ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ ПРИНИМАТЬ РЕШЕНИЕ», расположенной над заголовком (Т2) «Уберечься от подделки».

Цель врезок – акцентировать внимание на главной информации, повторить, дополнить её. Поскольку текст врезки небольшой, то зачастую читатель может начать изучение статьи именно с заголовочного комплекса и врезок и по ним понять основное содержание текста.

На сайте интернет-издания газеты «Волжская коммуна» – <https://www.vkonline.ru/content/view/225633/na-samarskie-prilavki-prodolzhaet-postupat-falsifikat> – также представлены почти все элементы макроструктуры, только их порядок несколько изменен. Весь материал дан в одной длинной колонке с очередностью элементов:

1. Заголовок (Т1) «На самарские прилавки продолжает поступать фальсификат»;
 2. Под заголовком – фото девушки, выбирающей молочную продукцию и изучающей информацию на полиэтиленовой упаковке, рядом лид: «Зачастую, покупая продукты ежедневного спроса, мы выбираем самые доступные по цене, чтобы немного сэкономить. Но при этом не стоит забывать, что дешевое не всегда безопасно. «ВК» провела очередное исследование и узнала, соответствует ли молоко с самарских прилавков заявленным требованиям качества»;
 3. Текст статьи (Т1) под рубрикой «На словах молоко, а на деле...»;
 4. Текст статьи (Т1) под рубрикой «Это вам не молоко!»;
 5. Текст статьи (Т1) под рубрикой «Опасения подтвердились», разбитый таблицей с заголовком «Результаты исследования» после слов: *«Спустя неделю после контрольной закупки мы получили результаты испытаний. Они показали, что все пять образцов полностью соответствуют заявленным на этикетке показателям по массовой доле жира (ГОСТ 31450-2013). А вот по жирно-кислотному составу картина выглядела не столь однородно».*
 6. Текст статьи (Т1) под рубрикой «Качественно – не значит дорого».
 7. Врезка 2: с фото женщины в форме с погонами и подписью: *«Светлана Архипова, руководитель управления Роспотребнадзора по Самарской области».*
- В 2018 году зарегистрированы уведомления о несоответствии качества молока обязательным требованиям технического регламента по АО «Алев» (несоответствие молока по жирно-кислотному составу), два – по ООО «Мечта» (наличие антибиотиков в

- молоке), два – по ООО «Молокоперерабатывающий комбинат» (наличие сухого молока в цельном), и по одному по СПССК «Расковский молокозавод» (занижение жирности молока) и ООО «Молочный Мир» (несоответствие по ЖКС»);
8. Заголовок статьи (Т2) «Уберечься от подделки»;
 9. Фото полиэтиленовых пакетов с молоком (на переднем плане отчетливо видна продукция «Тольяттмолоко»), рядом лид: «Эксперты советуют покупателю трижды подумать, прежде чем принимать решение»;
 10. Информация врезки 3 – ««Русконтроль» ежемесячно проводит подобные исследования...» – дана в качестве заключения текста статьи (Т2).

Элементы 8 и 9 даны ниже и со сдвигом вправо после врезки с цитатой Светланы Архиповой, т. е. исходя из визуального образа, можно предположить, что дальнейший текст связан с информацией Роспотребнадзора по Самарской области (= эксперты).

Итак, текст статьи (Т1) под заголовком «Молочные реки, кисельные берега» (или под заголовком «На самарские прилавки продолжает поступать фальсификат» – на сайте газеты) представляет собой составной компонент единого поликодового сообщения, состоящего из текстуальной и визуальной информации, включающего в себя две статьи (Т1) и (Т2) одного автора, 2 фотоизображения, 4 (в газете) и таблицу. Все компоненты имеют шрифто-графическое исполнение, некоторые – специфическое. Таким образом, смысловой анализ текста статьи (Т1) должен проводиться с учетом вышеуказанных особенностей.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ВОПРОСАМ

Вопрос 1. Имеются ли в тексте статьи негативные сведения об АО «Тольяттмолоко», его деятельности и производимой им продукции, в каких конкретно высказываниях содержатся эти сведения и какова их смысловая направленность?

В тексте статьи (Т1) «Молочные реки, кисельные берега» содержится 3 фрагмента с непосредственным упоминанием АО «Тольяттмолоко»:

Ф1. В список вошли торговые марки «Елховская марка» (ООО «ЕМЗ»), «Тольяттмолоко» (АО «Тольяттмолоко»), «Пестравка» (ООО «Молторг»), «Красная цена» (ООО «ЕМЗ») и редкий гость на самарских прилавках – Торговый дом «Сметанин» (ОАО «МИЛКОМ»).

Ф2. Самый «бюджетный» образец торговой марки «Красная цена» по верхней границе прошел «порог» технического регламента. А вот напиток «Тольяттмолоко» откровенно провалил тест, показав несоответствие соотношения метиловых эфиров линолевой и миристиновой кислот – 0,7 вместо допустимого максимума в 0,5. «Данные показатели не соответствуют молочному жиру коровьего молока, что является нарушением», – прокомментировала результат Наталья Кварацхелия.

Ф3. *Урядового потребителя может возникнуть вопрос: как в принципе возможно за 30 рублей купить литр качественного молока? Увы, представители «Тольяттмолоко» не смогли или не захотели комментировать эту тему. А вот на Елховском молокозаводе, успешно прошедшем испытания, нам рассказали, никаких секретов тут нет. «Качественный результат получается за счет соблюдения всех производственных правил и норм, - говорит начальник технического производства Елховского молокозавода Наталья Липатова. Все стадии механизированы и происходят без фактического участия человека. Сотрудники лишь контролируют процесс работы машины и следят за температурными показателями».*

Во фрагменте Ф1 данная организация упоминается в ряду других, прошедших проверку.

Во фрагменте Ф2 содержится негативная информация о продукции АО «Тольяттмолоко» в следующих предложениях: *«А вот напиток «Тольяттмолоко» откровенно провалил тест, показав несоответствие соотношения метиловых эфиров линолевой и миристиновой кислот – 0,7 вместо допустимого максимума в 0,5. «Данные показатели не соответствуют молочному жиру коровьего молока, что является нарушением», – прокомментировала результат Наталья Кварацхелия».*

Данный фрагмент содержит информацию о том, что предприятие «Тольяттмолоко» выпускает некачественную продукцию, изготовленную с нарушениями технического регламента. Автор статьи использует прием противопоставления с целью создания негативного образа продукции «Тольяттмолоко».

Маркером подобной семантики является выражение *«откровенно провалил тест, показав несоответствие...»*. Словари дают следующее толкование, ср.:

«ПРОВАЛИТЬ, св. 2. Кого-что. Разг. Привести к полной неудаче, завалить. || Не утвердить, не одобрить, отвергнуть. П. студента на экзамене (поставить неудовлетворительную оценку)» [5, с. 999].

«ПРОВАЛИТЬ, сов. 3. кого-что. Отвергнуть, отвести (разг.). П. кого-н. на экзамене (поставить неудовлетворительную оценку)» [9, с. 605].

«1. Провалить (разг.), **завалить** (прост.). Несов.: проваливать, заваливать. Не справиться с чем-л., привести к провалу (какое-л. дело, предприятие и т. д.). Слово *завалить* употр., с усилительным значением: полностью, окончательно провалить что-л.; оба слова свойственны обиходно-разговорной речи, завалить имеет грубоватый характер. *А чтобы не провалить хорошее дело в самом начале, необходимо обдумать его с государственной точки зрения.* Л. Леонов, В защиту друга, 3.

2. Провалить (разг.), **срезать** (разг.), **зарезать** (разг.), **засыпать** (разг.), **посадить** (разг.). Несов.: проваливать, резать и срезать, засыпать, сажать.

Поставить неудовлетворительную оценку кому-л. на экзамене, испытании и т. д.. Все эти слова употр. преимущ. в обиходно-разговор-

ной речи учащихся, студентов, преподавателей. *Представьте себе, что я только что провалил студента по математике.* Успенская, Наше лето, гл. 3» [12, с. 276].

«ПРОВАЛИТЬ 1. Поставить двойку кому; срезать, засыпать (разг.)

ПРОВАЛИТЬСЯ 1. Не выдержать (экзамена), получить двойку; срезасться, завалиться, засыпаться, сыпануться (*разг.*)» [1, с. 392].

Очевидно, что для передачи значения, употребляемого в сфере обучения или, точнее, в сфере контроля (знаний, качества и т.п.) логичнее использовать конструкцию: *«Напиток провалился на тесте»*, но с точки зрения русского языка она невозможна, т.к. напиток – объект исследования, а не субъект, т.е. фактическое значение фразы таково: *««Тольяттимолоко» провалился на тесте напитка»*.

Подобные значения выявляются при помощи анализа современных словоупотреблений в газетном корпусе «Национального корпуса современного русского языка». Там мы наблюдаем следующие примеры словоупотребления:

(1) *«Примечательно, что рассчитанные для кризиса показатели достаточности собственного капитала трех из четырех провалившихся тест компаний оказались на вполне адекватном уровне.* [Евгений Басманов. Банки США прошли проверку Великой депрессией// РБК Дейли, 2012.03.15]» [7].

(2) *«С тестом на «мыло» справились все образцы, а вот «холодный тест» «провалило» масло IDEAL.* [Анна КУКАРЦЕВА. Экспертиза подсолнечного масла: вам подороже или получше? // Комсомольская правда, 2014.07.10]» [7].

Из данных примеров видна контекстная актуализация значения словосочетания *«провалить текст»* – *«получить неудовлетворительные результаты в области исследования»*.

В контексте статьи фраза *«А вот напиток «Тольяттимолоко» откровенно провалил тест...»* буквально означает: *«Результаты тестирования напитка «Тольяттимолоко» показали неудовлетворительное качество продукта»*.

Фраза о напитке *«Тольяттимолоко»* контекстуально связана с информацией о молочной продукции других производителей. С точки зрения синтаксиса русского языка обязательное качество текста – связность – формируется, в том числе, и при помощи выделения в предложении *«данного»* и *«нового»*.

Анализируемой фразе предшествует: *«Самый «бюджетный» образец торговой марки «Красная цена» (данное) по верхней границе прошел «порог» технического регламента (новое)»*. Значит, следующая фраза: *«А вот напиток «Тольяттимолоко» откровенно провалил тест, показав несоответствие соотношения метиловых эфиров линолевой и миристиновой кислот – 0,7 вместо допустимого максимума в 0,5»* также включает в себя информацию о показателях технического регламента (теперь это уже *«данное»*), тем более, что эта фраза начинается

320 | с противопоставления: «*А вот напиток «Тольяттимолоко» ...*», предполагающего иную «новую» информацию: «не прошел, т. к. показал недопустимое соответствие...». Далее следует цитата авторитетного лица – **начальника испытательной лаборатории ФБУ «Самарский ЦСМ» Натальи Кварацхелия, о том, что «Данные показатели не соответствуют молочному жиру коровьего молока (данное), что (= и это несоответствие) является нарушением (новое)».** Упоминание *жира коровьего молока* может служить указанием на то, что в напитке «Тольяттимолоко» имеется жир другого происхождения, и по этой причине продукция в статье носит название «*напиток*» (родовое понятие), а не «*молоко*» (видовое понятие).

Таким образом, фрагмент **Ф2** буквально содержит следующее: «Напиток «Тольяттимолоко» не соответствует требованиям технического регламента и изготовлен с его нарушением».

Во **Ф2** напиток «Тольяттимолоко» сравнивается с образцом *торговой марки «Красная цена»*, а во **Ф3** объектом сравнения становится информация о предприятиях-изготовителях данной продукции.

Ф3 начинается с риторического вопроса (который представляет собой экспрессивное утверждение): «*Урядового потребителя может возникнуть вопрос: как в принципе возможно за 30 рублей купить литр качественного молока?*» Фактически, автор статьи подвергает сомнению факт о том, что «*литр качественного молока возможно купить за 30 рублей*». Как указано в таблице, это цена самого дешевого молока в контрольной выборке – продукции торговой марки «Красная цена» ООО «ЕМЗ», с которой сравнивалась продукция АО «Тольяттимолоко» во **Ф2**.

Далее следует предложение: «*Увы, представители «Тольяттимолоко» не смогли или не захотели комментировать эту тему*». В данном контексте отказ от комментария равносителен тому, что предприятию есть что скрывать, что подтверждается следующим противопоставлением: «*А вот на Елховском молокозаводе, успешно прошедшем испытания (данное), нам рассказали, никаких секретов тут нет (новое). «Качественный результат получается за счет соблюдения всех производственных правил и норм, – говорит начальник технического производства Елховского молокозавода Наталья Липатова. Все стадии механизированы и происходят без фактического участия человека. Сотрудники лишь контролируют процесс работы машины и следят за температурными показателями».*

Таким образом, в данном фрагменте также наблюдается противопоставление двух организаций «Тольяттимолоко» и «ЕМЗ» на предмет соотношения цены и качества их продукции. Это же подтверждает и заголовок рубрики, в которую размещена информация: «**КАЧЕСТВЕННО – НЕ ЗНАЧИТ ДОРОГО**».

Итак, во **Ф3** содержится негативная информация об организации АО «Тольяттимолоко», буквально означающая следующее: «Тольяттимолоко» выпускает более дорогую (в сравнении с «ЕМЗ»), некачественную продукцию. Организации есть что скрывать, поэтому она воздерживается от

комментариев'. Подобное противопоставление, включающее фразу: «**Качественный результат получается за счет соблюдения всех производственных правил и норм...**», усиливает негативный образ «Тольяттимолоко», поскольку поддерживает тезис о том, что организация не соблюдает установленные нормы, выпуская продукцию с нарушениями.

Вопрос 2. Какова композиционная структура текста статьи, какие стилистические приемы использует автор и как они характеризуют деятельность АО «Тольяттимолоко» и выпускаемую им продукцию?

Исходя из специфики объекта исследования, можно перечислить ряд приемов управления пониманием информации, изложенной на газетной полосе, с целью создания определенного негативного образа продукции и организации АО «Тольяттимолоко»:

1. Прием концентрированного повторения информации.

2. Прием введения информации о продукте АО «Тольяттимолоко» в отрицательный контекст/ ассоциативный ряд.

3. Речевое воздействие на адресата при помощи аргументации (ссылки на авторитеты, наличие цифровые показатели и терминологии, понятной только специалистам, особенности макроструктуры – сочетание визуальной и вербальной составляющих).

Следует отметить, что перечисленные приемы направлены на комплексное воздействие на адресата.

Рассмотрим первый прием – концентрированного повторения информации. В описании объекта исследования упоминается, что в заголовочном комплексе статьи (Т1) актуализированы смысловые акценты: «Это в сказке можно жить беззаботно, а в реальной жизни нужно быть готовым к обману и опасности», усиленные семантикой слов «*фальсификат*», «*не безопасно*», «*молоко*», «*качество*». Данная семантика будет варьироваться на протяжении всего визуально-вербального материала.

Покажем это на примере семантики синонимов «*фальсификат/подделка*».

В текстах статей *фальсификат* и однокоренные слова употребляются 7 раз:

(1) «**НА САМАРСКИЕ ПРИЛАВКИ ПРОДОЛЖАЕТ ПОСТУПАТЬ ФАЛЬСИФИКАТ**».

(2) «Тема молочного *фальсификата* в последнее время актуальна как никогда».

(3) «С одной стороны, по данным статистического наблюдения регионального управления Роспотребнадзора, в 2018 году удельный вес *фальсифицированной* молочной продукции в регионе снизился...».

(4) ««Если значение хотя бы одного из соотношений выходит за установленные границы, это свидетельствует о *фальсификации* жировой фазы масла и масляной пасты из коровьего молока жирами немолочного происхождения», – объяснила «ВК» начальник испытательной лаборатории ФБУ «Самарский ЦСМ» Наталья Кварацхелия».

(5) «*«Жалоб на фальсифицированную продукцию нет, потому что потребители не могут ее выявить самостоятельно»*, – объясняет представитель СРОО по защите прав потребителей «Союз потребителей» Эльнур Гамбаров. По его словам, вовсе не удивительно, что обычному покупателю узнать **фальсифицированное** молоко не под силу».

(6) «*А вот председатель правления межрегиональной общественной организации по защите прав потребителей «Русконтроль» Алексей Богомолов считает, что уберечься от фальсификата потребитель все же может»*.

(7) «*Но если марка долго находится на рынке, это еще не значит, что она не прибегает к фальсификации»*.

Метод обобщения словарных значений [8, с. 28] позволяет выявить следующие значения данной языковой единицы:

ФАЛЬСИФИКАТ –а, м [нем. Falsifikat < лат. Falsificatum подделанное].

1. Спец. То же, что фальсификация. Фальсификат коровьего молока. [11, стлб. 1224-1225; 5, с. 1415]
2. Поддельный продукт, изделие [10, с. 549; 4, с. 821].
3. Продукт, сделанный кустарным способом и без прохода через все инстанции [12, с. 694].

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ, -и ; ж . [от лат. Falsificare – подделывать]

1. Поддельный предмет, подделанная вещь, выдаваемая за настоящую; подделка. *Не отличать подлинник от фальсификации.* [11, стлб. 1224-1225; 10, с. 549; 9, с. 848; 5, с. 1415; 4, с. 821; 12, с. 694].
2. (спец.) Изменение с корыстной целью качества предметов сбыта в сторону ухудшения при сохранении внешнего вида. *Фальсификация вина. Фальсификация меда.* [11, стлб. 1224-1225; 10, с. 549; 9, с. 848; 5, с. 1415].
3. (перен.) Подмена чего-л. подлинного, настоящего ложным, мнимым. *Фальсификация исторических фактов.* [11, стлб. 1224-1225; 10, с. 549].
4. Изменение вида, свойства, характеристик предметов с корыстной целью, чтобы выдать изделие за что-л. другое. *Фальсификация документов.* [10, с. 549; 12, с. 694].
5. Подделывание чего-либо. *Зачем понадобилась Голицыну фальсификация избирательного акта?* Ключ. Курс русск. Ист. IV, 51. [11, стлб. 1224-1225; 10, с. 549; 4, с. 821].
6. (книжн.). см. Фальсифицировать. *Разоблачить фальсификацию.* Ф. вина [5, с. 1415; 9, с. 848].
7. Изготовление чего-либо незаконным путем [12, с. 694].

В макроструктуре актуализируется значение: «**ФАЛЬСИФИКАЦИЯ**, -и; ж. [от лат. Falsificare – подделывать] **2.** (спец.) Изменение с корыстной целью качества предметов сбыта в сторону ухудшения при сохранении внешнего вида. *Фальсификация съестных припасов. Фальсификация вина. Фальсификация меда»* [11, стлб. 1224-1225; 10, с. 549; 9, с. 848; 5, с. 1415].

Как видим, это значение отмечают четыре авторитетнейших словаря, используемых в лингвоэкспертной практике.

Из семантики видна связь заимствованного слова «*фальсификат*» с русским – «*подделка*». Данное слово также встречается в материалах полосы наряду с иностранным аналогом:

(8) «*Редакция «Волжской коммуны» решила в очередной раз убедиться, насколько велик риск приобрести в магазине **поддельный продукт**.*

(9) «*Уберечься от **подделки**.*

«**ПОДДЕЛКА**, -и, ж. 2. Подделанная вещь, имитация. П. под жемчуг. **ПОДДЕЛЬНЫЙ**. 1. Представляющий собой подделку, фальшивый (в 1 знач.). П. документ. *Поддельные драгоценности*» [9, с. 534].

«**ПОДДЕЛКА**, ж. 2. То, что подделано; подделанная вещь. П. под испанское вино. **ПОДДЕЛАТЬ**, св. 3. Изготовить фальшивое подобие чего-л. П. подписать на документе. П. старинную вещь» [5, с. 864].

«**Подделка, имитация**. Изготовление, создание чего-л, наподобие другого, в подражание чему-л. настоящему, подлинному, а также вещь, произведение и т. д., созданные наподобие чего-л, подлинного. Слово *подделка* чаще, чем *имитация*, употр. с отрицательной оценкой по отношению к тому, что не является подлинным, натуральным. *Случалось ему не раз платить дорого за вещи, которые потом оказывались грубою подделкой*. Чехов, Три года, XII» [12, с. 159-160].

«**ПОДДЕЛКА 2**. *Со злым умыслом*: подлог, фальсификация; фальшивка, липа (*разг.*) / *об изделии, продукте*: фальсификат. **ПОДДЕЛЫВАТЬ**, фальсифицировать» [1, с. 338].

Итак, на одной газетной полосе 9 раз варьируется семантика подделка/фальсификат (= подделка со злым умыслом), причем эти слова находятся в соседстве друг с другом и встречаются не только в тексте статей (Т1) и (Т2), но и заголовков, подзаголовков, т. е. визуально выделенных элементов макроструктуры газетной полосы.

С высокой частотностью также встречаются слово «*молоко*» и словосочетания «*несоответствие нормам*»/ «*требованиям техрегламента*»/ «*несоответствие качества молока*» и под.

Всё это создает и подкрепляет семантику *опасности*, ср. в лиде: «*дешевое не всегда безопасно*»; ср. в заголовке рубрики: «*Опасения подтвердились*»; ср. в заголовке: «*Уберечься от подделки*».

Соответственно, автором создается образ опасности, в который постепенно вводится информация о продукции АО «Тольяттимолоко» в негативном контексте.

Практически все элементы макроструктуры работают на этот образ. Покажем это на примере стыковки фрагмента Ф3 с врезкой 3: ««**РУСКОНТРОЛЬ**» ЕЖЕМЕСЯЧНО ПРОВОДИТ ПОДОБНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, ОТБИРАЯ МОЛОЧНУЮ ПРОДУКЦИЮ НА АНАЛИЗ. РЕЗУЛЬТАТЫ, КАК ПРАВИЛО, НЕУТЕШИТЕЛЬНЫЕ. ПО СЛОВАМ АЛЕКСЕЯ БОГОМОЛОВА, ОДНА ИЛИ ДВЕ ПРОБЫ ИЗ ПАРТИИ ВСЕГДА НЕ СООТВЕТСТВУЮТ НОРМАМ. ЧАЩЕ ВСЕГО В МОЛОКО И

324 | МОЛОЧНЫЕ ПРОДУКТЫ ДОБАВЛЯЮТ ПАЛЬМОВОЕ МАСЛО – О ЕГО НАЛИЧИИ ПРОИЗВОДИТЕЛИ НЕРЕДКО ПРЕДПОЧИТАЮТ НЕ ПИСАТЬ НА ЭТИКЕТКАХ» (материалы находятся в непосредственной визуальной близости друг к другу).

Во фрагменте 3 подчеркивается, что «Тольяттимолоко» воздерживается от комментариев, из чего автор, в сравнении с «ЕМЗ» показывает, что предпрятию есть что скрывать: *«А вот на Елховском молокозаводе, успешно прошедшем испытания, нам рассказали, никаких секретов тут нет. «Качественный результат получается за счет соблюдения всех производственных правил и норм, – говорит начальник технического производства Елховского молокозавода Наталья Липатова. Все стадии механизированы и происходят без фактического участия человека. Сотрудники лишь контролируют процесс работы машины и следят за температурными показателями»*. Как видим, текст врезки 3 заканчивается фразой: «ЧАЩЕ ВСЕГО В МОЛОКО И МОЛОЧНЫЕ ПРОДУКТЫ ДОБАВЛЯЮТ ПАЛЬМОВОЕ МАСЛО – О ЕГО НАЛИЧИИ ПРОИЗВОДИТЕЛИ НЕРЕДКО ПРЕДПОЧИТАЮТ НЕ ПИСАТЬ НА ЭТИКЕТКАХ» (= производители скрывают эту информацию).

Ещё один пример. Врезка 1 размещена под фотоизображением девушки, выбирающей молочную продукцию, а под врезкой 1 размещены врезка 2 с фото женщины в погонах и цитатой слов Светланы Архиповой, руководителя управления Роспотребнадзора по Самарской области, здесь же содержится фрагмент текста (Т1) о несоответствии продукции «Тольяттимолоко» требованиям техрегламента, т. е. читателя косвенно информируют в том, что организации грозит штраф за нарушения.

Проиллюстрируем ещё один прием управления пониманием – цитирование авторитетных лиц. В текстах и врезках размещены следующие цитаты:

1. *«Если значение хотя бы одного из соотношений выходит за установленные границы, это свидетельствует о фальсификации жировой фазы масла и масляной пасты из коровьего молока жирами немолочного происхождения», – объяснила «ВК» (здесь: «Волжская коммуна») начальник испытательной лаборатории ФБУ «Самарский ЦСМ» Наталья Кварацхелия.*
2. *«Данные показатели не соответствуют молочному жиру коровьего молока, что является нарушением», – прокомментировала результат Наталья Кварацхелия.*
3. *«Качественный результат получается за счет соблюдения всех производственных правил и норм, – говорит начальник технического производства Елховского молокозавода Наталья Липатова. Все стадии механизированы и происходят без фактического участия человека. Сотрудники лишь контролируют процесс работы машины и следят за температурными показателями».*
4. *СВЕТЛАНА АРХИПОВА, руководитель управления Роспотребнадзора по Самарской области:*

- В 2018 году зарегистрированы уведомления о несоответствии качества молока обязательным требованиям технического регламента по АО «Алев» (несоответствие молока по жирно-кислотному составу), два – по ООО «Мечта» (наличие антибиотиков в молоке), два – по ООО «Молокоперерабатывающий комбинат» (наличие сухого молока в цельном), и по одному по СПССК «Расковский молокозавод» (занижение жирности молока) и ООО «Молочный Мир» (несоответствие по ЖКС).
5. «Жалоб на фальсифицированную продукцию нет, потому что потребители не могут ее выявить самостоятельно», – объясняет представитель СРОО по защите прав потребителей «Союз потребителей» Эльнур Гамбаров. По его словам, вовсе не удивительно, что обычному покупателю узнать фальсифицированное молоко не под силу. Ведь по вкусу оно очень близко к оригиналу и чаще всего имеет безупречный вид. Со сроками годности тоже все в порядке, да и пахнет напиток всегда прилично.
 6. А вот председатель правления межрегиональной общественной организации по защите прав потребителей «Русконтроль» Алексей Богомолов считает, что уберечься от фальсификата потребитель все же может. Но ориентироваться для этого надо на независимые экспертизы общественных организаций.
 7. «Это проблема общероссийского масштаба. Потребителю приходится верить производителю на слово, – говорит Алексей Богомолов. – Данная ситуация наблюдается именно в массовом производстве. Фермерская продукция проходит проверки чаще, а значит, и проблем доставляет меньше».
 8. «Эксперты называют три основных правила выбора вкусного и натурального молока. Во-первых, обязательно читайте состав продукта на этикетке, чтобы избежать ошибок по собственной невнимательности. Во-вторых, приобретайте продукцию проверенных марок. Но если марка долго находится на рынке, это еще не значит, что она не прибегает к фальсификации. Так что ориентируйтесь на тех производителей, которые часто фигурируют в потребительских исследованиях и имеют положительные результаты».

Как видно из примеров, использованы различные виды цитирования: прямая речь, дословное цитирование в кавычках, косвенное цитирование.

Как отмечает А. Н. Баранов: «Ссылка на авторитет – как позитивный, так и негативный – позволяет ввести тезис или аргумент в процессе аргументирования, не приводя обоснований их истинности и основываясь на доверии адресата к авторитету как почти идеальному примеру хорошего или плохого» [3, с. 289].

Однако далеко не все ссылки, приведенные в текстах статей, прямо указывают на источник информации. Так, например, последний источник

326 | представлен как «эксперты», т. е. нет конкретного указания на то, кто эти эксперты и в какой области они эксперты. Подобный прием является речевой манипуляцией, и позволяет авторам ввести в текст информацию под видом авторитетной, а также снять с себя ответственность за сказанное [13, с. 209].

В данном случае информация касается рекомендаций по выбору молочной продукции, по сути, инструкцией «запуганному» читателю. Особо примечателен пункт второй: *«Во-вторых, приобретайте продукцию проверенных марок. Но если марка долго находится на рынке, это еще не значит, что она не прибегает к фальсификации. Так что ориентируйтесь на тех производителей, которые часто фигурируют в потребительских исследованиях и имеют положительные результаты»*. Этой информацией до читателя доносят мысль о том, что необходимо выбирать молочные продукты, которые успешно прошли предложенную «Волжской коммунальной» проверку независимых экспертов. Однако ни один из названных уважаемых авторитетов, процитированных в этом материале, такого не говорил – это авторский текст, замаскированный под ссылку на авторитет «экспертов». И это информация о том, что не надо покупать продукцию, не прошедшую успешно нынешнюю проверку – в данном случае речь идет о продукции только одной компании – АО «Тольяттимолоко». Таким образом, перед нами образец скрытой антирекламы.

Цифровые показатели, наименования документов, организаций и терминология, понятная только специалистам, также призваны придать вес сказанному, т. е. представить аргументацию более убедительной. В тексте наблюдаются следующие показатели, документы, термины и названия:

1. *«В список вошли торговые марки «Елховская марка» (ООО «ЕМЗ»), «Тольяттимолоко» (АО «Тольяттимолоко»), «Пестравка» (ООО «Молторг»), «Красная цена» (ООО «ЕМЗ») и редкий гость на самарских прилавках – Торговый дом «Сметанин» (ОАО «МИЛКОМ»);*
2. *«в 2018 году удельный вес фальсифицированной молочной продукции в регионе снизился, составив всего 2,3 % (19 из 829 исследованных проб)»;*
3. *«технического регламента таможенного союза ТР ТС 033/2013 «О безопасности молока и молочной продукции»;*
4. *«14 марта мы организовали закупку пяти образцов молока 2,5 % жирности»;*
5. *(ГОСТ 31450-2013);*
6. *«несоответствие соотношения метиловых эфиров линолевой и миристиновой кислот – 0,7 вместо допустимого максимума в 0,5»;*
7. *«1,8 РУБЛЕЙ ШТРАФОВ НАЛОЖЕНО В 2018 ГОДУ НА САМАРСКИХ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ»;*
8. *«представитель СРОО по защите прав потребителей «Союз потребителей»;*
9. *«межрегиональной общественной организации по защите прав потребителей «Русконтроль»».*

Все эти приёмы управления пониманием призваны убедить читателя в достоверности, качества предлагаемого материала, а также «помочь уберечься и сделать правильный выбор».

Таким образом, различные компоненты макроструктуры, приемы аргументации, визуализация, приемы концентрированного повторения информации, а также прием введения информации в отрицательный контекст/ ассоциативный ряд, взаимодействуя друг с другом, создают визуальный ассоциативный и вербальный негативный образ организации АО «Тольяттимолоко» и продукции, производимой этой организацией.

Литература

1. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник: Ок. 11 000 синоним. рядов. М.: Рус. яз., 2001. 568 с.
2. Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова: Литературные цитаты; Образные выражения. М.: Худож. лит., 1988. 528 с.
3. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2007. 592 с.
4. Большой иллюстрированный словарь иностранных слов: 17000 сл. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Русские словари», 2002. 960 с.
5. Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
6. Венгранович М. А. «Ружье снова рискует выстрелить»: к проблеме снятия двусмысленности в макроконтексте // Фундаментальная лингвистика и проблемы судебной экспертизы: социальные сети как объект научного и экспертного анализа: сборник научных работ по итогам Международной научной конференции «Фундаментальная лингвистика и проблемы судебной экспертизы: социальные сети как объект научного и экспертного анализа» (Москва, 5-6 октября 2021 г.). М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2022. С. 205-214.
7. Национальный корпус русского языка. Режим доступа: <http://www.ruscorgo.ru> (дата обращения: 27.05.2023).
8. Обобщение словарных значений и анализ спорного текста в лингвокриминалистической экспертизе // Стернин И. А., Рудакова А. В. Словарные дефиниции и семантический анализ. Воронеж: «Истоки», 2017. С. 28-31.
9. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.
10. Словарь русского языка: В 4 т. Т. 4 С-Я / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1988. 800 с.
11. Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти тт. Т. 16. У-Ф. М. Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1964.

12. Словарь синонимов русского языка: В 2 т. Т. 2 / ИЛИ РАН; Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. 856 с.

13. Третьякова Д. В. Засвидетельствованность как средство выражения оценки журналиста-авторизатора / Д. В. Третьякова // Вестник ГУМИ. 2009. № 2. С. 149-154.

D. V. Tretyakova

THE IMPACT OF THE MACROSTRUCTURE OF THE TEXT ON THE FORMATION OF THE NEGATIVE IMAGE OF THE ORGANIZATION (A CASE FROM EXPERT PRACTICE)

Abstract. The article deals with the problem of ambiguity in the semantic interpretation of a statement in a controversial text. It is stated that the identification of semantic transformations of an utterance occurs in the macrocontext, which is formed on the basis of intra- and extralinguistic contexts.

Keywords: text; interpretation of the text; context; macrocontext; lexicographical meaning; methodology of generalized description of lexicographical meanings; semantics.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ

Аннотация. Прецедентные феномены обладают высоким прагматическим потенциалом, что обуславливает активное исследование их функциональных особенностей. Все функции прецедентных феноменов действуют в том или ином дискурсе в комплексе, но те или иные функции могут преобладать в тех или иных контекстах.

Ключевые слова: прецедентные феномены; прецедентное имя; прецедентные тексты; дискурс; аллюзии.

Прецедентные феномены – это феномены, хорошо известные всем представителям национально-лингво-культурного сообщества, актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане, обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества [6, с. 15, 16]. Прецедентные феномены обладают высоким прагматическим потенциалом, под которым понимаются способность исследуемых единиц оказывать эмоциональное воздействие на адресата, то есть призывать к определенным действиям; определение русла, по которому осуществляется трансляция информации. Высокий прагматический потенциал прецедентных феноменов обуславливает активное исследование их функциональных особенностей. Вопрос о функциях прецедентных феноменов неоднократно привлекал внимание специалистов. Обзор существующих публикаций по проблемам функционирования прецедентных феноменов свидетельствует о существовании совершенно различных точек зрения на эту проблему, так как функции прецедентных феноменов в значительной степени зависят от характера и типа дискурса (научный, художественный, медийный, бытовой, политический и др.) и разных научных школ, к которым принадлежат исследователи, что объясняет разную терминологию (прецедентные феномены, аллюзии, интексты, цитаты, текстовые реминисценции).

В силу общности когнитивных механизмов функционирования прецедентных феноменов всех видов (имён, ситуаций, высказываний, текстов) в этой статье мы рассмотрим различные точки зрения на проблему функционирования прецедентных феноменов в разных дискурсах с целью формировать мнение, охватывающее все функциональные возможности.

В работах, посвящённых функционированию прецедентных феноменов, обнаруживаются два подхода к изучению функциональных свойств: первый изучает указанные единицы с точки зрения роли, которую они выполняют при воспроизведении в речи (М. А. Алексеенко, О. А. Дмитриева, Е. А. Земская, О. П. Семенец, Г. Г. Слышкин, С. И. Сметанина, Ю. Ю. Саксонова, А. Е. Супрун, А. П. Чудинов), второй с точки зрения характера и цели употребления в речи (Д. Б. Гудков, Ю. А. Гунько, И. В. Захаренко, Ю. Н. Караулов, В. В. Красных, Н. В. Немирова, Ю. Б. Пикулева, Е. Г. Ростова, Р. Л. Смулаковская, Ю. А. Сорокин и И. М. Михалева).

Начнём с основоположника теории прецедентности Ю. Н. Караулова, который при изучении способов и целей введения прецедентных текстов в дискурс выделил три типа прецедентных текстов: 1) номинативный (знак, вводящий прецедентный текст, указывает на какое-то характерное свойство, типовую примету); 2) референтный (включение имён выдающихся людей в целях обогащения идейно-проблемного содержания произведения, наращивания его духовного заряда, увеличения содержательной эстетической и этической мощи); 3) цитирование, которое выполняет две функции. Роль высказывания, носящего характер формулы, состоит в указании на особого рода «канал», по которому развиваемая в дискурсе языковой личности мысль как бы вливается в широкий «ментальный контекст» духовного арсенала произведения, читателя, эпохи [8, с. 230].

При изучении функционирования прецедентных текстов в художественных произведениях, Ю. А. Сорокин и И. М. Михалева пришли к выводу о том, что цитатные прецедентные тексты выступают как средства интертекстовой связности, указывают на «формы циркуляции культуры, на культурный фон и фонд, находящийся в обращении», а также порождают svojство перформативности [17, с. 43].

Анализируя функционирование концептов прецедентных текстов в дискурсе, Г. Г. Слышкин выделяет четыре функции:

- номинативную, обусловленную стремлением языковой личности к оригинальности выражения, доставляющее «эстетическое наслаждение» как адресату, так и самому адресанту;
- персуазивную, имеющую целью убеждение адресата;
- людическую, обогащающую речь, создающую «шутливую тональность» через языковую игру;
- парольную, направленную на доказательство или эмфатизацию принадлежности отправителя речи к той же группе, что и адресат [13, с. 85-104].

Сравнивая использование прецедентных текстов в газетах советского и современного периодов, О. П. Семенец утверждает, что в современных газетах наиболее частой является реализация информативной и ценностно-ориентирующей функции прецедентных текстов одновременно. Прецедентный текст, на её взгляд, «не только формирует дополнительные

смыслы текста, вводя более широкий культурный контекст, но и создает особый эмоционально-оценочный колорит повествования» [13, с. 16]. Она считает, что востребованность прецедентного текста в газетном дискурсе обусловлена тем, «что, обладая довольно устойчивой формально-семантической структурой, интертекстовое включение способно реализовать конструктивный принцип языка публицистики – чередование экспрессии и стандарта» [13, с. 14].

Ю. Ю. Саксонова определяет прецедентный интекст как «языковой афоризм, вживлённый в ткань принимающего текста». При анализе функций прецедентного интекста она указывает на его следующее предназначение: 1) вызвать узнавание у читателей; 2) создать комический эффект путём столкновения различных дискурсов; 3) поддержать развитие сюжета. В художественных произведениях выделенные функции чаще всего совмещаются [12, с. 15].

Исследуя функциональные свойства прецедентных текстов в рекламе, М. В. Терских выделяет следующие функции:

- персуазивная функция, основанная на том, что прецедентные тексты обладают определённой культурной значимостью;
- аттрактивная функция, основанная на использовании известного текста в новом контексте для привлечения внимания;
- игровая (людическая) функция, основанная на использовании игровых приёмов, задействует творческое начало и тесно связана с эстетической функцией;
- делимитативная функция, имеющая место, когда рекламист адресует рекламное сообщение определённой референтной группе;
- имиджеобразующая функция, имеющая место, когда автор рекламного текста, прибегая к прецедентному тексту, сообщает о культурных ориентирах рекламодателя, создавая позитивный имидж [18, с. 20-22].

Интересен подход к обсуждаемой проблеме в связи с описанием трансформаций, происходящих с прецедентными культурными знаками в рекламном дискурсе, чему посвящена часть диссертации Ю. Б. Пикулевой. Она показывает словообразовательные, грамматические, лексические трансформации, а также усечение, расширение прецедентных культурных знаков, комбинации разных способов трансформаций как проявление форм языковой игры. С точки зрения Ю. Б. Пикулевой, основная функция прецедентных культурных знаков в телевизионной рекламе – манипулятивная [11, с. 19-21].

И. С. Грабовенко рассматривает воздействующую функцию как одну из наиболее приоритетных функций прецедентных феноменов в массмедийном политическом дискурсе в силу трёх причин: «во-первых, высказывания, содержащие элементы прецедентности, как правило, экспрессивны, эмоционально окрашены, что привлекает внимание адресата. Во-вторых, в процессе восприятия информации реципиент, обращаясь либо к собственному фонду фоновых знаний, либо к воображению,

332 | становится как бы соавтором сообщения, что в свою очередь усиливает воздействующий эффект. В-третьих, в большинстве случаев прецедентные феномены апеллируют не к рационально-логическому осмыслению, а к сфере подсознания индивидуума» [3, с. 238]. Использование прецедентных феноменов в тексте также повышает аргументативность, обоснованность и убедительность высказывания, что осуществляется путём как рационально-логического осмысления, так и путём воздействия на уровень подсознания индивидуума [3, с. 243].

О назначении прецедентных феноменов в медиа-текстах С. И. Сметанина пишет, что они «интеллектуализируют изложение, формируют новые смыслы, своеобразно вводя событие текущей жизни в общеисторический и культурный контекст» [15, с. 123]. Подобную точку зрения высказывает и А. С. Драпалюк, которая рассматривает прецедентные феномены как один из способов интеллектуализации газетного текста. По её мнению, каждый прецедентный феномен может выполнять одновременно номинативную, референтивную, коммуникативную, мыслеформирующую, когнитивную, апеллятивную, интертекстуальную и интеллектуализирующую функцию. Кроме того, любое использование прецедентного феномена в тексте является реализацией смыслообразующей или смыслоформирующей функции, поскольку его включение в текст создаёт новый смысл. Она добавляет, что прецедентные феномены способны выполнять также экспрессивную, оценочную, атрактивную (рекламную), поэтическую, фатическую (контактоустанавливающую), парольную, прагматическую, персуазивную, иллюстративную, текстопорождающую или текстоструктурирующую и многие другие функции [5, с. 15-16].

А. П. Чудинов же считает, что прецедентные феномены в политических публикациях способны «сделать сообщение более ярким, привлекающим внимание и одновременно ввести в изложение элементы языковой игры, предложить читателям для кого-то прозрачную, для кого-то достаточно сложную загадку. По своим функциям и восприятию прецедентные феномены во многом сходны с метафорой» [20, с. 29].

О. А. Ворожцова также утверждает общность когнитивного механизма прецедентных феноменов и когнитивного механизма метафоры, поэтому исследователь для определения функций прецедентных феноменов использует предложенную А. П. Чудиновым классификацию функций политической метафоры, а именно: 1) когнитивная функция; 2) коммуникативная функция; 3) прагматическая функция; 4) эстетическая функция, состоящая из изобразительной и экспрессивной функций. В некоторых случаях выделяется также имиджевая функция [2, с. 61].

При изучении функций не конкретно прецедентных феноменов, а интертекстуальности вообще, Н. А. Фатеева выделяет следующие функции интертекстуальности, что, на наш взгляд, справедливо также и для прецедентных феноменов:

1. Введение в текст новой мысли, высказанной ранее: «интертекст позволяет ввести в свой текст некоторую мысль или конкретную форму

представления мысли, объективированную до существования данного текста как целого» [19, с. 37], что можно определить как смыслопорождающую функцию;

2. Введение текста в более широкий культурно-литературный контекст;

3. Создание подобие тропических отношений на уровне текста путем порождения конструкций «текст в тексте» и «текст о тексте»;

4. Текстопорождающая функция интертекстуализации;

5. Интертекстуальность как механизм метаязыковой рефлексии [19, с. 37-38].

Исследуя функциональные качества прецедентных высказываний в разговорной речи носителей русского языка, Ю. А. Гунько утверждает, что характеризующая, предикативная функция всегда связана с оценкой и является основной функцией прецедентных высказываний. Её реализация происходит на различных языковых уровнях: грамматическом, семантическом, прагматическом. В сфере разговорной речи трансформации прецедентных высказываний выполняют экспрессивную функцию [4, с. 16-23].

Для настоящей работы особую значимость представляют исследования И. В. Захаренко, Д. Б. Гудкова и В. В. Красных, посвящённые анализу прецедентных феноменов. По их мнению, основная функция прецедентных феноменов – мифологическая, то есть «та функция, которую выполняют прецедентные феномены в целом, близка функции мифа в традиционном обществе. Представление, стоящее за прецедентным именем, по сути, и является «свернутым» мифом» [6, с. 26]. Эта функция обусловлена тем, что «прецедентные имена, как и другие прецедентные феномены, определяют шкалу ценностных ориентаций национально-лингво-культурного сообщества, формируют набор «героев» и «злодеев», предлагая деятельность первых в качестве примера для подражания, а поступки вторых – образца того, что делать ни в коем случае нельзя, иными словами, отражают и одновременно задают определённую парадигму поведения» [6, с. 26].

На мифологическую функцию прецедентных феноменов указывает и Ю. В. Курбакова, которая отмечает, что «прецедентные феномены играют важнейшую роль в формировании национального мифа, отражая и задавая шкалу ценностных ориентации и моделей социального поведения внутри лингво-культурного сообщества» [9, с. 73].

Рассмотрение способов употребления прецедентных имён в текстах газет позволило О. А. Ворожцову и А. Б. Зайцеве выделить их три функции. При их употреблении возникает эффект экспрессивности, что способствует созданию в сознании читателей ярких нерасчленённых образов. Прецедентные имена выражают не рациональную, а эмоциональную оценку. Активное обращение к прецедентным именам можно связывать со стремлением к установлению кооперативного контакта с собеседником. Кооперативность – это апелляция к единому фонду знаний [1, с. 226-227].

М. А. Захарова даёт прецедентному имени другое название – аллюзивное имя собственное, определяемое как «имя, которое, в отличие от общего корпуса имён собственных, имеет определённую уникальную

334 | референциальную отнесенность, что объективно сужает область его означивания» [7, с. 12-13]. В своей диссертации она определяет функции аллюзивного имени собственного в художественных и публицистических текстах. В художественных текстах аллюзивное имя собственное выполняет: 1) текстопорождающую функцию, способствующую иерархизации смысла, выделению смысловой доминанты; 2) экспрессивную функцию, выгодно украшающую текст, привнося в него образность, выразительность, красочность; 3) символическую функцию, связанную с памятью культуры; 4) интегрирующую функцию, проявляющуюся в связывании в одно единое культурное пространство разных семиотических систем: искусства, литературы, живописи, скульптуры, архитектуры, музыки, кинематографии и разных видов социо-культурного опыта. В публицистических текстах аллюзивное имя собственное выполняет: 1) идеологическую функцию, направленную на воздействие на социальное поведение широких масс; 2) функцию передачи специфики национально-культурного менталитета; 3) эвфемистическую функцию, помогающую смягчить высказывание, выражающую негативное отношение в завуалированной форме, передавая вместе с тем все необходимые эмоции; 4) полемическую функцию, связанную с созданием эффекта иронии при столкновении «высоких» образов-цитат с бытовым или иным «сниженным» контекстным окружением [7, с. 150-160]

И в конце своего изучения функционирования аллюзивного имени собственного в художественных и публицистических текстах М.А. Захарова утверждает, что «полифункциональность аллюзивного имени собственного определяется их смысловой насыщенностью и позволяет говорить об аллюзивном имени собственном как комплексных единицах, семантика которых содержит такие области значения, как сильный и слабый импликационалы, определяющие концептуальную структуру аллюзивного имени собственного, куда помимо прочего входят коннотации и национально-культурный компонент» [7, с. 160].

Близкую точку зрения высказывает С. Л. Кушнерук, у которой «формируется представление о *полифункциональности* прецедентных феноменов как свойстве, закладывающем основу наполнения текста новыми смыслами» [10, с. 143-144].

С точки зрения М. А. Соловьевой, аллюзивные антропонимы выполняют две функции: коммуникативную и стилистическую. Коммуникативная функция «проявляется в наличии диалога, рассматриваемого в трех аспектах: в системе «автор – текст»; «прецедентный текст – именуемый текст»; «читатель – текст». Вертикальный контекст участвует в выполнении аллюзивным антропонимом стилистической функции, проявляющейся в создании образов. По функциональным критериям аллюзивные антропонимы в имеющемся тексте разделяются на текстообразующие и фрагментарные; единичные и рекуррентные; используемые в первичной, вторичной функции или диффузно» [16, с. 107].

Итак, обобщая все вышеуказанные мнения, мы выделяем следующие функции прецедентных имён в российской и египетской прессе:

- 1) важное средство оценки и выражения субъективного отношения автора;
- 2) усиление воздействующего эффекта;
- 3) привлечение внимания необычной формой выражения;
- 4) введение в изложение элементов языковой игры;
- 5) усиление комического или сатирического эффекта.
- 6) смягчение (эвфемизация) высказывания и выражение необходимой информации в неагрессивной форме;
- 7) повышение аргументативности, обоснованности, объективности, авторитетности и убедительности высказывания;
- 8) создание в сознании читателей ярких нерасчлененных образов;
- 9) установление кооперативного контакта с читателем;
- 10) передача специфики национально-культурного менталитета;
- 11) обнаружение общности ментально-вербальной базы автора и читателя.

Все вышеуказанные функции прецедентных феноменов действуют в том или ином дискурсе в комплексе, но те или иные функции могут преобладать в тех или иных контекстах. Иными словами, прецедентные феномены имеют полифункциональный характер, то есть могут служить воплощением нескольких коммуникативных функций одновременно.

Литература

1. Ворожцова О. А., Зайцева А. Б. Прецедентные имена в российской и американской печати / О. А. Ворожцова, А. Б. Зайцева // Известия Уральского государственного университета. 2006. № 45. С. 222-229.
2. Ворожцова О. А. Лингвистическое исследование прецедентных феноменов в дискурсе российских и американских президентских выборов 2004 года. Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007. 143 с.
3. Грабовенко И. С. Прецедентные феномены как средства пиар-воздействия в масс-медийном политическом дискурсе / И. С. Грабовенко // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24 (63). № 4. Часть 2. 2011. С. 237-243.
4. Гунько Ю. А. Особенности функционирования прецедентных высказываний в разговорной речи носителей русского языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002. 20 с.
5. Драпалюк А. С. Прецедентные феномены как один из способов интеллектуализации газетного текста. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2010. 300 с.
6. Захаренко И. В., Красных В. В., Гудков Д. Б. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь. Вып. 1. М., 2004. 318 с.
7. Захарова М. А. Семантика и функционирование аллюзивных имён собственных (на материале англоязычных художественных и публицистических текстов). Дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2004. 192 с.

8. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987. 363 с.
9. Курбакова Ю. В. Национально-прецедентные феномены и единицы с метафорическим значением в СМИ (на материале современных американских журналов). Дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 173 с.
10. Кушнерук С. Л. Сопоставительное исследование прецедентных имён в российской и американской рекламе. Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. 213 с.
11. Пикулева Ю. Б. Прецедентный культурный знак в современной телевизионной рекламе: Лингвокультурологический анализ. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003. 22 с.
12. Саксонова Ю. Ю. Прецедентный интекст: проблема межъязыковой эквивалентности в художественном переводе (на материале английского, немецкого и русского языков). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2001. 20 с.
13. Семенец О. П. Прецедентный текст в языке газеты (Динамика дискурса 50-90-х годов). Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2004. 356 с.
14. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М., 2000. 288 с.
15. Сметанина С. И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века). СПб., 2002. 382 с.
16. Соловьёва М. А. Роль аллюзивного антропонима в создании вертикального контекста (на материале романов А. Мердок и их русских переводов). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004. 25 с.
17. Сорокин Ю. А., Михалева И. М. Прецедентные тексты: типология и функции / Ю. А. Сорокин, И. М. Махилева // Известия Академии наук Туркменской ССР. Сер. общественных наук. № 1. 1989. С. 41-48.
18. Терских М. В. Реклама как интертекстуальный феномен. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2003. 26 с.
19. Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. М., 2006. 280 с.
20. Чудинов А. П. Интертекстуальность политического текста / А. П. Чудинов // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Вып. 10. Екатеринбург, 2003. С. 27- 34.

W. F. Ibrahim

FUNCTIONING OF PRECEDENT PHENOMENA

Abstract. Precedent phenomena have a high pragmatic potential, which leads to an active study of their functional features. All functions of precedent phenomena operate in a particular discourse in a complex, but certain functions may prevail in certain contexts.

Keywords: precedent phenomena; precedent name; precedent texts; discourse; allusions.

А. Ю. Хоменко
 akhomenko@hse.ru
 кандидат филологических
 наук, доцент департамента
 фундаментальной и прикладной
 лингвистики НИУ ВШЭ
 Нижний Новгород, Россия

Л. Н. Касимова
 kasimovaln@inbox.ru
 доктор медицинских наук, профес-
 сор, врач-психиатр, Приволжский
 исследовательский медицинский
 университет,
 Нижний Новгород, Россия

Е. М. Сычугов
 sychugovem@gmail.com
 врач-психиатр, Приволжский
 исследовательский медицинский
 университет,
 Нижний Новгород, Россия

А. Д. Комратова
 komratova.asia@yandex.ru
 студент 4 курса программы
 бакалавриата «Фундаментальная
 и прикладная лингвистика»
 факультета гуманитарных наук
 НИУ ВШЭ
 Нижний Новгород, Россия

Н. В. Галкин
 yellowjaz@yandex.ru
 студент 4 курса программы
 бакалавриата «Фундаментальная
 и прикладная лингвистика»
 факультета гуманитарных наук
 НИУ ВШЭ
 Нижний Новгород, Россия

А. А. Титова
 antitova2000@yandex.ru
 преподаватель департамента
 литературы и межкультурной
 коммуникации НИУ ВШЭ
 Нижний Новгород, Россия

ДИАГНОСТИКА АУТО- И ГЕТЕРОАГРЕССИИ МЕТОДАМИ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

Аннотация. В статье речь пойдет о создании стимульного материала для диагностики ауто- и гетероагрессивных наклонностей в поведении молодежи методами айтрекинга. Процесс создания стимульного материала строится на принципах понимания идиолекта в парадигме судебного автороведения и теории языковой личности. Результатами работы становится блок стимулов в совокупности с филлерным материалом, которые помещаются в приложение, реализующее алгоритм отслеживания взгляда реципиента. На основе данных о задержке взгляда на определенных элементах материала или, наоборот, нарочитом избегании некоторых компонентов делается вывод о принадлежности респондента к той или иной психологической группе. В исследовании также сделана попытка автоматизации процесса отнесения информанта к группе с ауто- или гетероагрессивной акцентуацией.

Ключевые слова: аутоагрессия, гетероагрессия, языковая личность, айтрекинг, судебное автороведение.

1. ПОСТАНОВКА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

В современном мире суицидальные настроения и гетероагрессивное поведение становятся все более распространенными проблемами. По данным Всемирной Организации Здравоохранения (ВОЗ), более 700 000 людей во всем мире заканчивают жизнь самоубийством. Кроме того, на каждое совершенное самоубийство приходится значительно больше попыток. Согласно ВОЗ, суицид занимает четвертое место среди ведущих причин смерти в возрастной группе 15-29 лет. Проблема детской и подростковой гетероагрессии стала насущной после совершения нападения в апреле 1999 года на среднюю школу «Колумбайн». Это событие создало кумиров для многих молодых людей, желающих бросить вызов обществу, повторив совершенное Эриком Харрисом и Диланом Клибблдом. Восхищающиеся «школьными стрелками», разделяющие идеи насилия, молодые люди продолжают брать в руки оружие и без видимых мотивов нападать на сверстников.

Ауто- и гетероагрессивные наклонности, бесспорно, нужно выявлять на ранних этапах, чтобы была возможность предотвратить нежелательные действия. Для проведения превентивной работы с конкретными лицами существует необходимость диагностирования склонности к депрессии и гетероагрессии на разных стадиях проявления данных акцентуаций, в том числе на ранних. Такая диагностика в том числе возможна при помощи методов психолингвистики. В фокусе этой науки – индивид в коммуникации. Она исследует процессы планирования речи, механизмы, соединяющие знание и использование языка, в частности, процессы (алгоритмы) восприятия и продуцирования речи, когнитивные процессы, взаимодействующие с языковым знанием при продуцировании и понимании языка [10].

В настоящей работе проведено исследование, направленное на диагностику склонности лица к ауто- и гетероагрессивному поведению с помощью технологии айтрекинга.

Айтрекинг, или окулография, – комплекс методов, при котором в автоматическом режиме измеряется положение и движение глаз испытуемого. В рамках лингвистики айтрекинг обычно применяют при чтении текста (в том числе содержащем изображения и эмодзи) или при прослушивании видео- или аудиосигнала. Набор движений, детектируемый айтрекером, разделяется на три основные группы: однонаправленное движение глаз (саккады), остановки (фиксации), а также движения назад по тексту при чтении (регрессии). Тестирование с современными айтрекерами проходит незаметно для человека, не причиняя неудобств и не отвлекая от выполнения задачи. Направление взгляда определяется бесконтактно по движению зрачка с помощью откалиброванной камеры. Применение айтрекинга при тестировании имеет ряд особенностей, описанных, например, в следующих трудах: [28, 31, 35, 36].

2. ИССЛЕДОВАНИЕ

2.1. Исследование процесса речепорождения

Дизайн эксперимента, результаты которого описаны в данной работе, выглядит следующим образом: обследуемому лицу предлагается воспринять ряд стимулов (вербальных и визуальных – изображений), выведенных на экран компьютера; в этот момент айтрекер считывает информацию о времени задержки взгляда на том или ином объекте стимульного материала (слове, изображении, их сочетании). Полученные данные анализируются экспертной комиссией вручную и автоматически и на базе разработанной инструкции интерпретируются с целью выявления наличия/отсутствия ауто- или гетероагрессивных акцентуаций.

Для создания стимульного материала, включенного как диагностический в базу айтрекера, было проведено лингвистическое исследование имеющихся в открытом доступе текстовых корпусов и датасетов: Presuicidal signals dataset Twitter [URL: https://github.com/laxmimerit/twitter-suicidal-intention-dataset/blob/master/twitter-suicidal_data.csv], Rusentiment [URL: <https://github.com/strawberryPie/rusentiment>], а также базы данных, собранной на основе предоставленных Приволжским исследовательским медицинским университетом текстов. В эту базу данных входят оцифрованные и электронные, сведенные в единый массив, тексты следующих категорий:

- а) порожденные языковыми личностями с ауто- и гетероагрессивной акцентуацией (письменные тексты, аудио- и видеоконтент, графический материал: картинки, символы и пр.);
- б) на которые языковые личности с ауто- и гетероагрессивной акцентуацией коммуникативно отреагировали:
 - репосты текстов (письменных текстов, аудио- и видеоконтента, графического материала: картинок, символов и пр.) в социальных сетях;
 - тексты (письменные тексты, аудио- и видеоконтент, графический материал: картинки, символы и пр.), на которые коммуниканты отреагировали посредством текстового комментария, эмодикона (иной идеографии), реакции («лайка», «дислайка» и пр.);
 - тексты (письменные тексты, аудио- и видеоконтент, графический материал: картинки, символы и пр.) вне социальных сетей, на которые у коммуникантов зафиксирована та или иная реакция (например, в ходе беседы с психологом).

Анализ продуцированных (порожденных) людьми с суицидальной и гетероагрессивной акцентуацией текстов необходим для того, чтобы понять, какие частотные элементы – словесные, изобразительные, иконические, синтаксические – клаузы, паттерны, текстовые структуры, и пр. – встречаются в коммуникации данных социальных групп и вызывают эмоциональный отклик (частое их использование, частая реакция на них). На основе исследования этих стабильных черт создается стимульный материал, содержащий означенные элементы, выступающие в роли стиму-

340 лов и имитирующие речь контрольных групп. Этот стимульный материал применяется при анализе речевосприятия респондентов айтрекером.

2.1.1. Исследование речи лиц с аутоагрессивной акцентуацией

В стимульный материал также вошли некоторые элементы дискурса ауто- и гетероагрессии, выделенные в исследованиях, проведенных ранее лингвистами разных стран.

Так, на собственно лингвистическом уровне для русскоязычных текстов в целом характерно использование следующих вербальных маркеров агрессии [25]:

- на лексическом уровне:
 - оценочные междометия и частицы;
 - фамильярные обращения;
 - разговорные выражения, просторечная лексика и лексика сниженного стиля;
 - обидные номинации;
 - преувеличения;
- на синтаксическом уровне:
 - неполные предложения;
 - нераспространенные предложения с глаголом в повелительном наклонении;
- на графическом уровне (отражение фонетического уровня в письменной речи):
 - восклицательные знаки;
 - многоточия в конце предложения;
 - использование заглавных букв.

Среди немногочисленных исследований, которые посвящены вербальной составляющей аутоагрессии можно выделить исследование А. В. Бабука, которое дает нам представление о некоторых закономерностях текстов предсмертных записок. Таким образом, можно отметить, что в речи людей с суицидальной акцентуацией [3, с. 321]:

- чаще всего встречаются следующие части речи:
 - нефактивные глаголы (*думать, предполагать, понимать*) используются чаще, чем фактивные (*знать, быть уверенным*), которые являются средством выражения мнения;
 - имена собственные, которые часто служат средством называния конкретных лиц, оказывающих влияние на принятие решения человека о суицидальном намерении;
 - наречия времени и аддиктивные наречия;
 - прилагательные, служащие средством описания, выражения личных эмоций и вербализации душевных переживаний, качеств, возраста суицидента и т. д.;
 - личные местоимения первого лица единственного числа, служащие средством выражения индивидуальности человека и подчеркивающие его ответственность за принятое решение о самоубийстве;

- используется специфическая пунктуация:
 - двойной дефис («--»), выполняющий функцию запятой, пробела и т. д.;
 - многоточие («...»), свидетельствующее о незаконченности мысли человека, что может указывать на то, что самоубийца намеревается остаться в живых, чтобы логически завершить свою мысль и вживую донести ее до адресата;
 - множество восклицательных знаков («!!!»), которые указывают на усиление экспрессии конкретного высказывания;
 - одиночно стоящий восклицательный знак («!»), выражающий частую смену настроения адресанта;
- наиболее частотными лексемами являются глаголы *убить*, *умереть* и существительное *смерть*, с помощью которых авторы выражают желание совершить суицид в перспективе [27, с. 11].

Еще одним исследователем, у которого можно найти ряд работ, посвященных изучению вербального выражения аутоагрессии, является Т. А. Литвинова. В ходе исследований ею были выделены следующие особенности речи русскоязычных лиц со склонностью к аутоагрессивному поведению [16, с. 102]:

- меньшее лексическое разнообразие;
- меньшее число предлогов;
- большее число местоимений в целом и личных в частности;
- большая средняя длина предложения.

В рамках настоящего исследования также был проведен анализ текстов, порожденных лицами, входящими в группу нормы (квазинормы). Были проанализированы датасеты, собранные из открытых источников, URL: https://vk.com/blog_27325, URL: <https://mel.fm/>, URL: https://www.tumblr.com/explore/trending?source=homepage_explore, и репрезентирующие речь молодежной русскоязычной социальной группы. Речь группы нормы исследуется для того, чтобы сравнить ее с речью контрольной группы и выявить принципиальные различия в частотных элементах (словесных, образительных, иконических, синтаксических) той и другой. Данный материал нужен не только для того, чтобы более четко представлять, какие речевые элементы действительно вызывают реакцию у перцептора с ауто- или гетероагрессивной акцентуацией, но и для того, чтобы создать так называемый филлерный материал, тексты и изображения-филлеры, имеющие нейтральный статус, вызывающие одинаковые реакции как у контрольной группы, так и у группы нормы (квазинормы).

Наличие такого материала в итоговом тестировании необходимо в связи с особенностями любого лингвистического, социолингвистического, психолингвистического экспериментального исследования. Наилучший результат дает неосознанный эксперимент, такой, в котором тестируемый не понимает сути исследования, а значит, не контролирует свои реакции на компоненты диагностики. Для того чтобы добиться неосознанности

342| при проведении эксперимента, истинный диагностический материал следует разбавлять филлерным, не несущем в себе смысловой нагрузки для эксперимента. Более того, филлерный материал необходим для того, чтобы рассчитать время реакции контрольной группы и группы нормы (квазинормы) на разные стимулы диагностики: нейтральные и маркированные.

Все собранные тексты были подвержены автоматической обработке, используемой в методологии корпусной лингвистики, а именно: токенизации, лемматизации, частеречному тегированию.

Объем корпуса для аутоагрессии составил около 100 миллионов токенов; объем данных для гетероагрессии составил 5,8 миллионов токенов (релевантный для исследования речевой материал, продуцируемый лицами с гетероагрессивной акцентуацией, намного сложнее найти).

После сбора данные были проанализированы методами компьютерной лингвистики: из текстов была извлечена следующая корпусная статистика – n-граммы (биграммы, триграммы, тетраграммы), ключевые слова с помощью разных метрик (Log-Likelihood, Dice, TF-IDF и пр.), коллокации к извлеченным ключевым словам (также по разным метрикам Log-Likelihood, Dice и пр.). Все это – элементы идиолекта социальной группы или/и конкретного лица, который является частью более сложного и многомерного конструкта – индивидуального стиля [17].

Использовании именно указанной выше аналитики для исследования индивидуального стиля мотивировано тем, что в традиционном подходе к криминалистическому автороведению, текстовой атрибуции, в том числе для решения диагностических задач (отнесения лица к той или иной социальной группе – возрастной, профессиональной, психологической) именно этот набор параметров чаще всего используется [23, с. 105]. Все эти параметры описывают строение нулевого уровня языковой личности (вербально-семантического) [12] и считаются наименее контролируемыми в речи. Более того, вся указанная статистика позволяет говорить о некоторых когнитивных особенностях обследуемого лица или группы лиц: n-граммы маркируют синтаксические построения в речи, наиболее типичные клаузы, являющиеся значимыми элементом речемыслительной деятельности конкретного лица или группы лиц; ключевые слова показывают структуру авторского тезауруса, элементами которого являются аксиологемы, идеологемы, культуремы, необходимые для определения того, что важно для того или иного человека или группы лиц, коллокации к ключевым словам позволяют выстроить семантическую, смысловую матрицу речи лица или группы лиц [22, 30].

Важно, что похожие методы анализа инварианта языка социальной группы суицидентов уже использовался учеными, ранее проводившими исследования по выявлению маркеров представителей этой группы в их письменной электронной коммуникации: [4-6, 9, 11, 13, 15, 18, 20, 26, 29, 32, 33, 37, 34] и др.

После анализа собранного для настоящего исследования датасета удалось определить, что с точки зрения морфемного уровня можно рассмотреть некоторые словообразовательные модели, которые преобладают в письменной речи людей с аутоагрессивной акцентуацией, а именно использование приставки *анти-* в значении «против» (*антинацизм, антитерроризм*); приставок *бес-/без-* в значении «отсутствие чего-либо» в случае, когда слова без этих приставок имеет положительную коннотацию (беспользней, безвкусней); отрицательной приставки *не-* в случае, когда слова без этой приставки имеют положительную коннотацию (*недалекий, нелегкий*); приставки *недо-* в значении «неполнота» (*недофанатка, недошутник*); суффиксов *-ист/-изм*, которые указывают на принадлежность человека к некоторой идеологии, а также характеризуют его с *отрицательной стороны* (*нацизм, фашист, расист*).

Обращаясь к области морфологии, стоит описать результаты, которые были получены посредством проведения частеречного анализа корпуса (Рис. 1). Для людей с аутоагрессивной акцентуацией характерно использование меньшего числа предлогов, большего числа местоимений при наличии более высокого индекса логической связанности, который достигается за счет использования большего числа союзов и дейктических частиц. Также было отмечено, что по сравнению с группой нормы в речи суицидентов больше глаголов, среди которых значительную часть составляют нефактивные. Еще одной особенностью является большое количество прилагательных, использование которых в два раза выше у группы с аутоагрессивной акцентуацией. Такая тенденция связана с желанием вербализировать душевные переживания и эмоции, испытываемые людьми данной социальной группы.

Рис. 1 Соотношение частей речи в группе нормы и группе с аутоагрессивной акцентуацией

Тут же необходимо подчеркнуть преобладание местоимений я-группы (*я, мне, меня, мной*), что подчеркивает эгоцентричность письменной речи изучаемой социальной группы.

На лексическом уровне для текстов данной социальной группы можно отметить использование абстрактной лексики (*любовь, страх, боль, счастье эгоизм*), с помощью которой человек передает свои чувства, эмоции и рассуждения. Кроме того, стоит обратить внимание на большое количество отрицаний (*выраженных с помощью частиц не и нет*), а также отрицательно окрашенных лексем (*эгоист, отвратительный, ненавижу*) и доминирование негативной оценки автора по отношению к объектам, о которых идет речь в тексте (*Вид у него ужасный на последних фото, как будто зомби*). Из этого складывается тенденция к преобладанию текстов негативной тональности среди людей изучаемой социальной группы.

В ходе исследования был произведен сентимент-анализ текстов собранного корпуса, где для каждого текста эмоциональная окраска определялась (с помощью библиотеки Dostoevsky языка программирования Python) в соответствии со следующими категориями: нейтральная, положительная и отрицательная. А затем подсчитывалась доля текстов каждого из представленных типов тональности в подкорпусах. На диаграмме представлены результаты подсчета (Рис. 2). Можно отметить, что доля текстов, написанных людьми с аутоагрессивной акцентуацией имеющих негативную эмоциональную окраску, в 6 раз превышает долю таких же текстов, но уже написанных людьми группы нормы.

Рис. 2 Соотношение количества текстов различных тональностей

Помимо этого, людям страдающим аутоагрессией свойственна тенденция к использованию в своей речи ограниченного набора лексем, что свидетельствует о низком лексическом разнообразии. Еще одной отличительной

черной является субъективное отношение к действительности (ориентированность на собственный внутренний мир), которое проявляется в использовании предикатов с семантикой отношения (*любить, ненавидеть*), чувств и внутреннего состояния (*бояться, волноваться, грустно, скучно*), а также личных местоимений.

Важна характеристика синтаксического уровня. Так, тексты людей с аутоагрессией отличается распространенность предложений (их большая длина) и больший индекс удобочитаемости, что свидетельствует о построение предложений, более понятных для восприятия. Связь внутри предложения осуществляется преимущественно с помощью союзов, более частотное использование сочинительной связи по сравнению с подчинительной (*Мы можем расстаться, а я не хочу этого и ты не хочешь; Да и я тоже не знаю, то ли мне цвет отрацивать, то ли красный делать*).

Так, аналитика собранного исследовательской командой датасета подтвердила некоторые описанные ранее учеными особенности идиолекта обобщенной языковой личности с аутоагрессивной акцентуацией. Удалось также выявить некоторые новые характеристики речи лиц с суицидальными склонностями. Вся эта совокупность признаков послужила основой для создания стимульного материала, на базе которого затем проводился эксперимент с применением технологий айтрекинга.

2.1.2. Исследование речи лиц с гетероагрессивной акцентуацией

Первостепенную роль в маркировании гетероагрессивного речевого поведения играет лексика, поскольку лексические средства выражают активную эксплицитную вербальную агрессию [14]. Причём в рамках русского языка лексика может быть маркером вербальной агрессии как сама по себе, так и под влиянием метафорического контекста [9, с. 285].

На лексико-семантическом уровне агрессию маркируют следующие средства:

- наличие негативно окрашенных экспрессивных лексем, относящихся к семантическому полю «агрессия»;
- со значением разрушительных действий, отрицательных эмоциональных состояний и негативных оценок (*взорвать, взрывать, дать пощечину, напугать, пожирать*);
- со значением смерти (*его не спасти, покончить с собой, смертельно больной, предсмертная записка, мертвый, похороны*);
- со значением обмана или разоблачения (*этого не скрыть, нечего скрывать, разоблачать*);
- использование неологизмов, оценочность которых может быть связана как с мотивирующей базой (например, собственные имена лиц, слова с негативным денотатом и т. д.), так и со словообразовательными средствами (например, сиркированные суффиксы <-щина>, <-ость>, <-ация>, <-изм>, <-ист>, <-ец>, <-oid>, размерно-оценочные суффиксы, префиксы <a->, <без->, <анти->, <контр->, <де->, <квази->, <псевдо->, <экс->);

- использование агрессивных сравнений и метафор (*У «Спартака» играть вышли 11 жирных котов*);
- использование слов, содержащих только отрицательную характеристику для номинации, контекстуальное употребление которых может быть расценено как агрессивное или оскорбительное (*дрянь, сволочь, мразь, фашист, проститутка*);
- использование ксенофобизмов, служащих для обозначения определенного этноса или являющихся маркерами религиозной принадлежности (*чучмек, хач, хачик, даги, негр, цыгане и т. д.; нехристь, шахид, ваххабит*);
- использование слов в переносных значениях с презрительной, уничижительной, бранной окраской (*черный, чурка, чурбан, черножопый*), часто в этом случае речь идет о зоосемантических метафорах с агрессивным компонентом (*скотина, козел, гад, свинья*);
- использование инвектив (бранных слов), обценной (непристойной) и стилистически сниженной (разговорной, просторечной) лексики, кличек, дисфемизмов, словесных ярлыков при обращении к человеку, в адрес человека (*Ну не такие же вы, в конце концов, идио... пардон, фантазеры*);
- использование жаргонных слов, часто уже ангажирующих агрессивный компонент и нередко имеющих негативную оценку, которая в «непривычном» для жаргонизмов окружении только усиливается в результате диссонанса с литературным контекстом, арготизмов (*А на фига нам нужен такой фонд?*);
- определенных идеологем и стереотипов, которые целенаправленно воздействуют на сознание адресата, в частности базовой идеологемы «*образ врага*»;
- использование эвфемизмов с агрессивной семантикой (*упился в хлам*);
- использование безысклительной и усилительной лексики (*вся, весь, просто, единственный, мгновенно, немедленно, невероятно, сенсационный, нет равных, оружие века, самый*);
- реализация национально-культурного «агрессивного» компонента значения слова (*полицай*);
- использование иноязычных слов, выполняющих или функцию «экспансии» русского языкового пространства (*аутсорсинг, вarrant, денонсация, консумация*), или уничижительную функцию по отношению к адресату (когда адресант специально использует слова иноязычного происхождения, заведомо непонятные адресату, или же автор демонстрирует свое негативное, агрессивное, отношение к описываемому);
- повествование от первого лица и прямое обращение к читателю с призывами и риторическими вопросами, содержащими негативные установки по отношению к предмету повествования;

- использование просторечной лексики для создания эффекта близости с читателем;
- использование гиперболы для придания высказыванию агрессивного тона (*куда ты запихал мой рюкзак?*).

На *грамматическом уровне* маркерами агрессии являются следующие средства [2; 7, с. 16; 24, с. 71]:

- использование глаголов повелительного наклонения;
- использование глаголов аффективного воздействия;
- использование перформативов (*я спрашиваю, долго это будет продолжаться?*);
- наличие суффиксов, привносящих в значение слов уничижительный, оскорбительный или снисходительный коннотативный оттенок;
- употребление грамматической категории одного рода вместо другого (грамматическая метафоризация), в результате «эффект неприятия достигается противоречием между лексическим значением и грамматической формой»;
- транспозиции грамматического рода, сигнализирующая о наличии женских признаков у мужчины (баба, девчонка по отношению к мужчине);
- транспозиция числа и лексико-грамматических разрядов в грамматических окказионализмах при создании общего определенного аксиологического регистра;
- манифестация новой антропоморфной валентной связи, характерной для ненормативного (жаргонного) или разговорного словоупотребления.

На *синтактико-стилистическом уровне* выступают следующие средства [9, с. 285]:

- стилистически маркированные лексические формы, в частности диминутивы (*Ворщику, взломавшего магазин, задержали охранники*);
- использование концептуальной метафоры, метонимии, метафорического эпитета, сравнения, а также иронии и сарказма, выражающих агрессию;
- организация текста по принципу создания контраста;
- использование просторечных фразеологизмов;
- использование неполных, нераспространенных предложений;
- использование синтаксических повторов, отрицания;
- использование инвертированного порядка слов и эллиптических конструкций.

На *прагматическом уровне* речевую агрессию маркируют [9, с. 285]:

- использование стратегии понижения статуса объекта, описываемого в тексте;
- навешивание ярлыков, характеризующихся идеологизированностью, субъективностью и предрешенностью;

- переход на личности;
- умаление значимости (всякие, разные, какой-нибудь там);
- абсолютное доминантное положение адресанта по отношению к адресату;
- недоверие к оппоненту, сомнение в достоверности его слов (могут использоваться кавычки и лексические маркеры, такие как якобы, так называемый, пресловутый);
- дистанцирование с адресатом, создание чуждости (эти, они, и иже с ними, там, заморские, забугорные, заграничные);
- применение игры слов, каламбура, которые в косвенной форме выражают содержание непристойного характера, направленное на персонажа (*Раша тудей, Раша сюдей*);
- перегруженность текста негативной информацией, основная цель которой произвести впечатление на воображение реципиента;
- нарушение логики высказывания посредством сближения неоднородных, неоднородных фактов/явлений; неправомерного противопоставления/генерализации/обобщения/включения одного понятия в другое как якобы видовое в родовое; представления субъективного суждения/мнения или оценки единственно возможными или общеизвестными; категорического утверждения без ограничения или конкретизации (*Если же женщина идет с опущенной головой – у нее есть любовник!*).

К *графическим маркерам* (включая интернет-коммуникацию) относятся [24, с. 59; 25]:

- частотное использование восклицательного и вопросительного знаков;
- использование многоточия в конце (неполного) предложения, разбиение предложения многоточием;
- использование кавычек или авторских ремарок как способа передачи интонации;
- использование бранных слов, которые не публикуются полностью, использование сокращенных фраз;
- графическое выделение сегмента слова/буквы/словосочетания (*полужирный шрифт, курсив, стиль шрифта, капитализация, иноязычная графика*).

После практического исследования собранного для данной работы датасета удалось установить ряд закономерностей. Так, для таких статистических характеристик, как количество слов в тексте, написанных только заглавными буквами, и количество слов из словаря вербализации коммуникативного акта агрессии [21] распределения между контрольной группой и группой с акцентуацией получились очень непропорциональным со значительным перевесом в сторону класса гетероагрессивных текстов. Статистика по количеству слов, написанных только заглавными буквами, отражена на данном графике (Рис. 3):

Рис. 3. Статистика по количеству слов, написанных только заглавными буквами

На графике видна диспропорция в использовании слов, написанных только заглавными буквами, в текстах с акцентуацией и без таковой.

Характеристика, связанная с количеством слов из словаря семантического поля «агрессия», опирается на тематический толковый словарь вербальной структуры коммуникативного акта агрессии, составленный Р. К. Потаповой и Л. Р. Комаловой [21]. Для того чтобы учесть только лексемы, связанные с гетероагрессивной составляющей вербальной агрессии, были использованы определённые разделы из данного словаря, а именно:

1. Агрессия как эмоциональное состояние;
2. Индивидуально-личностные качества агрессивного субъекта;
3. Виды и формы агрессивного поведения;
4. Лексемы-оскорбления и лексемы-провокации;
5. Наступательная агрессия;
6. Субъект агрессии.

Из данных разделов был выбран набор лексем, относящихся к предмету исследования, и составлен отдельный словарь. Итоговое распределение лексем из получившегося словаря между группой нормы и группой гетероагрессии представлено на графике (Рис. 4).

Можно заметить, что диспропорция этой характеристики также подтверждает положение лингвистической классификации и является достаточно значимой особенностью в контексте решения задачи выявления признаков гетероагрессии в текстах.

Рис. 4. Распределение лексики семантического поля «агрессия» среди текстов, написанных лицами группы нормы и лицами с гетероагрессивной акцентуацией

В используемом наборе данных были также проанализированы первые 20 наиболее частотных слов для каждого из классов по метрике TF-IDF, а также список наиболее частотных биграмм и триграмм, используемых в каждом классе.

Визуализация первых 20 ключевых значений TF-IDF* для группы нормы отображены на графике (Рис. 5).

Благодаря графику видно, что в списке наиболее частотных ключевых слов для группы нормы нет ни одной лексемы, которая входит в словарь коммуникативного акта агрессии. Единственная лексема, представленная на графике, которую можно отнести к характеристике из используемой классификации, а именно к стилистически сниженной (разговорной, просторечной) лексике – это лексема «тёлка». Однако она не представлена в словаре вербальной структуры акта агрессии или в работах, связанных с исследованием семантического поля «агрессия», а значит не может являться прямым маркером гетероагрессии.

* Метрика в данном случае дает неочевидные результаты по ключевым словам. Это связано с особенностями использованного датасета. Набор текстовых данных требует дальнейшей доработки. Тем не менее в данном случае важно, что два списка ключевых слов, слова молодежного дискурса группы нормы и слова гетероагрессивного дискурса, не обнаруживают совпадений.

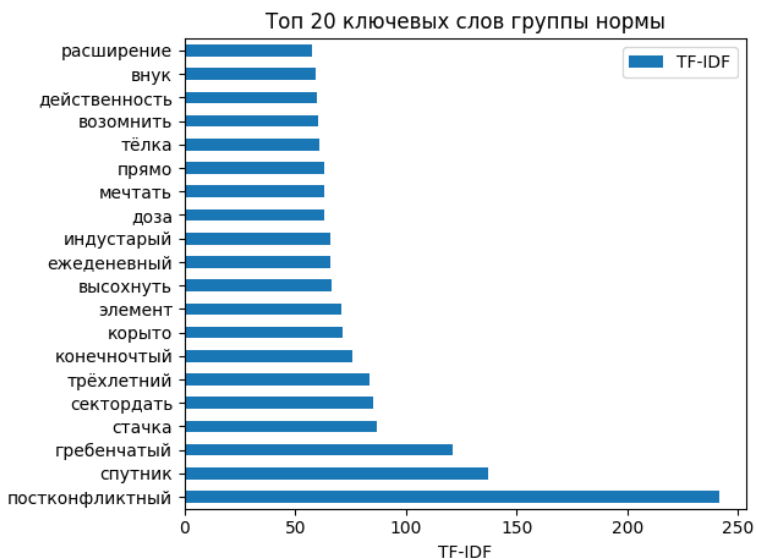

Рис. 5. Визуализация первых 20 ключевых значений TF-IDF для группы нормы

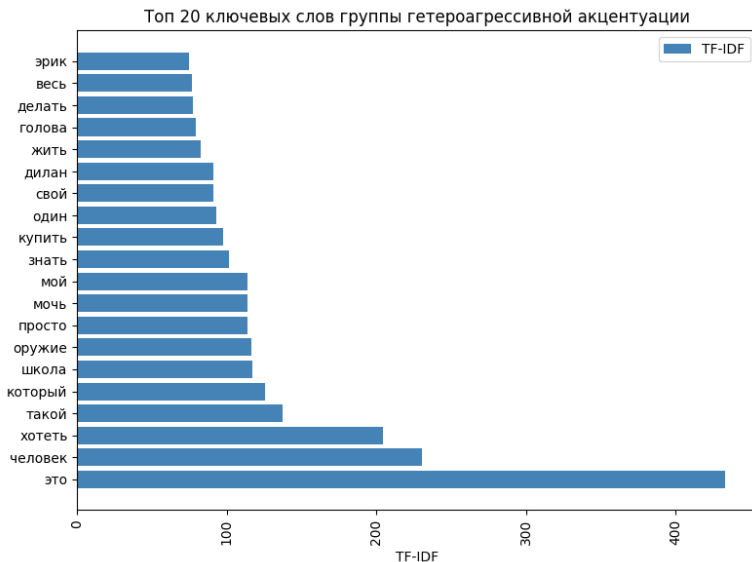

Рис. 6. Визуализация первых 20 ключевых значений TF-IDF для группы с гетероагрессивной акцентуацией

Данные для группы гетероагрессии значительно отличаются, что следует из графика (Рис. 6).

На данном графике представлены несколько лексем, которые можно отнести к компонентам коммуникативного акта агрессии как напрямую, так и опосредованно, опираясь на собственно лингвистические и смежные исследования в данной области:

- 1) «эрик» и «дилан» – имена, связанные с массовым убийством (Эрик Харрис и Дилан Клиболд) в школе Колумбайн. Результаты исследований в области изучения движения «Колумбайн» демонстрируют, что упоминания событий и имён нападавших связано с деструктивной и вербальной агрессией [8];
- 2) «оружие» – упоминание оружия в текстах может свидетельствовать о намерении или готовности использовать его для насилия или угрозы. Упоминание оружия может быть признаком вербальной агрессии, особенно если используется в сочетании с угрозами или желанием причинить вред. Входит в состав словаря вербальной структуры коммуникативного акта агрессии.
- 3) «школа» – упоминание школы в текстах с признаками вербальной агрессии и гетероагрессивной акцентуации может быть связано с планированием или фантазиями о нападении на школу. Упоминание школы вместе с другими лексемами вербальной структуры коммуникативного акта агрессии может указывать на вербальную агрессию, направленную на создание угрозы или страха [19].
- 4) «весь» – пример безысключительной и усилительной лексики. Частое использование данной лексемы является маркером вербальной агрессии в тексте, согласно классификации Л. Р. Комаловой.

Исходя из этих данных, можно сделать вывод, что 5 из 20 наиболее частотных ключевых слов группы с гетероагрессивной акцентуацией являются лексемы, которые напрямую или опосредованно относятся к маркерам вербальной агрессии, то есть 25 % лексем из выделенной выборки – это лексемы из области вербальной структуры коммуникативного акта агрессии, в то время как в аналогичной выборке группы нормы таких лексем не представлено совсем.

Еще одна проанализированная характеристика для реконструирования идиолекта обобщенной языковой личности лица с гетероагрессивной акцентуацией – это наиболее частотные биграммы и триграммы. Результаты для группы нормы соотносятся с аналогичными для характеристики TF-IDF, то есть наиболее частотные биграммы и триграммы не содержат лексем из области вербальной структуры коммуникативного акта агрессии, например, одни из наиболее частотных биграмм и триграмм – это: «год назад», «человек который», «это просто», «каждый день», «весело жить ребята»).

Для группы с гетероагрессивной акцентуацией тоже характерно соотношение с соответствующей TF-IDF, то есть в списке наиболее частотных биграмм и триграмм присутствуют лексемы из области вербальной структуры коммуникативного акта агрессии: «*планировать сдохнуть*», «*травить школа*», «*ненависть это*», «*наш план убить*».

Исходя из представленных данных, можно сказать, что тенденция для каждой из перечисленных характеристик одинаковая: лексика из области вербальной структуры коммуникативного акта агрессии практически не представлена в текстах группы нормы, в то время как для группы с гетероагрессивной акцентуацией она составляет значительную часть из наиболее частотной выборки характеристик.

2.2. Исследование процесса речевосприятия

После автоматического извлечения корпусной статистики из имеющихся датасетов исследователи проинтерпретировали ее методами лингвистического анализа и получили объективные выводы о строении идиолекта исследуемых социальных групп: социальной группы с депрессивной (аутоагрессивной) акцентуацией, социальной группы с гетероагрессивной акцентуацией, группы нормы (квазинормы). На базе этой информации исследовательской командой был создан стимульный и филлерный материал, помещенный в качестве воспринимаемого в приложение, снабженное функцией отслеживания взгляда. После этого был произведен анализ возможностей айтрекера и методики использования этого вида диагностики в психолингвистических исследованиях.

Результатами работы айтрекера стали тепловые карты разной температуры, окулограммы, а также таблицы в формате .csv с данными о времени задержки взгляда на элементах стимульного материала/избегании элементов стимульного материала. Именно информация о задержке взгляда и антификсации на некоторых элементах заключает в себе информацию о том, к какой группе: нормы, квазинормы или контрольной (группе с гетеро- или аутоагрессивной акцентуацией), – относится реципиент. Было важно определить среднее время реакции на конкретный тип материала, поскольку среднее время для текстов и изображений зачастую отличается.

Для интерпретации данных окулографической диагностики были разработаны словари, содержащие веса каждого элемента диагностического материала в баллах. Веса для стимульной лексики были распределены от 3 до 1, где количество баллов – степень показателя контрольной группы по фиксации взгляда респондентов. Так, 3 – это высокая степень: именно эти элементы стимульного материала дают наибольший прирост информации для отнесения респондента к контрольной группе при длительной фиксации на них взгляда (например, такой вес получают для аутоагрессии такие лексемы и их сочетания, как *расстройство пищевого поведения, современные школьники, метафора, понимание, тепло, доброта, тесные объятия, тактильный контакт, одиночество* и пр.; для гетероагрессии – *ненависть, издеваться, биомусор, стать богом, очищение, покупка оружия* и пр.); 2 – средняя степень: эти элементы дают значительный

354 | прирост информации для отнесения респондента к контрольной группе при длительной фиксации на них взгляда (например, такой вес получают для аутоагрессии такие лексемы и их сочетания, как *интеллект, усталость, жизнь, красота, тревога, непонимание* и пр.; для гетероагрессии – *жуть, пустая тишина, разрушить, никчемный, неумелый, социальная изоляция* и пр.); 1 – низкая степень: эти элементы дают незначительный прирост информации для отнесения респондента к контрольной группе при длительной фиксации на них взгляда (например, такой вес получают для аутоагрессии такие лексемы и их сочетания, как *ребенок, подросток, дети, недоверие, замкнутость* и пр.; для гетероагрессии – *система образования, учителя, медицина* и пр.).

Некоторым элементам присваивалась отрицательная бальность: от -3 до -1 – это степень показателя контрольной группы по избеганию определенных стимулов, где -3 – высокая степень избегания, -2 – средняя, -1 – низкая. Так, суициденты, например, стараются избегать слово *смерть*, «пробегают» его глазами, не останавливаются на нем. Эта лексема получает вес -3 при исследовании.

Если элементы предлагаемого респондентам материала являются филлерными, то все они получают нулевой вес.

В этой же системе координат оцениваются визуальные стимулы: изображения (например, Дилюка из «Геншин» и Дазай из «Великий из бродячих псов» – для аутоагрессии; Дилана Клиболда – для гетероагрессии), эмодиконы (для аутоагрессии), наименования музыкальных композиций («Pumped up kicks» от Foster the People – для гетероагрессии) и пр.

3. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

3.1. Экспертная аналитика данных, получаемых с помощью айтрекера

На данный момент в исследовании приняло участие небольшое количество испытуемых (71 человек, в число которых входят респонденты группы нормы, контрольной группы для гетеро- и контрольной группы для аутоагрессии). Все испытуемые прошли многоуровневую диагностику: диагностику айтрекером с созданным исследовательским коллективом стимульным материалом, социологическую диагностику путем тестирования, психиатрическую диагностику – беседу с врачом-психиатром. Последний вид диагностики применялся только в случае, если, по данным предыдущих экспериментов, респондент попадал в контрольную группу или группу квазинормы (пограничную группу, в которой есть признаки контрольной, но они непоследовательны). Социологическая и психиатрическая диагностика является валидизирующей для окулографической.

Из 42 обследованных диагностическим материалом для определения аутоагрессивной акцентуации* (26 человек от 14 до 22 лет – норма; 17 че-

* Обследовано было 46 человек, но 4 из обследованных показали непригодные для аналитики результаты в силу некорректной работы со стимульным материалом (не были заинтересованы в исследовании, практически не читали материал).

людей от 14 до 29 лет – контрольная группа) были верно определены все случаи наличия депрессивной акцентуации, в том числе 4 случая наличия такой акцентуации у людей, которые пришли на диагностику как члены группы нормы. Впоследствии психиатрическое и социологическое исследование подтвердило, что у этих четырех информантов действительно имеются признаки депрессивных состояний. В итоге эти респонденты были отнесены к группе квазинормы.

Диагностическим материалом для определения гетероагрессивных тенденций в поведении информантов было обследовано 29 человек в возрасте от 13 до 19 лет. Из них в контрольную группу вошли 11 человек, в группу квазинормы – 8 человек (в данном случае группа квазинормы, как и в случае с группой с суицидальными наклонностями – это респонденты, которые показывают некоторое количество реакций гетероагрессивной группы, но они либо неустойчивы, непоследовательны, либо их слишком малое количество для отнесения информанта к контрольной группе); к группе нормы – 11 человек. Важно, что, как и в случае с аутоагрессией, не все респонденты, которые предположительно входили в группу нормы, были отнесены к ней по диагностике, то же справедливо и для группы, в которую предположительно входили только гетероагрессивные респонденты.

Важно, что все результаты работы айттрекинг-диагностики были валидизированы результатами социологических тестов и психиатрического обследования пациентов. То есть в ста процентах случаев с помощью экспертной аналитики данных, полученных с помощью технологии отслеживания взгляда, можно установить, имеет ли место ауто- или гетероагрессивная акцентуация у информанта. Тем не менее следует отметить, что исследование имеет серьезное ограничение: аналитику сырых данных айттрекера должен проводить очень опытный эксперт высокой квалификации.

3.2. Автоматическая аналитика данных, получаемых с помощью айттрекера

Авторами исследования была также предпринята попытка автоматического отнесения респондентов к группе с ауто- или гетероагрессивной акцентуацией на базе разработанных «весовых» словарей.

Далее опишем эксперимент по автоматическому определению акцентуации у испытуемого для 20 наборов данных группы гетероагрессии.

Базисом для конструирования метрики, на основе которой происходит отнесение респондента к группе гетероагрессии или группе нормы, стал расчёт среднего времени задержки взгляда на элементе стимульного и филлерного материала для каждого типа данных (тексты, эмодзи, изображения). В результате были вычислены пороговые значения для каждого типа данных на основе среднего времени реакции. Эти пороговые значения использовались для определения аномальных значений времени задержки взгляда (независимо от типа материала). В каждом наборе также

356 | были выделены аномально высокие и аномально низкие значения для каждого типа данных (слова, эмодзи, изображения).

Для того чтобы идентифицировать стимульный материал, был составлен отдельный список, содержащий в себе идентификаторы объектов, которые обозначены создателями диагностического материала как стимульные. Далее список аномальных значений для каждого испытуемого сравнивался со списком стимулов в диагностическом материале и получившееся значение сохранялось для последующей обработки алгоритмом. В результате был составлен график, отображающий разницу в средних значениях задержки времени реакции на стимульном материале в каждой из групп (Рис. 7).

На графике видно, что среднее значение для группы с акцентуацией практически в два раза превышает значение группы нормы, однако этой информации ещё недостаточно для вывода порогового значения. Для того чтобы вывести пороговое значение, было рассчитано стандартное отклонение для каждой из групп по следующей формуле (Формула 1):

$$S = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (x_i - x_{cp})^2}{n}}$$

Формула 1. Стандартное отклонение

Где – это каждое значение в наборе совпавших реакций, – среднее значение в наборе совпавших реакций, а n – общее количество значений в наборе совпавших реакций.

Для группы нормы стандартное отклонение составило 13,2, и данный результат был использован для конструирования порогового значения: к среднему результату для группы нормы однократно прибавляется стандартное отклонение. Итоговое пороговое значение в рамках проведённого эксперимента составило 44,2 – это значит, что количество реакций на стимульный материал, достаточное для отнесения испытуемого к группе гетероагрессивной акцентуации, составляет 44 стимула.

Для того чтобы сравнить результаты работы метрики с результатами экспертной диагностики были проанализированы 20 наборов данных и составлен график, где отображено количество случаев, когда результат работы метрики совпал с экспертной оценкой (Рис. 8).

Таким образом, в 70 % случаев (14 испытуемых) оценка модели совпала с оценкой экспертов, в 20 % случаев (4 испытуемых) оценка модели не совпала с оценкой экспертов и в 10 % случаев (2 испытуемых) оценка модели не совпала с оценкой эксперта, но при этом эксперт отметил, что испытуемый находится в пограничной зоне (зоне квазинормы) и может быть отнесён как к контрольной группе, так и к группе нормы.

Таким образом, уже на данном этапе метрика демонстрирует перспективы для автоматизации процедуры выявления признаков гетероагрессивного

Рис. 7. Распределение средних значений задержки взгляда на стимульном материале в группе нормы и контрольной группе гетероагрессии

поведения с помощью анализа результатов речевосприятия. В дальнейшем планируется как увеличение количества испытуемых в обеих группах, так и математическое усложнение валидации нахождения порогового значения, на основании которого принимается решение об отнесении испытуемого к той или иной группе. Однако уже сейчас можно сказать, что тенденция в автоматизации процесса выявления признаков гетероагрессии на основе материалов речевосприятия положительная.

Рис. 8. Сравнение автоматической классификации и экспертной оценки

Итак, можно говорить о наличии удовлетворительного результата в использовании технологии айтрекинга и методов психолингвистики для диагностики суицидального и гетероагрессивного поведения молодежи. Экспертная психолингвистическая аналитика в подавляющем большинстве случаев сходна с психиатрической диагностикой респондентов врачами. Основной задачей исследования на данном этапе является автоматизация процесса определения наличия/отсутствия акцентуации у информанта, то есть улучшение компьютерного алгоритма, который фактически повторял бы экспертную работу.

Литература

1. Айтрекинг в психологической науке и практике / Отв. ред. В. А. Барабанщиков. М.: Когито-Центр, 2015. 410 с.
2. Апресян В. Ю. ИмPLICITная агрессия в языке / В. Ю. Апресян // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Тр. Междунар. конф. «Диалог 2003». М.: Наука, 2003. С. 32-35.
3. Бабук А. В. Судебная автороведческая экспертиза предсмертных записок / А. В. Бабук // Российский девиантологический журнал. 2022. № 2(3). С. 317-324.
4. Бенефис ненависти. Как «колумбайнеры» и керченский убийца Владислав Росляков стали «героями» российской деструктивной молодежи (18+) / Кавказский геополитический клуб. М.: Издатель А. В. Воробьев, 2019. 160 с.
5. Брябрина Т. В., Гиберт А. И., Штрахова А. В. Опыт контент-анализа суицидальных высказываний в сети интернет лиц с различным уровнем суицидальной активности / Т. В. Брябрина, А. И. Гиберт, А. В. Штрахова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». 2016. Т. 9, № 3. С. 35-49.
6. Гордеев Д. И. Способы вербализации агрессии (на материале русскоговорящих анонимных форумов / Д. И. Гордеев // Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии. Выпуск 1. 2017. С. 175-181.
7. Гречихин М. В. Современный русский медиадискурс: язык интолерантности: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Белгород, 2008. 22 с.
8. Дунаева Н. И, Баранова Ю. М., Филина Т. В. Проблема профилактики деструктивной агрессии на примере движения «колумбайн» / Н. И. Дунаева, Ю. М. Баранова, Т. В. Филина // Психология, 2022. С. 354-357.
9. Ениколопов С. Н., Кузнецова Ю. М., Чудова Н. В. Агрессия в обыденной жизни / С. Н. Ениколопов, Ю. М. Кузнецова, Н. В. Чудова. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 494 с.
10. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. 486 с. URL: <http://uchitel-slovesnosti.ru/slovari/5.pdf> (дата обращения: 20.05.2023).
11. Загоровская О. В., Литвинова О. А., Литвинова Т. А. Выявление склонности личности к суицидальному поведению на основе количественного анализа ее речевой продукции. *Studia Humanitatis*. 2016. № 1. URL: www.st-hum.ru (дата обращения: 20.05.2023).

12. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.

13. Лангман П. Почему дети убивают: что происходит в голове у школьного стрелка / Питер Лангман [перевод с английского С. А. Карпова]. М.: Эксмо, 2022. 304 с.

14. Ларионова А. С. Лексико-семантические и стилистические способы выражения агрессии в художественном тексте (на материале художественных произведений английских и русских писателей XIX–XX веков): Автореф. дисс... канд. филол. наук. М.: Моск. гос. обл. ун-т, 2009. 25 с.

15. Литвинова Т. А. Диагностирование склонности личности к суицидальному поведению на основе анализа ее речевой продукции: методы и подходы / Т. А. Литвинова // Вестник Марийского государственного университета. 2016. № 2 (22). С. 57-61.

16. Литвинова Т. А., Середин П. В., Литвинова О. А., Загоровская О. В., Сердюк М. Е. Диагностирование склонности автора письменного текста к аутоагрессивному поведению / Т. А. Литвинова, П. В. Середин, О. А. Литвинова, О. В. Загоровская, М. Е. Сердюк // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 98-104.

17. Литвинова Т. А. Идиолект как объект корпусной идиолектологии: к становлению нового лингвистического направления / Т. А. Литвинова // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2019. № 721 (25). С. 1-5.

18. Литвинова Т. А., Литвинова О. А. Языковые особенности русскоязычных текстов лиц, совершивших суицид, и лиц с высоким риском аутоагрессивного поведения / Т. А. Литвинова, О. А. Литвинова // Studia Humanitatis. 2017. № 4. URL: www.st-hum.ru (дата обращения: 20.05.2023).

19. Макушкин Е. В., Дозорцева Е. Г., Ошевский Д. С., Бадмаева В. Д., Александрова Н. А., Чибисова И. А., Сыроквашина К. В. Выявление медико-психологических индикаторов неблагополучия у подростков для обеспечения безопасности образовательной среды и превенции ауто- и гетероагрессивного поведения / Е. В. Макушкин, Е. Г. Дозорцева, Д. С. Ошевский, В. Д. Бадмаева, Н. А. Александрова, И. А. Чибисова, К. В. Сыроквашина // Общественное здоровье. Том 2. № 1, 2022. С. 15-26.

20. Печенегова А. Л. Троллинг как форма речевой агрессии в интернет-коммуникации школьников / А. Л. Печенегова // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2021. № 4 (216). С.48-56.

21. Потапова Р. К., Комалова Л. Р. Вербальная структура коммуникативного акта агрессии: тематический толковый словарь / Р. К. Потапова, Л. Р. Комалова // Вербальная структура коммуникативного акта агрессии: тематический толковый словарь. 2015. № 1. С. 1-148.

22. Романова Т. В., Хоменко А. Ю. Функционирование элементов семантического поля социальная значимость в русском и английском языках по данным словарных и корпусных источников / Т. В. Романова,

360 А. Ю. Хоменко // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2020. Т. 17. № 1. С. 49-73.

23. Рубцова И. И., Ермолаева Е. И., Безрукова А. И. и др. Комплексная методика производства автороведческих экспертиз: Методические рекомендации. М.: ЭКЦ МВД России, 2007. 192 с.

24. Черкасова М. Н. Речевые формы агрессии в текстах СМИ: монография. Ростов н/Д: Рост. гос. ун-т путей сообщения, 2011. 123 с.

25. Якимова Н. С. Средства выражения вербальной агрессии в контексте экспериментального изучения лингвокультур: Дисс ... канд. филол. наук. Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 2012. 252 с.

26. Barzman D. H., Ni Y., Griffey M. et al. A Pilot Study on Developing a Standardized and Sensitive School Violence Risk Assessment with Manual Annotation. *Psychiatr Q* 88. 2017. Pp. 447-457.

27. Jaafar Adil E., Jasim Abdul-Salam H. A corpus-based stylistic analysis of online suicide notes retrieved from Reddit / E. Jaafar Adil, H. Jasim Abdul-Salam // *Cogent Arts & Humanities*. 2022. Т. 9. № 1. С. 16.

28. Huettig F., Rommers J., Meyer A. Using the visual world paradigm to study language processing: A review and critical evaluation / F. Huettig, J. Rommers, A. Meyer // *Acta Psychologica* 137. 2011. P. 51-171.

29. Elgersma H. J., Koster E., Van Tuijl L. and others. Attentional bias for negative, positive, and threat words in current and remitted depression. *PLoS ONE* 13(10). Pp. 1-23.

30. Khomenko A., Baranova Y., Romanov A., Zadvornov K. Linguistic Modeling as a Basis for Creating Authorship Attribution Software / A. Khomenko, Y. Baranova, A. Romanov, K. Zadvornov // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии Вып. 20 (27): Дополнительный том. Изд-во РГГУ, 2021. С. 1063-1074.*

31. Laurinavichyute A. K., Sekerina I. A., Alexeeva S., and others. Russian Sentence Corpus: Benchmark measures of eye movements in reading in Russian. *Behavior Research Methods*. Psychonomic Society, Inc. 2018. Pp.1161-1178.

32. Litvinova T.; Seredin P., Litvinova O., Romanchenko O. Identification of Suicidal Tendencies of Individuals Based on the Quantitative Analysis of their Internet Texts *Computación y Sistemas* / T. Litvinova; P. Seredin, O. Litvinova, O. Romanchenko // *Computación y Sistemas*. Vol. 21(2), 2017. P. 243-252.

33. McCabe S., Gotlib I., Martin R. Cognitive Vulnerability for Depression: Deployment of Attention as a Function of History of Depression and Current Mood / S. McCabe, I. Gotlib, R. Martin // *Cognitive Therapy and Research*. Vol. 24, № 4, 2000, pp. 427-444.

34. Ni Y., Barzman D., Bachtel A., Griffey M., Osborn A., Sorter M. Finding Warning Markers: Leveraging Natural Language Processing and Machine Learning Technologies to Detect Risk of School Violence / Y. Ni, D. Barzman, A. Bachtel, M. Griffey, A. Osborn, M. Sorter // *Int J Med Inform*, 2020. Pp. 1-21.

35. Rayner K. Eye Movements in Reading and Information Processing: 20 Years of Research. *Psychological Bulletin* Copyright 1998 by the American Psychological Association, Inc. Vol. 124, No. 3, 1998. P. 372-422.

36. Siegelman N., Schroeder S., Acartürk C., and others. Expanding horizons of cross-linguistic research on reading: The Multilingual Eye-movement Corpus (MECO) / N. Siegelman, S. Schroeder, C. Acartürk, and others // Behavior Research Methods, 2022. Pp. 2843-2863.

37. Schoth D. E., Lioffi Ch. A Systematic Review of Experimental Paradigms for Exploring Biased Interpretation of Ambiguous Information with Emotional and Neutral Associations / D. E. Schoth, Ch. Lioffi // Frontiers in Psychology, 2017. Pp. 1-22.

A. Y. Khomenko

L. N. Kasimova

E. M. Sychugov

A. D. Komratova

N. V. Galkin

A. A. Titova

PSYCHOLINGUISTICS METHODS IN DIAGNOSTICS OF AUTO- AND HETEROAGGRESSION

Abstract. The article will focus on the creation of stimulus material for the diagnosis of auto- and heteroaggressive tendencies in the behavior of young people using eyetracking methods. The process of creating stimulus material is based on the principles of idiolect understanding in the paradigm of forensic authorship attribution and the theory of language personality. The result of the work is a block of stimuli in combination with filler material, which are placed in an application that implements eyetracking algorithm. On the basis of eyetracking data a conclusion about the respondent's belonging to one or another psychological group is made. An attempt to automate the process of assigning an informant to a group with auto- or hetero-aggressive accentuation was also made.

Keywords: autoaggression, heteroaggression, language personality, eyetracking, forensic authorship attribution.

РОЛЬ ПЕРЕВОДА И ПРОИЗНОШЕНИЯ В КАЧЕСТВЕ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ (СМИ)

Аннотация. Воздействие языка на средства массовой информации, такие как телевидение и радио, и его последующее влияние на общество и диалект людей потребовали, чтобы этот язык был риторическим и изменяемым, насколько это возможно; к сожалению, в большинстве программ такой необходимости не наблюдается, особенно в случае перевода. Язык научных, литературных, повествовательных, художественных, а иногда и информационных программ изобилует грубыми ошибками, ошибками и недочетами. В этой области задано слишком много вопросов; какова степень понимания переводчиком понятий, изложенных в иностранных программах? Какова точность персидских эквивалентов фраз и выражений исходного или научного языков? Откуда берутся ошибки и ошибки в переводах? Однако возникает вопрос: несовершенен ли исходный текст, недостаточно квалифицирован переводчик или рассказчики не проникательны? В этой статье мы попытаемся осветить эти темы и представить возможное решение.

Ключевые слова: СМИ, язык, перевод, общество, перевод фильма.

ВВЕДЕНИЕ

Средства массовой информации, которые сегодня социологи называют Mass media, и особенно радио и телевидение, которые, несмотря на наличие интернета и спутников, все же имеют самую большую аудиторию в обществе, обладают очевидным, быстрым, прямым, многочисленным и очень проникающим воздействием. Это воздействие на устои, убеждения, поведение, культуру, традиции, привычки, отношения и распространенную моду мы должны если и не преодолеть, то, по крайней мере, осознать, что оно существует. Может быть, поэтому мы можем сказать, что радио и телевидение – это два односторонних средства связи. Многие радио- и телепрограммы носят временный характер и обычно не выходят в эфир более одного или двух раз, особенно новостные программы. В настоящее время медиатексты (или тексты массовой информации) являются самой распространенной разновидностью текстов. СМИ оказывают влияние на политические процессы, формируют общественное мнение, способствуют развитию определенной системы ценностей. В текстах массовой

информации отражаются наиболее важные, значимые языковые процессы (появление неологизмов, изменения в грамматическом строе и т. д.), в нем «вырабатывается норма литературного языка» [3, с. 24; 4, с. 41].

По этой причине в некоторых программах используются слова, для которых в академическом языкознании нет ни определения, ни замены. Это такие слова и выражения, которые быстро находят место в общественном словоупотреблении, особенно молодежи, и через несколько дней заменяются другими диалектами и выражениями, созданными и оплаченными авторами новой программы. Также иногда произносится фраза, которую диктор программы, или рассказчик, или актер быстро проговаривает, не подозревая о том, что содержание отпечатывается в сознании и – правильно оно или неправильно – слушатель записывает его и повторяет, что в конечном итоге может повредить языку. Воздействующая особенность медиатекстов заключается еще и в том, что, отражая реальную действительности, они ее «трансформируют», целенаправленно формируя картину мира читателя. В этой связи вопрос об адекватности и особенностях перевода текстов массовой информации представляется особенно интересным. Теперь давайте посмотрим, каков статус языка и языка перевода в медиапрограммах, какую роль он играет где сбивается?

ОБСУЖДЕНИЕ

Поскольку в настоящее время медиатексты в общем и целом направлены на формирование или трансформацию мировоззрения адресата в определенном ключе, то нам представляется важным выявление способов и приемов перевода, позволяющих сохранить или нивелировать функцию воздействия в переводном тексте. Таким образом, новизна данной работы заключается в фокусировке внимания на средствах перевода, которые дают возможность реализовать функцию воздействия в переводном тексте без особого ущерба для исходного. Нас интересует специфика письменного перевода, поэтому мы ограничимся изучением особенностей перевода иноязычной прессы в форме письменной речи. Объектом исследования являются переводы иноязычных медийных текстов на родной язык, а предметом – приемы и способы перевода, позволяющие сохранить функцию воздействия в переводном тексте. «Текст – объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность» [6, с. 507]. В результате развития средств массовой коммуникации понятие «текст» расширило свои рамки, получило новые элементы значения. Этот процесс связан в первую очередь с наложением на вербальный (речевой) компонент текста медийного компонента, обеспечивающего трансляцию этого текста с помощью определенного СМИ. В итоге появилось понятие «медиатекст», которое содержит в своей структуре как вербальные, так и медийные характеристики. Как известно, этот термин стал использоваться в конце XX в. в западной англоязычной научной литературе, в работах А. Белла, Т. ван Дейка, М. Монтгомери, Н. Фейерклафа, Р. Фаулера, проводивших свои исследования в области социолингвистики, теории дискурса,

364 | когнитивной лингвистики, контент-анализа. Изучением медийных текстов с точки зрения функциональной стилистики, стилистики текста, дискурс-анализа и риторики также занимались такие ученые, как И. Р. Гальперин, Т. Г. Добросклонская, В. В. Одинцов, Г. Я. Солганик и др.

Согласно свидетельствам, первым человеком на Западе, который теоретически обсуждал вопрос о переводе особым образом, был Этьен Даула, которого в возрасте 37 лет судили и обвинили в отступничестве по обвинению в неправильном переводе одного из рассуждений Платона, что привело к росту количества сомневающихся в существовании души. Он был сожжен вместе со своими произведениями. Он определяет обязанности переводчика следующим образом:

- переводчик должен хорошо понимать содержание текста и цель автора;
- переводчик должен обладать обширными знаниями языка, который будет переводиться, и языка оригинала (исходного и целевого языков);
- переводчику следует избегать дословного перевода, который искажает как исходный смысл, так и красоту выражения;
- переводчик должен использовать общеупотребительные формы речи;
- переводчик должен придать переводу эффект, соответствующий оригинальному тексту, правильно подобрав и расположив слова [7, с. 10-4].

Но не будем забывать, что перевод основан на языке, а язык основан на культуре. Таким образом, изменение одного вызывает изменение другого: «Хотя некоторые языковые изменения могут быть связаны с крупными социальными изменениями, вызванными войнами, вторжениями и другими событиями, но, по-видимому, наиболее всеобъемлющим источником языковых изменений был постоянный процесс культурного переноса. Каждое новое поколение должно найти способ использовать язык старого поколения» [2, с.47]. Алан Белл в книге «Approaches to Media Discourse» подчеркивает особенность медиатекста: «Определение медиатекста выходит за рамки традиционного взгляда на текст как на последовательность слов, напечатанных или написанных на бумаге. Понятие медиатекста гораздо шире: оно включает голосовые качества, музыку и звуковые эффекты, визуальные образы – иначе говоря, медиатексты фактически отражают технологии, используемые для их производства и распространения» [3, с. 54]. Данная характеристика акцентирует внимание на взаимодействии и взаимопроникновении вербальных и медийных качеств медиатекста, что и является его отличительной чертой. В этом бесконечном процессе, посредством которого каждый человек, использующий язык, должен воссоздавать для себя язык общества, существует неизбежная тенденция к точному выбору одних элементов языка и грубому выбору других. Также присутствует неявное желание быть другим. Зная этот тонкий процесс

передачи, мы должны ожидать, что языки не останутся статичными, а претерпят изменения и трансформации [11, с. 260].

Например, в прошлом «правосудие» было общим и понятным для всех словом, как и слово «билет». Но сегодня эти два слова заменены на юстицию и паспорт, а наименование «Министерство обучения» заменено на «Министерство образования». Умберто Эко, современный лингвист и семиотик, цитирует Данте, поэта-итальянца и первого великого мыслителя, заговорившего об изменении языка, который говорит: «Потому что со времени разрушения Вавилонской башни каждый человеческий язык перестраивался по нашим желаниям, и так как люди очень неустойчивые и изменчивые существа, то и язык не может быть устойчивым и постоянным. Скорее, подобно другим человеческим вещам, таким как обычаи и одежда, он неизбежно меняется в зависимости от времени и места» [10, с. 32-33].

Естественно упомянуть звуковые и визуальные (электронные) средства как вспомогательные средства в системе образования, потому что книга до сих пор считается главной и всеобщей основой в образовании. Другие средства коммуникации, даже Интернет и его все более широкое использование во всех образовательных средах, все же имеют косвенный аспект, потому что где-то он не работает, а где-то его не хотят использовать. Поэтому книга до сих пор стоит перед современными средствами коммуникации и, может быть, сохранит свое особое положение и в будущем. Когда мы меняем наши средства коммуникации, мы переходим от печати и письма к электронным волнам. Когда такое средство, как телевидение, пытается заменить книгу в жизни, чтобы она могла занять ее место, концепции и интеллектуальные характеристики неизбежно меняются. Чтение книги отличается от просмотра таких средств массовой информации, как телевизор. При чтении читатель может в любой момент отстраниться от событий, строки и записи отделяются от него и дают ему возможность судить. Теперь, когда это средство массовой информации привлекло зрителя, оно повлияло на него, и, хочет он того или нет, учит его неправильному языку, причём аудитория СМИ принимает этот неправильный язык в качестве образца, и чем моложе аудитория, тем выше риск неправильного обучения. Сегодня в телевизионных новостных программах слова используются во всех целевых языках так же, как они используются в исходном языке, например слово «update», «обновить», заимствованное из английского языка, является в этом языке и глаголом, и существительным. Поэтому в персидском языке его можно использовать без специального глагола «*baraye update kardane etelaat*», «обновлять информацию», но для этого термина в Фархангистане определен персидский эквивалент: «*be gooz kardan*» «обновлять», поэтому нет необходимости использовать незнакомое слово. Направлены ли эти ошибки на переводчика, редактора, диктора или руководителя программы? Кто должен нести ответственность в этом вопросе?

Переводчик должен не только понимать смысл сообщения, но и учитывать нюансы смысла, а также эмоциональную окраску слов

366 | и придаваемые ими стилистические особенности (цвет, запах, ощущение). Иными словами, помимо владения информацией о двух и более языках, которые используются в процессе перевода, переводчик должен иметь полное знакомство с предметом обсуждения. Есть много примеров, доказывающих обратное.

В другом месте мы видим использование иностранных терминов «Agar gharage be toofan beram, bayad bedanam bad az kodam taraf mivazad» – «Если я собираюсь идти в шторм, мне нужно знать, откуда дует ветер», который можно заменить на «havasam bashad bigodar be ab nazanam» – «семь раз примерь (отмерь), один раз отрежь». Таким образом, мы можем принять утверждение Уоллиса: «Переводимость текста обеспечивается наличием универсальных категорий синтаксиса, смысла и естественной логики опыта. Тот факт, что перевод не может быть равен оригиналу по качеству, обычно связан не с недостаточностью синтаксических и лексических ресурсов языка перевода, а скорее с неспособностью переводчика анализировать текст» [2, с. 49].

Однозначные и многозначные слова

Синонимия в термине означает наличие одинакового значения. Например, «eshtebah va ghalat» – «ошибки и неправильно» – или «gosteju va kavosh» – «поиски и исследуйте». Хотя считается, что эти слова имеют одинаковое значение «дважды два», заменить одно другим в предложении сложно. Несмотря на это, можно утверждать, что среди слов нет абсолютно одинаковых и нет двух слов с абсолютно одинаковым значением. Кажется маловероятным, чтобы два слова с одинаковым значением могли продолжать жить вместе в одном языке. Словарь – это инструмент, с помощью которого переводчик может найти значение нужного слова, обратившись к книге. Но часто можно заметить, что неопытный переводчик ограничивается постоянно лишь первым значением. Однако первое значение не является единственным, и может существенно или даже полностью отличаться от третьего и четвертого значений, и это только одно из тех значений, которые используются в целевом тексте. Это многозначно.

По мнению социологов, максимальное время, в течение которого СМИ может привлечь внимание своей аудитории к новостям, составляет одну неделю. Через неделю отношение читателя, слушателя и зрителя СМИ к постоянному отслеживанию новостей имеет тенденцию к снижению, что является причиной постоянного круговорота новостей и усилий по обновлению последних. Таким образом, широкий круг работников СМИ вынужден постоянно торопиться и спешить, что является лучшим оправданием таких недостатков, но возникают вопросы: переведены ли тексты или написаны на языке оригинала, будь то для новостных программ или для других программ, отредактированы? Они зачитываются? Является ли выступление говорящего спонтанным сообщением, читал ли он текст хотя бы один раз, прежде чем появиться перед камерой? Каким должен быть уровень информированности и общих знаний оратора, репортера

и читателя текста? Пользуются ли дикторы суфлёром, есть ли бегущая строка для широкого круга зрителей? Не нужно ли исправлять язык и произношение? И, наконец, не следует ли считать одно и то же произношение для терминов и слов? Например, в программе новостей диктор произносит слово «Ларнаку» (столица Кипра) как «Ларен Ка» и несколько раз повторяет эту ошибку.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время средства массовой информации стали частью жизни людей. То, что может познакомить человека с культурой и образованием, отличается от прошлого. Признаком того, что мы извлекаем пользу из культуры нашего времени, является то, что мы можем сразу оценить и судить о насущных проблемах жизни и информации, которые мы чувствуем вокруг себя, и анализировать их. Самое главное, давайте поговорим о них. СМИ и язык СМИ играют в этом одну из самых основных ролей.

Мы должны учиться правильно, чтобы мы могли правильно передавать смыслы и сообщать о событиях.

Самое мудрое мнение о положительной или отрицательной роли медиакультуры состоит в том, чтобы не недооценивать их опасности и не пытаться признаться себе и другим в том, что эти средства групповой коммуникации требуют контроля, надзора и обучения изнутри. Принятие идеи, что образование и развлечение – это разные вещи, ошибочно и вводит в заблуждение. Когда что-то доставляет удовольствие, это может быть очень эффективным в обучении.

Сегодня средства массовой информации не только используют язык оригинала или язык перевода для информирования, образования, развлечения и т. д.; скорее, с помощью движений лица, образа и тела они превратились в новый язык с исключительной и необычайной выразительной силой. Сейчас, в связи с неизбежным притоком информации, вхождением в язык оригинала новых названий, терминов и словосочетаний, необходимо переводчикам, писателям и дикторам средств массовой информации, таких как радио и телевидение, согласно миссии этих средств массовой информации, правильно учить язык и постоянно совершенствовать навыки редактирования. Правильный язык и правильная речь всегда должны всегда неукоснительно соблюдаться и сохраняться, чтобы не возникало мысли, что раз большинство программ временны, а не постоянны, то и исправлять их не надо; и, может быть, никто не заметит наших ошибок и промахов.

Литература

1. Афшар Мехди, Хормшахи Бахауддин, Дарьябандари Наджаф, Фани Камран, Тагизаде Сафдар. Тридцать лет перевода, тридцать лет опыта. Анвар Данеш, 1377 г.
2. Виссон Л. Слова-хамелеоны и метаморфозы. М.: Р.Валент, 2010. 160 с.
3. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 138 с.

- 368 | 3. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. М.: ФЛИНТА, 2014. 264 с.
4. Казено Жан, Джамшид Арджаманд. Публикации Соруша, 1352 г.
5. Костомаров В. Г. Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики. М.: Гардарики, 2005. 287 с.
6. Сафарзаде Тахере. Принципы и основы перевода. Книжный магазин Хайяма, 1998.
7. Уилс В., Наука о переводе: проблемы и методы, пер. Вольфрам Вильсс, Тюбинген: Макс Нимейер Verlag. 1984.
8. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. 688 с.
9. Эко У. Поиск идеального языка. Лондон: Fontana Press, 1997. 99 с.
10. Юл. Джордж. Взгляд на язык (лингвистическое исследование). перевод Насрин Хейдари, Самт, 1374 г.

Sharifzadeh Kermani Lida

THE ROLE OF TRANSLATION AND PRONUNCIATION AS A MASS MEDIA (MEDIA)

Abstract. The influence of the language on media such as television and radio, and its subsequent impact on society and the dialect of the people, required that this language be as rhetorical and inflected as possible; unfortunately, in most programs, this need is not observed, especially in the case of translation. The language of scientific, literary, narrative, artistic, and sometimes informational programs is replete with blunders, errors, and shortcomings. Too many questions have been asked in this area; what is the degree of understanding by the translator of the concepts set forth in foreign programs? What is the accuracy of the Persian equivalents of phrases and expressions in the original or scientific language? Where do errors and mistakes in translations come from? However, the question arises: is the source text imperfect is the translator insufficiently qualified, or are the narrators not astute? In this article, we will try to cover these topics and present a possible solution.

Keywords: media, language, translation, society, film translation.

КОЛЛИЗИЯ ПРАВОВОЙ И КОММУНИКАТИВНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ В СЕТЕВЫХ РЕКЛАМНЫХ МЕДИАТЕКСТАХ (ИЗ ОПЫТА ЛИНГВОЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ)

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы анализа сетевых рекламных медиатекстов, в которых отражается коллизия правовой и коммуникативной эффективности. Представлен анализ кейса, который позволит расширить практику проведения лингвистической экспертизы рекламного текста.

Ключевые слова: рекламный текст; сетевой медиатекст; лингвистическая экспертиза; провокационная реклама.

Сетевой рекламный медиатекст является важным инструментом воздействия на социум. Стремясь сделать текст эффективным с коммуникативной точки зрения, авторы прибегают к приемам, которые могут породить текстовые деликты. По замечанию М. Осадчего, «задача, решаемая носителем языка, состоит в поиске баланса эффективности – идеальной пропорции рискованности и персуазивности (убедительности) высказывания, позволяющей относительно безопасно достигать коммуникативных целей» [6, с. 124-125].

Коммуникативная эффективность рекламного текста влияет на коммерческую эффективность компании, поэтому рекламисты используют разные приемы, позволяющие сделать рекламное сообщение распознаваемым (идентифицируемым), запоминаемым, притягательным. Это достигается за счет «удачного творческого решения» [7, с. 238], способного вызвать удивление потребителя.

Речевая и коммуникативная практика демонстрирует множество примеров, когда творческое решение рекламного текста приводит к нарушению баланса между коммуникативной и правовой эффективностью. В таких случаях конфликтный креатив рекламного сообщения зачастую не только удивляет, но и шокирует реципиента. С одной стороны, такой рекламный текст может соответствовать критериям коммуникативной

370 | эффективности, с другой, – в нем могут содержаться признаки ненадлежащей рекламы, нарушающей Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе».

Коллизия правовой и коммуникативной эффективности наиболее очевидно проявляется в рекламных текстах, которые можно квалифицировать как неприемлемые. Под неприемлемым рекламным текстом мы понимаем «креолизованный рекламный текст, созданный с нарушением рамок речевой культуры, коммуникативного и социально-этического аспектов языковой нормы» [1]. В современной науке и экспертной практике вопросы эффективности и нормативности, законосообразности рекламного текста привлекают особое внимание ученых и экспертов (Кара-Мурза Е. С., Копнина Г. С., Чубина Е. А. и др.). Рекламная коммуникация оказывает влияние на формирование ценностей и моделей поведения в обществе, выявление нарушений в данной области напрямую связано с обеспечением медиабезопасности детей и молодежи.

В рамках данного исследования представлен анализ кейса, который позволит расширить практику решения сложных вопросов в области лингвистической экспертизы рекламного текста.

В последние годы в поле зрения ФАС и налоговой инспекции не раз попадали рекламные медиатексты компании по производству и доставке блюд японской кухни «Ёбидаёби», которая активно развивает свою деятельность с 2016 г. в разных городах России и в настоящее время считается федеральной сетью. Основатели компании на ресурсе vc.ru делятся историей успеха, отмечая, что выручка, составляющая более 680 млн. рублей в год, напрямую зависит от выбранной рекламной стратегии, которую они реализуют в социальных сетях.

Судебные споры связаны, во-первых, с фирменным наименованием «Ёбидаёби», которое, по утверждению налоговой инспекции и ФАС, «противоречит общественным интересам, принципам гуманности и морали» (пункт 4 статьи 1473 Гражданского кодекса РФ), во-вторых, с сетевыми провокационными рекламными текстами. Волгоградское УФАС России в октябре 2021 года вынесло решение о признании рекламы сети суши и роллов «Ёбидаёби» ненадлежащей.

В 2023 г. по запросу УФАС России по Челябинской области было проведено исследование рекламных текстов компании «Ёбидаёби» на предмет соответствия требованиям Федерального закона «О рекламе».

Объектом лингвоэкспертного анализа стало рекламное сообщение, размещенное в группе «Челябинск новости – INBURG» социальной сети «ВКонтакте».

В рамках исследования осуществлялось изучение спорного текста с целью установления его смыслового содержания; выявление лексико-грамматической формы выражения, присущей спорному тексту; разъяснение специфики приемов языковой игры, использованных при построении спорного текста.

Исследуемый текст относится к числу сетевых медиатекстов, представляющих собой не только «диалектическое единство языковых и медийных признаков, но и совокупность многих уровней словесного текста, видеоряда или графического изображения и звукового сопровождения» [4, с. 265].

Представленный материал относится к информационной продукции, которая имеет суггестивный, воздействующий потенциал. В текст включаются элементы, которые способствуют активному восприятию информации, обладают эффектом эмоционального заражения.

Спорный текст относится к типу креолизованных текстов, в которых используются элементы различных знаковых систем, имеющих как вербальную природу, так и невербальную (изобразительные элементы). При проведении исследования анализу подвергнуты визуальные, графические, текстовые элементы.

Исследование проводилось в соответствии с методиками лингвостилистического, текстологического, лексико-семантического и семантико-синтаксического, риторического, коммуникативно-прагматического и лингвосемиотического анализа русскоязычного текста, рекомендованными к практическому использованию решением Научно-методического совета при Правлении ГЛЭДИС.

Для анализа креолизованных рекламных текстов используется несколько методик: «Структурно-системный подход способствует осуществлению многоаспектного анализа изучаемого явления и позволяет представить конфликтный креолизованный текст как смысловую гомогенную систему, в которой выделяются различные структурные уровни – вербальный, визуальный (графический, «картинка», акустический и пр.). Семиотическое исследование предоставляет возможность увидеть текст как феномен коммуникации, в котором словесные и несловесные знаки формируют гомогенный в смысловом и гетерогенный в формальном плане конструкт, наполненный содержательно-фактуальной, содержательно-подтекстовой и содержательно-концептуальной информацией. Наконец, функционально-прагматический анализ санкционирует исследование функционирования вербальных, визуальных и акустических компонентов в лингвопрагматическом аспекте» [9].

Анализируемый материал представляет рекламное сообщение, структуру которого организуют статичное изображение (изображение девушки в рубашке, расстегнутой в области груди, девушка держит в руках доску, на которой находятся суши и роллы, и прикрывает таким образом оголенную часть тела) и текст, входящий в состав рекламного плаката в качестве слогана (афористичного выражения рекламной идеи): «Мальчик просит суши, / Мужчина просит Си Сяке». Часть «Мужчина просит Си Сяке» графически выделена (используется крупный шрифт и цветообозначение). Рекламный плакат предваряется текстом:

«Мужчина четко знает, чего он хочет. А если знает не очень четко, то идет на сайт «Ёбидоёби» и выбирает.

А затем делает заказ реального мужицкого ужина.

Набор «Си Сяке» весом 1,9 кг. роллов всего за 1349 руб.»

Выделим структурно-содержательные элементы, формирующие два плана рекламного сообщения: референтный план, имеющий прямую денотативную отнесенность и связанный с реальными явлениями действительности (описание предлагаемого продукта (вес, состав), указание на стоимость, представленную в конкретном денежном измерении), и метареферентный, в котором моделируются рекламный образ, хронотоп, аргументация, адресат. Определим особенности метареферентного плана. Рекламный образ, в основе которого лежит стереотипное представление о потребностях и желаниях мужчин, апеллирует к сексуальному подтексту, вызываемому сочетанием вербальных и невербальных составляющих рекламного текста.

В вербальном компоненте рекламного сообщения формируется образ адресата – мужчина, разборчивый в своих предпочтениях, ясно осознающий свои желания («Мужчина четко знает, чего он хочет»), иными словами «настоящий мужчина». За счет использования лексем «четко», «реальный» в сленговом значении выражается положительная оценка образа адресата («настоящий, основательный, стоящий»), создается игровой эффект, который поддерживается в высказывании «А затем делает заказ реального мужицкого ужина». Лексема «мужицкий» в значении «основательный» отсылает к стереотипному образу «настоящего мужчины»:

МУЖИЦКИЙ – 2. Разг. Основательный, прочный, порой грубый, резкий; такой, как у мужика (2 зн.) [3].

МУЖИК – 2. Разг.-сниж. О любом мужчине. Сильный м. М. лет пятидесяти [3].

Словарные пометы разг. и разг.-сниж. указывают на сниженный характер слов, участвующих в формировании утрированного образа мужчины.

В слогане, представленном на рекламном плакате, используется прием синтаксического параллелизма и антитезы («Мальчик просит суши, / Мужчина просит Си Сяке»), за счет которых подчеркивается уникальность рекламируемого продукта: он выделяется среди прочих свойствами, ассоциативно увязываемыми с образом решительного мужчины, уверенного в своих действиях и силах.

В названии рекламного продукта – набора роллов – используется окказионализм («Си Сяке»), который представляет собой языковую стилизацию, основанную на имитации речи на японском языке. При этом важно учитывать круг ассоциативных связей слова в сознании носителя русского языка – среднестатистического потребителя рекламного продукта, не обладающего знанием японского языка. В анализируемом материале применяется прием ассоциативных связей, когда грубые, бранные выражения, слова, речевые обороты заменяются близкими фразами по звучанию.

Очевидно, что в основе наименования «Си Сяке» лежит прием языковой игры, суть которого заключается в провоцировании ассоциаций со

сниженным выражением, обретающим в данном контексте характер инвективы:

СИСЬКА, -и; мн. род. -сек, дат. -ськам; ж. Разг.-сниж. Сосок (женской груди или у самок животных) [3].

Данная ассоциация поддерживается невербальной буквализацией значения: на плакате изображена девушка в рубашке, расстегнутой в области груди, девушка держит в руках доску, на которой находятся суши и роллы, и прикрывает таким образом оголенную часть тела. Невербальный компонент способствует усилению вульгарного значения текста. Изображение отсылает к сексуальному подтексту, выполняет экспрессивную функцию (иллюстрация воздействует на эмоции адресата). Изображение выступает в качестве ключа к пониманию текста, закладывает код для «прочтения» текста и накладывает ограничения на его восприятие. Исследуемый материал относится к текстам, имеющим особую семиотическую природу. Вербальный и невербальный знаки, дополняя друг друга, создают единый образный ряд.

Так, за счет приема языковой игры (в частности фонетической), направленного на порождение речевой неоднозначности рекламного текста, а также визуального сопровождения текста осуществляется «вульгаризация рекламного пространства» [2, с. 381].

Особое внимание привлекает название компании «Ёбидоёби», которое отражает процесс «вульгаризации рекламного текста» [2, с. 381] и соответствует смысловому содержанию анализируемого рекламного плаката.

Название представляет окказионализм («Ёбидоёби»), который представляет собой языковую стилизацию, основанную на имитации речи на японском языке. При этом важно учитывать круг ассоциативных связей слова в сознании носителя русского языка – среднестатистического потребителя рекламного продукта, не обладающего знанием японского языка. В анализируемом материале применяется прием ассоциативных связей, когда грубые, бранные, нецензурные выражения, слова, речевые обороты заменяются близкими фразами по звучанию.

Звуковой, лексический анализ лексемы «Ёбидоёби» указывает на совпадение его звучания с обценным выражением. Окказиональное образование относится к группе инвективной лексики. Инвектива с частью «ёб» относится к «разряду табуированных слов и словосочетаний» [8, с. 76].

Очевидно, что в основе наименования «Ёбидоёби» лежит прием языковой игры, суть которого заключается в провоцировании ассоциаций с нецензурной лексикой. Смысл фразы может быть оценен как неприличный на основании непристойных подтекстовых значений (ассоциаций), однозначно идентифицируемых русским языковым сознанием.

В соответствии с п. 6. ст. 5 ФЗ «О рекламе» «в рекламе не допускается использование бранных слов, непристойных и оскорбительных образов, сравнений и выражений».

«Данное положение Закона о рекламе запрещает использовать в рекламе следующие виды информации: бранные слова; непристойные

374 | образы, сравнения, выражения; оскорбительные образы, сравнения, выражения. К бранным словам относятся нецензурные слова, в том числе те, которые используются в качестве ругательств и оскорбления. К непристойным образам, сравнениям, выражениям могут быть отнесены такие слова и изображения, которые нарушают общепринятые модели и принципы поведения в обществе с точки зрения морали и нравственности. К оскорбительным образам, сравнениям, выражениям – слова и изображения, которые ущемляют человеческое достоинство, принижают значимость отдельных лиц, исторических событий, памятных дат» [5].

Анализируемый текст содержит языковые маркеры оскорбительности, в нем присутствуют инвективные средства, обретает сигналы, свидетельствующие о нарушении морально-этических норм, что указывает на некорректность употребления выражения.

Можно говорить о том, что анализируемое рекламное сообщение демонстрирует вызывающее речевое, коммуникативное поведение, противоречащее принятым в обществе нравственным, морально-этическим нормам, нормам речевой культуры, выступая в контексте в качестве своеобразного раздражителя, являющегося в то же время эффективным способом привлечения внимания к объекту рекламы. В связи с этим анализируемое рекламное сообщение можно расценивать как некорректное и неприемлемое.

В результате исследования был сделан следующий вывод: анализируемый рекламный текст может быть признан неприемлемым из-за использования слов, созвучных с нецензурной, инвективной лексикой, а также из-за формирования сексуального подтекста, вызываемого сочетанием вербальных и невербальных составляющих рекламного текста. Вербальный и невербальный знаки, дополняя друг друга, создают единый образный ряд. За счет приема языковой игры (в частности фонетической), направленного на порождение речевой неоднозначности рекламного текста, а также визуального сопровождения текста осуществляется «вульгаризация рекламного пространства». В основе наименования «Ёбидоёби» лежит прием языковой игры, суть которого заключается в провоцировании ассоциаций с нецензурной лексикой. Лексема с частью «ёб» относится к разряду табуированных слов и словосочетаний. Смысл фразы может быть оценен как неприличный на основании непристойных подтекстовых значений (ассоциаций), однозначно идентифицируемых русским языковым сознанием.

Литература

1. Амири Л. П. Текстовые деликты, или «шоковые» способы воздействия на потребителя в креолизованных рекламных текстах / Л. П. Амири // Медиаскоп. 2013. Вып. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tekstovye-delikty-ili-shokovye-sposoby-vozdeystviya-na-potrebitelya-v-kreolizovannyh-reklamnyh-tek-stah> (дата обращения: 20.05.2023).

2. Амири Л. П. Феномен языковой игры как средство намеренной вульгаризации рекламного пространства в современной языковой ситуации / Л. П. Амири // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2013. № 4(1). С. 377-382.

3. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 1998. 1536 с. URL: <http://www.gramota.ru/slovari> (дата обращения: 20.05.2023).

4. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (Современная английская медиаречь). М., 2008. 263 с.

5. Критерии определения непристойных и оскорбительных образов в рекламе. URL: <https://buriyatia.fas.gov.ru/news/6238> (дата обращения: 20.05.2023).

6. Осадчий М. А. К вопросу об оценке речевой тактики автореабилитации при производстве судебной лингвистической экспертизы / М. А. Осадчий // Теория и практика судебной экспертизы. 2018. № 4. С. 124-129. URL: <https://clck.ru/336TQy> (дата обращения: 20.05.2023).

7. Пирогова Ю. К., Баранов А. Н., Паршин П. Б. Рекламный текст: семиотика и лингвистика. М.: ИД Гребенникова, 2000. 270 с.

8. Понятия чести, достоинства и деловой репутации. Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами». М., 2004. 328 с.

9. Яковлева Е. А. Креолизованный текст как объект юрислингвистики (стратегии и тактики исследования) / Е. А. Яковлева // Юрислингвистика. 2012. URL: <http://konference.siberia-expert.com/publ/5-1-0-144> (дата обращения: 20.05.2023).

N. N. Shlemova

CONFLICT OF LEGAL AND COMMUNICATION EFFICIENCY IN NETWORK ADVERTISING MEDIA TEXTS (FROM THE EXPERIENCE OF LINGUISTIC EXPERT ACTIVITY)

Abstract. The article deals with the analysis of network advertising media texts, which reflect the conflict of legal and communicative effectiveness. The analysis of the case is presented, which will allow expanding the practice of conducting linguistic examination of the advertising text.

Keywords: advertising text; network media text; linguistic expertise; provocative advertising.

ЛИНГВО-ЭТИМОТИКОННАЯ ФОРМА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЗНАНИЯ В СЕМАНТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ МЕДИАТЕКСТА

Аннотация. На фактическом материале анализа семантического пространства медиатекста рассматриваются особенности такого способа воздействия на адресата, как тактика побуждения (согласиться с предложением), которая представлена в виде когнитивного и семантического клише: этикетная формула, собственно побуждение, принятие точки зрения адресатом и эмодзи как прагматической presupпозиции.

Ключевые слова: медиатекст; семантическое пространство; языковое структурирование, эмодзи; репрезентация; знание.

В настоящее время в связи со стремительным внедрением цифровых технологий усиливается потребность выработки лингвистических основ анализа спорных текстов в медиасфере. Средства массовой информации в современном мире, ставшие «посредником между реальностью и массовой аудиторией» [5, с. 73], являют собой мощный инструмент влияния на представление окружающей действительности.

В качестве этого инструмента могут выступать уже не только отдельные слова, но и тексты новых интернет-жанров, когда сообщение включает наряду с языковым компонентом и неязыковой (например, смайлы, видеофайлы, гиперссылки, кештеги, скриншоты страниц иных ресурсов и т. п.), отражающие и дополняющие коммуникативную интенцию от правителя информации. М. В. Горбаневский подчёркивает: «К сожалению, значительная часть экспертов и специалистов (особенно негосударственных учреждений) не владеет должными навыками анализа новых интернет-жанров» [2, с. 86].

Феномен структурирования семантического пространства языка оказывается в центре внимания современной лингвистической теории, когда речь идет о формировании имплицитных смыслов [4, с. 241] и активной лингвистической экспертной практики в отношении вербальных правонарушений, совершаемых в реальной действительности и медиасреде, в частности, в аспекте выявления имплицитных смыслов.

К имплицитным смыслам (термин «имплицитный смысл» в теорию коммуникации был введён В. И. Бухариным [1]). можно отнести и смайлики/смайлы как пресуппозицию, поскольку смайлы, как правило, в определённом смысле служат смыслозавершающим обрамлением высказывания.

Пресуппозиция высказывания со смайликом в виртуальной среде определяет условия, необходимые для речевого акта, когда есть читатель, к которому можно обратиться и который понимает смысл смайлика. В этом случае пресуппозиция связана не с употреблением высказывания, а из вытекающих ее семантического содержания, укрепленных графическим изображением, отражающим так называемый эмотикон, который способствует пробуждению у читателя чувств и эмоций.

Следовательно, смайлик, например, «улыбающееся лицо» может рассматриваться как пресуппозиция «ХОРОШО», идентифицирующая, например, поведение человека.

В дискурс-анализе медиатекстов для лингвистической экспертизы спорного текста концепция пресуппозиций-смайликов высказывания является весьма доказательной базой.

Рассмотрим текст скриншота (рис. 1) на предмет смыслового содержания отдельных лексических единиц и словосочетаний в русскоязычном медиатексте, в конце которого используется эмодзи. В приведенных примерах авторская орфография и пунктуация сохраняются.

На разрешение лингвистического анализа поставлены следующие вопросы:

1. Какова общая речевая стратегия и намерения автора текста?
2. Имеет ли место речевое внушение и речевая манипуляция?
3. Каковы способы воздействия на адресата?

Исследование по ПЕРВОМУ вопросу – «Какова общая речевая стратегия и намерения автора текста?» – показало.

Анализируемый медиатекст по своему жанру является собой частное письмо, послание некоему адресату. Важнейшими структурно-стилистическими признаками анализируемого медиатекста являются:

- языковая формула приветствия адресата: доверительное обращение «привет»;
- признаки монологической речи: наличие местоимения первого лица единственного числа Я, глаголов первого лица единственного числа («понимаю», «предлагаю», «Я буду ... и буду делать ...»; «Я ни секс предлагаю...»; «Я правда не обманываю тебя...»; «не блоеируй МЕНЯ»);
- личные местоимения: «твоим», «тебе», «тебя», «ты» («Как ты насчет моего желания?»);
- наличие разговорных языковых средств, соответствующих частной сфере общения: «ты просто скажи да или нет»; глагол «лизать», наречие «просто»;
- отсутствие конкретного адресата и доверительное обращение к обобщенному читателю.

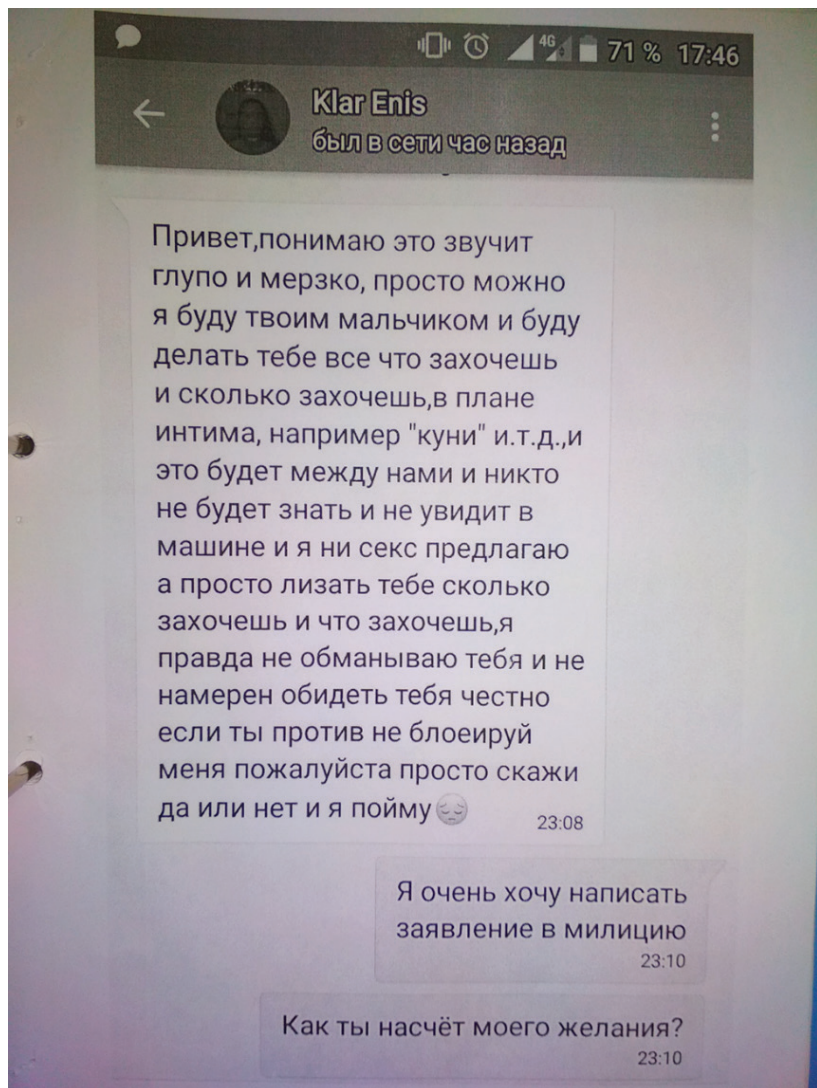

Рис. 1. Анализируемый медиатекст

Высказывание «я буду твоим мальчиком» адресовано 12-летней читательнице заняться оральным сексом (сведения о возрасте указаны согласно данным из Постановления следственного отдела по Октябрьскому району г. Тамбова о назначении лингвистического исследования от 19 июня 2018 года).

При этом словосочетания «я правда не обманываю тебя», «не намерен обидеть тебя честно», «пожалуйста просто скажи», «можно я буду...» накладывают особый доверительный отпечаток на данные высказывания, определяя речевую стратегию и намерения автора медиатекста, который соблюдает правила речевого этикета: наличие вводного слова «пожалуйста», односоставного безличного предложения «можно».

Адресант предлагает адресату принять предложение: «Просто можно я буду твоим мальчиком и буду делать тебе все что захочешь и сколько захочешь, в плане интима...».

В то же время виртуальное наличие адресата и ожидание от него ответа обуславливает появление признаков, присущих диалогу, в виде желания пишущего получить ответ, убедить в правильности сделанного выбора. Ср.:

«Если ты против не блоеируй меня пожалуйста просто скажи да или нет и я пойму».

Таким образом, анализируемый медиатекст в виде частного письма являет собой дистантное монологическое общение. Этот текст начинается зачином («Привет...»), «просто можно я буду твоим мальчиком...»), затем содержит основную информативную часть, в которой сообщаются сведения, послужившие поводом для написания письма (желание автора текста удовлетворить половую похоть). Концовка письма содержит слова пожелания: «если ты против не блоеируй меня пожалуйста просто скажи да или нет и я пойму»). Текст заканчивается смайликом «лицо с умоляющими глазами».

Таким образом, основной темой данного медиатекста является разжигание половой похоти. Намерения автора текста – предложить ИНТИМ («куни»), которое происходит на фоне соблюдения таких максим русского речевого этикета, как проявление уместной вежливости, доброго отношения к читателю. Слово МОЖНО в позиции сказуемого («можно я буду твоим мальчиком») свидетельствует о тактичной речевой стратегии автора текста, которая проявляется в целеустановке, организуемой текст в целом в соответствии с тем, чему в сообщении придается наибольшее значение. Об этом свидетельствуют ключевые слова ИНТИМ, СЕКС, КУНИ.

С помощью этих ключевых слов автор текста воздействует на эмоциональную составляющую адресата информации и реализовывает свои коммуникативные намерения: не только привлекает внимание читателей (девочек) к оральному сексу (сообщает и заинтересовывает), но и убеждает, уговаривает их совершить действие, желаемое автору текста.

При рассмотрении ВТОРОГО вопроса – «Имеет ли место речевое внушение и речевая манипуляция?» – было выявлено.

В данном исследовании мы исходим из того, что одним из важнейших системообразующих факторов анализируемого текста является модальность истинности («я ни секс предлагаю а просто лизать...»), которая сообщается всему предложению, функционирующему как текст-манипулятор.

Базу манипуляции составляют глагол речевого действия «предлагню», имеющий конкретную направленность: субъект манипуляции пытается навязать свою волю субъекту манипуляции («ни секс предлагаю»).

380 | Манипулятивность текста такого рода если и связана с языковой формой, то только в той мере, в какой она, эта форма, позволяет выявить некое имплицитное содержание, некий подтекст, фоновые знания.

В рамках теории речевого воздействия выделяется его такой вид, как убеждение, являющимся главным для данного текста.

Убеждение – это одна из центральных категорий человеческой жизнедеятельности, и многие подростки с легкостью поддаются убеждению. Метод убеждения заключается в передаче сообщений с целью склонить к определенному мнению или поступку человека, воздействуя на его эмоциональную и волевую сферы. Убедить – значит с помощью доводов доказать или опровергнуть какое-либо положение.

В нашем случае процесс убеждения основан на логической аргументации (противопоставление ИНТИМ – СЕКС). Между тем, адресат лишен логического анализа содержательной структуры сообщения, отсутствует адекватное понимание сообщения. Некритическое восприятие сообщения, отсутствие его адекватного понимания, логического анализа его содержательной структуры ведёт к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями. При убеждении отправитель высказываний сообщает адресату то, что он знает, но представляет для него в ином свете.

Чтобы сделать содержание текста убедительным, ясным, исчерпывающим и полным, предвосхитить возможные вопросы читателя, исключить непонимание либо инотолкование, автор текста для убедительной последовательности изложения, свойственной монологической речи, использует языковые конструкции, содержащие отрицательную частицу НЕ и отрицательное местоимением НИКТО. Ср.:

«НИКТО не будет знать и НЕ увидит»,

«я правда НЕ обманываю тебя»,

«НЕ намерен обидеть тебя».

При манипулятивном общении пишущий стремится подчинить себе читателя, не авторитарно, например, как при императивном общении, а скрыто («никто не будет знать и не увидит»).

По мнению М. А. Грачева, манипулятивной является фраза, в которой использованы средства скрытого речевого воздействия на сознание/подсознание адресата речи помимо его воли [3, с. 78].

Понимая под речевой манипуляцией осуществляемое средствами коммуникации скрытое воздействие на человека, которое имеет целью изменение его эмоционально-психологического состояния, можно выделить его основные акценты:

1. Речевая манипуляция – это манипуляция при помощи средств коммуникации (вербальных): убеждение, как правило, строится в виде монолога (прием повествования от 1-го лица единственного числа: ПОНИМАЮ, БУДУ, НЕ ОБМАНЫВАЮ, ПОЙМУ).

2. Речевая манипуляция – это скрытое воздействие на читателя («*правда*», «*не обманываю тебя*», «*не намерен обидеть*»).
3. Речевая манипуляция направлена на изменение эмоционально-психологического состояния коммуникативного партнера. Это воздействие на человека, управление его чувствами, мыслями, поступками, это стремление повлиять на поведение адресата или желание изменить эмоционально-психологическое состояние. И здесь возникают этические вопросы типа: можно ли вторгаться в душу другой личности?

Таким образом, речевая манипуляция анализируемого текста выстраивается не непристойности его содержания. Автор текста, думается, искажает современную установку на то, как следует описывать сексуальные действия подрастающим молодым людям.

Лингвисты считают, что речевое воздействие является неотъемлемой частью функционирования самого языка. В широком смысле речевое воздействие – это любое речевое общение, рассмотренное в аспекте его целенаправленности, целевой обусловленности.

Безусловно, выразиться «нейтрально» невозможно: всякое использование языка предполагает воздействующий эффект, т.е. при каждом акте речевого общения осуществляется своего рода «давление» на восприятие мира другим человеком. Однако это восприятие мира может быть как положительным, так и отрицательным.

Анализируемый текст способен отрицательно воздействовать на эмоциональную составляющую личности читателя.

По ТРЕТЬЕМУ вопросу – «Каковы способы воздействия на адресата?» – в ходе исследования было установлено.

Общая схема речевого воздействия строится на донесении желаемых интересов и побуждений автора.

Выявить механизм убеждения, через который осуществляет воздействие на читательское восприятие (сознательное или неосознанное) позволяет нарушение законов и правил формальной логики (логики построения текста).

По мнению автора медиатекста, речь идет не о СЕКСЕ, а об ИНТИМЕ, когда можно «*просто лизать*» («куни»), и об этом никто не узнает, это останется «*между нами*», «*никто не будет знать*».

Занимая главенствующее место в тесте, оппозиция ИНТИМ – СЕКС по дифференциальному признаку «половые отношения человека» воздействует на инстинкты или подсознание человека, при котором он не подозревает о манипулятивном воздействии, поскольку в его сознании понятия ИНТИМ (интимные отношения) – СЕКС (половые отношения у человека) противопоставляются. Ср.: «*Я не секс предлагаю а просто лизать тебе сколько захочешь и что захочешь*»; «... в плане интима, например «куни» и. т. д...».

В тексте используется такой прием лингвистического воздействия на сознание человека как убеждение, которое проявляется в многократном словесном повторении слов и конструкций.

Например, четырежды употребляется глагол ЗАХОЧЕШЬ («буду делать тебе все что захочешь и сколько захочешь», «просто лизать тебе сколько захочешь и что захочешь»).

Повтор члена предложения дополнения, выраженного местоимением ТЕБЯ, является дополнительным экспрессивным средством, воздействующего на адресата: «делать ТЕБЕ все что захочешь»; «лизать ТЕБЕ», «не обманываю ТЕБЯ», «не намерен обидеть ТЕБЯ».

Традиционно принято считать, что побуждение – это «желание, намерение действовать» [6, с. 454], стремление человека к осуществлению чего-либо, при этом в зависимости от того, исходит ли оно от самого субъекта или является следствием процессов, протекающих извне, различают внутренние и внешние побуждения.

В русском языке имеется множество способов выражения побуждения к совершению действия или принятию состояния. В частности, для высказывания своего мнения автор медиатекста активно использует вводные слова (в тексте не выделены знаками препинания), которые занимают в тексте автономную позицию. В нашем случае вводные слова выполняют оценочно-квалификационную функцию, выражая различные аспекты субъективного отношения, пишущего к сообщаемому, указывающие на способ словесного оформления мысли [7, с. 39]. Так, с помощью вводных слов автор текста акцентирует внимание читателя на определенные моменты с целью вызвать реакцию понимания. Ср.: «не блоериуй меня пожалуйста»; «я правда тебя не обманываю».

Используются уточнения типа «в плане интима», например, «куни», (сокращенное от кунилингус – форма орального секса, воздействие на женские наружные половые органы губами, языком или зубами).

Коммуникативное намерение, интенция автора медиатекста соотносится с общеязыковым понятием замысла (в том числе с литературоведческим понятием замысла автора художественного произведения) и с судебно-правовым понятием умысла. Эта интенция предопределяет выбор коммуникативных стратегий и тактик как способов воздействия на адресата, чтобы вынудить совершать желаемое адресантом действия со стороны адресата: «просто скажи да или нет».

Словесные повторы, вводные слова и уточнения, убеждения адресата в том, что «это будет между нами», «никто не будет знать и не увидит в машине» свидетельствуют о наличии побуждения автора текста склонить читателя (двенадцатилетнего ребёнка) к определенному действию «в плане интима».

В контексте анализируемого текста обращает на себя внимание употребление глагола-сказуемого БУДУ («я буду твоим мальчиком и буду делать тебе...»). Глагол БЫТЬ как самостоятельный глагол имеет значения: 1. Существовать, 2. Находиться, присутствовать».

С помощью этого глагола происходит побуждение автора медиатекста уговорить лицо женского пола заняться оральным сексом.

На тактику уговаривания нацелены высказывания «Я ТЕБЯ НЕ ОБМАНЫВАЮ», «НЕ НАМЕРЕН ОБИДЕТЬ», «ВСЕ, ЧТО ЗАХОЧЕШЬ», «СКОЛЬКО ХОЧЕШЬ», «МЕЖДУ НАМИ», «НИКТО НЕ БУДЕТ ЗНАТЬ».

В русском языке глагол УГОВАРИВАТЬ имеет множество синонимов. Ср.: убеждать, склонять к чему, уверять, заверять, упрашивать, умаливать, уламывать, искушать, соблазнять и др.

Имеет место и такой способ воздействия на адресата, как тактика побуждения (согласиться с предложением), которая может быть представлена в виде когнитивного и семантического клише:

этикетная формула + собственно побуждение (глагол повелительного наклонения СКАЖИ) + принятие точки зрения («да или нет») + выражение персонализации (глагол 1-го лица) + эмодзи.

Суть данной модели сводится к тому, чтобы послать речевой сигнал, который имеет для адресанта эмоциональное значение. Ср.: семантическая модель: «*пожалуйста просто скажи да или нет и я пойму*».

Не принуждая к сложным ответам, которые могут вызвать смущение читателя, адресант использует так называемые гармонизаторы общения (Я – ТЫ), которые являются подтверждением того, что адресант заинтересован в переписке, положительно настроен к адресату, желает поддержать переписку и получить ответ в виде конкретных слов, для убедительности использует и слово вежливости – «пожалуйста».

Таким образом, вовлекая читателя в эмоциональное состояние, адресант медиатекста убеждает, что в плане орального секса можно делать «ВСЕ ЧТО ЗАХОЧЕШЬ И СКОЛЬКО ЗАХОЧЕШЬ»; «СКОЛЬКО ЗАХОЧЕШЬ И ЧТО ЗАХОЧЕШЬ»). Как акт речевого общения анализируемый медиатекст преследует определенные цели, которые в итоге могут повлиять на психическое состояние юного читателя.

Проведенное лингвистическое исследование отдельных лексических единиц и словосочетаний в русскоязычном медиатексте, представленном на «скриншоте» в виде одного полипредикативного предложения, дает основание сделать следующие выводы.

Общая речевая стратегия и намерения автора медиатекста – воздействовать на эмоциональную составляющую адресата, разжигание своей половой похоти (лексемы *интим, секс, куни*).

В медиатексте присутствуют языковые признаки лингвистического манипулятивного воздействия (прием повествования от 1-го лица единственного числа: ПОНИМАЮ, БУДУ, НЕ ОБМАНЫВАЮ, ПОЙМУ), вводные слова (ПРАВДА, ПОЖАЛУЙСТА), слово МОЖНО в значении сказуемого, отрицательная частица НЕ и отрицательное местоимением НИКТО.

Основными способами лингвистического воздействия медиатекста на адресата относятся:

- 1) смешение истинных и ложных утверждений («Я НЕ СЕКС ПРЕДЛАГАЮ, А ПРОСТО ЛИЗАТЬ...»);

- 2) стилистика разговорного стиля (глагол ЛИЗАТЬ);
- 3) четырёхкратное повторение глагола ЗАХОЧЕШЬ, повтор местоимений (ТЫ, ТЕБЯ, ТЕБЕ);
- 4) уточняющие члены предложения («в плане интима», например, «куни»);
- 5) наличие эмодзи «лицо с умоляющими глазами», которое в сексуальном контексте медиатекста создает прагматическую пресуппозицию – условия, необходимые для успешной коммуникации.

Литература

1. Бухарин В. И. Коммуникативный синтаксис в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1986. 91 с.
2. Горбаневский М. В., Трофимова Г. Н. ГЛЭДИС в цифровом пространстве. М., 2021. 175 с.
3. Грачев М. А. Манипуляционные лингвистические приемы // Лингвокриминалистика. Нижний Новгород, 2009. С. 76-85.
4. Гурочкина А. Г. Механизмы интерпретации скрытых смыслов в ситуациях непрямого политического взаимодействия // Когнитивные исследования языка. 2017. С. 241-244.
5. Новицкайте Э. А. Особенности манипуляции сознанием реципиента в медиадискурсе и языковые средства ее реализации // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 10-6. С. 73-76.
6. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М. Русский язык, 1986. 797 с.
7. Русский язык. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1979. 432 с.

A. S. Shcherbak

LINGUO-ETYMOTICON FORM OF REPRESENTATION OF KNOWLEDGE IN THE SEMANTIC SPACE OF MEDIA TEXT

Abstract. On the basis of the factual material of the analysis of the semantic space of the media text, the features of such a method of influencing the addressee as the tactic of inducement (to agree with the proposal), which is presented in the form of a cognitive and semantic cliché, are considered: an etiquette formula, the actual inducement, acceptance of the point of view by the addressee and emoji as a pragmatic presupposition.

Keywords: media text; semantic space; language structuring, emoji; representation; knowledge.

НЕОЛОГИЗАЦИЯ КАК СИСТЕМНЫЙ ПРОЦЕСС РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Цель статьи заключается в рассмотрении неологизмов и неологизации, как системного процесса в русском языке. При анализе использовались структурно-семантический и метод сопоставительного анализа, а также полипарадигмальный подход. С помощью этих методов были выявлены особенности образования неологизмов, а также аспекты и тенденции неологизации.

Ключевые слова: русский язык; грамматика; полипарадигмальный подход; неологизмы; неологизация.

Перед тем как перейти к рассмотрению системности процесса неологизации, нужно определиться, что представляет из себя Неологизация, а также как она развивалась в русском языке. Неологизация – это процесс создания новых слов и выражений, которые вводятся в язык для обозначения новых понятий, явлений, объектов или для выражения новых идей и концепций.

История и эволюция неологизмов в русском языке связаны с развитием самого языка и социокультурных изменений в обществе. Неологизмы – это новые слова и значения, которые появляются в языке. Они могут возникать под воздействием различных факторов, таких как изменения в социокультурной среде, развитие науки и техники, контакт с другими языками, а также творческое использование языка.

В русском языке появление неологизмов можно проследить на протяжении всей его истории. Например, в период формирования русского языка (X-XI вв.) появлялись новые слова и значения, которые отражали социальные и культурные изменения того времени. Некоторые из них были заимствованы из греческого и церковнославянского языков, а другие были образованы на базе существующих слов. Например, слово «благословенный» было заимствовано из церковнославянского языка и использовалось в религиозном контексте для обозначения благодати Божьей. Также в то время начали использоваться такие слова, как «земщина» (от земля – насаждение) и «рыболов» (от рыба и ловить).

Кроме того, в процессе формирования русского языка начали использоваться новые грамматические конструкции и словообразовательные приёмы, что также можно отнести к категории неологизмов. Например, создание новых форм прилагательных путем добавления окончаний (-ой, -ый и т. д.), использование приставок для образования новых слов

386 (например, «предвечный») и т. д. Таким образом, в период формирования русского языка было множество неологизмов, которые отражали новые понятия, объекты и явления, возникающие в тот период.

С развитием государства и народного хозяйства в XVIII–XX веках в язык поступили новые термины, связанные с различными отраслями науки, техники, экономики и т. д. Некоторые из них стали общеупотребительными и используются в русском языке до сих пор. Одним из самых значимых явлений этого периода было введение заимствований из западноевропейских языков, особенно французского. Среди таких неологизмов можно назвать слова «конверт» (от фр. «enveloppe»), «картон» (от фр. «carton»), «шампунь» (от фр. «champignon»), «шантаж» (от фр. «chantage») и т. д.

Кроме того, в этот период появилось множество новых слов, связанных с развитием науки и техники, таких как «электричество», «телеграф», «телефон», «автомобиль» и т. д. Также в XIX веке начали появляться неологизмы, связанные с литературой, искусством и культурой в целом. Некоторые из них стали общеупотребительными, например, «бестселлер», «романтизм», «импрессионизм» и т. д.

С начала XX века неологизмы в русском языке стали возникать чаще, так как развивалась наука и техника, происходили изменения в социальной и культурной сферах. Некоторые неологизмы, такие как «авиация», «радио», «самолет» и др., стали частью общеупотребительной лексики.

Со временем неологизмы в русском языке стали появляться все чаще и чаще, причем некоторые из них были заимствованы из других языков, в том числе английского. Однако, не все новые слова и значения становятся частью общеупотребительной лексики. Многие неологизмы ограничиваются определенными областями знания, профессиональным жаргоном, региональным диалектом или становятся узкоспециализированными терминами.

Сегодня неологизмы продолжают появляться в русском языке, особенно в связи с развитием технологий и интернет-коммуникаций. Многие из них впоследствии становятся частью распространенной лексики, а некоторые остаются ограниченными определенными профессиональными или узкими общественными сферами. Кроме того, некоторые неологизмы становятся особенно популярными благодаря медиа-воздействию или социальным трендам. Например, слово «фейк» получило широкое распространение в русском языке благодаря появлению большого количества недостоверной информации. Однако не все новые слова и выражения оставляют ощутимый след в русском языке.

В одной из научных статей уже упоминалось, что причинами появления новых слов является потребность номинации новых объектов и понятий, а также наполнение старых слов и выражений новыми значениями [2, с. 4]. Однако хотелось бы подробнее рассмотреть причины формирования неологизмов, а также рассмотреть аспекты и системность этого процесса.

Неологизация может происходить по разным причинам, например, из-за появления новых технологий, изменений в общественном сознании, развития науки и техники, влияния культуры и медиа. Создание новых слов может происходить как спонтанно в речи носителей языка, так и планированно при разработке специальных терминов для научных, технических или иных профессиональных областей.

Неологизмы могут быть введены в язык по-разному: через заимствование слов и выражений из других языков, по аналогии с существующими словами, с использованием аббревиатур, созданием новых слов на основе существующих и т. д. Некоторые неологизмы становятся широко употребляемыми и входят в обиходный словарь языка, другие же ограничены определенной профессиональной областью или сленгом.

Если рассматривать популярные и широко употребляемые неологизмы, то можно взять, к примеру, слово «селфи», которое пришло и английского языка. Оно происходит от английского слова «selfie», которое образовано от слова «self» – «сам» и суффикса «-ie», который употребляется для образования существительных в разговорном английском языке.

Популяризация слова «селфи» в России произошла благодаря активному использованию социальных сетей и мобильных устройств, особенно смартфонов, с помощью которых люди могут делать фотографии самостоятельно. Первоначально слово «селфи» употреблялось скорее в разговорной речи и в социальных сетях, но затем оно стало широко использоваться в средствах массовой информации, а также в официальных документах. Слово «селфи» было введено в официальный словарь русского языка в 2015 году.

Если же говорить о неологизмах из профессиональной области, то можно вспомнить «контент-менеджера». Неологизм был образован от английского слова «content» (содержание) и русского слова «менеджер» (управляющий). Этот термин обозначает специалиста, который занимается управлением и контролем контента на веб-сайтах, в блогах, в социальных сетях и других медиа-ресурсах. Он отвечает за создание, редактирование, организацию и публикацию контента, который представляет интерес для целевой аудитории.

Термин «контент-менеджер» появился благодаря быстрому развитию интернета и социальных сетей, когда управление контентом на веб-сайтах и в социальных сетях стало критически важным для успеха бизнеса. Это стало новой профессией, которая требует специальных знаний и навыков, включая умение писать, редактировать тексты, работать с графикой, знание алгоритмов поисковых систем и т. д.

Вышеприведенные примеры подчеркивают тот факт, что неологизация стала системным процессом. Новые слова и термины появляются благодаря развитию общества, науки, технологий, культуры и других сфер жизни. Некоторые из них становятся широко распространенными и входят в общий лексикон языка, другие ограничены определенными профессиональными областями. Таким образом, процесс появления новых

388 | слов и терминов является непрерывным и связан с общим развитием человеческого общества.

Если говорить конкретнее, то системность неологизации русского языка проявляется в конкретных аспектах:

- Каждый новый термин, слово или выражение появляется в определенном контексте и имеет свою историю, которая связана с определенной сферой деятельности, наукой, культурой или технологией.
- Новые слова и термины часто формируются из существующих слов и корней, что связывает их с ранее существующей лексикой и создает систему взаимосвязанных слов.
- Новые слова и термины часто используются в определенной социальной группе или профессиональном сообществе, что связывает их с конкретным контекстом и областью знаний.
- Некоторые новые слова и термины становятся широко распространенными и используются в повседневной жизни, что приводит к их вхождению в общий лексикон языка.

Таким образом, неологизация является системным процессом, который связан с развитием общества и науки, а также с изменениями в технологиях, культуре и других сферах жизни.

Неологизмы в лексике современного русского языка являются неотъемлемой частью его развития. Новые слова и выражения появляются в связи с развитием технологий, науки, культуры, социальных отношений и других сфер жизни общества. Однако, этот процесс не всегда идет гладко и без проблем.

Одной из проблем современных неологизмов является их быстрое устаревание и нестабильность. Некоторые новые слова и выражения могут стать устаревшими уже через несколько лет, в связи с чем их употребление может вызывать затруднения в понимании текста или разговора. Например, несколько лет назад стали активно использоваться слова «селфи-палка» и «вейп», но сегодня эти термины уже не так распространены. Также некоторые модные слова, такие как «криптовалюта», «блокчейн» и «инфлюенсер», могут потерять свою актуальность в будущем.

Также в интернет-среде, где некоторые слова и выражения быстро становятся популярными и затем быстро выходят из употребления, могут появляться неологизмы, которые имеют краткосрочный эффект. Например, в связи с пандемией COVID-19, появились слова «ковидный», «ковид-пасс», «ковид-справка» и т. д., которые могут быстро устареть, когда ситуация с пандемией изменится.

Кроме того, неологизмы, связанные с техническим прогрессом, могут становиться устаревшими быстрее, чем другие. Например, термин «CD-ROM» уже устарел и заменен на новые технологии хранения данных. Таким образом, несмотря на то, что неологизмы могут вносить свежесть и живость в язык, некоторые из них могут оказаться нестабильными и быстро устареть.

Другой проблемой является недостаточная устоявшаяся лексическая норма для новых слов. Иногда неясно, какое именно слово следует

использовать в определенной ситуации, так как существует несколько синонимов, в том числе неологизмов, которые могут иметь различные оттенки значений. Их употребление, также, может вызывать недоумение или неодобрение у некоторых людей. Примерами неологизмов с недостаточно устоявшейся лексической нормой могут служить термины, созданные в результате быстрого развития технологий и новых явлений в обществе. Например, слова «стримить» и производное от него «стример», «трендсеттер», «аутсорсинг», «краудсорсинг», «таски», «воркфлоу» и многие другие.

Такие слова не всегда могут найти свое место в словарях и учебниках, потому что язык развивается гораздо быстрее, чем процесс создания и обновления словарей. Кроме того, некоторые из них могут оказаться временными явлениями и не получить широкого распространения в языке. В целом, неологизмы с недостаточно устоявшейся лексической нормой являются нормальным явлением в языке, их появление свидетельствует о живучести и динамичности языка.

Помимо этого, неологизмы могут вызывать споры и неоднозначные толкования, особенно в случае, если они связаны с социально значимыми темами, такими как политика, религия или культура. Взять, к примеру, слово «Самозванец». Этот термин возник в России в эпоху Смутного времени (XVII век) и использовался для описания людей, которые самопроизвольно объявляли себя царями. В настоящее время «самозванец» используется в более широком смысле, чтобы обозначить любого, кто утверждает о своих правах или качествах, не имея на это оснований. Однако возникают споры, насколько этот термин может быть применим к некоторым современным политическим деятелям.

Если рассматривать актуальные неологизмы, то можно вспомнить появление неологизма «вебинар», которое также вызвало споры и неоднозначные толкования. Некоторые критики считали, что это слово является неправильным заимствованием из английского языка и настаивали на использовании аналогичных терминов на русском языке, таких как «виртуальная конференция» или «онлайн-семинар». Однако с течением времени «вебинар» стал все более распространенным и принятым термином в русском языке, и его использование стало общепринятым.

В то же время, неологизмы также имеют положительные аспекты, такие как возможность точнее и кратко выражать новые понятия и явления, а также обогащение лексического состава языка. Однако важно следить за тем, чтобы новые слова и выражения не нарушали общезыковые нормы и не приводили к разрозненности языка.

Если же говорить о тенденциях неологизации русского языка, то тут можно выделить следующие пункты:

- Технологизация и информатизация языка. С развитием новых технологий и общения через интернет появляются новые слова и термины, которые становятся необходимыми для общения в современном мире.

- Адаптация и заимствование. Некоторые слова и выражения заимствуются из других языков и адаптируются к русской лексике и грамматике.
- Социальные изменения. Социальные изменения, такие как изменение статуса женщин, увеличение миграционных потоков и т. д., могут привести к появлению новых слов и выражений, связанных с этими изменениями.
- Развитие научных и культурных областей. Развитие научных и культурных областей также может привести к появлению новых терминов и выражений.
- Экспрессивность и эмотивность. Некоторые новые слова и выражения появляются из-за необходимости выразить эмоции и оттенки значения, которые не могут быть переданы старыми словами.
- Модные и стилистические тенденции. Некоторые новые слова и выражения появляются из-за модных и стилистических тенденций в языке, таких как употребление английских слов в русском языке.

Подводя итоги, можно сказать, что неологизмы в лексике современного русского языка имеют как положительные, так и отрицательные стороны. Важно учитывать все эти факторы и находить баланс между необходимостью выражать новые понятия и сохранением языковых норм и стабильности. А тенденции неологизации русского языка отражают изменения в обществе и культуре, а также технологические и научные достижения.

Литература

1. Введение в языкознание [Электронный ресурс]. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/4436873/page:12/> (дата обращения: 22.05.2023).
2. Михайлова Ю. В. Неологизация как элемент пополнения словарного состава английского языка XXI века. 1971. № 3, С. 4.
3. Магнушев С. В. Изменение лексического состава языка как результат взаимодействия культур (на материале неологизмов русского и английского языков) / С. В. Магнушев // Евразийское ожерелье: альманах Общественного института народов Оренбуржья имени Мусы Джалиля. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2010. Вып. 10. С. 220-232.
4. Розенталь Д. Э., Голуб И. Б., Теленкова М. А. Современный русский язык: монография. М.: Айрис-Пресс, 2002. 559 с.
5. Язык и речь [Электронный ресурс]. URL: https://uchebnikonline.com/psihologia/zagalna_psihologiya_-_maksimenko_sd/_mo_va_movlennya-1.htm (дата обращения: 22.05.2023).

NEOLOGIZATION AS A SYSTEM PROCESS OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Abstract. The purpose of the article is to consider neologisms and neologization as a systemic process in the Russian language. The analysis used a structural-semantic and comparative analysis method, as well as a polyparadigmatic approach. Using these methods, the features of the formation of neologisms, as well as aspects and trends of neologization were identified.

Keywords: Russian language; grammar; polyparadigmatic approach; neologisms; neologization.

Gulafshan Salam Khan
gulafshanskhan20@gmail.com
PhD candidate, People's Friendship University (RUDN)
Moscow, Russia

A CRITICAL REVIEW OF DIGITAL GAMES FOR LEARNING

Abstract. This article argues that integrated cognitive, motivational, affective, and sociocultural viewpoints are necessary for game design and research to capture what games offer for learning. Game design elements should be viewed as strategies to create a more systematic process.

Keywords: Game design elements; game research; motivation; sociocultural.

INTRODUCTION

Educational institutions must be equipped with the necessary tools and resources to cater to the younger generation's requirements adequately. While teachers are frequently exposed to innovative concepts promising to transform education, it is important to recognize that education is complex and demands careful consideration. Each person or approach can only provide a partial solution to enhance teaching and learning. Thus, teachers must diversify their methods, explore various options, and evaluate their results carefully to reach their objectives.

ORIGIN OF GAME-BASED LEARNING

Game-based learning has existed since the late 20th century when technology advanced. Marc Prensky identified modern K-12 students as «digital natives» who have grown up with technology that has influenced their thinking and processing. On the other hand, educators who were not exposed to technology are known as «digital immigrants». Prensky suggests that computer and digital-based games should be incorporated into teaching methods as effective tools for learning different subjects to cater to the needs of digital natives [3, p. 1].

GAME-BASED LEARNING

Game-based learning involves incorporating gaming principles into real-life situations to captivate users, according to [5, p. 1].

Game-based learning is a comprehensive process that requires deliberate planning and execution. It entails crafting activities that systematically introduce new ideas and lead users toward achieving set objectives [5, p. 1].

Designing learning games requires achieving a balance between covering the subject matter and prioritizing gameplay. This gameplay is an essential principle commonly accepted as a corollary to the definition of game design for learning [6, p. 2].

THE RELATIONSHIP BETWEEN PLAYING AND COGNITIVE DEVELOPMENT

The connection between play and cognitive development is significant for children's growth. Research has shown that participating in play positively impacts physical and mental capabilities. Piaget (1962) emphasized the importance of play in children's cognitive development stages. As children progress through these stages, play becomes increasingly abstract, symbolic, and social [6, p. 2]. In addition, various studies have shown that children who engage in play have better problem-solving skills, creativity, and social skills. Therefore, encouraging and facilitating children's play and exploring their surroundings is paramount. By doing so, they can develop their cognitive abilities and become well-rounded individuals.

COMPONENTS OF DIGITAL GAME-BASED LEARNING

Digital game-based learning includes various activities, from basic tasks to complex problem-solving skills. Patricia Deubel categorizes games as action, adventure, fighting, puzzle, role-playing, sports, and strategy [3, p.1].

There are many important factors that Deubel recommends to teachers that need to consider when using digital games for educational purposes.

- These include the age, characteristics, gender, competitiveness, and previous gaming experience of the students, as well as any special needs they may have to ensure that everyone is included.
- When selecting a game, it is crucial to consider the intended age group. In addition, its ability to promote gender and racial diversity and the number of players ensures everyone can participate.
- The teacher is vital in facilitating game-based learning, actively participating in the process, and providing clear outcomes and immediate feedback.
- To be effective, teachers must ensure that game-based learning programs prioritize maintaining high levels of engagement, establishing clear rules and goals, and promoting interactive roles for both the game and the students.

By considering these factors and working together, we can create an educational experience that is fun, engaging, and inclusive for all [3, p. 2].

MULTITUDE ADVANTAGES OF LEARNING THROUGH GAMES-BASED EDUCATION

Game-based learning is an incredibly effective approach to education that offers numerous benefits. By engaging students in dynamic and exciting gameplay, this method makes learning more enjoyable and effective. Active participation in gaming leads to better knowledge retention, and personalized learning experiences ensure that each student's needs are met. Furthermore, this approach has been extensively tested and verified to be effective in enhancing learners' critical thinking, problem-solving, and decision-making skills, making it an ideal way to promote interactive learning and improve academic performance.

VERSATILITY

The feature that sets a game apart from the others is its adaptivity. It can customize its engagement according to the individual learner's unique situation, considering their cognitive abilities, emotions, level of knowledge, and other factors. The first step in creating an adaptive design is to measure the relevant variable the game needs to adapt for, such as prior knowledge or self-regulation skills. After that, responding appropriately to the learner becomes a breeze [2, p. 6].

MOTIVATION

Games can be incredibly motivating for players. Supporters argue that entertainment games have various elements that keep learners engaged for extended periods, such as stars, points, leaderboards, badges, and trophies. Furthermore, game mechanics and activities learners find enjoyable or interesting can also contribute to this motivation [6, p. 3].

ENSURING PLAYER ENGAGEMENT

Digital games offer a wealth of learning opportunities, providing various engagement channels for learners. These channels include cognitive, affective, behavioral, and socio-cultural engagement, all working together to promote a deep and effective understanding of the material. Whether through physical actions, emotional connections with characters, or social interactions, games offer a comprehensive approach to learning that can inspire and engage learners of all backgrounds and ages. With all four types of engagement working in harmony, digital games can transform how we learn and grow [6, p. 3].

GRACEFUL DEFEAT

Game-based learning allows for graceful defeat, where mistakes are not viewed as negative outcomes but as integral parts of the learning process. This mindset encourages players to take risks and explore, fostering self-regulated learning and the development of effective strategies. Furthermore, by promoting motivation, engagement, and adaptivity, the ability to fail gracefully positively impacts overall learning outcomes [6, p. 4].

A HANDFUL OF SUGGESTIONS WHILE LEARNING THROUGH GAMES-BASED EDUCATION

While there are multiple advantages to consider, it is important to remember that every opportunity presents a challenge for growth and learning. Digital game-based learning offers potential benefits and can be engaging for students. However, it is important for teachers to carefully consider the impact of game features on students' cognitive and physiological abilities.

EVALUATION

Teachers must evaluate the content's suitability for specific age groups and ensure that games align with standards-based accountability and can determine whether games are appropriate for their classroom.

CORRECT USE OF TOOLS

It is of utmost importance to recognize a significant disparity in the accessibility of technology across different educational institutions. Some students may find this challenging they need help utilizing instructional tools fully. It is crucial to consider these limitations when implementing such tools.

Finally, while video games are frequently updated, making it challenging for educational researchers to evaluate their impact, the potential benefits of digital game-based learning are worth exploring.

GAME-BASED LEARNING THEORY

Most people agree that games provide a unique learning experience that differentiates them from other genres. In addition, some believe that game-based learning involves distinct processes that make it a unique model or learning theory different from traditional classroom instruction [4, p. 3].

Games offer a unique educational experience that distinguishes them from other forms of media. Moreover, game-based learning utilizes specific techniques that make it a distinct learning theory from traditional classroom education. Game developers create educational games that facilitate knowledge acquisition by incorporating behaviorist, cognitivist, and constructivist design elements.

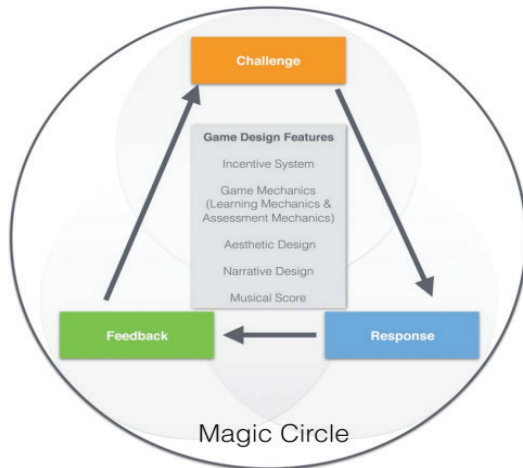

FIGURE 1 Model of game-based learning.

Figure 1. Model of Game-Based Learning adapted from 6

Figure 1 highlights the three primary components of a game: challenge, response, and feedback. The learning theory that guides the game's design is evident in the type of challenge presented, the responses available, and the feedback provided. How a game is designed impacts the learning experience by influencing how these elements are incorporated. The model demonstrates that game design features

396 | are central to the learning experience. The playful nature of these key elements can have unique and positive effects on the learning experience [6, p. 5].

FOUR BASIC ELEMENTS OF GAME DESIGN FOR LEARNING

Defining some of the key components of game design helps us better understand the various learning methods in games. Most experts acknowledge the following essential elements: mechanics, aesthetics, story, and technology.

Figure 2 highlights the crucial role of interdependence among different elements. It emphasizes the need for technology that can support mechanics, aesthetics that enhance them, and a coherent storyline that appeals to players. Technology provides a platform for aesthetics, mechanics, and storytelling [1, p. 6].

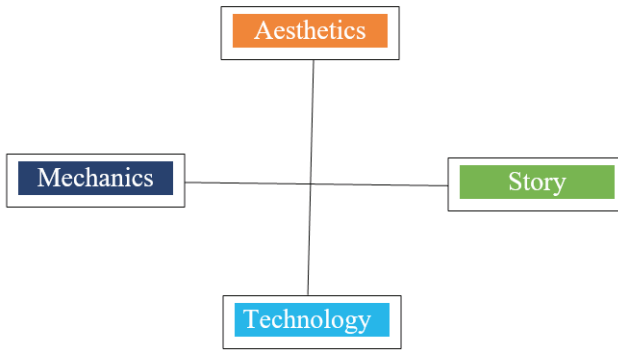

Figure 2. The Elemental Tetrad adapted from [1, p.6].

Basic Elements	Definition
Aesthetics	As the name suggests, this element is related to the game’s overall environment. Aesthetics are considered an exceptionally important aspect of game design because of their direct positive correlation to the players’ experience. To help players, grasp an assured feel of the game and truly immerse in the story, a certain visual technology needs to be adopted to intensify the aesthetic features of the game.
Mechanics	The game’s mechanics refer to the set of rules and procedures which regulate the players’ performances to achieve the game’s goals. What differentiates between more linear entertainment (such as a book, movies, etc.) and games is the element of mechanics and their vital role in complementing other elements of «aesthetics», «story», and «technology».

Story	The game story refers to a series of events and how they unfold throughout the game. This process could be either linear and predefined or emergent and in a bifurcating manner. A close relation exists between the game mechanics and the story, as the former can pave the way for a powerful emergence and unfolding of the events in the latter.
Technology	Represents the tools, resources, and know-how needed to bring the game to life. Technology is related to any form of these elements, from crayons and duct tape used in prototypes. It is the very medium of a game where technology and aesthetic elements are implemented. Highly important for the outcomes of the game.

Table 1. The four basic elements of games and their definition, adapted from [1, p. 6]

THE SOCIO-CULTURAL FOUNDATION OF GAME-BASED LEARNING

Examining game-based learning from a sociocultural perspective highlights the undeniable impact of social factors and motivation on the learning process [6, p. 16]. Engaging in games can provide opportunities for individuals to connect, fostering an environment where they can interact, socialize, and gain knowledge from one another [7, p. 5]. Learning designs that focus on social and cultural aspects help students work together, share knowledge, connect their education to their culture and identity, and use social and cultural influences to learn better. These designs include elements from both short and long games.

DISCUSSION

This article highlights the need to view games as complex genres requiring a multifaceted learning approach. Our review shows that concepts like motivation, which are crucial to games, relate to various areas of learning. Ignoring these areas would lead to an incomplete understanding of games and their learning potential. Some scholars, researchers, and developers only consider the cognitive perspective of games, focusing on their efficiency compared to other media. However, this view overlooks games' motivational and sociocultural aspects that can reengage learners who may not be interested in certain subjects.

We are urging more comprehensive research that builds upon the established learning theories of games and game-based learning. This research should consider the distinct features of gaming. Games have well-defined design processes that encompass both systematic and artistic elements. Therefore, the research goal should be to provide game design patterns, which are general solutions to common issues, rather than to create strict guidelines [6, p. 20].

CONCLUSIONS

This article argued that integrated cognitive, motivational, affective, and sociocultural viewpoints are necessary for game design and game research to capture what games offer for learning. Viewing game-based and playful learning as a series of learner engagements on different levels and treating game design elements as strategies can contribute to a more systematic process of conceptualizing and designing games.

References

1. Ahmad M. Categorizing Game Design Elements into Educational Game Design Fundamentals / M. Ahmad // *Game Design and Intelligent Interaction*. 2019. P. 1-17.
2. Azevedo R., Cromley J. G., Moos D. C., Greene J. A., Winters F. I. Adaptive content and process scaffolding: A key to facilitating students' self-regulated learning with hypermedia / R. Azevedo, J. G. Cromley, D. C. Moos, J. A. Greene, F. I. Winters // *Psychological Test and Assessment Modeling*. 2011. 53(1).
3. Coffey H. Digital game-based learning. Learn NC, 2009.
4. Gee J. P. What video games have to teach us about learning and literacy. *Computers in Entertainment (CIE)*, 2003. 1(1).
5. Pho A., Dinscore A. Game-based learning. Tips and trends. 2015. P. 1-5.
6. Plass J. L., Homer B. D., Kinzer C. K. (2015). Foundations of game-based learning. *Educational psychologist*. 2015. 50(4). P. 258-283.
7. Squire K. (2006). From content to context: Videogames as designed experience. *Educational researcher*. 2006. 35(8), P. 19-29.

Научное издание

Сборник научных работ по итогам Международной научно-практической
конференции «Современный медиатекст и судебная экспертиза:
междисциплинарные связи и экспертная оценка»
(Москва, 12-13 октября 2023 г.)

Коллектив авторов

Компьютерная вёрстка: А. Г. Бужов

Подписано в печать 25.09.2023 г.

Тираж 100 экз.

Формат 60*90/16, бумага офсетная

Гарнитура таймс. Заказ №3751

Отпечатано в типографии «Союзкниг»
603024, Н. Новгород, пер. Бойновский, д. 9
Тел. +7 (831) 436-58-01